

СТИВЕН

БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК
ХУДЕЮЩИЙ

КИНГ

под псевдонимом
РИЧАРД БАХМАН

СТИВЕН
КИНГ
под псевдонимом
РИЧАРД БАХМАН

СТИВЕН
КИНГ
под псевдонимом
РИЧАРД БАХМАН

БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК
ХУДЕЮЩИЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
(Richard Bachman)

THE RUNNING MAN
THINNER

Перевод с английского В.А. Вебера («Бегущий человек»)

Компьютерный дизайн В. Лебедевой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Бегущий человек. Худеющий : [перевод с английского] /
Стивен Кинг под псевдонимом Ричард Бахман. — Москва:
Издательство АСТ, 2017. — 412, [4] с. — (Король на все
времена).

ISBN 978-5-17-080450-4

..Хотите заработать?! Отлично!

Тогда примите участие в игре «Бегущий человек» — в шоу современных гладиаторов, где слабые просто не доживаю до финала...

...Довольный жизнью адвокат из маленького городка сбил машиной старуху из цыганского табора — и не понес наказания за содеянное. Тогда «цыганский барон» покарал его сам — и покарал так, что смерть в сравнении с этим проклятием была бы милостью...

Романы, вошедшие в этот том, объединяет то, что все они — части колossalной литературной мистификации Кинга, приписавшего их творческому наследию якобы «непризнанного при жизни» и «случайно открытого им» гениального писателя Ричарда Бахмана...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Richard Bachman, 1982, 1984
© Перевод. В.А. Вебер, 2001
© Перевод. «Кэдмэн», 1998
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК

...МИНУС 100, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

В белом свете, падающем из окна, она всмотрелась в градусник. За ее спиной, под моросящим дождем, другие дома Ко-Оп-Сити высились словно серые тюремные башни. Ниже, в узком колодце между стенами, качались на ветру веревки с выстиранными обносками. В кучах мусора рылись крысы, не обращая внимания на разожравшихся дворовых котов.

Она взглянула на мужа. Тот сидел за столом, вперившись в экран фри-ви. Теперь он не отрывался от экрана неделями. Что-то в нем изменилось. Раньше-то он не жаловал фри-ви, просто ненавидел. Разумеется, в каждой квартире Развития стоял фри-ви, так требовал закон, но его не запрещалось выключать. Законопроект об обязательных благах 2021 года провалился, недобрав шести голосов до необходимых двух третей. И прежде они никогда не смотрели фри-ви. А вот после того как Кэти заболела, он увлекся викторинами и играми, сулившими победителям крупные выигрыши. Ее это пугало.

Вопли комментатора, выкрикивающего в перерыве последние новости, перемежались хриплыми стонами Кэти.

— Она совсем плоха? — спросил Ричардс.

— Да нет, не очень.

— Не ври!

— У нее сто четыре*.

Его кулаки с силой опустились на стол. Пластмассовая тарелка подскочила и полетела на пол.

* По принятой в Америке шкале Фаренгейта, что соответствует 40 градусам по Цельсию. — Здесь и далее примеч. пер.

— Мы вызовем врача. Не надо так волноваться. Послушай... — затараторила она, чтобы отвлечь его, но он уже повернулся и вновь уставился на экран. Перерыв закончился, игра продолжилась. Не из крупных, разумеется, дешевое дневное шоу под названием «Денежное колесо». В участники брали только хроников, с больными сердцем, печенью, легкими, иной раз калек — для смеха. За каждую минуту, которую игрок продержался на вращающемся в нескольких плоскостях колесе (поддерживая непрерывный диалог с ведущим), он получал десять долларов. Раз в две минуты ведущий задавал Премиальный вопрос, имеющий непосредственное отношение к профессии игрока (в данный момент на колесе крутился историк из Хакенсака с шумом в сердце). Ответ приносил пятьдесят долларов. Если же игрок сидящей кругом головой, задыхающейся, с сердцем, выделяющим в груди немыслимые кульбиты, пропускал вопрос, пятьдесят долларов вычитались из его выигрыша, а скорость вращения возрастала.

— Мы выкрутимся, Бен. Выкрутимся. Точно. Я... я...

— Что ты? — Он мрачно глянул на нее. — Пойдешь на панель? Хватит, Шейла. Ей нужен настоящий врач, а не местная бабка с грязными руками, от которой разит виски. И современное медицинское оборудование. И у нее все будет!

Он пересек комнату, косясь на экран фри-ви, висевшего над раковиной. Сдернул с крюка дешевую куртку из грубой джинсы, раздраженно, резкими движениями натянул на себя.

— Нет! Нет, я... тебе не разрешаю. Ты не пойдешь...

— Почему нет? В худшем случае ты получишь несколько старобаксов как мать-одиночка. Так или иначе, ты сможешь за ней прглядеть.

Она никогда не ходила в красавицах, а за те несколько лет, что муж не работал, совсем усохла, но тут как по мановению волшебной палочки превратилась в красивую... и властную женщину.

— Я скорее навру чиновнику, когда он придет сюда, и пошлю его прочь с кровавыми деньгами в кармане. И никому не заставить меня взять деньги за мужа.

Он повернулся к ней, мрачный, суровый, обладающий особыми качествами, отличающими его от общей массы, невидимыми для окружающих, но хладнокровно просчитанными Сетью. Для настоящего он — динозавр. Не очень большой, но не такой, как все. Выделяющиеся — помеха. Может, даже опасность. Большие облака собираются вокруг маленьких частичек-конденсаторов.

Он указал на спальню.

— Как насчет того, чтобы зарыть ее в безымянной могиле? Тебя это устроит?

Волна печали и безысходности захлестнула ее. Лицо сморшилось, потекли слезы.

— Бен, именно этого они и хотят от таких, как мы, как ты...

— Может, они меня не возьмут. — Он открыл дверь. — Может, такие, как я, им и не подходят.

— Если ты сейчас уйдешь, они тебя убьют. А я буду на это смотреть. Ты хочешь, чтобы я смотрела, пока она будет лежать в соседней комнате? — Слова едва прорывались сквозь всхлипывания.

— Я хочу, чтобы она жила. — Он попытался закрыть дверь, но Шейла успела всунуться в щель.

— Тогда поцелуй меня, прежде чем уйдешь.

Он поцеловал. Открылась соседняя дверь, из нее высунулась миссис Дженнер. Пахнуло копченым мясом и тушеной капустой, давно забытый, дразнящий, сводящий с ума аромат. Миссис Дженнер жилось неплохо. Работала она в местном пункте продажи дешевых наркотиков и практически безошибочно вылавливала поддельные кредитные карточки.

— Ты возьмешь деньги? — спросил Ричардс. — Не выкинешь какой-нибудь фортель?

— Возьму, — прошептала она. — Ты знаешь, что возьму.

Он неловко обнял жену, повернулся и сбежал по крутой, плохо освещенной лестнице.

Шейла стояла в коридоре, содрогаясь от беззвучных рыданий, пока не услышала, как пятым этажами ниже хлопнула входная дверь, только тогда закрыла лицо фартуком. В руке она все еще сжимала градусник, которым мерила ребенку температуру.

Миссис Дженнер тихонько подкралась к ней, цапнула за фартук.

— Дорогая, — прошептала она, — могу достать на черном рынке пенициллин, когда ты получишь деньги... дешево... и качество хорошее...

— Отвали! — гаркнула на нее Шейла.

Миссис Дженнер отпрянула, ее верхняя губа инстинктивно вздернулась, открыв почерневшие огрызки зубов.

— Я только хотела помочь. — И засеменила в свою квартиру.

Из-за тонкой стены доносились стоны Кэти. Ревел фри-ви миссис Дженнер. Игрок «Денежного колеса» пропустил

Премиальный вопрос, и у него тотчас же случился инфаркт. Его унесли на носилках под аплодисменты зрителей.

Миссис Дженнер вписала Шейлу Ричардс в свою записную книжку. Ее верхняя губа ритмично поднималась и опускалась.

— Мы еще посмотрим. Мы еще посмотрим, сладенькая ты моя.

Она резко, со злобой, захлопнула записную книжку и уселась поудобнее, чтобы посмотреть следующую игру.

... МИНУС 099, ОТСЧЕТ ИДЕТ ...

К тому времени когда Ричардс выскочил на улицу, дождь усилился. На рекламном щите «Накуришься доукс — нашутишься вдоволь» большой термометр высветил цифру 51*. (*Самое время раскрыть доукс — взлететь на седьмое небо!*) Значит, в квартире шестьдесят**. А у Кэти грипп.

По растрескавшемуся асфальту мостовой не торопясь, трусцой, пробежала крыса. На другой стороне улицы ржал ветер оставшийся «хамбера» модели 2013 года. От него остались рожки да ножки, унесли даже ступицы, но копы так и не удосужились вывезти его. Впрочем, к югу от Канала копы заглядывали теперь редко. Жилые дома Ко-Опа возвышались среди пустынных автостоянок, заброшенных магазинов, городских центров и заасфальтированных детских площадок. Правили здесь банды мотоциклистов, а сюжеты в «Новостях» о подвигах неустранимой полиции Южного города не имели никакого отношения к действительности. Молчаливые улицы вселяли страх. Выходя из дома, следовало или воспользоваться услугами пневмоавтобуса, или держать наготове баллончик с газом.

Шагал он быстро, не оглядываясь, не думая. В воздухе стоял удушающий запах серы. Четыре мотоцикла пронеслись мимо, кто-то бросил в него кусок асфальта. Ричардс без труда увернулся. Один за другим мимо проехали два пневмоавтобуса, обдав его воздушной струей, но он их не останавливал. Двадцать долларов (старобаксы) недельного пособия по безработице они уже потратили. Не осталось денег даже на проезд. Он полагал, что байкеры с первого взгляда поняли, что взять с него нечего. Поэтому и прокинчили мимо.

Высотные дома, блоки Развития, металлические заборы, автостоянки с ржавеющими останками разобранных на запчасти бро-

* чуть больше 10 градусов по Цельсию.

10 ** около 16 градусов по Цельсию.

шенных машин, непристойностями, начертанными на асфальте мелом и теперь расплывающимися под дождем. Разбитые окна, крысы, мокрые от воды мешки с мусором на тротуарах и в ливневых канавах. Черные надписи на серых стенах: ХОНКИ*, НЕ ДАЙ СЕБЯ КИНУТЬ. В ДОМАХ КУРЯТ ДОУКС. У ТВОЕЙ МАМАШИ СВЕРБИТ. СОСИ БАНАН. ТОММИ — ПУШЕР. ГИТЛЕР — ИЗ КРУТЫХ. МЭРИ. СИД. БЕЙ КАЙКОВ**. Натриевые лампы, освещавшие улицы в семидесятых годах, давно пали жертвами камней. Городские службы заменять их не собирались: они выполняли лишь те работы, которые оплачивались новобаксами. И за пределы центра носа не казали. В центре за каждый чих платили звонкой монетой. Тишину нарушало лишь шипение пневмоавтобусов да эхо шагов Ричарда. Это поле боя оживало лишь к вечеру. А днем в серой тишине двигались лишь крысы и коты. Да белые черви копошились в помойках. И пахло в этом славном 2025 году только смрадом разложения. Кабели фри-ви тянулись глубоко под землей, и только у психа или революционера могло возникнуть желание оборвать их. Фри-ви — пища для грез, радость жизни. «Скэг» стоил двенадцать старобаксов за пакетик, «фриско-пуш» — двадцать за таблетку, а фри-ви оболванивал за так. На другой стороне Канала фабрика исполнения желаний не останавливалась двадцать четыре часа в сутки... но подпитывали ее новобаксы, а они лишь у тех, кто работал. Четыре миллиона остальных, по большей части безработных, жили к югу от Канала, в Ко-Оп-Сити.

Ричардс прошагал три мили, и редкие винные и табачные магазины, поначалу забранные тяжелыми стальными решетками, встречались уже все чаще и чаще. Появились «Заведения для взрослых (!!24 извращения — посчитайте, ровно 24!!)», ломбарды, пункты сдачи крови. Тут и там волосатики восседали на своих мотоциклах. В канавах белели окурки от самокруток (богатые курят доукс).

Он уже видел небоскребы, ввинчивающиеся в облака, высокие, чистенькие. А выше всех Нетворк-геймс-билдинг, здание Сетевой Корпорации Игр, сто этажей, верхняя половина прячется в облаках и смоге. Не сводя с него глаз, Ричардс прошел еще с милю. Теперь вдоль улицы выстроились дорогие кинотеатры, а табачные магазины обходились без решеток (зато у витрин стояли частные охранники с электрошоковыми дубинками, болтающимися на широких

* пренебрежительное прозвище белых.

** пренебрежительное прозвище евреев.

кожаных поясах). И городской коп торчал на каждом углу. А вот и народный Парк фонтанов — вход 75 центов. Хорошо одетые мамашы наблюдали за детьми, резвящимися на лужайке за металлической оградой. Ворота охраняли два копа. Вдали поблескивали струи фонтана.

Ричардс пересек Канал.

С каждым шагом Дом игр становился все выше, громаднее, с бесконечными рядами незрячих окон, забранных тонированным стеклом, с отполированным мрамором стен. Копы пристально следили за ним, готовые погнать его дальше или мгновенно скрутить, попытайся он что-то украсть. В центре мужчина в мешковатых серых штанах, с прической «под горшок» и запавшими глазами мог появиться с одной целью — принять участие в Играх.

Отбор игроков начинался ровно в полдень, но, когда Бен Ричардс пристроился в хвост очереди, она уже вытянулась на девять кварталов, то есть на добрую милю. Очередь напоминала ему бесконечную змею. Последним он стоял недолго. Народ все прибывал. Копы не спускали с них глаз, поглаживая рукоятки пистолетов и дубинок. На их лицах играли презрительные ухмылки.

— Тебе не кажется, Френк, что вон тот — недоумок? Я в этом уверен.

- Тут один парень спросил, как ему пройти в сортир. Ну воще!
- Эти сукины дети...
- Убьют родную мать ради...
- Воняло от него так, словно он не мылся уже...
- Шоу — отпад. Прикинь...

Опустив головы, они переминались с ноги на ногу, а вскоре очередь двинулась с места.

... МИНУС 098, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

В регистрационный отдел Бен Ричардс вошел в начале пятого, и его направили в сектор девять (буквы Р—С). За столиком с мерно журчащим компьютером сидела усталая, суровая, безразличная женщина. Она смотрела на него, но, похоже, не видела.

- Фамилия-имя-второе имя.
- Ричардс, Бенджамин Стюарт.

Ее пальцы забегали по клавиатуре. *Клик-клик-клик.*

— Двадцать восемь, шесть футов два дюйма, сто шестьдесят пять*.

Клик-клик-клик

— Ай-кью** по тесту Уэчслера, если вы его знаете, возраст, в котором проходили тест.

— Сто двадцать шесть. В четырнадцать лет.

Клик-клик-клик

В огромном зале голоса гулким эхом отскакивали от стен. Вопросы и ответы, вопросы и ответы. Кого-то выводили в слезах. Кого-то вышивывали. Кто-то пытался протестовать. Кто-то завопил не своим голосом. Вопросы. Снова вопросы.

— Какое образовательное учреждение посещали последним?

— Ремесленное училище.

— Окончили?

— Нет.

— Сколько лет проучились, в каком возрасте бросили учебу?

— Два года. В шестнадцать лет.

— По какой причине бросили учебу?

— Женился.

Клик-клик-клик

— Имя и возраст жены, если таковая имеется.

— Шейла Кэтрин Ричардс, двадцать шесть лет.

— Имена и возраст детей, если есть.

— Кэтрин Сара Ричардс, восемнадцать месяцев.

Клик-клик-клик

— Последний вопрос, мистер. Не пытайтесь лгать. Вас разоблачат на медкомиссии и вышвырнут. Употребляли вы когда-нибудь героин или галлюцинопептический синтетический амфетамин, называемый «Сан-Франциско пуш»?

— Нет.

Клик

Пластмассовая карточка выскочила из щели в столике, женщина протянула ее Ричардсу.

— Не потеряй, здоровяк. Если потеряешь, придется возвращаться сюда на следующей неделе. — Теперь она смотрела на него, видела лицо, злые глаза, поджарое тело. Симпатичный парень. И не глуп. Хорошие данные.

* 188 см, 75 кг.

** IQ (intelligence quotient) — коэффициент умственного развития.

Она взяла у него карточку, пробила несколько перфораций в правом верхнем углу.

— А это зачем?

— Не важно. Потом тебе скажут. Может быть. — Она махнула рукой в сторону длинного коридора, уходящего к лифтам. Десятки людей, прошедших регистрацию, показывали пластиковые удостоверения и тянулись к лифтам. Ричардс увидел, как коп остановил дрожащего всем телом калеку, пожелтевшее лицо которого указывало на пристрастие к «пушке», и указал на дверь. Калека заплакал, но спорить не стал.

— Жестокий у нас мир, здоровяк, — донеслось из-за столика. Сочувствия в голосе женщины не слышалось. — Вперед.

Ричардс подчинился. А за его спиной звучали все те же вопросы.

... МИНУС ОДИН, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Грубая, жилистая рука ухватила его за плечо, едва он, миновав столы с регистраторами, ступил в коридор.

— Карточка, приятель.

Ричардс показал карточку. Коп сбросил руку, на его лице отразилось разочарование.

— Небось нравится вышвыривать их отсюда, так? — спросил Ричардс. — Чувствуешь себя боссом, не правда ли?

— Хочешь вернуться в свой сарай, говнюк?

Ричардс прошел мимо него, коп не попытался его остановить. На полпути к лифтам он оглянулся:

— Эй, коп.

Тот подозрительно глянул на него.

— Семья у тебя есть? На следующей неделе можешь оказаться на моем месте.

— Проваливай! — яростно рявкнул коп.

Улыбаясь, Ричардс проследовал к лифту.

В очереди стояли человек двадцать кандидатов. Ричардс показал одному из копов пластиковую карточку, получил в ответ пристальный взгляд.

— Считаешь себя крутым, сынок?

— Есть такое, — усмехнулся Ричардс.

Коп вернул ему карточку:

— Они выбьют из тебя дурь. Сможешь ли ты говорить с дыркой в голове, сынок?

— Посмотрел бы я, как заговоришь ты, если отобрать у тебя пистолет и стянуть штаны до колен, — все еще улыбаясь, ответил Ричардс. — Давай попробуем?

В голове промелькнула мысль, что коп сейчас ему врежет.

— Они тебя обтешут, — ответил коп. — Еще поползашь на коленях, прежде чем отправиться на тот свет.

Коп повернулся к троим вновь прибывшим и потребовал у них карточки.

Мужчина, стоявший впереди Ричардса, обернулся. Нервное печальное лицо, курчавые волосы клином, врезающимся в лоб между двух залысин.

— Не стоит настраивать их против себя, парень. Они все повязаны.

— Неужели? — снисходительно спросил Ричардс.

Мужчина отвернулся.

Резко раскрылись двери кабины. Чернокожий коп с громадным животом охранял пульт управления с рядами кнопок. Другой коп проглядывал hologрафический порножурнал, сидя на стульчике в будке из пулепропробиваемого стекла размером с телефонную. Между колен он держал автомат с укороченным стволом. Под рукой стояли запасные рожки.

— К дальней стене! — привычно рыкнул толстяк коп. — К дальней стене! К дальней стене!

Они набились в кабину, как сельди в бочку. Печальные лица со всех сторон окружали Ричардса. Поднялись на второй этаж. Двери распахнулись. Ричардс, на голову выше остальных, увидел просторный, уставленный стульями зал с гигантским, во всю стену фри-ви.

— Выходите! Выходите! Карточки в левую руку!

Они выходили один за другим, предъявляя карточку бесстрастному объективу камеры. Трое копов стояли наготове. По какой-то причине внезапно начинал жужжать зуммер, и обладателя карточки выдергивали из шеренги и уводили прочь.

Ричардс показал свою карточку и проследовал в зал. Подошел к сигаретному автомату, получил пачку «Блэймс» и уселся как можно дальше от фри-ви. Закурил, вдохнул дым, закашлялся. Последний раз он держал в руке сигарету шесть месяцев назад.

...МИНУС ОГ, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Тех, у кого фамилия начиналась с буквы «А», на медицинский осмотр вызывали сразу же: примерно два десятка человек потянулись к двери под фри-ви. Большими буквами на стене значилось: СЮДА. Стрелка под надписью указывала на дверь. Все знали, что грамотность у желающих участвовать в Играх хромала. Каждые четверть часа, плюс-минус несколько минут, вызывалась очередная буква. Бен Ричардс появился в зале ожидания около пяти, так что, по его прикидкам, мог не дергаться до начала десятого. Он жалел, что не взял с собой книгу, но, с другой стороны, и без нее можно было обойтись. Книги вызывали подозрения, особенно если их читали живущие к югу от Канала. Таким больше пристало листать порножурналы.

Он посмотрел шестичасовой выпуск новостей (ожесточенные бои в Эквадоре, бунты людоедов в Индии, «Детройтские тигры» оказались сильнее «Хардингских кугуаров». Счет дневного матча 6:2), а когда в половине седьмого началась первая вечерняя игра, отошел к окну и поглядел наружу. Решение он уже принял, и игры вновь навевали на него тоску. Большинство же остальных как зачарованные следили за «Ружейными забавами». На следующей неделе они сами могли стать участниками этой игры.

За окном день медленно сменялся сумерками. Вагоны надземки стремительно проносились сквозь силовые кольца чуть повыше второго этажа, прорезая сумрак мощными фарами. Ниже, на тротуарах, толпы мужчин и женщин (главным образом, естественно, технический персонал и чиновники Сети) вышли на охоту: начинались поискиочных развлечений. Зарегистрированный пушер расхваливал на углу свой товар. Мимо него прошел мужчина, держа под локотки двух красоток в соболях. Все трое смеялись.

Внезапно его захлестнула тоска по дому, Шейле, Кэти. Как ему хотелось позвонить им. Впрочем, он полагал, что такое не разрешается. Разумеется, он мог уйти, несколько мужчин так и сделали. Песекли зал, улыбаясь непонятно чему, открыли дверь с надписью НА УЛИЦУ и исчезли. Возвращаться в квартиру, где его дочь метилась в жару? Нет. Не мог он вернуться. Не мог.

Какое-то время он еще стоял у окна, потом вернулся на прежнее место, сел. На фри-ви начиналась новая игра — «Вырой себе могилу».

Парень, что сидел рядом, повернулся к Ричардсу и озабоченно спросил:

— Неужели по результатам медосмотра отсеивают тридцать процентов?

— Не знаю, — пожал плечами Ричардс.

— Господи, — выдохнул парень. — У меня бронхит. Может, возьмут в «Денежное колесо»...

Ричардс не знал, что и ответить. В груди у парня все свистело. Будто грузовик где-то вдалеке одолевал кругой подъем.

— И еще язва, — с тихим отчаянием добавил парень.

Ричардс не отрывал глаз от фри-ви, словно его захватила игра.

Парень долго молчал. Когда в половине восьмого программа прервалась, Ричардс услышал, как он задает тот же вопрос насчет медосмотра мужчине, сидящему с другой стороны. За окном стемнело. Идет ли дождь? — спросил себя Ричардс. Похоже, его ждал долгий-долгий вечер.

... МИНУС 095, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

В дверь, на которую указывала красная стрела, мужчин, чьи фамилии начинались с буквы «Р», пригласили чуть позже половины десятого. Первоначальное возбуждение давно спало, кто-то продолжал смотреть фри-ви, другие дремали. Фамилия парня, у которого свистело в груди, начиналась с буквы «Л», его вызвали часом раньше. Думать о том, сочли его годным или нет, Ричардсу не хотелось.

Смотровой зал, с выложенными кафелем стенами, купался в ярком свете флюоресцентных ламп. Он напоминал сборочный конвейер, по всей длине которого на определенном расстоянии друг от друга их поджидали скучающие врачи.

Захочет ли кто-нибудь из них вылечить мою дочурку, подумал Ричардс.

Кандидатов в игроки, предъявивших свою карточку объективу еще одной камеры, направляли к ряду крючков для одежды. Доктор в длинном белом халате подошел к ним с папкой под мышкой.

— Раздевайтесь, — приказал он. — Одежду вешайте на крючки. Запомните, какой у крючка номер, и назовите его санитару, что стоит в конце ряда. О ценностях не беспокойтесь. Никому они не нужны.

Ценностях, повторил про себя Ричардс. Остряк, однако. Он расстегнул рубашку. Ценностей у него хоть отбавляй:

бумажник с фотографиями Шейлы и Кэти, квитанция на подметку ботинка, которую местный сапожник заменил ему шесть месяцев назад, кольцо для ключей с единственным ключом — от входной двери, детский носок, неведомо как попавший в карман, и пачка «Блэмс», которую выдал ему автомат в зале ожидания.

Он еще носил рваное нижнее белье, по настоящему Шейлы, хотя многие мужчины давно уже натягивали брюки прямо на голое тело. Вскоре все они стояли голенькие, с болтающимися между ног пенисами. С карточкой в руке. Некоторые переминались с ноги на ногу, словно у них мерзли ступни. Странно, пол-то не холодный. В воздухе витал забытый запах спирта.

— Не выходить из очереди, — командовал доктор с папкой под мышкой. — По первому требованию показывать карточку. В точности выполнять все указания.

Колонна двинулась. Ричардс заметил, что каждого врача охраняет коп. Он опустил глаза, покорно ожидая исхода.

— Карточку.

Он протянул карточку. Первый врач записал номер.

— Открой рот, — последовал приказ.

Ричардс открыл. Ему нажали на язык.

Следующий врач посветил в зрачки миниатюрным фонариком, покопался в ушах.

Третий приставил холодный кружок стетоскопа к груди.

— Покашляй.

Ричардс покашлял. Впереди из колонны выволакивали мужчину. Ему нужны деньги, орал он, они не имеют права, он подаст на них в суд.

Врач передвинул стетоскоп.

— Покашляй.

Ричардс покашлял. Врач развернул его, приложил стетоскоп к спине.

— Глубоко вдохни, и не дышать. — Стетоскоп переместился. — Выдохни.

Ричардс выдохнул.

— Проходи.

Кровяное давление измерял улыбающийся врач с повязкой на глазу. Лысый врач с большими черными веснушками на макушке, похожими на почечные бляшки, проверил, нет ли у него паховой грыжи. Сунул холодную руку между мошонкой и бедром.

— Покашляй.

Ричардс покашлял.

— Проходи.

У него измерили температуру, взяли на анализ слюну. Он мировал полпути. Половину смотрового зала. Несколько мужчин уже прошли всех врачей, и санитар с одутловатым лицом и большущими передними зубами принес им одежду в проволочных корзинах. С полдесятка вытолкали из очереди и вывели на лестницу.

— Наклонись и раздвинь ягодицы.

Ричардс наклонился, раздвинул. Палец, обтянутый пластиком, влез в его прямую кишку, пошуровал там, вылез.

— Проходи.

Он вошел в кабинку с тремя стенами- занавесками, такие ставили на избирательных участках (от кабинок уже одиннадцать лет как отказались, полностью компьютеризировав процесс голосования), и помочился в синий лабораторный стакан. Врач взял стакан и поставил в ячейку тележки.

На следующем посту у него проверили зрение.

— Читай, — приказал врач.

— Е... эй, эл... дэ, эм, эф... эс, пи, эм, зет... ка, эль, эй, си, ди... ю, эс, джи, эй...

— Достаточно. Проходи.

Он вошел в кабинку, совсем как на избирательном участке, надел наушники. Ему велели нажимать белую кнопку, если он что-то услышит, и красную, когда воцарится тишина. Звук пошел высокий и очень слабый, как посвист собаки, на пределе диапазона, различаемого человеком. Ричардс нажимал кнопки, пока его не остановили.

Его взвесили. Прощупали грудную клетку. Поставили перед флюорографом и надели свинцовый фартук. Врач жевал резинку и напевал себе под нос что-то неразборчивое. Он сделал несколько снимков, записал номер карточки.

Вместе с Ричардсом в смотровой зал вошли человек тридцать. Двенадцать добрались до дальнего конца. Некоторые уже оделись и ждали лифта. Примерно десяток отправили по домам. Один пытался наброситься на врача, который «срезал» его, и коп огrel беднягу электрошоковой дубинкой. Тот упал замертво.

Ричардс подошел к низкому столику. Его спросили, болел ли он одной из пятидесяти болезней. Главным образом

респираторных. Врач вскинул на него глаза, когда Ричардс сказал, что у него в семье болеют гриппом.

— Жена?

— Нет. Дочь.

— Возраст?

— Полтора года.

— Ты прививался? Не пытайся врать! — Врач сорвался на крик, будто уже уличил Ричардса во лжи. — Мы все проверим.

— Первая прививка в июле 2023-го. Повторная — в сентябре 2023-го. В квартальной клинике.

— Проходи.

У Ричардса внезапно возникло желание перегнуться через столик и свернуть этому слизняку шею. Вместо этого он двинулся дальше.

На последнем посту супового вида женщина-врач с коротко стриженными седыми волосами и мини-плейером в ухе спросила, не гомосексуалист ли он.

— Нет.

— Арестовывался за совершение преступления?

— Нет.

— Не страдаешь устойчивыми фобиями? Под этим подразумеваются...

— Нет.

— Тебе бы лучше дослушать. — В голосе сквозило пренебрежение. — Речь о том...

— ...есть ли у меня нехарактерные и внезапные приступы страха вроде акрофобии и клаустрофобии. Нет.

Она плотно сжала губы, на мгновение он подумал, что сейчас она отчитает его.

— Ты принимаешь или принимал галлюциногены или наркотики, к которым развивается привыкание?

— Нет.

— Есть у тебя родственники, которых привлекали к уголовной ответственности за совершение преступлений против государства или Сетевой Корпорации Игр?

— Нет.

— Подпишите эти два соглашения с Игровым комитетом, о лояльности и освобождении Корпорации от ответственности за вашу жизнь, мистер... э... Ричардс.

20 Он дважды нацарапал свою подпись.

— Покажите санитару карточку и назовите номер...

Он отвернулся от нее и махнул рукой зубастому санитару.

— Номер двадцать шесть, Кролик.

Санитар принес его вещи. Ричардс не спеша оделся, направился к лифтам. Аonus неприятно жгло, наверное, от смазки, которой пользовался врач.

Когда собрались все прошедшие осмотр, двери открылись. На этот раз пуленепробиваемая стеклянная будка пустовала. Их встретил один коп, худой, со здоровенным живориком у носа.

— К задней стенке! Прижимайтесь к задней стенке! — заголосил он.

Перед тем как закрылись двери, Ричардс увидел входящих в смотровой зал престендентов с фамилией на «С». К ним уже направлялся доктор с папкой.

Они поднялись на третий этаж. И попали в огромную, плохо освещенную казарму. Ряды узких железных коеч уходили за горизонт.

Двое копов выпускали их по одному, называя каждому номер койки. Ричардсу достался девятьсот сороковой. На койке он нашел тоненькое одеяло и плоскую подушку. Улегся, сбросив ботинки. Ноги свесчивались, но с этим он ничего поделать не мог.

Он заложил руки за голову и уставился в потолок.

...МИНУС 094, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Наутро, ровно в шесть, его разбудило очень громкое дребезжание. Поначалу он не понял, где находится, удивился, чего это Шейла завела будильник, но потом сообразил, что к чему, и сел.

Группами по пятьдесят их повели в большой санитарный блок, где они предъявили свои карточки камере, рядом с которой маячил коп. Ричардс вошел в выложенную синим кафелем кабинку с раковиной, зеркалом, душем и унитазом. На полочке над раковиной лежали завернутые в целлофан зубные щетки, электрическая бритва, кусок мыла и наполовину выдавленный тюбик зубной пасты. **УВАЖАЙ СОБСТВЕННОСТЬ**, прочитал Ричардс на на克莱ке на зеркале. Под печатными буквами кто-то нацарапал: **Я УВАЖАЮ ТОЛЬКО СОБСТВЕННУЮ ЗАДНИЦУ.**

Ричардс принял душ, вытерся, швырнул полотенце на бачок, побрился, причесался.

После утреннего туалета они проследовали в кафетерий, где вновь предъявили карточки-удостоверения. Ричардс взял поднос и пошел с ним вдоль длинного прилавка из нержавеющей стали. Ему дали коробочку кукурузных хлопьев, миску жареной картошки, шматок яичницы, гренок, холодный и твердый, как мраморное надгробие, полпинты молока, чашку кофе (без сливок), пакетики с сахаром и солью и кубик искусственного масла на клочке вощеной бумаги.

Он съел все до последней крошки. Все съели. Для Ричардса это был первый настоящий завтрак за бог знает сколько времени: на пособие государство выдавало какие-то насыщающие пилюли. Еда, правда, была абсолютно безвкусной, будто иезуит повар оставил ей только питательные функции.

А что они ели этим утром? Таблетки из водорослей? Искусственное молоко для Кэти? Отчаяние охватило его. Господи, когда они начнут посыпать деньги? Сегодня? Завтра? На следующей неделе?

А может, это все выдумки, чья-то злая шутка? И не будет никакой радуги, не говоря уже о горшке с золотом?

Уставившись в пустую тарелку, он просидел до семи часов, когда дребезжащий звонок позвал их к лифтам.

...МИНУС ОДИН, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

На четвертом этаже группу Ричардса загнали в большую, без мебели комнату с широкими, как на почтовых ящиках, прорезями в стенах. Они вновь показали свои карточки, и двери лифтовой кабины закрылись.

В комнату вошел мужчина с изможденным лицом и редеющими волосами, с эмблемой Корпорации Игр (силуэт человеческой головы на фоне факела) на лацкане белого халата.

— Пожалуйста, разденьтесь и вытащите из карманов все ценное. Затем бросьте одежду в щели мусоросжигателя. Вам выдадут униформу Корпорации Игр. — Он широко улыбнулся. — Униформа останется при вас, независимо от того, как сложится ваша судьба.

Некоторые поворчали, но подчинились все.

— Поторопитесь, пожалуйста. — Мужчина дважды хлопнул в ладоши, как учитель, дающий понять, что перемена подошла к концу. — У нас еще много дел.

— Вы тоже будете участвовать в Играх? — спросил Ричардс.

Мужчина недоуменно воззрился на него. Кто-то за спиной Ричардса хихикнул.

— Не берите в голову. — И Ричардс снял брюки.

Обнажив свои бесценные ценности, он опустил рубашку, брюки и трусы в щель, навстречу языкам пламени.

Дверь в дальней стене (дверь всегда в дальней стене, а они — крысы в огромном многоэтажном лабиринте: американском лабиринте, поправился Ричардс) открылась, и мужчины вкатили большие корзины, маркированные S, M, L и XL. Ричардс выбрал XL, из-за длины. Он опасался, что униформа повиснет на нем мешком из-за его худобы, но комбинезон пришелся как раз впору. Мягкий, облегающий материал напоминал шелк, но отличался большей плотностью. Единственная нейлоновая «молния» тянулась от шеи до промежности. Цветом комбинезоны не отличались: все темно-синие, с эмблемой Игр на правом нагрудном кармане. Когда вся группа оделась, Ричарду показалось, что его начисто лишили индивидуальности.

— Сюда, пожалуйста. — Мужчина с изможденным лицом привгласил их в очередной зал ожидания. С непременным экраном фризи на стенах.

— Вас будут вызывать по десять человек.

У двери под фри-ви им слась надпись СЮДА и, разумеется, указующая стрелка.

Они сели. Какое-то время спустя Ричардс поднялся, подошел к окну, выглянул. Они поднялись выше, а дождь лил по-прежнему. Улицы чернели влажным асфальтом. Что сейчас делает Шейла, подумал он.

...МИНУС 092, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

В четверть одиннадцатого его десятка миновала еще одна дверь. Входили гуськом, по одному. Опять показывали карточки. Их встретили десять кабинок с тремя уже не матерчатыми, а пластиковыми стенами, обитыми звуконепроницаемой пробкой. С потолка струился рассеянный свет, из невидимых динамиков лилась тихая музыка. Пол устипал толстый ковер. Ступни Ричардса чувствовали себя неуютно: они привыкли к бетону.

Мужчина с изможденным лицом что-то ему сказал. Ричардс мигнул:

— Что?

— Кабина шесть, — с укором повторил мужчина.

— Понятно.

Он направился к указанной кабине. Стол, за ним, на уровне глаз сидящего, большие настенные часы. На столе заточенный карандаш и стопка нелинованной бумаги. Дешевой бумаги, отметил Ричардс.

А между часами и столом стояла ослепительная жрица компьютерной эры, высокая, а-ля Юнона, блондинка в переливающихся шортиках, плотно обтягивающих треугольник лобка. Набухшие соски налитой груди нагло буравили сетчатую шелковую блузу.

— Присядьте, пожалуйста. Я — Ринда Уэрд, ваш экзаменатор. — Она протянула руку.

Остолбеневший Ричардс ее пожал.

— Я — Бен Ричардс.

— Можно называть вас Бен? — Улыбка соблазнительная, но безразличная. Он же испытал тот самый прилив желания, который и должна вызывать женщина, выставляющая напоказ свое роскошное тело. Его это разозлило. Небось ловит кайф, подумал он, растешиваясь перед горемыками, добровольно решившимися сунуться в мясорубку.

— Конечно. — Он сел. — Отличные буфера.

— Благодарю, — невозмутимо ответила она. Он старался не смотреть на нее и из-за этого злился все больше. — Сегодня мы проверим ваши умственные способности точно так же, как вчера проверяли ваше здоровье. Проверка займет достаточно много времени, ленч вы получите в три часа, при условии, что выдержите экзамен. — Улыбка на ее губах то появлялась, то исчезала. — Первый тест — языковой. У вас будет ровно час с той секунды, как я передам вам эту брошюру. Вы можете задавать вопросы во время экзамена, и я отвечу на те, что имеют отношение к самому экзамену. На вопросы, указанные в брошюре, вы от меня ответа не дождитесь. Понятно?

— Да.

Она протянула ему брошюру. С красной рукой на обложке, ладонью вверх. Надпись под ней, большими красными буквами:

СТОП!

И ниже: *Не переворачивайте первую страницу без разрешения экзаменатора.*

24 — Круто, — вырвалось у Ричардса.

— Простите? — Идеально вылепленные брови чуть приподнялись.

— Не важно.

— Под каждым вопросом вы найдете несколько вариантов ответа. Пожалуйста, пожирнее отмечайте выбранный вами вариант. Если вы решите, что правильным является другой ответ, пожалуйста, полностью сотрите первую отметку. Если не знаете ответа, гадать не надо. Вы меня понимаете?

— Да.

— Тогда, пожалуйста, переверните первую страницу и приступайте. Когда я скажу стоп, положите карандаш. Можете начинать.

Он не начал. Медленно, с ленцой окинул взглядом ее тело.

Она покраснела.

— Ваш час пошел, Бен. Вам лучше...

— Почему здесь считают, — спросил он, — что по другую сторону Канала живут исключительно похотливые недоумки?

Ринда совсем сникла:

— Я... никогда...

— Нет, вы никогда. — Он улыбнулся и взялся за карандаш. — Господи, до чего же люди тупы.

Он склонился над брошюрой, пока она пыталась найти причину этой внезапной атаки. Но едва ли бы ей удалось понять его мотивы.

В первом пункте вопросника требовалось вставить в предложение пропущенное слово.

1. Одна ... весны не делает.

а) мысль;

б) кружка пива;

в) ласточка;

г) драка;

д) ни одно из вышеуказанных слов не подходит.

Бланк для ответов он заполнял быстро, редко останавливаясь, чтобы обдумать или пересмотреть свой первоначальный выбор. И уложился в сорок пять минут. Но она не приняла у него брошюру. На тест полагался ровно час, поэтому Ричардс откинулся на спинку стула и внаглу обозревал ее практически на голое тело. Тишина сгущалась, давила все сильнее. Он видел, что ей хочется накинуть на себя халатик, и его это радовало.

Когда время истекло, она дала ему второй вопросник. На первой странице он увидел чертеж бензинового карбюратора.

Ниже прочитал:

Вы можете поставить это устройство в:

- а) газонокосилку;
- б) фри-ви;
- в) электрограмак;
- г) автомобиль;
- д) ни в один из этих механизмов.

Третий тест пришелся на математику. В цифрах он не был силен, поэтому начал потеть, видя, как неумолимо движется стрелка часов. А когда время истекло, сидел мокрый как мышь. Ответить на последний вопрос он не успел. Ринда Уэрд улыбнулась чуть шире, чем того требовала ситуация, забирая у него вопросник и бланк с ответами.

— Быстро не получилось, Бен.

— Зато все ответы — правильные. — Он улыбнулся в ответ, привстал, наклонился вперед и легонько похлопал ее по заду. — Прими душ, крошка. Ты хорошо поработала.

Кровь бросилась ей в лицо.

— Я могу снять тебя с экзамена.

— Чушь собачья. Тебя уволят, только и всего.

— Вон отсюда. Убирайся к своим, — фыркнула она, на глаза навернулись слезы.

В нем проснулось было сострадание, но он тут же придавил это совершенно неуместное чувство.

— Сегодня ты проведешь отменный вечерок. Поужинаешь в ресторане с тем, кто спит с тобой на этой неделе, и при этом будешь думать о моем ребенке, умирающем от гриппа в вонючей трехкомнатной квартире Развития.

И ушел, а она так и осталась стоять, глядя ему вслед, с белым как мел лицом.

Группа из десяти претендентов сократилась до шести. Их отвели в следующую комнату. Часы показывали половину второго.

...МИНУС 091, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Глаза врача, сидевшего по другую сторону стола в маленькой кабинке, прятались за толстыми линзами очков. Губы кривила гаденькая, довольная ухмылка, напомнившая Ричарду одного дебила из далекой юности. Тот залезал под трибуны школьного стадиона и заглядывал девчонкам под юбки, гоняя шкурку. Ричардс заулыбался.

— Подумали о чем-то приятном? — спросил врач, не прекращая перебирать листки, заляпанные чернильными кляксами. Гаденькая улыбка стала шире.

— Да. Вы напомнили мне одного знакомого.

— Правда? Кого же?

— Не важно.

— Ладно. Что вы видите?

Ричардс всмотрелся в хаотичное месиво клякс и белых пятен. Манжета для измерения кровяного давления охватывала его правую руку. К голове крепились несколько электродов, соединенных с компьютером. По дисплею бежали волнистые линии.

— Две женщины-негритянки. Целуются.

Первую картинку сменила вторая.

— Здесь?

— Спортивный автомобиль. Вроде «ягуар».

— Вы интересуетесь автомобилями с ДВС*?

Ричардс пожал плечами.

— В детстве у меня была коллекция игрушечных автомобилей.

Врач что-то чиркнул, положил перед Ричардсом следующую картинку.

— Больная женщина. Лежит на боку. Тени, падающие на лицо, напоминают тюремную решетку.

— А что здесь?

Ричардс загоготал.

— Похоже на кучу дермы.

Думал он о враче, бегающем в белом халате под трибунами, заглядывающем девчонкам под юбки и онанирующем, поэтому вновь рассмеялся. Наяву врач спокойно сидел перед ним, все так же гаденько улыбаясь, отчего ему становилось только веселее. Наконец Ричардс выдохся. Иknул и затих.

— Не думаю, что скажете мне...

— Нет, — оборвал его Ричардс. — Не скажу.

— Хорошо, поехали дальше. Образные ассоциации. — Объяснить, о чем речь, он не удосужился. Ричардс понял, что информация о нем уже прошла. Оно и к лучшему — экономится время.

Врач достал из внутреннего кармана секундомер, приготовил шариковую ручку, взглянул на лежащий перед ним лист с написанными на нем словами.

* ДВС — двигатель внутреннего сгорания.

- Врач.
- Ниггер, — отозвался Ричардс.
- Пенис.
- Член.
- Красное.
- Черное.
- Серебро.
- Кинжал.
- Винтовка.
- Убийство.
- Выигрыш.
- Деньги.
- Секс.
- Тест.
- Ударить.
- Наотмашь.

Словесный пинг-понг продолжался. Врач назвал больше пятидесяти слов, прежде чем остановил секундомер и положил ручку.

— Хорошо. — Он положил руки на стол, сцепил пальцы. — У меня последний вопрос, Ричардс. Не могу сказать, что мне под силу отличить ложь от правды, но машину, к которой вы подсоединены, обмануть практически невозможно. Суицидальные мотивы не имеют отношения к вашему решению принять участие в Играх?

— Нет.

— Тогда в чем причина?

— Моя маленькая дочь больна. Ей нужен врач. Лекарства. Больничный уход.

Ручка летала по бумаге.

— Это все?

Ричардсу хотелось ответить, что да (остальное — не их дело), но потом он решил выговориться. Возможно, потому, что врач — вылитый, только постаревший, дебил, которого он знал давным-давно и не пойми почему вспомнил. А может, ему просто хотелось облечь свои эмоции в слова, чтобы всем все стало ясно, в том числе и ему самому.

— Я давно безработный. Хочу снова работать, пусть даже мальчиком для битья в игре, исход которой заведомо известен. Я хочу работать и содержать семью. У меня есть гордость. У вас есть гордость, доктор?

— Гордецам прямая дорога в ад. — Щелчок, шарик ручки упрятался в корпус. — Если вам больше нечего добавить,

мистер Ричардс... — Врач встал, давая понять (на то же указывало и обращение по фамилии), что собеседование закончено, независимо от того, хотел он что-то добавить или нет.

— Нет.

— Дверь в конце коридора по правую руку. Удачи вам.

— Куда уж без нее, — ответил Ричардс.

...МИНУС ОДО, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Группа, в составе которой Ричардс вышел из лифта, сократилась до четырех человек. И новый зал ожидания заметно уменьшился в размерах. Аналогичные сокращения прошли и в других десятках. Из тех, кто провел ночь в казарме, осталось примерно сорок процентов. В половине пятого в зале появились последние, фамилии которых начинались с букв, замыкающих алфавит. В четыре служитель обнес всех с подносом, полным безвкусных сандвичей. Ричардс взял два и жевал их, слушая парня по фамилии Реттенмунд, который потчевал его и сидящих рядом похабными анекдотами. Знал он их, похоже, несметное множество.

Когда наконец собрались все, кто прошел очередной этап отбора, их затолкали в лифт и подняли на пятый этаж. На этот раз Корпорация предоставила к их услугам большую общую комнату, общий туалет и спальню с двухъярусными койками. Им также сказали, что в кафетерии, расположенной чуть дальше по коридору, их ждут в семь часов.

Ричардс посидел несколько минут, а потом направился к копу, что стоял у двери, через которую они вошли в их новое жилище.

— Тут есть телефон, приятель?

По правде сказать, он не ожидал, что ему могут разрешить позвонить, но коп молча указал на коридор.

Ричардс притворил дверь, выглянул. Точно, телефон-автомат.

Он вновь посмотрел на копа:

— Слушай, если ты одолжишь мне пятьдесят центов, я...

— Отвали, гнида.

Ричардс сдержался.

— Я хочу позвонить жене. Наш ребенок болен. Ради Бога, встань на мое место.

Коп расхохотался отрывистым, лающим смехом:

— Все вы одинаковые. Каждый день рассказываете мне басни. Особенно занятные на Рождество и День матери.

— Сволочь, — процедил Ричардс, и что-то в выражении его глаз и развороте плеч заставило копа уставиться в стену. — Или ты сам не женат? Неужели тебе не случалось остаться без гроша и занимать деньги, как бы тебя из-за этого ни мутило?

Коп неожиданно сунул руку в карман, достал пригоршню пластиковых монет. Выхватил два новых четвертака, остальные сунул в карман, свободной рукой схватил Ричардса за грудки.

— Если скажешь кому, что сумел разжалобить Чарли Грейди, я вышибу твои чертовы мозги, слизняк.

— Спасибо, — ровным голосом поблагодарил его Ричардс. — За ссуду.

Чарли Грейди рассмеялся и отпустил его. Ричардс прошел в коридор, снял трубку, бросил монеты в щель. Они упали на дно колпака, и понапачку ничего не изменилось (*Господи, неужели все зазря*), но потом послышался длинный гудок. Он набрал номер пятого этажа — телефон стоял в коридоре — в надежде, что трубку возьмет не эта сука Дженнер. Узнав его голос, она бы непременно ответила, что он не туда попал, и бросила бы трубку.

После шести гудков он услышал незнакомый голос:

— Алло?

— Я хочу поговорить с Шейлой Ричардс из квартиры пять-си.

— Я думаю, ее нет. — В голосе слышалось порицание. — Она, видите ли, гуляет по панели. У них болеет ребенок, а муж и не чухнется.

— Просто постучите в дверь, — просипел он.

— Одну минуту.

Трубка ударила о стенку, обладательница незнакомого голоса просто бросила ее, потом послышались глухие удары и крики: «Телефон! Вас к телефону, миссис Ричардс».

Полминуты спустя незнакомый голос вновь заговорил в трубку:

— Ее нет. Слышно, как плачет ребенок, но ее нет. Как я и говорила, ловит момент. — В трубке послышалось хихиканье.

— Напишите ей записку. Если придется, на стене.

— Нет карандаша. Я кладу трубку. Пока.

— Подождите! — запаниковал Ричардс.

— Я... минуточку, — разочарованно добавил голос. — Она поднимается по лестнице.

Ричардс привалился к стене: ноги не держали. Мгновение спустя он услышал голос Шейлы, запыхавшийся, немного испуганный.

— Алло?

— Шейла. — Он закрыл глаза.

— Бен, Бен, это ты? У тебя все в порядке?

— Да. Все хорошо. Кэти. Как...

— Так же. Температура немного упала, но в легких все хрипит. Бен, мне кажется, у нее там мокрота. Вдруг это пневмония?

— Все образуется. Все образуется.

— Я... — Пауза, долгая пауза. — Я не хотела оставлять ее одну, но пришлось. Бен, утром я дала двоим. Выхода не было. Но я купила ей лекарства. Хорошие лекарства. — В голосе звучало страдание.

— Дерьмо это, а не лекарства, — возразил он. — Слушай, Шейла, кончай с этим. Пожалуйста. Я думаю, что меня взяли. Больше они никого не отбракуют, у них слишком много программ. Им нужно пушечное мясо. И по-моему, они дают аванс. Миссис Апшоу...

— В черном она выглядела ужасно, — перебила его Шейла.

— Не важно. Оставайся с Кэти, Шейла. Больше никуда не ходи.

— Хорошо. Не пойду. — Но он не верил ее голосу. *Скрестила ли ты пальцы, Шейла?* — Я люблю тебя, Бен.

— И я лю...

— Три минуты истекают, — ворвался в трубку голос телефонистки. — Если хотите продолжить разговор, опустите один новый или три старых четвертака.

— Еще секунду! — проорал Ричардс. — Не отключай связь, паршивая сука. Ты...

Связь прервалась.

Он швырнул трубку, она ударила о стену, потом закачалась на серебристом проводе, будто змея, которая кусает только раз, а потом умирает.

Кто-то должен за это заплатить, тупо думал Ричардс, шагая к двери. *Кто-то должен*.

...МИНУС 089, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

На пятом этаже их продержали до десяти утра, и Ричардс чуть не сошел с ума от злости, тревоги и раздражения. Но в конце концов появился сотрудник Корпорации Игр, молодой человек в обтягивающем комбинезоне, с женственными манерами,

и пригласил всех в лифт. Их осталось чуть меньше трехсот: около шестидесяти человек ночью по-тихому вывели из спальни. Среди них и парня с неисчерпаемым запасом похабных анекдотов.

Группами по пятьдесят человек их заводили в небольшую аудиторию на шестом этаже. Красный бархат сидений, подлокотники из настоящего дерева производили впечатление. Ричардс достал смятую пачку «Блэмс». Пепельниц, вмонтированных в подлокотники, он предпочел не замечать, стряхивая пепел на пол.

В центре маленькой сцены возвышалась кафедра. Кто-то поставил на нее кувшин с водой и стакан.

В четверть одиннадцатого женоподобный молодой человек пошел к кафедре.

— Позвольте представить вам Артура М. Бурнса, помощника директора Корпорации Игр.

— Ура, — неприятным голосом отозвался кто-то за спиной Ричардса.

Полный мужчина с лысиной на макушке, окруженной венчиком седых волос, бодрым шагом поднялся на сцену, взошел на кафедру, важно кивнул, как бы в ответ на аплодисменты, которые слышал только он. Затем широко, заразительно улыбнулся, сразу превратившись в пухленького, стареющего купидона в деловом костюме.

— Поздравляю, — объявил он. — Вы выдержали экзамен.

Ему ответил шумный выдох облегчения, смех, шлепки по спине. Многие закурили.

— Ура, — повторил неприятный голос.

— В самое ближайшее время вас распределят по программам и назовут номер вашей комнаты на седьмом этаже. Исполнительные продюсеры конкретных программ объяснят вам, чего от вас ждут. Но до того как вы займетесь делом, я еще раз хочу поздравить вас и сказать, что рад видеть перед собой столько смелых, решительных парней, отказывающихся жить на подачки, зная, что у каждого есть шанс утвердиться в обществе, показать себя настоящим мужчиной. И, позвольте добавить от себя лично, я считаю вас истинными героями нашего времени.

— Бранье, — откомментировал неприятный голос.

— А теперь, от всей Сети, желаю вам удачи и исполнения всех ваших желаний. Как говорится, Бог в помощь. — Он радостно захихикал и потер ручки. — Что ж, я понимаю, как вам не терпится узнать, в какой Игре вы будете участвовать. Не стану вас больше задерживать своей болтовней.

Распахнулась боковая дверь, дюжина девушек в красных туниках вошли в аудиторию. Начали выкрикать фамилии, раздавая белые конверты, которые вскоре усеяли пол, как конфетти. Получившие пластиковые карточки узнавали свою судьбу. Слышались стонсы, радостные крики, ругательства. Артур М. Бурнс взирал на происходящее с умильной улыбкой.

— Эта чертова «Некоторые любят погорячее». Господи, я ненавижу жару!

— «Денежное колесо», Боже, я не знал, что у меня плохое сердце...

— Я надеялся, что попаду туда, но не думал, что так оно и...

— Эй, Джейк, ты видел «Заплыv с крокодилами»? Я думал...

— Я такого не ожидал...

— Вот уж не гадал...

— Эта паршивая...

— «Гонка за оружием»...

— Бенджамин Ричардс! Бен Ричардс!

— Здесь!

Он получил белый конверт, мгновенно разорвал его. Пальцы дрожали, пластиковую карточку он сумел достать лишь со второй попытки. Долго смотрел на нее, ничего не понимая. Названия игры на ней не значилось. Его заменяли два слова, выдавленные на пластике: **ЛИФТ ШЕСТЬ**.

Он сунул карточку в нагрудный карман, где уже лежало удостоверение, и вышел из аудитории. Около первых пяти лифтов в конце коридора толпился народ: лифты группами поднимали на седьмой этаж участников игр следующей недели. У закрытых дверей шестого стояли четверо. В одном Ричардс узнал обладателя неприятного голоса.

— В чем дело? — спросил Ричардс. — Нас выкинули?

— Как бы не так, — невесело рассмеялся обладатель неприятного голоса, симпатичный парень лет двадцати пяти, с ссохшейся рукой, возможно, переболевший полиомиелитом, эпидемия которого прокатилась по Ко-Оп-Сити в 2005 году. — Думаю, нам предложат сыграть по-крупному. В игру, где инфарктом, потерей глаза или руки не отделаешься. В ту, где тебя убивают. В наиболее удобное для зрителей время. Прайм-тайм, знаешь ли.

К ним присоединился шестой, красивый парень, который слишком уж часто изумленно моргал, словно многое видел впервые.

— Привет, сосунок, — бросил ему мужчина с неприятным голосом.

Ровно в одиннадцать, когда коридор давно уже опустел, раскрылись двери кабины шестого лифта. В стеклянной будке сидел коп.

— Видите? — Мужчина с неприятным голосом тараторил за всех шестерых. — Мы — опасные типы. Враги общества. Они намерены от нас избавиться. — Он скрочил зверскую рожу и расстрелял будку из воображаемого автомата. Коп, морда кирпичом, бесстрастно взирал на них.

...МИНУС 088, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Крошечная, уютная, домашняя, интимная, вся в бархате приемная на восьмом этаже. Ричардс сидел в ней один.

Когда они вышли из лифта, троих быстро увели в конец коридора. Ричардса, мужчину с неприятным голосом и моргающего паренька доставили в эту приемную.

Секретарь, чем-то напомнившая Ричардсу одного из секс-символов ТВ прошлого (Лиз Келли? Грейс Тейлор*?), которых он видел в детстве, улыбнулась всем троим. Сидела она за столом в нише, так заставленной горшками с комнатными растениями, что казалось, будто она выглядывает из окопа где-нибудь в Эквадоре.

— Мистер Джански. — Ослепительная улыбка предназначалась на сей раз одному часто моргающему парню. — Пожалуйста, проходите.

И моргун прошествовал в святилище за дверью. Ричардс и мужчина с неприятным голосом, его звали Джимми Лафлин, лениво переговаривались. Выяснилось, что Лафлин жил в трех квартирах от Ричардса, на Портовой улице. До прошлого года работал в «Дженерал атомикс», но его уволили за участие в сидячей забастовке: рабочие протестовали против «дырявой» радиационной защиты.

— Но я тем не менее жив, — продолжил Лафлин, — что никак не устраивает этих слизняков. Разумеется, детей у меня быть не может. Я стерилен. Впрочем, кто обращает на это внимание. Невысокая плата за то, чтобы каждый день получать семь новобаксов.

* Автор сознательно путает имена, чтобы показать, что и ТВ, и кино давно забыты. Речь идет о Грейс Келли (1928–1982, модель, актриса, с 1956 г. — принцесса Монако, в 1982 г. погибла в автокатастрофе), и Элизабет Тейлор (р.1932, одна из самых известных актрис Голливуда).

Когда «Джи-Эй» выставила его за дверь, ссохшаяся рука мешала найти новую работу. А жена двумя годами раньше заболела астмой и теперь уже не вставала с постели.

— Вот я и решил выйти на ринг, — горько усмехнулся Лафлин. — Может, мне представится шанс вышвырнуть из окна нескольких ублюдков, прежде чем парни Маккоуна доберутся до меня.

— Ты думаешь, что...

— «Бегущий человек»! Готов поспорить на собственную задницу. Дай мне одну из этих поганых сигарет, приятель.

Ричардс не отказал.

Дверь открылась. Парень, который часто моргал, появился в приемной под руку с очаровательной куколкой, прелести которой только подчеркивал крошечный купальник. Он нервно улыбнулся Ричардсу и Лафлину, и они проследовали в коридор.

— Мистер Лафлин? Пожалуйста, проходите.

И Ричардс остался один, если не считать секретарши, вновь нырнувшей в окоп.

Он поднялся, подошел к сигаретному автомату в углу. Лафлин скорее всего прав, решил он. Они попали в высшую лигу. Он получил пачку «Блэмс», сел, закурил.

Двадцать минут спустя из кабинета вышел Лафлин с повисшей на его руке пепельной блондинкой.

— Моя новая подружка, — представил он блондинку Ричардсу. Та радостно улыбнулась. Лафлин насупился. — По крайней мере этот тип не вертит хвостом. — Он мотнул головой в сторону кабинета. — До встречи.

И скрылся в коридоре.

Секретарша высунулась из окопа.

— Мистер Ричардс? Пожалуйста, проходите.

Он не заставил просить себя дважды.

...МИНУС 087, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Кабинет мог потягаться размерами с площадкой для киллбола. Одну стену занимало огромное окно, из которого открывалась панорама крыш жилых домов, портовых складов, резервуаров с нефтью и самого озера Хардинг. Серое небо, серая вода: дождь все еще лил. Вдалеке разворачивался большой танкер.

За столом сидел мужчина среднего роста, с очень черной кожей. Такой черной, что Ричардс даже подумал, человек ли сидит перед ним? Или манекен?

— Мистер Ричардс. — Хозяин кабинета поднялся, протянул руку. И совсем не обиделся, когда Ричардс ее не пожал. Просто убрал ее и сел.

У стола стоял раскладной стул. Ричардс тоже сел, затушил окурок в пепельнице с эмблемой Игр.

— Я — Дэн Киллиян, мистер Ричардс. Вы, наверное, уже догадались, почему вас пригласили сюда. Наши архивы и результаты тестов показывают, что вы — парень умный.

Ричардс ждал, сложив руки на груди.

— Вас отобрали для участия в «Бегущем человеке», мистер Ричардс. Это самая большая наша игра. Она наиболее опасна для участников, но и выиграть в ней можно больше, чем в любой другой. Договор о вашем согласии принять участие в этой игре лежит у меня на столе. Я не сомневаюсь, что вы его подпишете, но сначала хочу пояснить, почему мы выбрали вас, и убедиться в том, что вы полностью отдаете себе отчет о происходящем, знаете, на что идете.

Ричардс молчал.

Киллиян положил перед собой папку. Ричардс увидел, что на обложке написана его фамилия. Киллиян раскрыл папку.

— Бенджамин Стюарт Ричардс. Двадцать восемь лет, родился 8 августа 1997 года в городе Хардинг. Посещал ремесленное училище Южного города с сентября 2011 года по декабрь 2013-го. Дважды отстранялся от занятий за неуважение к руководству. Как я понимаю, вы ударили ногой помощника директора в верхнюю часть бедра, как только он повернулся к вам спиной?

— Вранье, — разлепил губы Ричардс. — Я дал ему хорошего пинка под зад.

Киллиян кивнул.

— Как скажете, мистер Ричардс. Вы женились на Шейле Ричардс, урожденной Гордон, в шестнадцать лет. Подписали стародавний по-жизненный брачный контракт. Все время бунтуете, так? Не состоите в профсоюзе, потому что отказались подписать профсоюзную присягу на верность и договор о контроле заработной платы. Как я понимаю, вы охарактеризовали губернатора района Джонсбери как прохвоста.

36 — Да, — кивнул Ричардс.

— На одной работе вы не засиживались. Вас увольняли... давайте поглядим... шесть раз за несоблюдение субординации, оскорбление начальства и критику властей.

Ричардс пожал плечами.

— Короче, вы не желали знать свое место и отличались асоциальным поведением. Однако вам хватало ума не попасть в тюрьму и не идти на серьезный конфликт с государством. Не пристрастились вы и к наркотикам. В рапорте психолога отмечено, что в нагромождении чернильных клякс вы различили лесбиянок, экскременты и автомобиль с бензиновым двигателем. Он также указал на вашу необъяснимую веселость...

— Ваш психолог напомнил мне одного парня, которого я знал в детстве. Он любил забираться под трибуны школьного стадиона и дроить. Я про парня. Любит ли это ваш врач — не знаю.

— Понятно. — Киллиян усмехнулся, белая полоска сверкнула на чернейшем лице, и вновь углубился в досье. — В вас сохранилась расовая предубежденность, запрещенная законом о расовом равноправии от 2004 года. Тест на образные сравнения показал склонность к насилию.

— В основе вашей игры лежит насилие, — ответил Ричардс.

— Верно. Однако мы, и я говорю это не только как сотрудник Корпорации Игр, а от имени государства, считаем такие симптомы крайне опасными.

— Бонтесь, что кто-нибудь однажды ночью взорвет все ваше хозяйство? — усмехнулся Ричардс.

Киллиян послюнявил палец и перевернул страницу.

— К счастью для нас, вы оставили нам заложника, мистер Ричардс. У вас есть дочь по имени Кэтрин, восемнадцати месяцев от роду. Это случайность? — холодно улыбнулся он.

— Пожалуй, нет. — В голосе Ричардса не слышалось злобы. — Я тогда работал в «Джи-Эй». Но каким-то чудом не потерял способность иметь детей. Может, это знак свыше. Глядя, куда катится мир, я иной раз думаю, что мы просто рехнулись, решившись родить ребенка.

— Так или иначе, вы здесь. — Губы Киллияна кривила все та же холодная усмешка. — И в следующий вторник появитесь в «Бегущем человеке». Вы видели эту программу?

— Да.

— Тогда вам известно, что это самое зрелищное шоу фри-ви. Оно позволяет зрителям стать участниками происходящего на экране. Я исполнительный продюсер программы.

— Просто замечательно, — отозвался Ричардс.

— Наша программа — один из эффективнейших способов избавления от потенциальных бунтарей, таких, как вы, мистер Ричардс. Мы в эфире уже шесть лет. До сих пор ни один из участников не выходил из игры живым. Открою вам жестокую правду: мы стремимся к тому, чтобы и впредь каждая игра заканчивалась с тем же исходом.

— Тогда у вас крапленые карты, — заявил Ричардс.

Киллиян ничуть не оскорбился, наоборот, даже повеселел.

— А вот и нет! Вы постоянно забываете о том, что такие, как вы — анахронизм, мистер Ричардс. Люди собираются в барах и отелях или стоят на холоде перед большими фри-ви в витринах магазинов не для того, чтобы увидеть, как вам удалось убежать. Господи, совсем не для того! Они хотят увидеть, как вас уничтожают, и, если у них появится такая возможность, охотно примут в этом участие. Чем более кровавой будет ваша смерть, тем лучше. Но прежде всего вам придется потягаться с Маккоуном. Эван Маккоун и Охотники.

— Прямо-таки название неогруппы, — усмехнулся Ричардс.

— Маккоун никогда не проигрывает.

Ричардс хмыкнул.

— Вы появитесь в прямом эфире во вторник. Последующие передачи будут смонтированы из аудио- и видеоматериалов, а также прямых включений, если представится такой случай. Как вы, конечно, знаете, мы прерываем запланированные программы, когда игрок близок к... скажем так, персональному Ватерлоо.

Правила предельно просты. Вам или членам вашей семьи придается сто новодолларов за каждый час, проведенный на свободе. На текущие расходы вы получите от нас четыре тысячи восемьсот новодолларов. Неистраченный аванс отойдет вашей семье, если с вами покончат до истечения сорока восьми часов. Вам также даются двенадцать часов форы. Если вы сможете продержаться тридцать дней, то выиграете Гран-при. Один миллиард новодолларов.

Ричардс откинулся на спинку кресла.

— Полностью с вами согласен, — сухо улыбнулся Киллиян. — Есть вопросы?

— Только один. — Ричардс наклонился вперед. На лице не осталось ни грана юмора. — А не хотели бы вы оказаться на свободе, в бегущих?

Киллиян засмеялся. Загоготал. Его живот бился о стол красного дерева.

— О-о-о... Мистер Ричардс... извините м-меня... — Очередной приступ смеха согнул его пополам.

Наконец, вытирая глаза большим белым носовым платком, Киллиян взял себя в руки.

— Видите, не только вам свойственно чувство юмора, мистер Ричардс. Вы... я... — Он вновь поперхнулся смехом. — Пожалуйста, извините. Уж очень вы меня рассмешили.

— Вижу.

— Еще вопросы?

— Нет.

— Очень хорошо. Перед выходом программы в эфир мы проведем рабочее совещание. Если в вашем изобретательном мозгу все-таки возникнут вопросы, зададите их на совещании. — Киллиян вдавил в стол кнопку.

— Ваша шлюха мне не нужна, — предупредил его Ричардс. — Я женат.

Брови Киллияна взлетели вверх.

— Вы уверены? Верность — замечательная черта, мистер Ричардс, но от пятницы до вторника утечет немало воды. А если учесть, что вы, возможно, больше никогда не увидите жену...

— Я женат.

— Как скажете. — Он кивнул появившейся в дверях девушке, и та исчезла. — Что мы можем сделать для вас, мистер Ричардс? В ваше распоряжение предоставят номер люкс на девятом этаже, в еде отказа не будет, разумеется, в пределах разумного.

— Бутылку хорошего бурбона. И телефон, чтобы я мог говорить с ж...

— В этом вынужден вам отказать, мистер Ричардс. Бурбон вы получите. Но как только вы подписываете этот договор... — он подвинул к Ричардсу бланк и ручку, — все ваши контакты с окружающим миром прекращаются до вторника. Может, передумали насчет девочки?

— Нет. — Ричардс подписал договор. — Но пусть принесут две бутылки бурбона.

— Нет проблем. — Киллиян поднялся и вновь протянул руку.

Ричардс вновь предпочел не заметить ее, повернулся и вышел из кабинета.

Киллиян проводил его взглядом. На этот раз он не улыбался.

...МИНУС 086, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Секретарь выскочила из окопа, как только Ричардс появился в приемной, и протянула ему конверт. Он прочитал:

Мистер Ричардс!

Подозреваю, в ходе нашего разговора вы запамятовали упомянуть о том, что деньги необходимы вам прямо сейчас. Или это не так?

Несмотря на циркулирующие слухи, Корпорация не выдает авансов. Вы не должны полагать себя участником, на которого так и сыплются всякие блага. Вы не звезды фри-ви, а рабочая лошадка, нанятая для выполнения опасного поручения, которое, разумеется, очень высоко оплачивается.

Но Корпорация не запрещает мне предложить вам ссуду от себя лично. В конверте вы найдете десять процентов тех денег, что должны получить с началом игры. Должен сразу предупредить вас, не в новодолларах, но в Игровых сертификатах, которые можно обменять на новодоллары. Если вы примете решение отослать их жене, а я склонен думать, что так оно и случится, она выяснит, что они имеют одно немаловажное преимущество в сравнении с новодолларами: хороший врач примет их в качестве платежного средства, а шарлатан — нет.

Искренне Ваш,
Дэн Киллиян.

Ричардс открыл конверт, достал толстую книжицу купонов с символом Игр на велюровой обложке. Сорок восемь купонов по десять новобаксов каждый. В Ричардсе начала подниматься волна благодарности, но он решительно подавил ее. Он не сомневался, что Киллиян вычтет эти четыреста восемьдесят долларов из той суммы, что полагалась ему на текущие расходы. Опять же четыреста восемьдесят долларов — чертовски малая цена за то, чтобы дичь думала лишь о своем спасении и таким образом содействовала поддержанию максимального напряжения в игре. А высокое качество каждой игры гарантировало, что Киллиян и дальше будет ходить в продюсерах.

— Дерьмо, — пробурчал Ричардс.

40 Секретарь вновь высыпалась из окопа.

— Вы что-то сказали, мистер Ричардс?

— Нет. Как пройти к лифту?

...МИНУС 085, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Люкс поражал воображение. Толстый ковер от стены до стены, три комнаты, гостиная, спальня и ванная. Выключенный фри-ви, благословенная тишина. В вазах цветы, в стене у двери кнопка с надписью на табличке «Обслуживание». Обслужат тут быстро, мрачно подумал Ричардс. За дверью номера стояли два копа, с тем чтобы он не шатался где не следует.

Он нажал кнопку, дверь открылась.

— Да, мистер Ричардс? — спросил один из копов. Ричардс по-думал, что слово «мистер»дается ему с большим трудом. — Бурбон, который вы заказывали, принесут...

— Я не об этом. — Он показал копу книжку с купонами, полученнную от Киллияна. — Я хочу отправить ее в одно место.

— Напишите имя и адрес, и я прослежу, чтобы она попала по назначению.

Ричардс выудил из кармана квитанцию сапожника, написал на обороте свой адрес и имя жены. Отдал квитанцию и купоны копу. Тот уже отворачивался, когда Ричардс вспомнил о недавнем должке.

— Эй! Одну секунду!

Коп вопросительно посмотрел на Ричардса, протянул ему книжку с купонами. Ричардс открыл первый купон, оторвал десятую часть, вдоль перфорированной линии. Эквивалентная стоимость полоски равнялась одному новобаксу.

— Вы знаете Чарли Грейди? Из ваших?

— Чарли? — Коп настороженно прищурился. — Да, я знаю Чарли. Он с пятого этажа.

— Отдайте ему вот это. — Он протянул полоску. — И скажите, что дополнительные пятьдесят центов — его чаевые.

Коп уже хотел отвернуться, но Ричардс вновь остановил его:

— И вы принесете мне расписки от моей жены и Грейди, не так ли?

На лице копа отразилось презрение.

— А ты у нас недоверчивый.

— Естественно, — сухо улыбнулся Ричардс. — Вы, парни, меня этому и научили. К югу от Канала по-другому и быть не может.

— С удовольствием посмотрю, как они будут гонять тебя, — процедил коп. — Сяду перед моим фри-ви с банками пива в руках и не буду отрывать глаз от экрана.

— Прежде принеси мне расписки. — И Ричардс мягко закрыл дверь перед носом копа.

Бурбон принесли двадцать минут спустя, и Ричардс изрядно удивил посыльного, попросив прислать ему пару толстых романов.

— Романов?

— Книг. Вы знаете. Читать. Слова. Перелистывать страницы. — Ричардс показал, как это делается.

— Да, сэр. — В голосе посыльного слышалось сомнение. — А что прикажете подать на обед?

Дерьмо собачье, подумал Ричардс. Просто засасывает. Преваливаешься в «очко» и оказываешься по уши в розовом дерьме, которое к тому же благоухает «Шанелью № 5». Но по вкусу то же дерьмо.

— Бифштекс. Зеленый горошек. Картофельное пюре. — Господи, а какой будет ужин у Шейлы? Белковая пилюля да чашка эрзац-кофе? — Молоко. Яблочный пирог. Запомнишь?

— Да, сэр. Не желаете...

— Нет, — оборвал его Ричардс, на него внезапно навалилась тоска. — Нет. Убирайся. — Есть не хотелось. Ни чуточки.

...МИНУС 084, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Ричардс с горечью отметил, что посыльный воспринял его слова буквально: при выборе книг руководствовался лишь их толщиной. Он принес три, о которых Ричардс никогда не слышал: две тисненные золотом, из далекого прошлого, «Бог родом из Англии» и «Совсем не чужой», и один громадный том, написанный три года назад, под названием «Служить — счастье». Ричардс сунулся в одну и тут же скривился. Юноша из бедной семьи делает карьеру в «Дженерал атомикс». Из чернорабочего становится продавцом оборудования. Учится по вечерам (на что, усмехнулся Ричардс, неужели платит компания?). Влюбляется в красивую девушку (вероятно, у нее еще не провалился нос от сифилиса), с которой знакомится на оргии. Занимает должность младшего техника с открывающимися перед ним захватывающими перспективами. Следует заключение трехлетнего брачного контракта, потом...

Ричардс с отвращением отбросил книгу. А вот роман «Бог родом из Англии» увлек его. Он налил себе бурбон, добавил льда и углубился в повествование.

К тому времени как в дверь постучали, он одолел триста страниц и как следует нализался: уже уговорил одну бутылку бурбона. Подошел к двери, скимая в руке вторую. На пороге стоял коп.

— Ваши расписки, мистер Ричардс, — и закрыл дверь.

Шейла ничего не написала, зато послала одну из фотографий Кэти. Ричардс взглянул на нее и почувствовал, как на глазах выступают пьяные слезы. Сунул фотографию в карман, посмотрел на вторую расписку. Чарли Грейди воспользовался транспортным талончиком.

«Спасибо, слизняк. Чтоб ты сдох.

Чарли Грейди».

Ричардс хихикнул и бросил бумажку на ковер.

— Спасибо, Чарли, — бросил он пустой комнате. — Именно этого мне и не хватало.

Он достал фотографию Кэти, крошечной, четырех дней от роду, раскрасневшейся, орущей во все горло, укутанной в белое одеяло, которое Шейла сшила своими руками. Почувствовал, как по щекам текут слезы, и заставил себя подумать о благодарственной записке старинны Чарли. Задался вопросом, а сможет ли он разделаться со второй бутылкой, прежде чем отключится. Решил провести эксперимент.

Почти разделялся.

...МИНУС 083, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Ричардс провел субботу, борясь с сильнейшим похмельем. К вечеру почти одолел его и к ужину снова заказал две бутылки бурбона. Справился с обеими и, проснувшись в воскресенье утром, увидел больших гусениц с огромными, полными злобы глазами, медленно сползающих на пол с дальней стены спальни. Тут он понял, что белая горячка во вторник ему ничем не поможет, и завязал со спиртным.

На этот раз похмелье не отпускало Ричардса дольше. Его все время рвало, позывы продолжались, даже когда желудок окончательно опустел. Только в шесть часов организм немного успокоился, и Ричардс заказал суп. И никакого бурбона. Попросил включить музыку, неорок, но она быстро ему надоела.

Лег он рано. Спал плохо.

Большую часть понедельника Ричардс провел на застекленной лоджии, примыкающей к спальне. Находилась она высоко над землей, днем то светило солнце, то шел дождь. Он прочитал два романа, опять лег рано, спал лучше. Зато приснился кошмар: Шейла умерла, и он пришел на ее похороны. Кто-то посадил ее в гробу и набил рот новобаксами. Он пытался подбежать к ней и вытащить деньги, но чьи-то руки схватили его. Двенадцать копов не давали и шагу ступить. Одного он узнал — Чарли Грейди. Улыбаясь, Грейди процелил: «Так случается со всеми, кто проигрывает, слизняк». Они приставляли пистолеты к его голове, когда он проснулся.

— Вторник, — напомнил он себе и скатился с кровати. Посмотрел на настенные часы. Девять минут восьмого. Через одиннадцать часов на всех фри-ви Северной Америки появится заставка «Бегущего человека». Живот скрутило страхом. Через двадцать три часа они возьмут его след.

Он долго стоял под горячим душем, потом надел комбинезон, заказал на завтрак яичницу с ветчиной. Попросил посыльного привести блок «Блэмс».

Остаток утра и первую половину дня спокойно читал. Ровно в два часа в дверь постучали. В гостиную вошли пузатенький Артур М. Бурнс и трое полицейских с электрошоковыми дубинками в руках.

— Пришло время последнего инструктажа, мистер Ричардс, — объяснил Бурнс причину своего появления. — Вас не затруднит...

— Отнюдь. — Ричардс взглянул на страницу, на которой остановился, положил книгу на кофейный столик. Внезапно его охватил ужас, граничащий с паникой. К счастью, пальцы практически не дрожали.

...МИНУС 082, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Десятый этаж разительно отличался от тех, что находились ниже, и Ричардс понял, что выше ему уже не подняться. Иллюзия непрерывного подъема, формированная у ступившего в мрачный вестибюль Нетворк-геймс-билдинг, рассеивалась на десятом этаже. Здесь располагались студии.

Ричардса встретил широкий коридор с белыми стенами. Ярко-желтые кары с электрическими двигателями «Джи-Эй» снова-ли взад-вперед, развозя специалистов по студиям и пультовым.

Такой же кар дожидался их у лифта. Бурнс, Ричардс и трое копов сели на него и покатили по коридору. Им вслед поворачивались головы. Несколько раз на Ричардса указывали рукой. Одна женщина в желтых шортах и топике с эмблемой Игр подмигнула Ричардсу и послала ему воздушный поцелуй. Он показал ей средний палец.

Они все ехали и ехали, один коридор сменялся другим. Ричардс насчитал не менее дюжины студий, среди них — печально известной программы «Денежное колесо».

Наконец они остановились перед дверью с надписью: *БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК. ВХОД КАТЕГОРИЧЕСКИ ВОСПРЕЩЕН*.

Бурнс помахал рукой охраннику, сидящему в пулепропробиваемой стеклянной будке с дверью-воротами, потом повернулся к Ричардсу:

— Бросьте карточку-удостоверение в щель между будкой и дверью.

Ричардс бросил, и в будке зажглась маленькая лампочка. Охранник нажал на кнопку, дверь открылась. Ричардс залез на кар, они въехали в студию.

— А мое удостоверение? — спросил Ричардс.

— Больше оно вам не понадобится.

Попали они в пультовую. Непосредственно за пультом управления сидел лысый техник и бубнил в микрофон цифры. Слева за столиком расположились Дэн Киллиян и двое мужчин, которых Ричардс раньше не видел. Перед ними стояли высокие запотевшие стаканы. Лицо одного показалось Ричардсу знакомым. Не мог такой красавчик быть простым техником.

— Привет, мистер Ричардс. Привет, Артур. Не хотите выпить чего-нибудь прохладительного, мистер Ричардс?

Тут Ричардс понял, что пить ему хочется: жарковато на десятом этаже, хотя кондиционеров хватало.

— От «рутти-тут» не откажусь.

Киллиян поднялся, прошел к холодильнику, сдернул крышку с пластиковой бутылки. Ричардс сел, взял бутылку, кивком поблагодарил Киллияна.

— Мистер Ричардс, господин, сидящий справа от меня, — Фред Виктор, режиссер программы «Бегущий человек». А Бобби Томпсона вы, несомненно, знаете.

Томпсон, ну конечно. Ведущий программы. Модного покроя зеленая, слегка переливающаяся туника, грива отливающих серебром волос. Ричардс подумал, что природе такая роскошная седина не под силу.

— Подкрашиваетесь? — спросил Ричардс.

Брови Томпсона изогнулись.

— Простите?

— Не важно.

— Будем снисходительны к мистеру Ричардсу, — с улыбкой вмешался Киллиян. — Очень ему нравится грубить.

— Это понятно. — Томпсон закурил. Ричардс вдруг почудилось, что все это происходит во сне, не наяву. — Учитывая обстоятельства.

— Пройдемте со мной, мистер Ричардс, если вас это не затруднит. — Виктор взял инициативу на себя. Подвел Ричардса к экранам у одной из стен. Техник закончил диктовать цифры и вышел.

Виктор нажал две кнопки, и на двух экранах появилась сцена студийного зала программы «Бегущий человек». На одном — вид справа, на другом — слева.

— Репетиций мы не устраиваем. Считаем, что они лишают программу естественности. Бобби действует сообразно с ситуацией и весьма в этом преуспел. В эфир мы выходим в шесть вечера, по времени Хардинга. Бобби стоит посередине сцены, на синем возвышении. За ним вступительное слово, он кратко охарактеризует вас. Потом на экране высветят пару фотографий. Вы будете стоять за кулисами, справа от сцены, с двумя охранниками по бокам. На сцену они выйдут вместе с вами, вооруженные автоматами. Если бы мы действительно ждали от вас сюрпризов, то дали бы им дубинки. Автоматы же, сами понимаете, смотрятся эффектнее.

— Нет вопросов, — кивнул Ричардс.

— Зрители принимают активное участие в шоу. Мы приглашаем их для зрелищности. Как на матчи по киллболу.

— Они будут стрелять в меня липовыми пулями? Вы можете засунуть мне под одежду мешочки с красной краской, чтобы они рвались в нужный момент. Для усиления эффекта.

— Пожалуйста, слушайте внимательно, — невозмутимо продолжил Виктор. — Вы и охрана выйдете на сцену, как только вас позовут. Бобби возьмет у вас интервью. Чувствуйте себя совершенно свободно. Говорите что угодно, в выражениях можете не стесняться. Зрелищность шоу от этого только выигрывает. Потом, примерно в шесть десять, перед первой рекламной паузой, вы получите деньги и уйдете за левую кулису. Это понятно?

— Да. А как насчет Лафлина?

46 Виктор нахмурился, закурил.

— Он идет после вас, в четверть седьмого. Мы задействуем двух игроков одновременно, потому что зачастую одному из них... э... не удается уйти от Охотников.

— А третий — запасной?

— Мистер Джански? Да. Но вас это не касается, мистер Ричардс. Когда вы уйдете со сцены, вам вручат видеокамеру размером с мыльницу. Весит она шесть фунтов. А вместе с ней вы получите шестьдесят видеокассет, каждая длиной четыре дюйма. Все это уместится в кармане пальто. Триумф современной технологии.

— Превосходно.

Виктор поджал губы.

— Как уже говорил вам Дэн, Ричардс, игрок вы только для зрителей. А на деле вы — наш сотрудник и должны это правильно понимать. Videокассеты достаточно бросить в любой почтовый ящик. Курьер незамедлительно доставит их нам, чтобы мы успели их смонтировать и показать тем же вечером. Если не сумеете отправлять нам две видеокассеты в день, денег вы не получите.

— Но за мной по-прежнему будут охотиться.

— Верно. Так что не забывайте про отправку видеокассет. Они не выдадут вашего местонахождения. Охотники действуют совершенно независимо от службы трансляции.

Ричардс в этом сильно сомневался, но промолчал.

— После того как вам выдадут видеокамеру и кассеты, вас проводят к лифту. Вы выйдете на Валовую улицу. Далее все будет зависеть только от вас. — Он помолчал. — Есть вопросы?

— Нет.

— Тогда мистер Киллиян утрясет с вами еще один денежный вопрос.

Они вернулись к столу, где Дэн Киллиян о чем-то оживленно беседовал с Артуром М. Бурсом. Ричардс попросил еще одну бутылку «рути-тут» и получил ее.

— Мистер Ричардс. — На мгновение блеснули белые зубы Киллияна. — Как вы поняли, студию вы покинете безоружным. Но это не значит, что вам запрещено вооружиться как легальным путем, так и любым другим. Отнюдь! Вы или ваши наследники получите дополнительно сто новодолларов за каждого Охотника или представителя закона, с которыми сумеете... разделаться...

— Я знаю, можете не продолжать, — оборвал его Ричардс. — Так эффектнее.

Киллиян радостно улыбнулся:

— Вы все схватываете на лету. Да. Однако не пытайтесь отправить в мир иной невинных прохожих. Это негуманно.

Ричардс промолчал.

— Еще одна особенность нашей программы...

— Стукачи и операторы-любители. Я знаю.

— Они не стукачи, а добропорядочные граждане Северной Америки. — Ричардс не мог понять, то ли Киллиян говорит серьезно, то ли иронизирует. — И потом, всем известен номер телефона, по которому бесплатно может позвонить каждый, кто заметит вас. Если свидетели подтвердят, что кто-то вас видит, этот человек получит сто новодолларов. Если же сообщение позволит Охотникам убить вас — тысячу. Операторам-любителям мы платим по десять долларов за каждый фут пленки...

— Вы зарабатываете пенсион на Ямайке кровавыми деньгами, — со злостью выкрикнул Ричардс. — Вы...

— Достаточно, — мягко, но решительно осадил его Киллиян.

Бобби Томпсон полировал ногти. Виктор уже вышел из пультовой и где-то далеко требовал переставить камеру.

Киллиян нажал на кнопку.

— Мисс Джонс? Клиент готов, дорогая. — Он встал, протянул руку. — Теперь вам в гримерную, мистер Ричардс. Потом светопробы. Ваша комната — за кулисами, и увидимся мы теперь только у лифта. Так что...

— Вот и отлично. — Руки Киллияну он не пожал.

Мисс Джонс увела его. Часы показывали половину третьего.

...МИНУС 081, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Ричардс стоял за кулисами, между двумя охранниками, и слушал, как публика неистово аплодирует Бобби Томпсону. Он нервничал. Клял себя за это, но нервничал. Не удавалось ему взять себя в руки, и все. Программа «Бегущий человек» уже минута как вышла в эфир.

— Первый участник нашей сегодняшней игры — изобретательный и решительный парень, который живет в нашем же городе, к югу от Канала, — говорил Томпсон. На экране высветилась фотография Ричардса в мешковатой серой рубашке, сделанная скрытой камерой несколько дней тому назад, как ему показалось, на пятом этаже. Ричардс отметил, что фотографию немного отретушировали: глаза западали чуть больше, чем в реальности, лоб стал

ниже, щеки ввалились, рот хищно щерился. Короче, экранный Ричардс вызывал ужас, превратившись в городского ангела смерти, жестокого, не слишком умного, но наделенного звериной хитростью. Настоящее пугало для жителей богатых кварталов.

— Зовут его Бенджамин Ричардс, ему двадцать восемь лет. Запомните это лицо! Через полчаса этот человек выйдет на улицы города. Подтвержденное свидетельство о его местонахождении принесет вам сто новодолларов! Информация, которая позволит его убить, — тысячу!

Голова Ричардса шла кругом. Он едва сдерживался, чтобы не зашвырять от ужаса.

— ...а это женщина, которая получит награду Бенджамина Ричардса после его смерти, если это произойдет.

Портрет не многим напоминал Шейлу. Тут уж потрудился не ретушер, а художник. Нежное, пусть и некрасивое лицо разительно изменилось. Шейла превратилась в настоящую гарпию. Полные кроваво-красные губы, глаза навыкате сверкали алчностью. Двойной подбородок свисал чуть ли не до обнаженной груди.

— *Мерзавец!* — ахнул Ричардс. Рванулся вперед, но сильные руки удержали его.

— Остынь, приятель. Это всего лишь картинка.

А мгновением позже его то ли вывели, то ли вытащили на сцену.

Зрители отреагировали мгновенно. Студия взорвалась криками: «*Ату его! Подонок! Гнать его вон! Убить его! Убить! Вон отсюда! Вон!*»

Бобби Томпсон поднял руки, требуя тишины:

— Давайте послушаем, что он скажет.

Публика не сразу, но угомонилась.

Ричардс, набычившись, стоял под яркими лучами юпитеров. Он знал, что излучает ауру ненависти и злобы, как и хотелось организаторам шоу, но ничего не мог с собой поделать.

Он сверлил Томпсона взглядом налитых кровью глаз.

— Кое-кому придется сожрать собственные яйца за такую фотографию моей жены.

— Говорите, говорите, мистер Ричардс! — Голос Томпсона сочился презрением. — Вам за это ничего не будет... по крайней мере пока.

Зрители ответили неистовым ревом.

Ричардс резко развернулся к ним, и они замолчали, как от хорошей оплеухи. Испуг в глазах женщин смешивался сексуальным возбуждением. Мужчины не пытались скрыть ненависти к нему.

— Мерзавцы! — проорал он. — Если вам так хочется посмотреть, как кто-то умирает в мучениях, почему не перестреляете друг друга?

Последние слова Ричардса потонули в новом шквале криков. Некоторые зрители (возможно, им за это заплатили) попытались прорваться на сцену. Копы сдерживали их. Ричардс стоял к ним лицом, отдавая себе отчет, каким они его видят.

— Позвольте поблагодарить вас, мистер Ричардс, за мудрый совет. — Толпа внимала сарказму, звучавшему в голосе Томпсона. — Не желаете сказать нашим зрителям как в студии, так и у экранов фри-ви, сколь долго вы рассчитываете продержаться?

— Я хочу сказать всем, и в студии, и у экранов фри-ви, что они видели не мою жену! Это дешевая подделка...

Толпа заглушила его. Крики ненависти достигли пика. Томпсон подождал с минуту, пока зрители чуть утихнут, потом повторил вопрос:

— Так сколь долго вы намерены продержаться, мистер Ричардс?

— Я намерен продержаться все тридцать дней, — холодно ответил Ричардс. — И не думаю, что у вас есть человек, который сможет до меня добраться.

Опять крики. Взметнувшиеся кулаки. Кто-то бросил на сцену помидор.

Бобби Томпсон повернулся лицом к залу, закричал:

— Оставим браваду на совести мистера Ричардса. С этими словами и отпустим его. Охота начнется завтра в полдень. Запомните его лицо! Он может оказаться рядом с вами в пневмоавтобусе... в самолете... в stereoteатре... на местном стадионе, где играют в киль-бол. Сегодня он в Хардинге. Завтра в Нью-Йорке? Бойсе? Альбукерке? Колумбусе? Во дворе вашего дома? Вы донесете на него?

— ДА-А-А-А!!! — проревели они.

И тут Ричардс показал им средний палец, два пальца — на обеих руках. На этот раз на сцену попытались прорваться не за деньги. Ричардса увели, прежде чем толпа разорвала бы его в студии, прямо перед камерой, лишив Сеть череды захватывающих репортажей.

.. МИНУС 080, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Киллиян ждал его за кулисами, сияя от удовольствия.

— Блестящее выступление, мистер Ричардс. Блестящее! Господи, какая жалость, что я не могу дать вам премию. Эти пальцы...

— Всегда рады ублажить зрителя. — На мониторах уже пошла реклама. — Давайте мне вашу чертову камеру и валите на хер.

— С последним, боюсь, не получится, — Киллиян все улыбался, — а камера — вот она. — Он взял камеру у техника, передал Ричардсу. — Полностью снаряженная, готовая к работе. А это кассеты. — Он отдал Ричардсу небольшую, но на удивление тяжелую коробочку, завернутую в кленку.

Ричардс сунул камеру в один карман, кассеты — в другой.

— Годится. Где лифт?

— Не так быстро, — остановил его Киллиян. — Ваша двенадцатичасовая фора отсчитывается с половины седьмого.

С экранов вновь донеслись крики ярости. Обернувшись, Ричардс увидел вышедшего на сцену Лафлина. У него защемило сердце.

— Вы мне нравитесь, Ричардс, и, думаю, выступите вы неплохо, — продолжил Киллиян. — Есть в вас грубоватый шарм, который я очень ценю. Я — коллекционер, знаете ли. Сфера моих интересов — пещерное искусство и Древний Египет. Вы в большей степени соответствуете наскальной живописи, чем египетским урнам, но это не важно. Хотелось бы сохранить вас, для коллекции, так же как сохраняются мои наскальные рисунки из Азии.

— Можешь сохранить запись моей проверки на детекторе лжи, гад. Благо она есть в досье.

— Вот я и хочу дать вам совет. — Киллиян словно и не слышал его. — У вас нет ни единого шанса. Никому не устоять против населения всей страны и Охотников, отлично натренированных, активно использующих последние достижения научно-технического прогресса. Но если залечь на дно, вы протянете дольше. Используйте ноги, а не оружие, которое вам удастся раздобыть. И держитесь своих. — Он ткнул пальцем в грудь Ричардса, дабы подчеркнуть значение последних слов. — Не рассчитывайте на средний класс, представителей которого вы видели в студии. Они вас ненавидят. Вы символизируете для них все страхи нашего трудного времени. Не думайте, Ричардс, что реакция публики щедро оплачена. *Они действительно вас ненавидят*. За смелость, мужество. Вы это почувствовали?

— Да, — кивнул Ричардс. — Почувствовал. Я их тоже ненавижу.

Киллиян улыбнулся.

— Потому-то им и хочется вас убить. — Он сжал плечо Ричардса. Рука у него оказалась на удивление сильной. — Сюда.

А за их спинами Бобби Томпсон, к радости зрителей, обливал грязью Лафлина.

По коридору они прошли вдвоем, сопровождаемые лишь гулким эхом шагов. В конце их ждали сдвинутые двери кабины лифта.

— Здесь мы расстанемся, — молвил Киллиян. — На улицу попадете без остановки. За девять секунд.

В четвертый раз он протянул руку, и опять Ричардс ее не пожал. Хотя на какое-то мгновение такое желание у него возникло.

— А если я смогу подняться наверх? — Он указал на потолок, десятки и десятки этажей наверху. — Кого мне там убить? Кого мне убить, если я поднимусь до самого верха?

Киллиян рассмеялся и нажал кнопку. Двери разошлись.

— Вот это мне в вас и нравится, Ричардс. Вы мыслите по-крупному.

Ричардс шагнул в кабину. Двери начали сходиться.

— Не высовывайтесь, — повторил Киллиян, и Ричардс остался один.

Кабина ухнула вниз, и желудок Ричардса едва не выскочил из горла: от свободы его отделяли считанные секунды.

...МИНУС 079, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Две кабины открылись прямо на улицу. Перед воротами Мемориального парка Никсона стоял коп. На Ричардса он даже не посмотрел. Стоял и стоял, похлопывая электрошоковой дубинкой по ладони, глядываясь в морось, висящую в воздухе.

Моросящий дождь принес с собой ранние сумерки. Переходы в тени Геймс-билдинг более всего напоминали бесплотные тени, и Ричардс полагал, что он ничем не отличается от остальных. Он глубоко вдохнул влажный, пахнущий серой воздух. Хорошо, однако. Он словно вышел из тюрьмы. Хороший воздух. Отличный воздух.

Держитесь своих, посоветовал ему Киллиян. Ричардс не собирался с ним спорить. В этом совет Киллияна ему не требовался. Не сомневался он и в другом: именно в Ко-Оп-Сити поиски будут наиболее интенсивными, и начнутся они ровно в полдень, с завершением перемирия. Но к тому времени он будет уже далеко.

Он прошагал три квартала, поймал такси. Надеялся, что фри-ви будет сломан, как в большинстве машин, но в этой экран ярко светился последними кадрами программы «Бегущий человек».

Не повезло, мысленно вздохнул Ричардс.

— Куда, приятель?

— Робард-стрит. — И останется пять кварталов до цели. К дому Моули он мог пробраться дворами.

Автомобиль набрал скорость, древний бензиновый мотор чихал и кашлял. Ричардс откинулся на спинку сиденья, стараясь уйти в тень.

— Слушай, а ведь я только что видел тебя по фри-ви! — воскликнул таксист. — Ты же Причард!

— Причард. Все так, — смиренно признал Ричардс. Геймс-бильдинг остался позади. И его громада уже не давила на него, хотя ему и не повезло с таксистом.

— Господи, а ты смельчак. Точно говорю. Настоящий смельчак. Знаешь что? Они же тебя убьют. Не задумываясь. Да, ты смельчак.

— Есть такое. Никуда не денешься.

— Никуда не денешься! — Таксист аж подпрыгивал от волнения. — Ну, здорово. Круто! Не возражаешь, если я скажу жене о том, что подвозил тебя? Она от этих Игр просто слюной исходит. Я бы с радостью заложил тебя, но смысла в этом нет. Для этого у таксиста должен быть хотя бы один свидетель. А никто не видел, как ты сдался ко мне в машину, так?

— Да уж, тут удача от тебя отвернулась. К сожалению, ты ничем не поспособствуешь моей смерти. Или оставить тебе записку: «Я здесь был»?

— Господи, а ты можешь? Вот...

Они как раз пересекли Канал.

— Я выйду здесь, — резко бросил Ричардс. Достал новобакс из конверта, полученного от Томпсона, бросил на переднее сиденье.

— Слушай, я же ничего такого не говорил, а? Я не собирался...

— Не собирался, — согласился Ричардс.

— А записку-то...

— Отвали, гнида.

Он выскочил из такси и зашагал к Драммонд-стрит. В темноте на него надвигался Ко-Оп-Сити. Сзади долетел вопль таксиста:

— Надеюсь, они быстро поймают тебя, дешевка!

... МИНУС 078, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Через двор, через дыру в заборе, отделяющем одну асфальтовую пустошь от другой, через заброшенную строительную площадку, назад в тень, чтобы не угодить под колеса летящего,

ревущего грузовика, фары — горящие глаза вервольфа. Наконец прыжок через последний забор (поцарапав руку), и он уже стучал в дверь черного хода Моули Джернигана, одновременно и парадную.

Моули держал на Портовой улице ломбард-магазин, где состоятельный покупатель мог приобрести полицейскую электрошоковую дубинку, полностью снаряженный автомат, героин, пуш, кокаин, любые «колеса», пластиковую псевдоженщину, обычную шлюху, если на пластик денег не хватало, один из адресов трех подпольных казино, текущий адрес постоянно переезжающего с места на место Клуба извращенцев и многое, многое другое, запрещенное законом. Если у Моули не было необходимого клиенту товара, он знал, где заказать.

Доверенные лица могли приобрести у него и подложные документы.

Когда Моули выглянул в смотровое окошечко и увидел, кто стоит у него на пороге, он отечески улыбнулся:

— Почему бы тебе не уйти, приятель? Я тебя никогда не видел.
— Новобаксы, — коротко ответил Ричардс.

Последовала пауза. Ричардс внимательно разглядывал манжету рубашки.

Замки и засовы открылись быстро, словно Моули боялся, что Ричардс передумает.

Ричардс вошел. И попал в комнатку за торговым залом, где хранились старые журналы, краденые музыкальные инструменты, краденная видеотехника, коробки с продуктами. По необходимости Моули приходилось играть роль Робин Гуда. Южный берег Канала имел свою специфику. Едва ли Моули долго оставался бы в деле, если бы жадничал. С богатеньких из центра он драл три шкуры, соседям продавал практически по себестоимости, иной раз и ниже, если видел, что человека сильно приперло. Поэтому в Ко-Оп-Сити его уважали и берегли. Если коп спрашивал стукача (а их число измерялось сотнями) о Моули Джернигане, ему отвечали, что Моули уже впадает в старческий маразм и приторговывает по мелочам левым товаром. Некоторые респектабельные горожане из центра, с необычными сексуальными наклонностями, могли бы рассказать кое-что еще, но полиции нравов давно уже не существовало. Все знали, что в среде порока нет места революционным настроениям. Не знали в полиции и о том, что Моули приторговывает и поддельными документами: последняя услуга оказывалась исключительно жителям Ко-Оп-Сити. Однако Ричардс понимал, что тот, кто

брался за изготовление документов для такого, как он, навлекал на себя смертельную опасность.

— Какие нужны документы? — спросил седой как лунь Моули — ему давно перевалило за семьдесят, — тяжело вздохнув и включив лампу, залившую ярким белым светом рабочий стол.

— Водительское удостоверение. Военный билет. Идентификационный талон. Налоговая карточка. Пенсионное удостоверение.

— Нет проблем. Шестьдесят баксов для любого, кроме тебя, Бенни.

— Ты сделаешь?

— Для твоей жены — да. Для тебя — нет. Не собираюсь совать голову в петлю ради такого психа, как Бенни Ричардс.

— Сколько потребуется времени, Моули?

Глаза Моули хитро блеснули.

— Учитывая обстоятельства, я потороплюсь. Час на каждый документ.

— Господи, пять часов... можно я пойду...

— Нет, не пойдешь. Ты совсем рехнулся, Бенни? На прошлой неделе к твоему дому подъезжал коп. С конвертом для твоей жены. В «черном вагоне» с шестью приятелями. Флэппер Донниган и Джерри Ханрахан торчали на углу, когда они приехали. Флэппер рассказывает мне все. Парень болтлив, ты знаешь.

— Я знаю, что Флэппер болтлив, — нетерпеливо бросил Ричардс. — Я посыпал ей деньги. Она...

— Кто знает? Кто видит? — пожал плечами Моули, выкладывая на стол бланки, ручки, печати. — Дом они окружили в четыре ряда, Бенни. Если кому захочется заглянуть к ней и принести свои соболезнования, его запихнут в кутузку и отмелят резиновыми дубинками. Даже хорошим друзьям это ни к чему. И деньги, которые теперь есть у твоей жены, тут не помогут. Фамилию любую или...

— Любую, только английскую. Господи, Моули, ей же надоходить за продуктами. И врач...

— Она посыпает сына Баджи О'Санчеса. Как там его зовут?

— Уолт.

— Точно. Теперь такие мелочи в памяти не задерживаются. Старею, Бенни. Теряю форму. — Он вскинул глаза на Ричардса. — Я еще помню время, когда Мик Джаггер ходил в знаменитостях. Ты небось понятия не имеешь, кто он такой, так?

— Знаю я, кто он такой. — Ричардс, нахмурившись, повернулся к окну. Все оказалось хуже, чем он рассчитывал. Шейла и Кэти тоже в клетке. До того момента, пока...

— С ними все в порядке, Бенни, — мягко заметил Моули. — Просто держись от них подальше. Ты меня понял?

— Да. — Внезапно на него накатил вал черного отчаяния. Я тоскую по дому, удивленно подумал он. Но мучило его и другое. Он чувствовал, что ситуация выходит из-под контроля. Все рушилось, валилось. Перед мысленным взором замелькал калейдоскоп лиц: Лайллин, Бурнс, Киллиян, Джански, Моули, Кэти, Шейла...

Дрожа всем телом, он вглядывался в темноту. Моули работал, напевая какую-то песенку из далекого прошлого, что-то насчет глаз Бетт Дэвис, кто она такая, черт побери?

— Он был барабанщиком, — вдруг вырвалось у Ричардса. — В английской группе, которая называлась «Битлз». Мик Маккартни.

— Ох уж эта молодежь. — Моули не отрывался от работы. — Всего вы знаете.

...МИНУС 077, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

От Моули он вышел в десять минут первого, оставив у него тысячу двести новобаксов. Моули также продал ему простенькие, но достаточно эффективные средства изменения внешности: седой парик, очки, каучуковые защечные вставки, пластмассовые накладные зубы, изменяющие линию губ.

— Прихрамывай, — посоветовал ему Моули. — Чуть-чуть, чтобы не привлекать особого внимания. Помни, ты можешь туманить людям разум, если того захочешь. Знаешь, откуда эта строчка, не так ли?

Ричардс не знал.

С новыми документами он стал Джоном Гриффеном Спрингером, коммивояжером из Хардинга, торгующим обучающими программами. Сорок три года, вдовец, без статуса техника. Оно и лучшему: техники говорили на своем, особом языке.

На Робард-стрит Ричардс вернулся в половине первого, удачное время для тех, кому охота попасть в руки насильников, грабителей или убийц. А вот чтобы скрыться незамеченным, он мог бы подобрать более удачный час. Но, с другой стороны, к югу от Канала он жил с рождения.

Канал он пересек в двух милях западнее, у самого озера. По пути встретил компанию пьяниц, веселящихся у костра, нескольких крыс, но ни одного копа. В четверть второго пересекал ничейную землю на северном берегу Канала, лавируя

между складами, дешевыми барами, конторами судовладельцев. В половине второго на улицах все чаще встречались добродорожные жители центра, жаждущиеочных наслаждений. Так что такси он остановил, не вызвав ни малейшего подозрения.

Водитель даже не взглянул на него.

— Аэропорт, — бросил Ричардс.

— Будет сделано, приятель, — последовал ответ.

Дорога по пустому шоссе не заняла много времени. Без десяти два Ричардс входил в здание аэропорта. Прохромал мимо нескольких копов и сотрудников службы безопасности, не вызвав у них ни малейшего интереса. Купил билет до Нью-Йорка. Действительно, куда еще он мог полететь? На проверку документов, рутинное дело, ушло несколько секунд. Самолет вылетел в двадцать минут третьего. С Ричардсом летело человек сорок, в основном бизнесмены и студенты. Коп в своей пуленепробиваемой будке проспал весь полет. Какое-то время подремал и Ричардс.

Приземлились они в шесть минут четвертого. И нью-йоркский аэропорт Ричардс покинул без приключений.

В четверть четвертого такси уже въезжало на Линдсей-оверуэй. Центральный парк они пересекли по диагонали, и в двадцать минут четвертого Бен Ричардс растворился в чреве самого большого города планеты.

...МИНУС 076, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Он остановил свой выбор на отеле «Брант» в Ист-Сайде. Этот район переживал очередной подъем, но тем не менее располагался неподалеку от трущоб Манхэттена, также самых больших в мире. Убедившись в этом, Ричардс вновь вспомнил слова Дэна Киллияна: «Держитесь своих».

Выходя из такси, он зашагал к Таймс-сквер. Ему не хотелось регистрироваться в отеле до рассвета: зачем привлекать к себе лишнее внимание. Пять с половиной часов, с половины четвертого до девяти, он просидел на ночном шоу для извращенцев. Безумно хотелось спать, и пару раз он таки начинал дремать, но тут же просыпался от легких прикосновений пальцев к бедру.

— Сколько вы намерены у нас пробыть? — спросил портье, глянув на регистрационную карточку, заполненную на имя Джона

Г. Спрингера.

— Не знаю. — Ричардс постарался ответить как можно дружелюбнее. — Все зависит от покупателей, вы же понимаете. — Он заплатил шестьдесят новобаксов за двое суток и поднялся на лифте на двадцать третий этаж. Из окна открывался мрачный вид на Ист-Ривер. В Нью-Йорке тоже лил дождь.

Номер ему достался чистенький и безликий. Из примыкающей к спальне ванной доносились неприятные, в чем-то зловещие звуки: тек бачок. Справиться с ним Ричарду не удалось, хотя он несколько раз дернул за ручку спускного клапана.

Завтрак он заказал в номер: гренок с яйцом, апельсиновый напиток, кофе. Когда коридорный принес поднос, с чаевыми перебарщивать не стал, чтобы клиент не запал в память.

Позавтракав, достал видеокамеру. Под видеокателем блестела металлическая табличка с надписью: ИНСТРУКЦИИ. Ниже Ричардс прочитал:

«1. Вставьте видеокассету в прорезь, отмеченную буквой А. Когда кассета встанет на место, раздастся щелчок.

2. Наведите видеокамеру на нужный объект с помощью перекрестия в объективе.

3. Нажмите кнопку, отмеченную буквой В, чтобы включить микрофон.

4. После звукового сигнала кассета выскочит автоматически.

Время записи — 10 минут».

Отлично, подумал Ричардс. Они смогут посмотреть, как я сплю.

Он поставил видеокамеру на комод рядом с Библией и навел ее на кровать и пустую стену за ней. Едва ли кто смог бы определить по такой стене, в каком отеле велась съемка. Уличный шум такой высоты практически не достигал, но на всякий случай Ричардс пустил воду в душе.

И уже хотел начать съемку, когда вспомнил, что изменил внешность. Конечно, накладные зубы и очки он мог снять, а вот патик — нет. Выход он нашел без труда: натянул на голову наволочку. Затем включил видеокамеру, вернулся к кровати и сел лицом к объективу.

— Ку-ку, — глухим голосом обратился Бен Ричардс ко всем тем, кто вечером с замирающим сердцем будет смотреть и слушать его. — Вы этого не видите, но я просто гогочу над вами, говноеды.

Он лег, закрыл глаза, но ничего другого придумать не смог. Когда

десять минут спустя кассета выскочила из прорези, он уже

...МИНУС 075, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Проснулся он в четыре пополудни — охота началась три часа назад, учитывая часовые пояса. От этой мысли его прошиб пот.

Он вставил в камеру новую кассету, взял Библию, и десять минут раз за разом повторял вслух десять заповедей, не снимая с головы наволочку.

В ящике стола лежали конверты, но все с названием отеля и адресом, напечатанным на лицевой стороне. Колебался он недолго, понимая, что любое решение мало что изменит. С одной стороны, приходилось верить Киллиану, утверждавшему, что Маккоун и его Охотники не имеют доступа к переписке с ним и не смогут догадаться о его местонахождении по почтовому штемпелю. С другой — без писем не обойтись. Почтовыми голубями его не снабдили.

Почтовый ящик стоял у лифта. С тяжелым сердцем Ричардс бросил кассеты в отделение междугородной корреспонденции. Хотя почтовая служба не получала денег от Корпорации Игр за информацию о местонахождении игроков, риск был слишком велик. Но в противном случае грозила приостановка платежей, а на это он пойти не мог.

Он поднялся в номер, выключил душ, ванная уже превратилась в парную, лег на кровать, задумался.

Куда бежать? Как определить оптимальный вариант?

Он попытался взглянуть на ситуацию как бы со стороны. Как поступил бы на его месте среднестатистический игрок? Первый импульс — следуй инстинкту, доставшемуся от далеких предков. Затаись. Прильни к земле. Вырой нору и залезь в нее.

Так он и поступил. Снял номер в отеле «Брант».

Ждут ли от него Охотники такого шага? Да. Они будут искать совсем не бегущего — прячущегося.

Смогут они отыскать его нору?

Ему очень хотелось ответить, что нет, но обольщаться он не имел права. Да, облик он изменил, но все делалось в спешке. Наблюдательных людей не много, но они есть. Возможно, его уже засекли. Портые. Коридорный, который приносил завтрак. Может, кто-то из любителей шоу для извращенцев на Сорок второй улице.

Маловероятно, но возможно.

А его липовые документы, сработанные Моули? Надолго ли их хватит? Таксист, который вез его от Нетворк-геймс-билдинг, обязательно покажет, что он отправился в Южный город. И Охотники не зря едят свой хлеб. Они как следует тряхнут всех его

знакомых, от Джека Крейгера до Эйлин Дженнер, этой сучки, что жила с ним на одном этаже. Не просто тряхнут, а размажут по стенке. И сколько пройдет времени, прежде чем кто-нибудь, к примеру, слабачок Флеппер Донниган, сболтнет, что Моули изготавляет желающим подложные документы? А если они выйдут на Моули, он расколется. Поначалу, конечно, поупирается, не будет возражать и против того, чтобы ему пару раз двинули в ухо: потом будет оправдываться боевыми шрамами. С тем чтобы однажды ночью его хибара не вспыхнула свечкой. А потом? Элементарная проверка трех аэропортов Хардинга покажет, что Джон Г. Спрингер глубокой ночью улетел в Нью-Йорк.

Если они нашли Моули.

Исходи из того, что найдут. Ты обязан исходить из того, что найдут.

Значит, бежать. Куда?

Он не знал. За всю жизнь он ни разу не выезжал за пределы Хардинга. Никого не знал даже там, на Среднем Западе. И уж тем более на Восточном побережье. Не было места, где он мог чувствовать себя своим. Так куда? Куда?

Он и сам не заметил, как погрузился в тревожный, нервный сон. Моули они нашли без труда. В течение пяти минут выяснили, что Ричардс стал Спрингером после того, как выдернули два ногтя, залили пупок бензином и пригрозили поднести к нему зажигалку. Сразу же узнали номер рейса и прибыли в Нью-Йорк в половине третьего по местному времени. А сейчас они уже окружают отель. Места коридорных, официантов, швейцаров занимают Охотники. Полдюжины затасились у пожарной лестницы. Еще пятьдесят — у лифтов. Гораздо больше кружит вокруг отеля в пневмокарах. Вот они в холле, сейчас вышибут дверь и ворвутся в номер, чтобы вытащить его на всеобщее обозрение и превратить в гамбургер.

Ричардс сел, обливаясь потом. А он даже не вооружен.

Бежать! Быстро!

Для начала сойдет и Бостон.

...МИНУС 074, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Номер он покинул в пять вечера, спустился в вестибюль.

— Добрый день, мистер... э...

— Спрингер, — улыбнулся Ричардс. — Похоже, мне везет, старичок. Три клиента... проявили интерес. Придется за-

держаться в вашем замечательном отеле еще на пару дней. Я могу заплатить вперед?

— Разумеется, сэр.

Деньги поменяли хозяина. По-прежнему улыбаясь, Ричардс поднялся в номер. В коридоре ни души. Он повесил на дверь табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ» и направился к пожарной лестнице.

Ему сопутствовала удача, по пути никто не встретился. Он спустился вниз и незамеченным выскользнул через боковую дверь.

Дождь перестал, но над Манхэттеном плыли низкие тучи. В воздухе стоял резкий запах электролита. Ричардс шел быстро, забыв про хромоту, держа курс на автовокзал. Билеты на «грайхаунд» по-прежнему продавались без предъявления удостоверения личности.

— Бостон, — бросил он бородатому кассири.

— Двадцать три бакса, приятель. Автобус отходит ровно в шесть пятнадцать.

Он отдал деньги. Из выданной Томпсоном суммы у него осталось чуть меньше трех тысяч новобаксов. До отхода автобуса остался час, автовокзал кишел людьми, то и дело на глаза попадались солдаты Добровольческой армии, в синих беретах, с мальчишескими, но жестокими лицами. Он купил порнографический журнал, сел и закрылся им. Так и просидел час, уставившись на него, изредка переворачивая страницу, чтобы не вызывать подозрений.

Когда автобус подкатил к терминалу, он захромал к открывшимся дверям.

— Эй! Эй, ты!

Ричардс огляделся. К нему бежал коп. Он застыл, не в силах сдвинуться с места. Какая-то часть мозга исходила криком: беги, беги, беги, а не то с тобой разделаются прямо здесь, на заплеванном жвачкой полу автовокзала, среди стен, исписанных похабщиной. Беги, а не то станешь добычей тупоголового копа.

— Остановите его! Остановите этого парня!

Коп бежал не к нему. Показывал не на него. У Ричардса отлегло от сердца. Коп бежал за оборванцем, который слямзил дамскую сумочку и теперь бежал к лестнице, растилкивая идущих навстречу.

Он и его преследователь взлетели по ступеням, исчезли. Отезжающие, приезжающие, встречающие проводили их взглядами, а затем вернулись к прежним занятиям, словно ничего и не произошло.

Ричардс встал в очередь, его трясло.

Он плюхнулся на сиденье в конце салона, а несколько минут спустя автобус мягко отъехал от терминала и в辚лся в

транспортный поток. Коп и его жертва растворились в человеческом море.

Если бы у меня был пистолет, я бы его прикончил, думал Ричардс. Господи, о Господи.

А в голове зазвучала другая мысль: *в следующий раз он будет гнаться не за мелким воришкой — за тобой.*

И в Бостоне надо обязательно разжиться пистолетом. Любым способом.

Ричардс вспомнил обещание Лафлина выкинуть из окна нескольких копов, прежде чем те отправят его к праотцам.

В сгущающихся сумерках автобус катил на север.

...МИНУС 073, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Здание бостонского отделения ИМКА*, огромное, почерневшее от времени, старомодное, располагалось на Хейнингтон-авеню. В середине прошлого столетия этот район считался в Бостоне едва ли не самым престижным. Теперь здание служило стыдливым напоминанием о других днях, другой эпохе, а его несонавая вывеска подмигивала всеми своими буквами кварталу порнографических кинотеатров, где христианством, мягко говоря, и не пахло.

Когда Ричардс вошел в вестибюль, портье яростно спорил с немытым негритенком, одетым в блузу для киллбала, такую длинную, что из-под нее торчали только манжеты джинсов.

— Я потерял мой пятицентовик, хонки. Я потерял мой гребаный пятицентовик.

— Если ты сейчас не уберешься отсюда, я вызову охрану, парень. Вот и все. Я тебе все сказал.

— Но этот чертов автомат сожрал мой пятицентовик!

— Прекрати ругаться при мне, маленький негодяй. — Портье, выглядел он лет на тридцать, протянул руку, схватил негритенка за грудки, тряхнул. — Убирайся отсюда. Не о чем нам больше говорить.

Видя, что портье настроен серьезно, негритенок чуть не расплакался.

* YMCA (Young Men's Christian Association) — Ассоциация молодых христиан — неполитическая международная организация. Основана в Бостоне в 1851 г. Занимается организацией досуга и обучением молодежи, содержит общежития и гостиницы.

— Послушай, это же единственный пятицентовик, который у меня был. Дерьмовый автомат сожрал мой пятицентовик, а жвачку не дал. Это...

— Я звоню в охрану. — Портье повернулся к коммутатору. Его пиджак, явно с чужого плеча, висел на нем как на вешалке.

Негритенок пнул ногой автомат, зажавший жевательную резинку, и выбежал из вестибюля, крикнув на прощание:

— Дерьмовая белая свинья. Гребаный сукин сын!

Портье проводил его взглядом, так и не нажав на кнопку вызова охраны, настоящую или выдуманную. Улыбнулся Ричардсу, в ряду зубов чернели прорехи.

— С этими ниггерами просто сладу нет. Если бы руководил Сетью, то держал бы их в клетках.

— Он действительно остался без пятицентовика? — спросил Ричардс, расписавшись в регистрационной книге как Диган из Мичигана.

— Если и остался, то этот пятицентовик он наверняка украл, — ответил портье. — Я в этом не сомневаюсь. А вот если бы я дал ему пятицентовик, то к вечеру две сотни попрошаек требовали бы у меня того же. Кто их только научил ругаться? У них же через каждое слово — брань. Неужели их родителям на это наплевать? Как долго вы у нас пробудете, мистер Диган?

— Еще не знаю. В город я приехал по делам. — Он попытался изобразить сальную улыбку, а когда почувствовал, что получается, улыбнулся еще шире. Портье узнал ее мгновенно (вероятно, потому, что не раз видел нечто подобное на отражении собственной физиономии в отполированной миллионами локтей мраморной стойке) и улыбнулся в ответ:

— С вас пятнадцать долларов и пятьдесят центов, мистер Диган. — Он пододвинул к Ричардсу ключ, висящий на одном кольце с деревянным бочонком. — Ваш номер пятьсот двенадцать.

— Благодарю. — Ричардс расплатился наличными. Удостоверение личности вновь не понадобилось. Господи, благослови ИМКА.

Он прошел к лифтам, через открытую дверь по левую руку заглянул в Библиотеку христианской литературы, тускло освещенную засижеными мухами желтыми лампами-шарами. Старик в плаще и галошах, слюнявя палец, переворачивал страницы какого-то фолианта. Даже от лифта Ричардс слышал клокочущие в его легких хрюпы. Пожалел старика.

Лифт остановился, двери, словно с неохотой, открылись. Когда он входил в кабину, послышался громкий голос портье: «Это просто стыд и позор. Я бы сажал их в клетки».

Ричардс обернулся, думая, что портье обращается к нему, но тот на него даже и не смотрел.

В вестибюле воцарились тишина и покой.

...МИНУС 072, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

На пятом этаже воняло мочой. Узкий коридор устипал когда-то красный, а теперь давно выцветший ковер, местами протертый до дыр. Грязно-серые двери, другой краски, видать, не нашлось, навевали тоску. На некоторых виднелись свежие отметины от ударов, пинков, попыток взлома. Через каждые двадцать шагов аккуратная табличка сообщала, что РАСПОРЯЖЕНИЕМ НАЧАЛЬНИКА ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ КУРИТЬ В КОРИДОРЕ ЗАПРЕЩЕНО. Посередине коридора находилась общая ванная-туалет, и рядом с ней запах мочи стал особенно сильным. Запах этот Ричардс безотчетно ассоциировал с отчаянием. Представил себе, как люди мечутся за этими серыми дверями, словно животные в клетках — животные очень уж страшные, очень уж напуганные, таких никому не показывают. Кто-то пьяным голосом вновь и вновь выводил «Аве Мария». Странные булькающие звуки доносились из-за другой двери. Еще за одной гремела музыка («Где взять бакс для телефона, как я одинок...»). Шаркающие шаги. Скрип кроватных пружин. Рыдания. Смех. Истерические выкрики. А за всем этим — тишина. И тишина. И тишина. Мужчина с пугающе впалой грудью прошел мимо Ричардса, даже не взглянув на него. В одной руке он нес кусок мыла и полотенце, другой поддерживал пижамные штаны, из-под которых выглядывали вытершиеся шлепанцы.

Ричардс отпер дверь, вошел в свою комнату. С внутренней стороны обнаружил засов и задвинул его. Увидел кровать с армейским одеялом и застиранными простынями, комод без одного ящика. Стенну украшало изображение Иисуса. Стальная стойка с двумя крючками для одежды притулилась в углу, справа от двери. За единственным окном стояла темень. Часы показывали четверть одиннадцатого.

Ричардс повесил пиджак, скинул ботинки, лег на кровать. Осознал, как он несчастен, ничтожен, уязвим. Окружающий его

мир ревел, завывал, грохотал, словно гигантская, безразличная

ко всему колымага, несущаяся вниз по склону к бездонной пропасти. Губы Ричардса задрожали, он немного поплакал.

Этого записывать на пленку он не стал. Полежал, взглядаваясь в потолок, по которому бежали миллионы трещин. Они шли по его следу уже больше восьми часов. Он заработал восемьсот долларов. Господи, даже не оправдал свои расходы.

И он не увидел себя по фри-ви. А так хотелось посмотреть, идет ли ему наволочка.

Где они? Все еще в Хардинге? В Нью-Йорке? Едут в Бостон? Нет, не могут они сюда ехать, никак не могут. Автобус ни разу не останавливался для проверки документов. Он покинул величайший город мира анонимно, поселился в этой дешевой гостинице под вымышленной фамилией. Не могут они выйти на него. Это невозможно.

В бостонском отделении ИМКА он спокойно просидит пару дней. А потом двинется на север, в Нью-Хэмпшир или Вермонт, или на юг, к Хартфорду или Филадельфии, а то и в Атланту. На востоке-то океан, за ним — Британия и Европа. Хотелось бы, конечно, попасть туда, но невозможно. На самолет без удостоверения личности не пустят. А разоблачение означало смерть на месте. И Запад отпадал. На Западе самые азартные Охотники.

Не выносишь жары — не суйся на кухню. Кто это сказал? Моули наверняка знает. Он хохотнул, настроение улучшилось.

В соседней комнате включили радио.

Хорошо бы раздобыть пистолет этим вечером, но он слишком устал. Поездка в автобусе утомила его. Убегать — труд не из легких. И он нутром чуял, что скоро ему придется спать на октябрьском холоде, под кустом или в канаве.

Пистолет подождет до завтра.

Ричардс выключил свет и заснул.

... МИНУС 071, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Пришла пора записывать очередную кассету. Ричардс повернулся к камере задом, напевая мелодию музыкальной заставки «Бегущего человека». Наволочку, помеченную буквами ИМКА, он вывернул наизнанку, прежде чем вновь надеть на голову: чтобы не читалось название ее владельца.

Видеокамера пробудила в Ричардсе чувство юмора. Раньше-то он полагал, что оно у него отсутствует напрочь. Он-то

всегда считал себя довольно-таки мрачным типом. А вот перспектива скорой смерти открыла в нем комическое начало.

Когда кассета выскочила из прорези, он решил, что вторую отснимет после полудня. Четыре стены навевали скуку, хотелось смениТЬ декорации.

Он не торопясь оделся, подошел к окну, выглянул.

Автомобили сплошным потоком катили по Хейнингтон-авеню. На обе стороны мостовой тротуары запрудила толпа. Пешеходы шли медленно. Некоторые на ходу просматривали ярко-желтые страницы факсов «Помогите — разыскивается». Большинство просто шли. Копы стояли на каждом углу. Ричардс без труда читал их мысли: *Шевелитесь. Неужели вам некуда пойти? Прибавь шагу, червяк.*

Вот ты и шел к следующему перекрестку, который ничем не отличался от предыдущего, а от тебя требовали идти дальше. Крыша от этого, конечно, не ехала, но ногам доставалось.

Ричардсу хотелось принять душ. Но не велик ли риск, думал он. Решил, что не очень. Вышел в коридор с полотенцем через плечо, никого не встретил, направился в ванную-туалет.

В нос ударила ядреная смесь запахов мочи, дерьма, перды, какого-то дезинфицирующего средства. Дверцы кабинок, собственно, давно выломали. Над писсуарами кто-то аршинными буквами начертал «СЕТЬ — НА ХЕР». Чувствовалось, что человек очень злился, создавая сей шедевр. В одном из писсуаров темнела куча дерьма. Кто-то сильно напился, решил Ричардс. Наддерьмом лениво вились несколько осенних мух. Его не затошило. Такое случалось повсеместно. Он лишь порадовался, что не отправился мыться босиком.

И в душевой никто не составил ему компаний. Пол — потрескавшаяся плитка, настенный кафель понизу отбит. Он полностью отвернул кран горячей воды, пять минут терпеливо ждал, пока сочащаяся из ржавой головки струйка хоть немного нагреется, потом быстро помылся, воспользовавшись обмылком, который нашел на полу. То ли в ИМКА мыла не выдавали, то ли горничная прикарманила полагавшийся ему кусок. Возвращаясь в номер, он столкнулся в коридоре с мужчиной с заячьей губой.

Ричардс надел рубашку, заправил в брюки, сел на кровать, закурил. Хотелось есть, но он решил подождать наступления сумерек.

От скуки вновь подошел к окну. Начал считать автомобили разных фирм: «форды», «шеви», «униты», «вольксвагены», «плимуты», «студебекеры», «рамблеры». Кто первый перевалит за сотню.

66 Занудная игра, но все лучше, чем никакая.

Выше Хейнингтон-авеню упиралась в Северо-Восточный университет, напротив здания ИМКА находился большой автоматизированный книжный магазин. Считая автомобили, Ричардс наблюдал за входящими и выходящими из него студентами. Очень уж они отличались от едва волочащих ноги пешеходов. Стрижки короткие, едва ли не все в куртках из шотландки: видать, такая у них в кампусе мода. На их лицах, в походке, осанке читались снисходительность и чувство превосходства. В ячейках пятиминутной стоянки у магазина автомобили постоянно сменяли друг друга: спортивные, броские, зачастую экзотические. В большинстве своем с фирменными наклейками учебных заведений на задних стеклах: Северо-Восточный университет, Массачусетский технологический институт, Бостонский колледж, Гарвард. Практически все пешеходы не отличали эти чудеса техники от фонарного столба, лишь некоторые смотрели на них со жгучей завистью.

«Уинт» вырулил из ячейки перед дверью магазина, и его место занял «форд», замерев в дюйме над мостовой. Водитель, коротко стриженный парень с длинной, в фут, сигарой, перевел его в режим холостого хода. Автомобиль чуть качнуло, когда из кабины вылез пассажир, крепкий парень в клетчатой, коричнево-белой куртке. И тут же исчез в магазине.

Ричардс вздохнул. Считать машины надоело. «Форды» лидировали со счетом 78:40. Исход предрешен, как на ближайших выборах.

В дверь забарабанили, Ричардс обмер.

— Френки! Ты здесь, Френки?

Ричардс молчал. Окаменел от страха, превратившись в статую.

— Дерьма, что ли, объелся, Френки? — За дверью пьяненько засмеялись, шаги удалились. Теперь стучали в следующую дверь. — Ты здесь, Френки?

Сердце Ричардса медленно опустилось из горла на положенное ему место.

«Форд» отъехал, ячейку тут же занял другой «форд». Семьдесят девятый по счету. Мразь.

Наступил полдень. Час дня. Ричардс отмерял время по перезвону колоколов многочисленных церквей. Ирония судьбы — человека каждой минута на счету, а часов нет.

Он изменил правила игры. Каждый «форд» шел за два балла, «студебекер» — за три, «уинт» — за четыре. Выигрывала марка, первая набравшая пятьсот баллов.

Лишь пятнадцать минут спустя он заметил парня в коричнево-белой куртке. Тот прислонился к фонарному столбу за магазином и внимательно изучал концертную афишу. Полиция его не прогоняла. Более того, даже не замечала.

Ты пугаешься собственной тени, слизняк. Скоро они начнут мерещиться тебе по углам. Он сосчитал «унит» с помятым крылом. Желтый «форд». Старый «студебекер» со свистящим диффузором. «Фольксваген» — не пойдет, они в игре не участвуют. Еще «унит». «Студебекер».

Мужчина с длинной, в фут, сигарой стоял на автобусной остановке на углу. Единственный. Не без причины. Ричардс видел, как подъезжали и отъезжали автобусы, и знал, что следующий ждать не меньше сорока пяти минут.

По спине Ричардса пробежал холодок.

Старик в драном черном пальто, тащившийся вдоль улицы, остановился, как бы невзначай привалившись к стене.

Два парня в куртках из шотландки выскочили из такси, о чём-то оживленно беседуя, их тут же заинтересовало меню в витрине ресторана «Стокгольм».

Коп подошел к мужчине на автобусной остановке, перекинулся с ним парой слов, зашагал дальше.

Ричардс с ужасом отметил, что многие пешеходы теперь представляют ноги куда как медленнее. Их одежда, походка показались Ричардсу очень уж знакомыми, словно он их тут уже видел, но только сейчас начал это понимать. Точно так же не сразу, с трудом, узнаются во сне голоса уже умерших людей.

И копов прибавилось.

Окружают, подумал он. Мысль эта ввергла Ричардса в панику.

Нет, поправил его рассудок. *Уже окружили.*

...МИНУС ОДО, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Ричардс быстрым шагом прошел в ванную, сохраняя спокойствие, игнорируя ужас, как человек, идущий по краю пропасти, игнорирует развернувшуюся под ним бездну. Он сможет выбраться отсюда, лишь сохранив самообладание. Если запаникует — здесь и умрет.

Кто-то мылся в душе, фальцетом напевая модную песенку.

68 У писсуаров и раковин никого.

Идея возникла у него, когда он стоял у окна, глядя, как они слетаются к зданию ИМКА. Если бы не возникла, он бы не сдвинулся с места — Аладдин, наблюдающий, как вырвавшийся из лампы дым превращается во всесильного джинна. Этим трюком они пользовались в детстве, чтобы добывать газеты из подвалов домов Развития. Моули покупал их по два цента за фунт.

Резким движением руки он выломал из стены одну из проволочных подставок для зубной щетки. Она чуть заржавела, но для его целей годилась. Ричардс зашагал к лифту, на ходу выпрямляя проволоку. Нажал кнопку вызова, и кабина медленно спустилась с восьмого этажа. Пустая. Слава Богу, пустая.

Он вошел в лифт, выглянул, убедился, что в коридоре никого, повернулся к панели управления. Нашел прорезь рядом с кнопкой с буквой «П». У смотрителя имелась специальная карточка. Он вставлял ее в прорезь, электронный сканер проверял карточку, и, если проверка подозрений не вызывала, при нажатии кнопки лифт спускался в подвал.

А если не сработает?

Не думай об этом. Сейчас не время об этом думать.

Скривившись в предчувствии возможного удара током, Ричардс сунул проволоку в прорезь и одновременно нажал на кнопку «П».

За панелью управления что-то заскворчало. Его ударил легкий разряд. В первый момент ничего не изменилось. Но потом двери захлопнулись, и кабина с неохотой заскользила вниз. Из прорези вырвался клуб синего дыма.

Ричардс не отрывал глаз от светового индикатора. Когда загорелась цифра «1», мотор наверху заскрежетал, казалось, кабина остановилась (может, останавливалась она только в воображении Ричардса), но потом продолжила спуск. Двадцать секунд спустя двери раздвинулись, и Ричардс вышел в огромный, тускло освещенный подвал. Где-то капала вода, шебаршились потревоженные крысы. Но в целом подвал принадлежал только ему. Пока.

...МИНУС 069, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Огромные, тронутые ржавчиной, облепленные паутиной трубы отопительной системы змеились под потолком. Котел неожиданно загудел, и Ричардс едва не вскрикнул от ужаса. Выброс адреналина на мгновение обездвижил его.

Увидел Ричардс и газеты. Тысячи газет, аккуратно упакованных в пачки. В них теперь гнездились крысы. Целые семейства не сводили с пришельца недоверчивых красных глаз.

Он зашагал по подвалу, остановился, увидев распределительный щит с предохранителями, привинченный к стойке болтами. За стойкой стоял ящик с инструментами. Ричардс взял ломики, двинулся дальше, не отрывая глаз от пола.

У дальней стены, слева от себя, он обнаружил сток ливневой канализации. Приблизился к нему, задаваясь вопросом, а известно ли им, что он здесь.

Сток закрывала стальная решетка диаметром три фута. Ричардс нашел выемку между коробом и решеткой, вставил в нее ломик (для того выемка и предназначалась), надавил на свободный конец ногои, руками схватился за поднявшуюся решетку, отбросил ее. Она с грохотом ударила о бетонный пол, распугав крыс.

Труба уходила вниз под углом сорок пять градусов, и Ричардс прикинул, что диаметр воронки никак не больше двух с половиной футов. А за ней чернильная тьма. Клаустрофobia сковала грудь. Слишком узка для маневра, места едва хватит, чтобы дышать. Но деваться-то некуда.

Он подтащил решетку, надвинул на воронку, чтобы при необходимости ухватиться за нее снизу. Затем подошел к распределительному щиту, ломиком сшиб замок, открыл дверцу. Собрался уже вытащить предохранители, когда в голове у него сверкнула другая мысль.

Он прогулялся к газетам, пачки которых лежали грудой у восточной стены подвала. Достал из кармана книжечку с бумажными спичками, от которых прикуривал. Спичек осталось только три. Оторвал газетный лист, скрутил жгутом. Прижал к боку локтем, чиркнул спичкой. Первую затушил сквозняк. Вторая выпала из дрожащих пальцев на влажный пол.

Третья подожгла бумажный жгут, вспыхнувший желтым пламенем. Крыса, должно быть, почувствовавшая, что сейчас произойдет, пробежала по его ноге и скрылась в темноте.

Шестое чувство подсказывало ему, что время поджимает, но он ждал, пока бумага как следует разгорится: спичек-то у него больше не было. Осторожно сунул горящий жгут в зазор между пачками, убедился, что огонь распространяется по бумажной стене, доходившей ему до груди.

Тут же высился и громадный резервуар с соляркой, из которого топливо поступало в котел системы обогрева все-

го здания. Может, он взорвётся, подумал Ричардс. Его бы это не огорчило.

Он бегом вернулся к распределительному щиту и начал один за другим вырывать длинные цилиндры предохранителей. Вырвал почти все, когда свет в подвале погас. До сливной воронки он добрался быстро: путь освещали отблески пламени. Бумажная стена разгоралась все сильнее.

Он сел на край воронки, свесив ноги, затем медленно сполз вниз. Когда голова оказалась ниже уровня пола, уперся коленями в стенки, поднял руки. В ушах стоял треск горящей бумаги. Он нашупал край решетки, потянул. Решетка подалась. Еще рывок, последний, и она с грохотом встала на место.

Ричардс свел колени и заскользил вниз. Трубу покрывала слизь, так что он, как по желобу, проскочил двенадцать футов, до того места, где труба загибалась под прямым углом. Ноги уперлись в стенку, он застыл, словно пьяница, привалившись к фонарному столбу.

Попасть в горизонтальный рукав он не мог. Слишком круто загибалась труба.

Клаустрофobia нарастала, не давая дышать.

Ловушка, верещало где-то в мозгу. *Ловушка, ловушка, ловушка.*

Крик рванулся из груди, но Ричардс подавил его.

Успокойся. Действительно, положение не из приятных, можно сказать, критическое, но надо сохранять спокойствие. Сейчас самое главное — спокойствие. Потому что назад пути нет и надо искать путь вперед. Иначе этот чертов резервуар с соляркой взорвётся и поджарит тебя, как в духовке...

Он медленно начал поворачиваться вокруг оси, пока не улегся на живот. Слизь замسняла смазку, облегчая движение. В трубе стало совсем светло, да и температура повысилась. Крышка отбрасывала решетчатую тень на его закаменевшее лицо.

Теперь, лежа на животе, он мог согнуть колени. Ступни и голени соскользнули в горизонтальный рукав. Он словно решил помолиться. Но на том движение застопорилось. Его бедра уперлись в керамический защитный козырек над изгибом трубы.

Вроде бы ему послышались какие-то крики, перекрывающие треск пламени, но, возможно, у него просто разыгралось воображение. Опять же времени отвлекаться не было.

Он заработал бедрами и голенями, ввинчиваясь в зазор, и малопомалу колени пришли в движение, уходя все ниже. Руки он вытянул вверх, чтобы занимать как можно меньше места в

поперечнике, лицо ткнулось в слизь. Дело шло к тому, что поворот он проскочит. Ричардс как мог прогнул спину, отталкиваясь руками и подбородком, только эти части тела он мог задействовать в качестве рычага.

На мгновение закралась мысль, что ему не пролезть, что он застрянет в изгибе трубы и останется здесь навсегда, но в этот момент бедра и ягодицы вышибло в горизонтальный рукав, совсем как пробку из бутылки. Он ободрал поясницу, колени, рубашка задралась до лопаток, но в наклонной трубе остались только плечи, руки и голова. Осторожно поворачиваясь, медленно, очень медленно, он миновал поворот и застыл, тяжело дыша, в потеках слизи и катышках крысиного помета на лице.

Труба стала уже. При каждом вдохе плечи касались стенок.

Слава Богу, что я такой худой.

Ногами вперед он пополз в черную неизвестность.

...МИНУС 068, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Медленно, как крот, он продвинулся на пятьдесят ярдов. И тут взорвался бак с соляркой в подвале ИМКА. От грохота у него едва не лопнули барабанные перепонки. Трубу осветила бело-желтая вспышка, словно зажгли фосфорную шашку. Потом растворилась в темноте, оставив розовый отблеск. Несколько мгновений спустя лицо обожгло раскаленным воздухом, он поморшился.

Видеокамера в кармане пиджака билась о стенки при каждом движении: теперь он пытался пятиться быстрее. Труба нагревалась от взрыва, где-то над его головой бушевал пожар. Ричарду совсем не хотелось уподобиться картофелине, запеченной в голландской печи.

Пот катился по лицу, смешиваясь с налипшими на кожу слизью и дермом, в отблесках пламени он напоминал индейца в боевом раскрасе. Стенки трубы уже сильно разогрелись. Прикосновение вызывало боль.

Теперь Ричардс пятился на коленях и локтях, скребя задом по трубе. Дыхание с хрипом вырывалось из груди. Горячий воздух пропах соляркой. Боль грозила разнести голову на куски, острыми кинжалами изнутри впивалась в глаза.

Я тут изжарюсь. Я тут изжарюсь.

Затем ноги внезапно повисли в воздухе. Ричардс попытался извернуться, посмотреть, что у него за спиной, но ви-

дел только черноту. Не оставалось ничего другого, как двигаться дальше. Теперь он отталкивался только локтями, ноги уже висели вдоль железной стенки. Он скользнул вниз, и ботинки погрузились в холодную воду.

Новая труба тянулась под прямым углом к той, из которой вылез Ричардс. Большая труба, Ричардс мог в ней стоять, чуть пригнувшись. Густой поток медленно обтекал его щиколотки. Он заглянул в свою трубу, освещенную отблесками пламени. Знать, пожар силен, решил он, раз виден на таком расстоянии.

Ричардс с неохотой заставил себя признать, что Охотники скорее считут его живым, чем погибшим в пламени, но едва ли сумеют найти путь, которым он ушел, до того как пожарные справятся с огнем. Эта мысль успокаивала. Но, с другой стороны, он и раньше успокаивал себя тем, что они не выйдут на его след в Бостоне.

Может, и не вышли. В конце концов, на чем основаны твои подозрения, что ты такого видел?

Да нет. Он видел именно их. Вне всяких сомнений. Охотники. От них шел запах зла. Он незримо возносился к его комнате на пятом этаже.

Крыса пробежала мимо, остановилась, коротко глянула на него сверкающими глазками.

Ричардс пошлепал за ней, по течению.

...МИНУС 067, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Ричардс стоял у лестницы, задрав голову, ошарашенно таращась на свет. Постоянного потока машин не было, уже хорошо, но свет...

Свет удивил его потому, что по сливным трубам он, по его расчетам, шагал не один час. В темноте, без единого ориентира, под журчание воды, редкий всплеск пробегающей мимо крысы да бульканье, доносящееся из других труб (а что, если кто-то спустит дермо прямо мне на голову? — такая мысль возникала не раз), Ричардс совершенно утратил чувство времени.

И теперь, глядя в дырчатый люк в пятнадцати футах над головой, он видел, что свет еще не померк, то есть на улице по-прежнему ясный день. Каждая дырка тянулась лучом-карандашом к его груди и плечам.

С тех пор как он остановился у лестницы, сверху не проехал ни один пневмокар. Несколько раз прогромыхал тяжелый грузовик с ДВС да проскочили мотоциклисты. Он догадался,

что шестое чувство и удача вывели его в городские трущобы — к своим.

Однако он не решился подняться наверх до наступления темноты. Чтобы не терять времени попусту, он достал видеокамеру, вставил кассету и начал снимать свою грудь. Он знал, что пленка высокочувствительная, то есть освещенности хватало, и не хотел выдавать своего местонахождения. На этот раз он ничего не говорил и не дурачился. Слишком устал.

Когда кассета выскочила из прорези, Ричардс положил ее в карман с уже отнятой. Он не мог отделаться от мысли о том, что кассеты выдают его с головой. И он должен с этим покончить. Другого не дано.

Ричардс устало опустился на третью перекладину лестницы, дожидаясь темноты. Он бежал почти тридцать часов.

...МИНУС 066, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Мальчик лет семи, чернокожий, с сигаретой во рту, выглянул из проулка.

Внезапно посреди мостовой началось шевеление. Тени двигались, застывали, вновь приходили в движение. Поднялся люк. Что-то блеснуло... чьи-то глаза? Люк со звоном упал на асфальт.

Кто-то (или *что-то*, со страхом подумал мальчик) вылезал из колодца. Может, дьявол явился за Касси? Мать говорила, что Касси отправится на небеса, к Дикки и ангелам, но мальчик придерживался другого мнения. Все после смерти попадают в ад, где дьявол вонзает вилы в зад каждому. Он видел изображение дьявола в книгах, которые Бредли стибрил в Бостонской публичной библиотеке. Путь на небеса открыт лишь любителям пуша. Люди доставались дьяволу.

Наверное, дьявол, думал он, наблюдая, как Ричардс выполз из колодца и на мгновение припал к потрескавшемуся асфальту, переводя дыхание. Без рогов и хвоста, не красный, как в книжке, но морда страшная, злобная.

Вот он положил люк на место, а теперь... святой Боже, он же помчался к проулку!

Мальчик пискнул, попытался удрачить, но упал, запутавшись в собственных ногах. Вскочить не успел: дьявол уже схватил его.

— Не утаскивай меня с собой, — завершал он. — Не коли меня в зад вилами, сукин ты...

— Ш-ш-ш! Заткнись! Заткнись! — Дьявол тряхнул его так, что у него лязгнули зубы. Он заткнулся. Дьявол испуганно оглядался, лицо перекосило от ужаса. Такие же лица мальчик видел на экране фри-ви у участников игры «Заплыv с крокодилами». Он был рассмеялся, если б его самого не трясло от страха.

— Ты не дьявол.

— Стану им, если завопишь.

— Чего мне вопить? — пренебрежительно бросил мальчик. — Или ты думаешь, что мне охота остаться без яиц? Они мне пригодятся, я еще ни разу не кончал.

— Ты знаешь укромное место, куда мы можем пойти?

— Не убивай меня, парень. У меня ничего нет. — У мальчика округлились глаза, белки сверкнули в темноте.

— Я не собираюсь тебя убивать.

Держа Ричардса за руку, мальчик повел его по извилистому, заваленному мусором проулку, потом по другому. Проулок вывел их к двум высоким домам, но, не доходя до них, мальчик свернулся к лачуге, выстроенной из наворованных досок и кирпичей. Крыша начиналась в четырех футах от земли, так что Ричардс, входя, ударился головой.

Мальчик занавесил дверной проем черной тряпкой, покопался на полу. Мгновение спустя затеплился свет: мальчик подсоединил маленькую лампочку к старому автомобильному аккумулятору.

— Я сам спер аккумулятор, — гордо заявил мальчик. — Бредли сказал мне, как его починить. Он читает книги. У меня есть мешочек с пятицентовиками. Я дам его тебе, если ты меня не убьешь. Лучше не убивай. Бредли в «Головорезах». Убьешь меня — он заставит тебя насрать в башмак и сожрать собственное дерьмо.

— Никого я не убиваю, — сердито бросил Ричардс. — Во всяком случае, малышей.

— Я не малыш! Я сам украл этот аккумулятор!

Обида, проступившая на лице мальчика, заставила Ричардса улыбнуться.

— Ладно, как тебя звать, малыш?

— Я не малыш. — И добавил, все еще дуясь: — Стейси.

— Понятно. Стейси. Хорошо. Я в бегах. Ты в это веришь?

— Да, в бегах. Ты не стал бы вылезать из канализационного колодца для того, чтобы купить порнооткрытки. — Он

оценивающе оглядел Ричардса. — Ты — хонки? Из-за грязи сразу не скажешь.

— Стейси, я... — Он провел рукой по волосам. А продолжил, похоже, уже сам с собой: — Я должен кому-то довериться, а попался мне ребенок. *Ребенок*. Господи, тебе еще нет шести, не так ли?

— В марте будет восемь. У моей сестры Касси рак, — добавил мальчик. — Она все время кричит. Вот почему здесь мне нравится. Сам украд аккумулятор. Хотите «косяк», мистер?

— Нет, и тебе не советую. А ты хочешь получить два бакса, Стейси?

— Господи, конечно! — И тут же он недоверчиво глянул на Ричардса. — Ты не стал бы вылезать из колодца с двумя гребаными баксами. Врешь.

Ричардс достал новобакс, показал мальчику. Тот взирал на него с восторгом, граничащим с ужасом.

— Получишь еще один, если приведешь своего брата, — пообещал Ричардс и тут же добавил, правильно прочитав выражение лица мальчика: — Я дам его тебе так, что он не заметит. Приведи его одного.

— Нет смысла пытаться убить Бредли. Он заставит тебя насратъ в башмак...

— И сожрать дермо. Я знаю. А теперь беги и приведи его. Подожди, пока он останется один.

— Три бакса.

— Нет.

— Послушай, парень, за три бакса я смогу купить Касси лекарство. И тогда она не будет так кричать.

У Ричардса внезапно перекосилось лицо, будто кто-то невидимый ударил его.

— Хорошо. Три.

— Новобаксы, — уточнил мальчик.

— Да, конечно, да. Приведи его. Если приведешь копов, не получишь ничего.

Мальчик остановился на пороге халупы.

— Ты что, совсем дурак? Я ненавижу этих сволочей больше всех. Даже дьявола.

Он ушел, семилетний мальчуган, держащий жизнь Ричардса в своих грязных, заскорузлых ручонках. Ричардс слишком устал, чтобы бояться. Он выключил свет, прислонился к стене и задремал.

...МИНУС 065, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Дремота только начала переходить в глубокий сон, когда обостренные до предела чувства разбудили его. Он не понимал, где находится. Решил, что так и не вырвался из кошмара. Подумал, что огромный полицейский пес надвинулся на него — гигантское живое оружие семи футов ростом. С губ едва не сорвался крик, но злобное шипение Стейси поставило все на свои места.

— Если ты сломал мой гребаный свет, я...

На мальчика шикнули. Тряпка закрыла дверной проем, Ричардс включил свет. Рядом со Стейси стоял чернокожий. Лет восемнадцати, в мотоциклетной куртке, в его взгляде читалась ненависть, смешанная с любопытством.

Раздался щелчок, блеснуло выкидное лезвие ножа, который Бредли держал в руке.

— Если у тебя оружие, брось его.

— Оружия у меня нет.

— Я не верю этому вздо... — Тут у него округлились глаза. — Эй, да ты — тот парень с фри-ви. Ты поджег здание ИМКА на Хейнингтон-стрит. — Черное лицо расплывнила белозубая улыбка. — Они сказали, ты поджарил пятерых копов. Значит, никак не меньше пятнадцати.

— Он вылез из канализационного колодца, — с важным видом заявил Стейси. — Я сразу понял, что он не дьявол. Я знал, что он паршивый хонки. Ты собираешься пришить его, Бредли?

— Заткнись и дай мужчинам поговорить. — Бредли подошел к Ричардсу, опустился на корточки, затем сел на ящик из-под апельсинов. Посмотрел на нож, который держал в руке, удивился, что все еще держит его, закрыл, убрал в карман.

— Тебя ищет весь город, — добавил он.

— Это точно.

— И куда ты теперь?

— Не знаю. Но мне надо выбраться из Бостона.

Бредли задумался.

— Сейчас ты пойдешь со мной и Стейси. К нам домой. Надо поговорить, а здесь нельзя. Слишком опасное место.

— Хорошо, — обреченно вымолвил Ричардс. — Мне без разницы.

— Пойдем дворами. Свиньи сегодня патрулируют улицы. Теперь я знаю почему.

Когда Бредли двинулся к двери, Стейси лягнул Ричардса. Тот ответил недоумевающим взглядом, потом все вспомнил. Сунул мальчишке три новобакса, которые тут же исчезли в кармане Стейси.

...МИНУС 064, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Никогда Ричардс не видел таких древних старух. Под мышкой ее ситцевого платья зияла огромная прореха, и Ричардс видел, как при каждом движении в ней покачивалась старая, морщинистая грудь. Старуха готовила ужин из продуктов, купленных на новобаксы Ричардса. Желтые от никотина пальцы что-то резали, мяли, раскладывали. Ноги в розовых шлепанцах опухли от долгих лет стояния. Волосы словно завивали утюгом, причем рука сильно дрожала. Их собрала в пирамиду съехавшая набок сеточка. Лицо по прошествии стольких лет посерело (коричневое и черное выцвело), превратилось в сплошное море морщин, выпукостей, впадин. Из беззубого рта свисала сигарета, клубы дыма поднимались над ее головой передней синих шариков. Она сновала взад-вперед в крохотном треугольнике между разделочным столиком, плитой и столом. Между спущенными до колен хлопчатобумажными чулками и подолом плаща бугрились варикозные вены.

Квартира пропахла духом давно почившей капусты.

В дальней спальне кричала, замолкала, вновь вскрикивала Касси. Бредли виноватым голосом сказал Ричардсу, что с этим придется мириться. Рак обоих легких, и метастазы уже начали распространяться в горло и живот. Девочке только исполнилось пять лет.

Стейси куда-то ушел.

Пока Бредли и Ричардс разговаривали, комнату начал заполнять сводящий с ума аромат тушащегося мяса, овощей, томатного соуса. Запах капусты отступал в дальние углы, и только тут Ричардс понял, что голоден как волк.

— Я могу сдать тебя, парень. Могу убить и забрать все твои деньги. А сдать тело. И получить еще тысячу баксов.

— Не думаю, что ты так поступишь, — ответил Ричардс. — Уверен, что не сделаешь этого.

— А вот почему ты это делаешь? — со злостью спросил Бредли. — Почему подыгрываешь им? От жадности?

— Мою маленькую дочь зовут Кэти. Ей только восемнадцать месяцев. У нее пневмония. Она тоже все время плачет.

— Она может поправиться. Не то... что Касси. Пневмония — та же простуда. Но нужны лекарства и врач. Все стоит денег. Другого способа заработать их я не нашел.

— Все равно ты им подыгрываешь, — пробурчал Бредли, но уже без злости. — Благодаря тебе в половине седьмого они хватают за глотку полмира. В этом мире твоей девочке повезет не больше Касси.

— Я в это не верю.

— Тогда ты глупее меня. Однажды я отвез в больницу одного богатенького. Ему проткнули легкое. Так полиция преследовала меня три дня. Но ты еще глупее меня. — Он достал сигарету, закурил. — Может, ты и продержишься месяц. Миллиард долларов. Тебе придется заказывать целый грабаный поезд, чтобы перевезти их.

— Ради Господа, не ругайся, — подала голос старуха с другого конца комнаты, где она резала морковку.

Бредли и ухом не повел.

— Тогда тебя, твою жену и маленькую девочку ждет легкая жизнь. Два дня уже позади.

— Месяца не получится, — покачал головой Ричардс. — Игра нечестная. Ты видел два цилиндра, которые я дал Стейси перед тем, как он и твоя мать пошли за продуктами? Я должен отсылать их по почте каждый день до полуночи. — Он рассказал Бредли о видеосъемке, поделился своими подозрениями относительно того, что именно почта помогла Охотникам выследить его в Бостоне.

— Тут их можно провести.

— Как?

— Не важно. Потом. Как ты собираешься выбраться из Бостона? У тебя земля горит под ногами. Ты здорово их достал, взорвав ИМКА. Отправил на тот свет не одну свинью. Вечером тебя показывали по фри-ви. С наволочкой на голове. Ловко. Ма! — раздраженно крикнул он. — Когда ты закончишь со стряпней? Мы же умираем с голоду!

— Пусть дойдет. — Она закрыла крышкой булькающее ароматное варево и, шаркая ногами, ушла в спальню, посидеть с девочкой.

— Даже не знаю, — пожал плечами Ричардс. — Наверное, постараюсь добыть машину. Поддельные документы у меня есть, но воспользоваться ими я не рискну. Что-нибудь придумаю... надену черные очки... и выберусь из города. Отправлюсь в Вермонт, там попытаюсь перейти канадскую границу.

Бредли хмыкнул, поднялся, чтобы принести тарелки.

— Они уже перекрыли все дороги из Фасолевого Города*. Мужчина в черных очках только привлечет к себе повышенное внимание. Они сделают из тебя отбивную, прежде чем ты проедешь шесть миль.

— Тогда я не знаю, что мне делать. Если останусь здесь, они расправятся и с тобой как с соучастником.

Бредли расставил тарелки.

— Допустим, машину мы раздобудем. У тебя есть капуста. У меня — фамилия, не вызывающая подозрений. Один тип на Молочной улице продаст мне «унит» за три сотни. Я попрошу одного из моих друзей отогнать машину в Манчестер. В Манчестере все тихо, поскольку они уверены, что обложили тебя в Бостоне. Ты будешь есть, ма?

— Да, во имя Господа. — Она приковыляла из спальни. — Твоя сестра заснула.

— Хорошо. — Бредли наполнил три тарелки, огляделся. — Где Стейси?

— Сказал, что пойдет в аптеку. — Ма тут же принялась за еду. — Сказал, что хочет купить лекарство.

— Если его загребут, я ему рога поотшибаю. — Бредли тяжело опустился на стул.

— Воровать ему не надо, — вставил Ричардс. — Деньги у него есть.

— А может, мы не нуждаемся в твоей благотворительности?

Ричардс рассмеялся, посолил мясо.

— Если б не он, меня бы, наверное, уже зарезали. Полагаю, он свои деньги заработал.

Бредли навис над тарелкой. Ели молча. Ричардс и Бредли дважды брали добавку, старуха — трижды. Когда они закурили, в замке заскрежетал ключ, и все замерли, пока не увидели входящего Стейси, испуганного, виноватого и возбужденного. В руке он держал бумажный пакет.

— Первоклассное снадобье, — заявил он, протягивая лекарство матери. — Старик Карри спросил, есть ли у меня два доллара и семьдесят пять центов за первоклассное снадобье, и я предложил ему насрать в башмак и сожрать свое дермо.

— Не ругайся, а не то я тебя выдеру, — бросила мать. — Обед на столе.

У мальчишки округлились глаза.

— Господи, да это же мясо!

— Нет, мы насрали кастрюлю, чтоб было погуще, — ответил Бредли.

Мальчишка вытаращился на старшего брата, понял, что тот шутит, хихкнул и уселся за стол.

— Алтекарь не побежит к копам? — спросил Ричардс.

— Карри? Нет. Не побежит, пока может на нас заработать. Он знает, что Касси без наркотиков не обойтись.

— А что насчет Манчестера?

— Значит, так. Вермонт не пойдет. Наших там мало. Копы крутые. Я попрошу того же Рича Голеона отогнать «унит» в Манчестер и поставить в гараж-автомат. Потом отвезу туда тебя на другой машине. — Он вдавил окурок в пепельницу. — В багажнике. На местных дорогах они выставляют в кордоны одних пьяничужек. Мы поедем по четыреста девяносто пятой.

— Ты сильно рискуешь.

— Я повезу тебя не за так. Когда Касси умрет, мы устроим ей достойные похороны.

— Восславим Господа, — вставила старуха.

— И все-таки опасность велика.

— Если какая-нибудь свинья что-то брякнет Бредли, он застает их насрать в башмак и сожрать собственное дермо. — Стейси вытер рот, с восторгом и обожанием глядя на старшего брата.

— Ты запачкал рубашку, Худышка, — щелкнул тот Стейси по лбу. — Никак не справишься с мясом? Кишка тонка, да?

— Если нас поймают, тебя посадят. И надолго, — предупредил Ричардс. — Кто позаботится о мальчишке?

— Если что-то случится, он позаботится о себе сам, — отрезал Бредли. — Он и ма. Он уже многое умеет. Так, Стейси?

Стейси энергично закивал.

— И знает, что я вышибу ему мозги, если он не сделает все как надо. Не правда ли, Стейси?

Очередной кивок.

— Кроме того, деньги нам не помешают. В семье больной человек. Так что хватит об этом. Кажется, я знаю, что надо делать.

Ричардс в молчании докурил сигарету, а Бредли пошел в спальню, чтобы дать Касси лекарство.

...МИНУС 063, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Проснулся он еще в темноте, внутренний часовой механизм подсказал ему, что сейчас половина пятого. Девочка, Касси, кричала. Бредли встал, чтобы подойти к ней. Они втроем спали в маленькой грязной спальне, Стейси и Ричардс на полу. Ма легла с девочкой.

Под сопение крепко спящего Стейси Ричардс услышал, как Бредли вышел из комнаты. Звякнула ложечка о раковину. Крики девочки сменились стонами, смолкли. Ричардс чувствовал, что Бредли стоит на кухне, ожидая, пока восстановится тишина. Вернулся, сел, кровать заскрипела пружинами под его телом.

— Бредли?

— Что?

— Стейси сказал, что ей всего пять. Это правда?

— Да, — мрачно ответил Бредли.

— Как пятилетний ребенок может болеть раком легких? Я о таком не слышал. Лейкемия, возможно. Но не рак легких.

С кровати донесся невеселый смешок.

— Ты из Хардинга, да? Каков коэффициент загрязнения воздуха в Хардинге?

— Не знаю. Его больше не объявляют в прогнозе погоды. Не объявляют с... не знаю. Давно.

— В Бостоне не объявляют с две тысячи двадцатого года, — уточнил Бредли. — Боятся. У тебя нет носового фильтра, не так ли?

— Что ты несешь, — раздраженно бросил Ричардс. — Эта штука стоит две сотни баксов, даже на распродаже. Я не держал в руках две сотни весь прошлый год. А у тебя?

— Нет. — Бредли помолчал. — У Стейси есть. Я ему сделал. У ма, Рича Голеона и некоторых других тоже.

— Ты надо мной смеешься.

— Нет, парень. — Вновь пауза. Ричардс внезапно осознал, что Бредли и так сказал ему куда больше, чем хотел. И продолжил он с видимой неохотой: — Мы читаем книги. Фри-ви — для пустоловых.

Ричардс согласно кивнул.

— Банда, понимаешь. Некоторые маются бездельем. У них вся радость — в субботу вечером избить какого-нибудь хонки. Но есть среди нас и такие, кто с двенадцати лет ходит в библиотеку.

— В Бостоне в библиотеку можно попасть без карточки?

— Нет. И карточку выдают только тем, у кого в семье гарантированный доход в пять тысяч баксов. Мы позаимствовали карточку у одного толстозадого говнюка. Ходим в библиотеку по очереди. У нас есть один костюм на всех, его надевает тот, кто идет. — Бредли помолчал. — Вздумаешь смеяться надо мной — прирежу.

— Я не смеюсь.

— Сначала мы читали только сексуальные книжки. Потом, когда Касси заболела, я заинтересовался загрязнением окружающей среды. Все книги о коэффициентах чистоты, уровнях смога и носовых фильтрах у них в спецхране. Мы изготовили ключ по восковому слепку. Парень, тебе известно, что в Токио с две тысячи двенадцатого года все обязаны вставлять в нос фильтры?

— Нет.

— Рич и Динк Моран изготовили счетчик загрязнения. Динк вырвал чертеж из книги, и они сварганили его из банок из-под кофе и деталей, которые скрутили с автомобилей. Он спрятан в надежном месте. Парень, ты знаешь, что в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году шкала загрязненности обрывалась на двадцати баллах? Понимаешь?

— Да.

— Когда загрязненность достигала двенадцати баллов, заводы и все загрязняющее воздух дерзко останавливали до тех пор, пока не изменится погода. Этот федеральный закон действовал до восемьдесят седьмого года. Потом его отменил Обновленный конгресс. — Тень на кровати приподнялась на локте. — Готов сприть, среди твоих знакомых многие болеют астмой.

— Конечно, — согласился Ричардс. — У меня тоже астма, пусть и в легкой степени. Таким уж мы дышим воздухом. Господи, всем известно, что в жаркий облачный и безветренный день лучше оставаться дома...

— Температурная инверсия, — мрачно прокомментировал Бредли.

— И у многих астма, это так. В августе и сентябре воздух просто загустевает. Но рак легких...

— Ты говоришь не об астме, — оборвал его Бредли. — Ты говоришь об эмфиземе.

— Эмфиземе? — Ричардс попытался классифицировать это новое для него слово, но безуспешно.

— Все ткани в легких разбухают. Ты вдыхаешь, вдыхаешь, вдыхаешь, а воздуха все равно не хватает. Ты же знаешь, такое случается со многими?

Ричардс задумался. Действительно, Бредли прав. Многие от этого и умирали.

— Об этом стараются не говорить. — Бредли словно прочитал мысли Ричардса. — Нынче в погожий день загрязненность воздуха в Бостоне равняется двадцати баллам. Это равносильно тому, что ты в день выкуриваешь четыре пачки сигарет. А в плохие дни поднимается до сорока двух. Старики падают замертво прямо на улице. В свидетельстве о смерти пишут: астма. Но причина-то в воздухе, воздухе, воздухе. И они продолжают загрязнять его. Трубы дымят двадцать четыре часа в сутки. Большим боссам это нравится.

Эти двухсотдолларовые фильтры — полное дермо. Две пластинки сетки, а между ними клочок ментоловой ваты. И все. Хорошие фильтры делает только «Дженерал атомикс». Но позволить их себе могут только жирные коты. А нам они дают фри-ви, чтобы мы поменьше болтались на улице и спокойно умирали, не выходя из дома. Как тебе это понравится? Самый дешевый носовой фильтр «Джи-Эй» стоит шесть тысяч новобаксов. Мы сделали такой для Стэйси, уложившись в десять. Чертежи и описание взяли из книги. Преобразователь вытащили из слухового аппарата, цена которому семь баксов. Что скажешь?

Ричардс молчал. Что он мог сказать?

— Когда Касси умрет, ты думаешь, они напишут «рак легких» в свидетельстве о смерти? Черта с два. Они напишут «астма». Чтобы никого не пугать. Кто-то может украсть библиотечную карточку и узнать, что с две тысячи пятнадцатого года смертность от рака возросла на семьсот процентов.

— Это правда? Ты не преувеличиваешь?

— Я прочитал об этом в книге. Парень, они нас убивают. Фри-ви нас убивает. Все равно что иллюзионист заставляет тебя смотреть, как булочки вываливаются из блузы его ассистентки, чтобы ты не видел, как он перекладывает кролика из кармана штанов в шляпу. — Бредли вздохнул. — Иногда я думаю, что могу покончить с этим ужасом, выступив по фри-ви. Десяти минут хватит, чтобы все сказать. У каждого мог бы быть носовой фильтр, если бы Сеть хотела, чтобы они у нас были.

— И я им помогаю, — простонал Ричардс.

84 — Это не твоя вина. Ты должен бежать.

Перед мысленным взором Ричардса возникло лицо Киллияна, потом Артура М. Бурнса. Ему хотелось наброситься на них с кулаками. А еще лучше — вырвать из ноздрей фильтры и пинками выгнать их на улицу.

— Люди злы, — продолжал Бредли. — Они злятся на хонки уже тридцать лет. Им нужен лишь повод. Повод... один повод...

Ричардс провалился в сон.

...МИНУС 062, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Ричардс провел в доме весь день, пока Бредли покупал машину и договаривался с другим членом банды о том, чтобы перегнать ее в Манчестер.

Бредли и Стейси вернулись к шести часам, и Бредли включил фри-ви.

— Все уложено, дружище. Отываем сегодня.

— Прямо сейчас?

Бредли усмехнулся:

— Разве ты не хочешь посмотреть на себя?

Ричардс понял, что хочет, и тут же на экране вспыхнула заставка «Бегущего человека».

Бобби Томпсон смотрел прямо в объектив, яркое пятно на черном фоне.

— Будьте бдительны. Вот волк, который рыщет среди вас!

И экран заполнило лицо Ричардса. Мгновение спустя оно исчезло, уступив место другому Ричардсу, в обличье Джона Гриффена Спрингера.

Вновь возникла физиономия Томпсона, очень серьезная.

— Прежде всего я обращаюсь к жителям Бостона. Вчера днем пятеро полицейских погибли, нашли страшную, мучительную смерть в пламени пожара, вспыхнувшего в подвале здания бостонского отделения ИМКА. Этот умный, безжалостный волк заманил их в ловушку. В каком образе предстанет он перед вами сегодня? Где он этим вечером? Посмотрите! Посмотрите на него!

Включилась первая видеокассета из отснятых этим утром. Стейси бросил их в почтовый ящик на авеню Содружества в другом конце города. Съемку они провели в дальней спальне, закрыв тряпками окно и всю мебель. Камеру держала ма.

— Все, кто видит меня, — медленно заговорил Ричардс. — Не техники, не обитатели пентхаусов, таким ублюдкам, как

вы, мне сказать нечего. Я обращаюсь к жителям домов Развития, гетто, трущоб. Тем, кто сбивается в мотоциклетные банды. Тем, кто давно без работы и не имеет ни единого шанса ее получить. Подросткам, брошенным за решетку за наркотики, которых они не держали в руках, и преступления, которых они не совершили, только потому, что Сеть не хочет, чтобы вы собирались вместе и говорили друг с другом. Я хочу рассказать вам всем о чудовищном заговоре, который лишает вас самой возможности ды...

Что-то захрюкало, запищало, забулькало. А потом звук пропал вовсе. Губы Ричардса шевелились, но с них не срывалось ни звука.

— Похоже, дефект записи. — Бобби Томпсон взял инициативу на себя. — Да и нет нам нужды выслушивать галиматью, что несет этот убийца. Мы и так прекрасно знаем, с кем имеем дело, не так ли?

— Да! — взревела аудитория.

— Что вы сделаете, если увидите его на своей улице?

— СДАДИМ!

— А что делать нам, когда мы его найдем?

— УБИТЬ ЕГО!

Ричардс грохнул кулаком о подлокотник кресла.

— Мерзавцы.

— А ты думал, они позволят тебе высказаться в эфире? — насмешливо спросил Бредли. — Как бы не так. Я удивлен, что тебя оборвали не с первого слова.

— Я этого не ожидал.

— Оно и видно.

За первой кассетой последовала вторая. На ней Ричардс советовал людям идти в библиотеки, требовать доступа к книгам, узнавать правду. Он зачитал список книг о загрязнении воздуха и воды, который дал ему Бредли.

Изображение Ричардса открывало рот.

— Как я вас всех ненавижу. — Губы произносили совсем другие слова, но кто из двухсот миллионов зрителей, прилипших к экранам, мог это заметить. — К черту копов! К черту Корпорацию Игр! Я убью каждого копа, кто попадется мне на пути. Я... — Ричардсу хотелось заткнуть уши и выбежать из комнаты. Он не мог сказать, то ли кто-то имитировал его голос, то ли манипуляциями с записью они сумели использовать произнесенные им слова.

Кассета закончилась, на одной половине экрана возникло лицо Томпсона, на второй — фотоснимок Ричардса.

— Остерегайтесь этого человека, — воззвал Томпсон. — Человека, который убивает. Человека, который хочет собрать армию головорезов и вывести ее на ваши улицы, чтобы насиловать, жечь, крушить. Этот человек способен на ложь, обман, убийство. Он это уже доказал.

— Бенджамин Ричардс. — В голосе звучала холодная обличающая ярость ветхозаветного пророка. — Ты нас смотришь? Если да, то знай, что тебе заплачены твои кровавые деньги. По сто долларов за каждый час, теперь их уже пятьдесят четыре, проведенных тобой на свободе. И пятьсот долларов сверху. По сто за каждого из этих пяти человек.

На экране появились пять молодых, жизнерадостных лиц. Должно быть, из выпускного альбома Полицейской академии. Все с надеждой смотрели в будущее. За кадром одинокая труба заиграла траурный марш.

— И их... — голос Томпсона дрогнул, переполненный эмоций, — ...и их семьи.

Жены — все как одна улыбающиеся. Дети. Много детей. Ричардс, растоптанный, подавленный, опустил голову, прижал ладонь ко рту.

И тут же крепкая рука Бредли скжала ему плечо.

— Нет, нет. Это все подстроено. Надувательство, ничего больше. Ты уничтожил сволочей, у которых руки по локоть...

— Замолчи, — прохрипел Ричардс. — Замолчи. Пожалуйста, замолчи.

— Пятьсот долларов. — Голос Томпсона исходил ненавистью и презрением, глаза горели каждой мести. — Пятеро полицейских, пять жен, девятнадцать детей. Выходит по семнадцать долларов и двадцать пять центов на каждого убитого или лишившегося близкого человека, на каждое разбитое сердце. Да, дешево ты работаешь, Бен Ричардс. Даже Иуда получил тридцать сребренников, ты же не требуешь и этого. И может быть, в этот самый момент не одна мать говорит своему ребенку, что папы нет дома, потому что страшный, алчный человек с оружием...

— Убийца! — всхлипнула женщина. — Грязный убийца! Бог тебя покарает!

— Покарает! — ревом откликнулась аудитория.

— Остерегайтесь этого человека! — повторил Бобби Томпсон. — Ему заплачены кровавые деньги, но тот, кто поднял меч, от меча и погибнет! Все как один встанем против Бена Ричардса!

Ненависть буквально выплеснулась с экрана. Нет, они не будут сдавать его властям. Они сами разорвут его на куски, как только увидят.

Бредли выключил фри-ви, повернулся к Ричардсу:

— Вот с кем ты имеешь дело, парень. Что скажешь?

— Может, я их всех перебью. — Ричардс говорил сам с собой. — Может, перед смертью мне удастся подняться на девяностый этаж и убить подонков, которые все это придумали? Просто взять и убить.

— Хватит говорить об этом! — вззвизгнул Стейси. — Прекратите об этом говорит!

В соседней комнате спала умирающая, накачанная наркотиками Касси.

...МИНУС 061, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Бредли не решился просверлить дырки в днище багажника, поэтому Ричардсу пришлось свернуться в клубок и прильнуть ртом к замочной скважине. Бредли также снял внутреннюю изоляцию по периметру крышки, чтобы увеличить приток воздуха.

Машина рывком приподнялась, и он ударился головой о крышку. Бредли предупредил, что ехать им часа полтора, с двумя, а то и больше остановками на полицейских постах. Прежде чем захлопнуть крышку, он дал Ричардсу большой револьвер.

— Они полностью досматривают каждый десятый или двенадцатый автомобиль. Открывают багажник и все такос. Одиннадцать к одному — шансы неплохие. Если уж не повезет, захватишь с собой пару-тройку свиней.

Машина понеслась над изрытыми колдобинами улицами города. Однажды до Ричардса донесся чей-то крик, а в борт ударился кусок асфальта. Вскоре по звукам снаружи он понял, что машин заметно прибавилось. Как и остановок на светофорах.

Ричардс лежал, сжимая револьвер в правой руке, и думал о том, что Бредли выглядел совсем другим в единственном на всю банду костюме. Двубортном, сером (от такого не отказался бы и банкир). В комплекте с бордовым галстуком и маленькой золотой заколкой с эмблемой НАСПЦН*. В мгновение ока Бредли из бандита из-

* Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (NAACP / National Association for the Advancement of Colored People) — крупнейшая негритянская общественная организация, основанная в 1909 году с целью добиваться равноправия негритянского населения через суды и общественное мнение.

ременным следует держаться подальше — некоторые из нас закусывают исключительно неродившимися младенцами) превратился в уверенного в себе чернокожего бизнесмена, точно знающего, кто есть кто.

— Ты хорошо выглядишь, — восхищенно прокомментировал Ричардс. — Я просто не верю своим глазам.

— Восславим Господа, — вставила ма.

— Я подумал, что перемена тебе понравится, мой добрый друг, — с достоинством изрек Бредли. — Я окружной менеджер «Рейгон кемикелз». В этом округе бизнес у нас процветает. Бостон — прекрасный город. И люди здесь такие веселые, общительные.

Стейси захохотал.

— А тебе лучше заткнуться, ниггер. Или ты у меня насрешь в башмак и съешь свое дермо.

— У тебя такой хороший костюм, Бредли. — Стейси продолжал смеяться, николько не испугавшись. — В нем ты настоящий хонки.

Машина повернула направо, по спирали пошла вниз. Ричардс понял, что сейчас они выедут на шоссе. Ноги начала сводить судорога.

Однинадцать к одному — шансы неплохие.

Машина набрала скорость и высоту, затем резко затормозила, опустилась на землю. Мерзкий механический голос повторял снова и снова: «сверните на обочину... приготовьте водительское удостоверение и регистрационный талон... сверните на обочину... приготовьте...»

Уже. Началось.

У тебя земля горит под ногами, парень.

А если они будут проверять багажник каждого восьмого автомобиля? Каждого шестого? Каждого?

Пневмокар остановился. Глаза Ричардса метались в орбитах, словно кролики в клетке. Он еще сильнее сжал рукоятку револьвера.

...МИНУС ОБО, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

— Выходите из кабины, сэр. — Скучающий властный голос. — Пожалуйста, ваши удостоверение и талон.

Дверца открылась и захлопнулась. Двигатель мягко гудел, удерживая машину в дюйме над асфальтом.

— ...окружной менеджер «Рейгон кемикелз»...

Бредли отлично играл свою роль. Святой Боже, а если у него нет документов, подтверждающих его легенду? Да и существовала ли эта самая «Рейгон кемикелз»?

Открылась задняя дверца, кто-то начал похлопывать рукой по заднему сиденью. У Ричардса создалось впечатление, что коп (а может, правительственный гвардеец) вот-вот заберется к нему в багажник.

Дверца захлопнулась. Шаги двинулись к багажнику. Ричардс облизал губы, приподнял револьвер. Перед его мысленным взором возникли ангельские лица убиенных копов. Интересно, подумал он, успеет ли коп изрешетить его из автомата, когда откинется крышка багажника? Бросится ли бежать Бредли? От волнения он едва не надул в штаны. Такое последний раз случилось с ним в детстве, когда его защекотал младший брат и мочевой пузырь дал течь. Вот и сейчас он едва сдерживался. Если крышка откроется, он успеет пустить копу пулью в лоб, размажет его мозги по асфальту. Осиrotит еще несколько детей. И хорошо. Так и надо. Иисус любит меня, я это знаю, об этом твердит мне мой мочевой пузырь. Господи Иисусе, что он делает? Вырывает с мясом заднее сиденье? Шейла, я так люблю тебя. На сколько хватит тебе шести тысяч? На год, если тебя не убьют за эти деньги. А потом снова на улицу, на угол, вертеть бедрами. Эй, мистер, я делаю и минет, не волнуйтесь, я чистенькая, могу научить...

Рука небрежно хлопнула по багажнику, и Ричардс едва подавил крик. Засвербило в носу. Вспомнился урок биологии в средней школе. Он сидел на задней парте и выцарапывал на ней инициалы, свои и Шейлы. Чихание вызывается непроизвольным сокращением носовых мышц. Этот чих может стоить голо...

— Что в багажнике, мистер?

Голос Бредли, уверенный, с нотками скуки.

— Запасной диффузор, который немного бараблит. Ключ у меня на кольце. Сейчас принесу.

— Если бы он мне потребовался, я бы сказал.

Открылась вторая задняя дверца, захлопнулась.

— Проезжайте.

— Смотрите в оба. Желаю вам взять его.

— Проезжайте, мистер. Не задерживайте.

Диффузоры засвистели. Пневмокар приподнялся, скорость возросла. Вновь упала, должно быть, другой коп хотел их остановить, но передумал. Ричардс перевел дух. Чихать ему уже расхотелось.

... МИНУС 059, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

На дорогу ушло больше полутура часов, и их останавливали еще дважды. Один раз просто проверили документы. Второй коп с гнусным голосом долго убеждал Бредли в том, что проклятые коммабайкеры помогают Ричардсу и скорее всего второму тоже. Лафлин еще никого не убил, но ходили слухи, что он изнасиловал женщину в Топике*.

Потом он слышал лишь монотонный посвист ветра и терпел боль затекших мышц. Заснуть Ричардс не смог, но утомленный мозг погрузился в полудрему. Слава Богу, в выхлопе пневмокаров не было окиси азота.

После последней проверки прошло никак не меньше столетия, когда машина сбросила скорость и свернула на спиральный съезд. Ричардс разлепил веки, к горлу подкатила тошнота. Впервые в жизни его укачало.

Потом пошли бесконечные повороты, спуски и подъемы: Ричардс догадался, что они пробираются через транспортную развилку. Еще пять минут, и по характеру шумов Ричардс понял, что они снова в городе. В который уж раз попытался изменить положение тела, но вновь у него ничего не вышло. Он сдался, смиренно ожидая завершения путешествия. Правая рука, оказавшаяся под телом, уже с час как окончательно онемела. Теперь она напоминала деревяшку. На прикосновения просто не реагировала.

Правый поворот, движение по прямой, опять поворот, крутой спуск. По изменению отзыва выхлопных струй Ричардс понял, что они в помещении. Добрались-таки до гаража.

С губ сорвался вздох облегчения.

— Квитанция имеется, приятель? — спросил незнакомый голос.

— Держи.

— Пандус номер пять.

— Хорошо.

Они повернули направо, поднялись по пандусу, постояли, вновь повернули направо, потом налево. Бредли перевел двигатель на холостые обороты, а когда пневмокар завис над самым полом, совсем выключил его. Конец пути.

Короткие мгновения тишины, открылась и закрылась дверца, шаги прошествовали к багажнику, световая точка перед глазами Ричардса исчезла: ключ вошел в замочную скважину.

* Административный центр штата Канзас.

— Ты здесь, Бенни?

— Нет, — прохрипел он. — Они забрали меня на границе штата. Поднимай эту чертову крышку.

— Одну секунду. Сейчас здесь никого нет. Твоя машина припаркована рядом. Справа от нас. Ты сможешь вылезти быстро?

— Не знаю.

— Постарайся. Поехали!

Крышка откинулась, в гараже стоял полумрак. Ричардс приподнялся на левой руке, перекинул через край одну ногу и застыл. Затекшее тело кричало от боли. Бредли подхватил его и чуть ли не волоком дотащил до видавшего виды зеленого «унита». Распахнул водительскую дверцу, усадил Ричардса за руль, захлопнул дверцу. Мгновением позже плюхнулся на пассажирское сиденье.

— Господи, — выдохнул он. — Мы здесь, парень. Мы здесь.

— Да уж, — эхом отозвался Ричардс. — К тому же еще и живые. Они покурили, в сумраке гаража красными огоньками светились кончики сигарет. Какое-то время оба молчали.

...МИНУС 058, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

— Нас едва не сцепали на первом контрольном пункте, — говорил Бредли, пока Ричардс растирал правую руку. — Этот коп хотел открыть багажник. Хотел. — Ричардс промолчал. — Как самочувствие?

— Получше. Достань бумажник. У меня рука не сгибается.

Бредли отмахнулся:

— Успеется. Сначала послушай, что мы с Ричем придумали.

Ричардс прикурил вторую сигарету от окурка первой. Нервное напряжение постепенно спадало.

— Мы сняли для тебя номер в отеле на Уинтроп-стрит. Называется он «Уинтроп-Хаус». Звучит внушительно. На самом деле крысиная нора. На имя Огдена Грасснера. Запомнишь?

— Конечно. Меня узнают в первую же секунду.

Бредли перегнулся через спинку, достал с заднего сиденья коробку, положил Ричардсу на колени. Длинную, коричневую, перевязанную бечевкой. В таких коробках, подумал Ричардс, носят взятые напрокат платья для выпускного вечера. Он вопросительно взглянул на Бредли.

— Открой.

Ричардс не заставил просить себя дважды. Очки с толстыми затмненными стеклами лежали поверх темного материала. Ричардс положил очки на приборный щиток, достал из коробки... сутану священника. Под ней оказались четки, Библия и пурпурная накидка.

— Священник?

— Совершенно верно. Переоденешься прямо здесь. Я тебе помогу. Трость на заднем сиденье. Ты не слепой, а слабовидящий. Натыкаешься на то, что попадается на пути. В Манчестер ты прибыл на совещание Совета церквей, посвященное борьбе с наркотиками. Понял?

— Да. — Пальцы Ричардса поглаживали пуговицы рубашки. — Слушай, а брюки под этой дерюгой носят?

Бредли расхохотался.

...МИНУС 057, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Бредли говорил быстро. Он вновь сидел за рулем, Ричардс — на пассажирском сиденье.

— В твоем чемодане коробка с почтовыми наклейками. Чемодан в багажнике. На наклейках написано: «Через пять дней вернуть в «Брикхилл мануфакчуринг компани», Манчестер, Нью-Хэмпшир». Изготовили их Рич и еще один парень. В штаб-квартире «Бильярдистов» на Бойлстон-стрит. Каждый день ты будешь посыпать мне две кассеты в коробке с такой наклейкой, а я — отправлять их Корпорации Игр. Пользуйся услугами экспресс-почты. Они до этого не додумаются.

Машина плавно остановилась у тротуара перед «Уинтроп-Хаус».

— «Уинг» я верну в гараж. Не пытайся уехать из Манчестера в таком облачении. Ты должен превратиться в хамелеона, приятель.

— Как долго я могу здесь пробыть? — спросил Ричардс. Я полностью у него в руках, подумал он. Но, с другой стороны, что он мог сделать в одиночку? Да и сил почти не осталось, ни физических, ни моральных.

— Номер забронирован на неделю. Возможно, столько ты тут и пробудешь. Возможно — нет. Действуй по обстановке. В чемодане найдешь имя и адрес. Парень из Портленда, штат Мэн. Там тебя спрячут на день-другой. Это обойдется тебе недешево, но ты будешь в безопасности. Мне надо ехать, парень. Стоянка не больше пяти минут. Пора расплачиваться.

— Сколько? — спросил Ричардс.

— Шесть сотен.

— Что ты несешь? Этим даже не покроешь расходы.

— Покроешь. Да еще останется несколько баксов на семейный обед.

— Возьми тысячу.

— Бабки тебе еще понадобятся, приятель. Будь уверен.

Ричардс в растерянности посмотрел на него:

— Господи, Бредли...

— Остальное пришлешь, если прорвешься. Скажем, миллион.

Чтобы мы зажили припеваючи.

— Ты думаешь, прорвусь?

Бредли улыбнулся, грустно, печально, и промолчал.

— Тогда почему? — прямо спросил Ричардс. — Почему ты столько для меня делаешь? Ты меня прячешь, это я могу понять. Сам поступил бы так же. Но ведь ты привлекаешь и своих друзей.

— Они не возражают. Расклад им известен.

— Какой расклад?

— Один — за всех, все — за одного. Если мы не будем помогать своим, они нас сделают. Нет нужды ждать, что воздух когда-нибудь станет чище. ПРОЩЕ сразу провести трубу от газовой печки в комнату, включить фри-ви и расслабиться.

— Кто-нибудь тебя убьет, — предупредил Ричардс. — Кто-нибудь донесет на тебя, и в каком-нибудь подвале тебе выпустят киш-ки. Или Стэйси. Или ма.

Глаза Бредли угрожающе блеснули.

— Плохой день придет. Плохой день для этих подонков, у кого брюхо набито ростбифом. Я увижу, как луна окрасится для них кровью. А на улицах скажут свое слово винтовки и факелы. Придет мес-сия, который поведет нас за собой.

Об этом говорят уже две тысячи лет.

Зажужжал зуммер: пять минут, отведенные на стоянку, истекли. Ричардс взялся за ручку дверцы.

— Спасибо тебе. Не знаю, как сказать по-другому...

— Иди, пока я не заработал штраф. — Сильная рука ухватила обтянутое суганой плечо. — А когда они доберутся до тебя, забери нескольких с собой.

Ричардс открыл заднюю дверцу, достал чемодан. Бредли без слов протянул ему коричневую трость.

Машина тронулась с места и плавно влилась в транспортный поток. Ричардс постоял, провожая ее взглядом, как он надеялся, взглядом близоруким. Задние огни блеснули на углу и скрылись из виду. Бредли покатил в гараж, чтобы поменять машины и вернуться в Бостон.

Чувство облегчения охватило Ричардса: он понял, что счастлив за Бредли. *Как он, должно быть, рад, наконец-то отделавшись от меня!*

Ричардс не преминул споткнуться о первую ступеньку лестницы, ведущей к парадной двери «Уинтроп-Хаус», и швейцар поспешил к нему на помощь.

...МИНУС 056, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Прошло два дня.

Ричардс хорошо играл свою роль — от этого зависела его жизнь. Обед заказывал в номер. В семь утра читал Библию в вестибюле, потом отправлялся на «совещание». Работники отеля относились к нему вежливо, но пренебрежительно. Другого полуслепой, натыкающийся на все священник (пусть и оплачивающий счета) в век частично легализованного права на убийство, бактериологической войны в Египте и Южной Африке и закона об abortах штата Невада, требующего убивать и мать, и не заслуживал. Собственно, и Папа Римский, девяноста шести лет от роду, со своими эдиктами, касающимися текущих событий, просился на юмористические страницы, а не в информационный раздел.

«Совещался» Ричардс в арендованной им библиотечной кабинке, где, заперев дверь, читал о загрязнении окружающей среды. После 2002 года информации поступало очень мало, а та, что поступала, никак не соотносилась с написанным ранее. Государство, как обычно, достаточно эффективно проводило политику двойного стандарта: одно — для широкой общественности, другое — для узкого круга.

В полдень он шел в кафетерий неподалеку от отеля, натыкаясь на прохожих и всякий раз извиняясь. Некоторые говорили ему, что ничего страшного не произошло, святой отец. Другие просто ругались и шли дальше.

Вторую половину дня он оставался в номере, обедал, наблюдал на экране фри-ви «Бегущего человека». Дважды по утрам он отправлял по две видеокассеты. Судя по всему, они доходили до бостонского адресата, а потом переправлялись в Хардинг.

Продюсеры программы нашли новый способ заглушить протесты Ричардса против загрязнения воздуха, земли, воды (теперь он не говорил ни о чем другом, надеясь донести свои слова до тех, кто умеет читать по губам): зрители заглушали его голос воплями, криками, ругательствами, проклятиями. Рев зрителей многократно усиливался динамиками, приводя аудиторию в полное неистовство.

Вечерами Ричардс долго размышлял, отмечая для себя, что за эти пять дней он сильно изменился, причем помимо своей воли. Заслуга в этом принадлежала Бредли — Бредли и маленькой девочке. Теперь он был не сам по себе, одиночка, обреченный на смерть, борющийся за благополучие своей семьи. Теперь он стал одним из многих, всех тех, кому нес смерть каждый вдох. В их число входили и Шейла, и Кэти.

Он никогда не считал себя общественным деятелем. Борьбу за что бы то ни было воспринимал с презрением и отвращением. Этим могли заниматься сосунки и люди, у которых избыток свободного времени и денег, вроде колледжских юнцов с их яркими значками и неороковыми группами.

Отец Ричардса растворился в ночи, когда мальчику только исполнилось пять лет. Поэтому об отце у него остались лишь отрывочные воспоминания. Ненависти к отцу он не испытывал. Он понимал, что, оказываясь перед выбором: честь или ответственность, — мужчина практически всегда выбирает честь, если ответственность не позволяет ему оставаться мужчиной. Мужчина не может слоняться по дому и наблюдать, как жена своим телом зарабатывает ему на пропитание. Если мужчина превращается в сутенера собственной жены, полагал Ричардс, ему лучше выпрыгнуть из окна верхнего этажа.

С пяти до шестнадцати лет он не жил, а боролся за существование, он и его брат Тодд. Их мать умерла от сифилиса, когда ему было десять, а Тодду — семь. Тодд погиб пятью годами позже: у пневмогрузовика, стоявшего на подъеме, сорвался ручной тормоз, и он наехал на стоявшего у кузова Тодда. И мать, и сына отправили в муниципальный крематорий. Мальчишки называли его Зольной фабрикой. Они знали, что в большинстве своем тоже превратятся в жирный дым, постоянно извергающий высокой трубой. В шестнадцать Ричардс остался один, после занятий в школе шел на завод, на полную восьмичасовую смену. Работал он на износ, и при этом его не оставляла паническая мысль — во всем мире у него никого нет. Иной раз он просыпался в три часа ночи в крошечной однокомнатной квартирке, пропахшей тухлой ка-

пустой, мокрый от пота, ужас проникал в самые дальние уголки его сознания: он один-одинешенек.

Воттак он женился, и Шейла провела первый год в гордом молчании, пока их друзья (и враги Ричардса — их он приобрел, отказываясь участвовать в погромах и присоединиться к местной банде) ждали появления их первенца. Ребенок не родился, и интерес к нему угас. Их оставили жить в квартале, отведенном в Ко-Оп-Сити для молодоженов. Немногих друзей и знакомых пускали только до входной двери подъезда. Ричардс не возражал, его это вполне устраивало. Он брался за любую сверхурочную работу. Платили плохо, перспектив на продвижение по службе не было никаких, инфляция нарастала, но они любили друг друга. И чувство это с годами не угасало. Ричардс накопил громадные запасы любви и дарил их женщине, на которой остановил свой выбор. За одиннадцать лет совместной жизни они ни разу серьезно не повздорили.

Работу он бросил в 2018 году, потому что шансы иметь детей уменьшались с каждой сменой, проведенной за «дырявыми» устаревшими свинцовыми щитами «Джи-Эй». Возможно, он сумел бы найти себе другую работу, если бы согнал, отвечая на вопрос бригадира: «Чего ты уходишь?» Но Ричардс высказал ему все, что думал о «Джи-Эй», предложив бригадиру взять эти самые щиты и засунуть их себе в задницу. Дело кончилось дракой. Бригадир был крепким парнем, но тут заголосил, как баба.

Так он получил черную метку. Он опасен. Держитесь от него подальше. Если уж вам нужен работник, возьмите его на неделю, а потом гоните вон. «Джи-Эй» зачислила Ричардса в красные.

Следующие пять лет он по большей части разгружал и загружал газеты, но работу удавалось найти все реже. А вскоре и этот денежный ручеек совсем пересох. Фри-ви убило печатное слово. Ричардс топтал ногами мостовую. Ричардса гнали дальше. Время от времени Ричардс находил работу на час-другой.

Важнейшие события последних десяти лет прошли мимо него незамеченными. Он ничего не знал о Резне домохозяек в 2024-м, пока жена не сказала ему об этом три недели спустя: двести полицейских, вооруженных автоматами и электрошоковыми дубинками, набросились на колонну женщин, идущих к Юго-Западному провольственному распределителю. Шестьдесят женщин погибли. Он вроде бы слышал о нервно-паралитическом газе, использованном на Ближнем Востоке. Его это не касалось. Протесты не помогали. Насилие ничего не давало. Мир такой, какой он есть,

и Ричардс плыл по течению, ни о чем не прося, желая найти только одно — работу. Чего ему только не приходилось делать. Он счищал мерзкую слизь с подводной части волнорезов, выгребал грязь из отстойных канав, тогда как другие слонялись по улицам в полной уверенности, что ищут работу.

Шевелись, слизняк. Проваливай. Нет работы. Проваливай. На-девай свои грязные башмаки, чего расселся. Сейчас расшибу твою дурацкую голову. Шевелись.

Однако и самую грязную работу становилось найти все труднее. Как-то вечером, когда Ричардс возвращался домой после бесплодного дня, его остановил богатый мужчина в шелковом комбинезоне, изрядно выпивший. Он предложил Ричардсу десять новодолларов, если он, Ричардс, спустит штаны. Мужчине хотелось посмотреть, действительно ли у уличных бродяг хозяйство линой в фут. Ричардс сшиб его с ног ударом кулака и убежал.

И вот тогда-то, через девять лет усилий, Шейла зачала. Он же работал чернорабочим на атомном предприятии, говорили соседи. Можете вы поверить, что мужчина, проработавший шесть лет в зоне повышенной радиации, может обрюхатить женщину?

— Если кто и родится, так урод, — говорили соседи. С двумя головами и без глаз. *Радиация, радиация, твои дети будут уродами...*

Но родилась Кэти. Кругленькая, хорошенская, крикливая. Повитуха, живущая в этом же квартале, приняла роды, получив пятьдесят центов и четыре банки фасоли.

И теперь, впервые после смерти брата, Ричардс почувствовал себя человеком. На него уже ничто не давило (даже Охотники), он расправил плечи.

Как же он ненавидел Корпорацию Игр, опутавшую весь мир сетью коммуникаций. Как же он ненавидел жирных котов с фильтрами в носу, проводящих вечера с куколками в шелковом белье. Пусть упадет нож гильотины. Раз, другой, третий... И все-таки он не находил способа добраться до них. Они возвышались над остальными, словно Геймс-бидинг.

Он думал об этом, одинокий, преследуемый, думал, не подозревая о том, что при этих мыслях его губы расходились в волчьем оскале, страшном оскале, способном взрывать мостовую и рушить дома. Тот же оскал увидел на его лице богатый мужчина, которого он давным-давно сшиб с ног ударом кулака и убежал, не обчистив его карманы.

...МИНУС 055, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

До половины седьмого понедельник ничуть не отличался от воскресенья: для работающих один день походил на другой как две капли воды.

Отец Огден Граснер получил на обед мясной рулет (кухня отеля очень нравилась Ричардсу, привыкшему к сырым гамбургерам и белковым пилюлям. Другой мог бы найти стряпню местного повара несъедобной), бутылку вина «Тандерберд» и уселся смотреть «Бегущего человека». Первый кусок, с Ричардсом, прошел так же, как и два предыдущих. Звук с кассет заглушили вопли аудитории. Бобби Томпсон коротко подвел итог. В Бостоне идут повальные обыски. Укрывающих беглеца ждет смерть. Ричардс невесело улыбнулся, когда физиономия Томпсона сменилась рекламным роликом. Можно сказать, даже забавно. Он готов смотреть эту передачу, если только они не будут показывать лица погибших копов.

Вторая часть программы прошла по иному сценарию. Бобби Томпсон обворожительно улыбнулся.

— Теперь, когда мы посмотрели последние видеокассеты, присланные нам чудовищем, которое живет среди нас под именем Бен Ричардс, я с удовольствием сообщаю вам хорошие новости...

Они поймали Лафлина.

Его засекли в Топике в пятницу, но интенсивный поиск в субботу и воскресенье не принес результатов. Ричардс предположил, что Лафлин, как и он, проскользнул через кордоны. Но в понедельник Лафлина углядели двое детей. Он прятался в сторожке департамента автострад со сломанной правой рукой.

Дети, Бобби и Мэри Коулс, лябились в камеру. У Бобби недоставало переднего зуба. Жаль, что ему выбили не все, мрачно подумал Ричардс.

Томпсон громогласно объявил, что Бобби и Мэри, «лучшие горожане Топики», завтра примут участие в программе «Бегущий человек». Хиззонер, губернатор Канзаса, намеревался лично вручить им Сертификаты достоинства, пожизненные карточки на ежедневную порцию овсянки «Веселая улыбка» и чеки на тысячу новодолларов. Известие вызвало бурю радости.

Затем показали изрешеченное пулями тело Лафлина, когда его вытаскивали из сторожки. Автоматные очереди не оставили на нем живого места. Зрители визжали, орали, стучали ногами.

Ричардс отвернулся, его мутило. Невидимые пальцы сдавили виски.

Издалека доносились слова. Тело выставили на всеобщее обозрение в здании законодательного собрания Канзаса. Туда уже выстроились очереди добропорядочных граждан. Полицейский, принимавший участие в ликвидации Лафлина, сказал корреспонденту, что особого сопротивления тот не оказал.

Считай, что тебе повезло, мысленно бросил копу Ричардс, вспоминая Лафлина, его неприятный голос, презрительный взгляд.

Сбрат по несчастью.

Теперь в большом шоу остался один солист. И звали его Бен Ричардс. Есть рулет расхотелось.

...МИНУС 054, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

В эту ночь ему приснился жуткий кошмар, чего раньше не случалось. Прежний Бен Ричардс снов не видел.

Более того, в действе, которое ему снилось, сам он никакого участия не принимал. Смотрел на все со стороны, невидимый для остальных.

Он видел комнату неопределенного размера, стены ее прятались в темноте. Где-то капала вода. У Ричардса создалось ощущение, что происходит все под землей.

В центре на деревянном кресле сидел Бредли. Руки накрепко привязаны кожаными ремнями к подлокотникам, ноги — к передним ножкам. Голову ему обрили наголо, как заключенному. Окружали его люди в черных капюшонах. Охотники, в ужасе подумал Ричардс. Господи, это же Охотники.

— Я не тот, кого вы ищете, — сказал Бредли.

— Тот, маленький братец, — возразил один из мужчин в капюшонах и вогнал иглу в щеку Бредли.

Бредли закричал.

— Мы ищем тебя?

— Отсоси.

Игла легко вошла в глазное яблоко Бредли, высокользнула наружу с каплей прозрачной жидкости на конце. Глаз Бредли из выпуклого стал плоским.

— Мы ищем тебя?

100 — Воткни это себе в зад.

Электрошоковая дубинка коснулась шеи Бредли. Он закричал вновь, волосы встали дыбом.

— Мы ищем тебя, маленький братец?

— От носовых фильтров у вас будет рак. Вы сгниете изнутри, хонки. Ему проткнули второй глаз.

— Мы ищем тебя?

Бредли, слепой, рассмеялся им в лицо.

Один из мужчин в капюшонах махнул рукой, и вперед выступили Бобби и Мэри Коулс. Они начали прыгать вокруг кресла, на котором сидел Бредли, и напевать: «Нам не страшен серый волк, серый волк, серый...»

Бредли закричал, задергался, мышцы рук напряглись: ему хотелось разорвать ремни и зажать уши. Песня становилась все громче и громче. Дети на глазах превращались в волков. Лица вытягивались вперед, в глазах появился красный отблеск. Рты открылись, слюна потекла меж острых как бритва клыков.

— Я скажу! — закричал Бредли. — Я скажу! Я скажу! Вы ищете не меня! Вы ищете Бена Ричардса! Я скажу! Господи... О-о-о... Г-г-господи...

— Где он, маленький братец?

— Я скажу! Я скажу! Он в...

Но слова утонули в поющих детских голосах. Когда Ричардс спнулся, Коулсы тянулись пастями к шее Бредли.

...МИНУС 053, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

В Манчестере больше оставаться нельзя! Он не знал, что послужило основанием для такого вывода, смерть Лафлина на Среднем Западе, кошмарный сон или предчувствие беды.

Но во вторник утром он остался в номере, не пошел в библиотеку. Ему казалось, что каждая лишняя минута, проведенная в отеле, — приглашение на смерть. Выглядывая из окна, он видел Охотника в каждом сгорбленном старике или замешкавшемся водителе такси. Он буквально видел киллеров, крадущихся по коридору. В голове словно тикали гигантские часы.

В начале двенадцатого с нерешительностью было покончено. Оставаться здесь невозможно. Они уже знают, где он.

Ричардс взял трость, на ощупь добрался до лифта, спустился в вестибюль.

— Решили прогуляться, отец Грасснер? — с вежливой, пренебрежительной улыбкой спросил портье.

— Сегодня у нас выходной, — ответил Ричардс, обращаясь к плечу дневного портье. — Кино в этом городе показывают?

Он знал, что кинотеатров с десяток, но в восьми крутят стереоскопические порнофильмы.

— Советую вам заглянуть в «Центр», — осторожно заметил портье. — Вроде бы там показывают диснеевские мультфильмы.

— Благодарю, — ответил Ричардс и по пути к двери едва не сбил стоящую в горшке пальму.

Отшагав два квартала, он вошел в аптеку, где купил бинты и пару дешевых алюминиевых костылей. Продавец упаковал покупки в длинную плоскую пластмассовую коробку, и Ричардс на углу поймал такси.

Машина стояла там, где и в прошлый раз, слежки он не замечал. Ричардса прошиб пот, когда он вспомнил, что водительского удостоверения у него нет, но волновался он недолго. Он же понимал, что повязка и костили не выдержат даже минимальной проверки. Через любой кордон ему придется прорываться. Закончится сие скорее всего его смертью, но они все равно убьют его, если поймают.

Очки Огдена Грасснера он бросил в «бардачок» и помахал рукой парню, дежурящему у ворот. Тот едва оторвался от порножурнала.

На северной окраине города он завернул на компрессорную станцию. Лицо заправщика горело угрями, поэтому он старался не смотреть на Ричардса, закачивая в баллоны воздух. Ричардс не возражал.

С маршрута 91 он свернулся на 17-й, потом на какую-то асфальтированную дорогу без названия. Нашел проселок, съехал на него и заглушил двигатель.

Постоянно поглядывая в зеркало заднего обзора, обмотал голову бинтом. Рядом на вязе чиркала без умолку какая-то птичка.

Получилось неплохо, решил он. Если в Портленде будет время, стоит добавить шейный бандаж.

Костили он приставил к пассажирскому сиденью и включил двигатель. Сорок минут спустя въезжал на транспортное кольцо у Портсмута. Держа путь к маршруту 95, сунул руку в карман, достал смятый клочок линованной бумаги, полученный от Бредли. Писал тот

почерком самоучки, тщательно выводя каждую букву, с силой налегая на перо:

94 Стейт-стрит, Портленд
СИНЯЯ ДЭРЬ, ПАНСИОН
Элтон Парракис (и Бирджиния Парракис)

Оторвавшись от бумажки, Ричардс настороженно поднял голову. Черно-желтый патрульный корабль кружил над развязкой в паре с наземным вездеходом. На мгновение они взяли Ричардса в клещи, а потом проследовали дальше. Обычный дорожный патруль.

С каждой остающейся позади миляй напряжение спадало. Ричардсу хотелось и смеяться, и блевать. Одновременно.

... МИНУС 052, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

До Портленда он добрался без происшествий. А вот когда ехал через ухоженный пригород Скарборо (богатые дома, богатые улицы, богатые частные школы, окруженные заборами из проволоки, через которую пропускался ток высокого напряжения), его вновь охватила тревога. Они могут быть где угодно. Могут окружать его. А может, их нет вовсе.

Стейт-стрит, череда каменных домов, видавших лучшие времена, располагалась по соседству с городским парком, теперь совсем заросшим, превратившимся в джунгли. Прибежище здешних грабителей, влюбленных, наркоманов и воров, подумал Ричардс. Едва ли кто выходит на Стейт-стрит с наступлением темноты без полицейского пса на поводке или приятелей из местной банды.

Стены дома номер 94 почернели от сажи, окна закрывали древние зеленые ставни. Глядя на него, Ричардс подумал о глубоком старике, умершем с катарктами на обоих глазах.

Он подрулил к тротуару, вышел из кабины. На улице тут и там стояли брошенные пневмокары, некоторые совсем проржавели. У самого парка на боку, словно дохлая собака, лежал «студебекер». Полиция, похоже, этот район не жаловала. Если оставить машину без присмотра, через пятнадцать минут около нее соберется стайка ребятни. Через полчаса в их руках появятся фомки, ключи, отвертки. Они будут постукивать по ним пальцами, сравнивать их, вертеть в руках, устраивать поединки на «мечах». Поднимать над головой, словно определяя направление ветра или ловя таинственные радиосигналы. А через час от машины останется один каркас. Они унесут все, от клапанов и диффузоров до рулевой колонки.

Маленький мальчик подбежал к Ричардсу, когда тот доставал из кабинки костили.

— Скэг, мистер? Отличный товар. Забросит на луну. — Он захихикал, подпрыгивая, морща маленькое обожженное лицо.

— Отвали, — коротко ответил Ричардс.

Мальчишка попытался выбить у него один из костилий, Ричардс взмахнул другим, врезав мальчишке по заднице. Тот с проклятиями убежал.

Он медленно поднялся по каменным, в выбоинах, ступеням, посмотрел на дверь. Когда-то синюю, но давно выцветшую до сероватой голубизны. Звонок какой-то вандал вырвал вместе с проводом.

Ричардс постучал. Никакой реакции. Постучал вновь.

День катился к вечеру, на улице заметно похолодало. Из парка доносился едва слышный шелест слетающих с деревьев октябрьских листьев.

Открывать дверь никто не собирался. Оставалось только одно — уйти.

Но Ричардс постучал еще раз, почему-то в полной уверенности, что в доме кто-то есть.

На этот раз наградой ему стало медленное шарканье домашних шлепанцев. Шаги замерли у двери.

— Кто там? Мы ничего не покупаем. Уходите.

— Мне сказали, что я могу у вас остановиться.

Со скрипом открылось смотровое окошко, на него уставился карий глаз. И тут же окошко захлопнулось.

— Я вас не знаю. — То есть проваливай.

— Мне нужен Элтон Парракис.

— А, — ворчливо, — так ты один из этих...

За дверью начали поворачиваться замки, отодвигаться засовы, сниматься цепочки.

Дверь распахнулась. Ричардс увидел костлявую женщину с плоской грудью и огромными узловатыми кистями. Лицо практически без морщин, чуть ли не ангельское, но чувствовалось, что на ее долю пришлось немало пинков, апперкотов и зуботычин в неравной борьбе с временем. Возможно, время и побеждало, но она не относилась к тем, кто легко сдается. Почти шести футов роста, даже в шлепанцах, с коленями, раздутыми артритом, волосами, замотанными в

банное полотенце. Из-под густых бровей (брови эти напоминали кусты, уцепившиеся за горный обрыв, не поддающи-

еся ни высоте, ни недостатку влаги) смотрели карие глаза, в которых, помимо ума, читался то ли страх, то ли ярость. Позднее он понял, что от страха, забот, волнений женщина балансировала на грани по-мешательства.

— Я — Вирджиния Парракис, — представилась она. — Мать Элтона. Заходите.

...МИНУС 051, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Она не узнала его, пока не привела на кухню, чтобы заварить чай.

Обстановка этого старого, рассыпающегося, мрачного дома показалась ему до боли знакомой. Те же вещи окружали его и дома: из лавки старьевщика.

— Элтона сейчас нет. — Она поставила на газовую горелку помятый алюминиевый чайник. На кухне было светлее, и Ричардс разглядел пятна от воды на выцветших обоях, дохлых мух на подоконниках, привет от ушедшего лета, черные от въевшейся грязи трещины на линолеуме и комок мокрой оберточной бумаги, подсунутый под протекающую трубу. Сильно воняло каким-то дезинфицирующим средством.

Она пересекла кухню, ее раздутые пальцы копались на верхней полке буфета, пока не нашли два пакетика с чаем, один уже использованный. Он и достался Ричарду. Тот даже не удивился.

— Элтон работает. — В ее голосе словно слышалось осуждение. — А вы от того парня из Бостона, которому Элти пишет о загрязнении воздуха, так?

— Да, миссис Парракис.

— Они встретились в Бостоне. Мой Элтон ремонтирует торговые автоматы. — Она медленно двинулась в обратный путь к плите. — Я говорила Элти, что Бредли нарушает закон. Говорила ему, что он может попасть в тюрьму, а то и хуже. Он меня не слушает. Он не слушает свою старуху мать. — Она мрачно улыбнулась. — Элтон всегда любил что-то строить, знаете ли... Еще мальчиком построил шалаш на дереве. С четырьмя комнатами. До того, как они срубили тот старый вяз. Но черный предложил ему построить в Портленде станцию контроля загрязнения воздуха.

Она повернулась к нему спиной и теперь грела руки над горячей конфоркой.

— Они пишут друг другу. Я говорила ему, что это опасно.

Говорила, ты можешь попасть в тюрьму, а то и хуже. Он

ответил, не волнуйся, мама, мы пользуемся кодом. Он просит две-надцать яблок, я отвечаю, что дяде стало похуже. Я спросила: Элти, неужели ты думаешь, что они не смогут разобраться, что к чему? Он не слушает. А слушал. Я была его самым близким другом. Но все переменилось. Когда он стал мужчиной, все переменилось. Порножурналы под кроватью и тому подобное. А теперь этот черный. Полагаю, они поймали тебя, когда ты замерял концентрацию смога или канцерогенов, и теперь ты в бегах.

— Я...

— Это не важно! — обращалась она к окну. Выходило оно на двор, заваленный ржавым железом, заросший кустами. — Это не важно! — повторила она. — Все дело в черных. — Она повернулась к Ричардсу, ее глаза яростно блеснули. — Мне шестьдесят пять, и я еще была юной девятнадцатилетней девушкой, когда все это началось. В семьдесят девятом черные проникли повсюду. Повсюду! — Она уже кричала. — Повсюду! Ходили в одни школы с белыми. Занимали высокие государственные посты. Радикалы, возмутители спокойствия, мятежники. Я так...

Она замолчала, словно слова исчезли с ее языка. Уставилась на Ричардса, будто увидела его впервые.

— О Матерь Божья, — прошептала она.

— Миссис Парракис...

— Нет! — просипела она. — Нет! Нет! О нет! — Она начала надвигаться на него, задержавшись лишь у разделочного столика, с которого схватила большой кухонный нож. — Вон! Вон! Вон! — Ричардс поднялся и попятился, сначала через короткий коридор, соединявший кухню и гостиную, потом через гостиную.

Он заметил на стене древний телефон-автомат, оставшийся с тех времен, когда в доме жили постояльцы. «Синяя дверь», пансион. Сколько прошло лет? Двадцать? Сорок? До того, как черные вышли из-под контроля, или после?

Он уже пятился через коридор, ведущий из гостиной к входной двери, когда в замке заскрежетал ключ. Оба застыли, словно артисты на съемках, пока режиссер решал, как продолжить отснятый эпизод.

Дверь открылась, вошел Элтон Парракис. Невероятно толстый, с зачесанными назад светло-русыми волосами, с круглым детским лицом, на котором так и застыло изумление, в сине-золотой униформе компании «Продажи-покупки». Задумчиво посмотрел

— Убери нож, мама.

— Нет! — вскрикнула она, но на ее лице уже читалась обреченность: она признавала свое поражение.

Парракис закрыл дверь, переваливаясь, направился к ней.

Ее плечи поникли.

— Ты должен заставить его уйти, сын. Он — плохой человек. Этот Ричардс. Из-за него ты попадешь в тюрьму или хуже того. Я не хочу, чтобы ты попал в тюрьму!

Она расплакалась, выронила нож, припала к его груди.

Он ее обнял, начал нежно покачивать.

— Я не попаду в тюрьму. Не надо, мама, не плачь. Пожалуйста, не плачь. — Он улыбнулся Ричарду через ее сгорбленные, содрогающиеся в рыданиях плечи печальной улыбкой.

Ричардс ждал.

— Вот и хорошо, — заговорил Парракис, когда рыдания перешли во всхлипывания. — Мистер Ричардс — давний друг Бредли Тромортонса и поживет у нас пару дней, мама.

Она завыла в голос, и он, поморшившись, закрыл ей рот рукой.

— Да, мама. Поживет. Я отведу его машину в парк и спрячу там. А завтра утром ты отправишься в Кливленд маленькую посылку.

— В Бостон, — автоматически поправил его Ричардс. — Видео-пленки отправляются в Бостон.

— Теперь они поедут в Кливленд. — Элтон Парракис смиренно улыбнулся. — Бредли в бегах.

— О Господи.

— И тебе придется бежать! — взвизгнула миссис Парракис. — Только тебя они поймают! Ты слишком толстый!

— Сейчас я отведу мистера Ричардса наверх и покажу ему его комнату, мама.

— Мистера Ричардса? Мистера Ричардса? Почему бы не называть его настоящим именем? Отрава!

Элтон мягко отстранил мать, и Ричардс последовал за ним на второй этаж по прячущейся в тени лестнице.

— Наверху много комнат. — Он уже начал пыхтеть, огромные ягодицы перекатывались из стороны в сторону. — Когда-то давно, в моем детстве, тут был пансион. Вы сможете наблюдать за улицей.

— Может, мне лучше уехать? — спросил Ричардс. — Если Бредли раскрыт, ваша мать скорее всего права.

— Вот ваша комната. — Он открыл дверь в темную комнту, где давно уже никто не жил. Слова Ричардса он про-

пустил мимо ушей. — К сожалению, удобств особых нет, но чем богаты... — Он повернулся к Ричардсу, застенчиво улыбнулся. — Можете оставаться сколько хотите. Бредли Трокмортон — мой лучший друг. — Улыбка чуть поблекла. — Мой единственный друг. А с мамой я разберусь. Не волнуйтесь.

— Мне бы лучше уехать, — повторил Ричардс.

— Вы же знаете, что из этого ничего хорошего не выйдет. Ваша повязка не провела даже мою мать. Сейчас я отгоню вашу машину в безопасное место, мистер Ричардс. А потом мы поговорим.

И он ушел. Ричардс заметил, что на заднице униформа залоснилась. И остался от Элтона Парракиса только легкий запах вины.

Ричардс чуть сдвинул зеленую портьеру. Парракис вышел из дома, залез в кабину, вылез, поспешил в дом. Ричардса сковал страх.

На лестнице послышались тяжелые шаги, дверь открылась, Парракис улыбнулся Ричардсу:

— Мама права. Хорошего секретного агента из меня не выйдет. Я забыл ключи.

Ричардс отдал ключи, попытался свести все к шутке:

— Половина секретного агента лучше, чем ничего.

Слова его задели больную струну. Комплексы, мучившие Элтона Парракиса, ни для кого не составляли тайны, Ричардс буквально слышал насмешливые голоса детей, которые будут преследовать его до конца дней, как маленькие суденышки — океанский лайнер.

— Спасибо вам, — мягко добавил Ричардс.

Парракис ушел, маленькая машина, на которой Ричардс добрался в Портленд из Нью-Хэмпшира, покатила к парку.

Ричардс стянул с кровати пыльное покрывало, лег, глубоко дыша, уставившись в потолок. От одеяла, подушки, простыней пахло пlesenью.

Внизу плакала мать Элтона.

...МИНУС ОДО, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Он задремал, но не заснул. Темнота сгустилась, когда он вновь услышал тяжелые шаги поднимающегося по лестнице Элтона. Ричардс сел, облегченно вздохнул.

Парракис постучал, прежде чем войти. Униформу он сменил на необъятных размеров рубашку и джинсы.

— Я спрятал машину. В парке.

— Ее не разберут по частям?

— Нет. Я поставил охранное устройство. Батарейка и два «кро-
кодильчика». Если кто-то коснется машины рукой или ломом, по-
следует удар электрическим током и взоет сирена. Сработает как надо.
Я собрал его сам.

Он сел.

— А что вы можете сказать насчет Кливленда? — спросил Ри-
чардс (он уже понял, что Элтон обожает повелительные интонации
в голосе собеседника).

Парракис пожал плечами:

— Там такой же парень, как я. Однажды встретил его в Босто-
не, в библиотеке, вместе с Бредли. Наш маленький клуб борцов с
загрязнением. Полагаю, мама вам об этом что-то рассказывала.

Он потер руки, невесело улыбнулся.

— Рассказывала, — кивнул Ричардс.

— Она... немного не в себе, — продолжил Парракис. — Не по-
нимает, что произошло за последние двадцать лет. Всегда напуга-
на. Кроме меня, у нее ничего нет.

— Они поймают Бредли?

— Не знаю. У него целая... разведывательная сеть. — Но встре-
титься взглядом с Ричардсом он не рискнул.

— Вы...

Открылась дверь, на пороге возникла миссис Парракис. Она скре-
стила руки на груди, улыбалась, но в глазах стоял страх.

— Я вызвала полицию. Теперь вы должны уйти.

Лицо Элтона пожелтело.

— Ты лжешь.

Ричардс вскочил, склонил голову, прислушиваясь.

Далекий, но нарастающий вой сирены.

— Она не лжет. — У Ричардса засосало под ложечкой. — Отве-
ди меня к машине.

— Она лжет, — настаивал Элтон. Поднялся, почти коснулся плеча
Ричардса, но убрал руку, словно понял, что Ричардс не хочет, что-
бы его трогали. — Это пожарные.

— Отведи меня к моей машине. Быстро.

Сирены выли все громче, отчетливее, наводя на Ричардса ужас.
Он в одном доме с двумя психами, а в это время...

— Мама... — Лицо Элтона скривилось.

— Я их вызвала! — выпалила Вирджиния и схватила
сына за руки. — Мне пришлось! Ради тебя! Этот черный

впутал тебя! Мы скажем, что он ворвался в наш дом, и получим причитающуюся нам премию...

— Пошли, — бросил Элтон Ричардсу, пытаясь высвободить руки.

Но она цепко держала его, маленькая собачка, пытающаяся остановить першерона.

— Я не могла не позвонить. Пора тебе прекращать якшаться с радикалами, Элти! Ты должен...

— Элти! — взревел он. — Элти! — И отшвырнул ее в сторону. Она пролетела полкомнаты, повалилась на кровать.

— Быстро, — добавил Элтон, лицо перекосилось от ужаса и горечи. — Пошли.

Они слетели по лестнице, выскочили из дома. Элтон уже жадно ловил ртом воздух.

А наверху, из комнаты, отделенной от них наглухо закрытым окном, перекрывая вой приближающихся сирен, несся крик миссис Парракис:

— Я СДЕЛАЛА ЭТО РАДИ ТЕБЯ-Я-Я-Я!..

...МИНУС 049, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Их тени бежали следом за ними, вниз по холму, к парку, укорачиваясь, когда они приближались к очередному забранному решеткой фонарю «Джи-Эй», и удлиняясь, когда он оставался позади. Элтон Парракис дышал как паровоз, воздух со свистом вырывался у него из груди.

Они пересекли мостовую, и внезапно фары патрульной машины выхватили их из темноты на дальнем тротуаре. Синие огоньки перемигивались на крыше, патрульная машина в визге тормозов остановилась в сотне ярдов от них.

— *РИЧАРДС! БЕН РИЧАРДС!*

Громогласный, усиленный динамиками голос.

— Ваша машина... впереди... видите? — прохрипел Элтон.

Ричардс увидел. Элтон спрятал ее хорошо, в березовой рощице. Сам он ее не нашел.

Патрульная машина рванулась вперед, шины задних колес оставили на асфальте черные следы, бензиновый двигатель ревел все громче. Она перевалила через бордюрный камень и помчалась прямо на них.

Ричардс повернулся к ней лицом, выхватил из кармана 110 револьвер Бредли, попятился. Других патрульных машин он

не видел. Только одну. Она накатывала на них, черная осенняя земля парка веером летела из-под задних колес.

Он дважды выстрелил в лобовое стекло. Попал, но стекло не разбилось. В последнюю секунду он отпрыгнул в сторону и покатился по земле. Сухая трава царапала лицо. С колен он дважды выстрелил в багажник, но патрульная машина уже разворачивалась, синие огни превращали ночь в безумный, с прыгающими тенями кошмар. Копы оказались между ним и его машиной, но Элтон отпрыгнул в другую сторону и теперь лихорадочно снимал охранное устройство.

Кто-то высунулся из патрульной машины, которая вновь катила к нему, со стороны пассажира. Темноту наполнил прерывистый стук. Автомат! Пули взрывали траву вокруг него. Комочки сухой земли летели в лицо, били по щекам, лбу.

Он встал на колени, словно собрался помолиться, вновь выстрелил. На этот раз пуля пробила лобовое стекло.

Патрульная машина нависла над ним...

Он прыгнул влево, и стальной бампер ударил по левой ноге, сломав лодыжку, швырнув лицом оземь.

Двигатель надсадно взревел, патрульная машина вновь развернулась. Теперь фары поймали его, залили ярким светом. Ричардс попытался подняться, но сломанная лодыжка не держала его.

Ловя жадными глотками воздух, он наблюдал за приближающейся патрульной машиной. Его словно вырвало из реальности, перенеся в мир адреналинового забытья. Время замедлило свой бег, привычное изменило очертания. Вот и патрульная машина уже казалась ему гигантским слепым буйволом.

Вновь затарахтел автомат, пуля задела левую руку, его развернуло. Тяжелая машина попыткалась раздавить его, и на мгновение он увидел фигуру, нависшую над рулем. Выстрелил, и лобовое стекло обвалилось в кабину. Водитель резко вывернул руль, двигатель взмыл, машину занесло, она перевернулась сначала на крышу, потом встала на борт. Двигатель заглох, в оглушающей тишине слышалось только потрескивание полицейского радио.

Ричардс не мог подняться на ноги и пополз к своей машине. Парракис уже сидел в ней, пытаясь завести, но в панике забыл открыть предохранительные клапаны. Всякий раз при повороте ключа зажигания диффузоры лишь кашляли, посыпая струю воздуха в сторону Ричардса.

Ночь вновь начала наполняться воем сирен.

Ему оставалось проползти еще пятьдесят ярдов, когда Элтон сообразил, в чем дело, и дернул рукоятку, открывающую

предохранительные клапаны. В следующее мгновение двигатель заработал, и пневмокар осторожно поплыл к Ричардсу.

Он приподнялся, распахнул дверцу со стороны пассажирского сиденья, забрался в кабину. Парракис повернул налево, к шоссе номер 77, пересекавшему Стейт-стрит повыше парка. Машину он вел в дюйме от асфальта.

Элтон шумно вдыхал и выдыхал воздух, не закрывая рта.

Две патрульные машины с поблескивающими синими маячками выскочили из-за угла, устремились в погоню.

— Не хватает скорости! — вскричал Элтон. — Не хватает ско...

— Они на колесах! — проорал в ответ Ричардс. — Давай через этот пустырь!

Пневмокар перевалил через бордюр, воздушная подушка подняла их над землей.

Патрульные машины приблизились, копы открыли огонь. Ричардс слышал, как стальные пальцы пробивают дыры в корпусе. Заднее стекло разлетелось вдребезги, их осыпало осколками.

Элтон, вопя, гнал пневмокар зигзагом.

Одна из патрульных машин на скорости шестьдесят миль в час попыталась перевалить через бордюрный камень. Перевернулась и взорвалась, превратившись в огненный шар.

Вторая промчалась мимо. Пока Элтон уходил от них, но патрульная машина могла быстро сократить расстояние. Бензиновые двигатели позволяли развить в три раза большую скорость, чем пневматические. А если пневмокар удалялся от дороги, неровная поверхность под диффузорами, то есть перепады давления под днищем, могли привести к аварии.

— Давай направо! — крикнул Ричардс.

Парракис подчинился. Они мчались по шоссе I. Ричардс понимал, что при выезде на Береговую автостраду их ждет полицейский кордон. А вместе с ним и смерть.

— Поворачивай! Поворачивай, черт побери! В этот проулок! — Патрульную машину отделял от них один поворот.

— Нет! Нет! — взвизгнул Парракис. — Это мышеловка!

Ричардс наклонился, вывернул руль, сшиб руку Элтона с регулятора дроссельной заслонки. Пневмокар развернулся чуть ли не на девяносто градусов, задел бортом бетонную стену здания, стоявшего слева от проулка, и влетел в кучу мусора, контейнеров, ящиков, кирпичей. А за всем этим хламом проулок перегораживала кирпичная стена.

Ричардса бросило на приборный щиток, он обо что-то шмякнулся носом. Хрустнула кость, потекла кровь.

Пневмокар стоял посреди проулка, один диффузор еще кашлял. Туша Парракиса навалилась на руль. Заниматься им времени не было.

Ричардс ударил плечом в дверцу. Она распахнулась, и он на одной ноге запрыгал к выезду из проулка. Перезарядил револьвер из коробки патронов, которой тоже снабдил его Бредли. Руку начало дергать, как гнилой зуб, от боли кружилась голова, тошило.

Фары залили пустынную скоростную магистраль ярким светом, превратив ночь в день. Поворот патрульная машина прошла на большой скорости, сдва удержавшись на колесах, распространяя запах жженой резины. И еще быстрее помчалась вперед. Ричардс держал револьвер обеими руками, привалившись спиной к стене дома. Через мгновение они осознают, что впереди нет огней уходящего от них пневмокара. Коп с автоматом увидит проулок и...

Сглатывая текущую из носа кровь, он открыл огонь. Стреляя практически в упор, и с такого расстояния пули прошивали бронированное стекло, как бумагу. Каждый выстрел отдавался в раненой руке дикой болью. Ричардс не выдерживал — кричал.

Патрульную машину вынесло на противоположный тротуар, потащило на стену. КОМПАНИЯ «ЭХО» — РЕМОНТ ФРИ-ВИ. МЫ ЧИНИМ ТО, ЧТО ВЫ СМОТРИТЕ, — тянулась по ней выцветшая надпись.

От удара патрульная машина взорвалась.

Но следом ехали другие, последней не бывало никогда.

Тяжело дыша, Ричардс запрыгал к своему пневмокару. Здоровая нога очень устала.

— Я ранен, — простонал Парракис. — Мне больно. Где мама? Где моя мамочка?

Ричардс упал на колени, потом на спине подполз под пневмокар, как сумасшедший выгребая из диффузоров мусор. Кровь из переломанного носа текла по щекам и лужицами натекала возле ушей.

...МИНУС 048, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Пневмокар мог ехать на пяти из шести диффузоров, но не быстрее сорока миль в час, заваливаясь на одну сторону.

Парракис указывал дорогу с пассажирского сиденья, куда его с неимоверным трудом перетащил Ричардс. Рулевая ко-

лонка, как вилы, въехала ему в живот, и Ричардс полагал, что Парракис умирает. Кровь, оставшаяся на руле, липла к его рукам.

— Мне очень жаль, — говорил Парракис. — Тут поверни налево... Это моя вина. Мне следовало знать... У нее... не все в порядке с головой. Она... — Парракис закашлялся, отхаркнув на колени сток черной крови. Сирены выли по-прежнему, но далеко, к западу от них. Они съехали с Маргинел-уэй и теперь кружили по местным дорогам. Сейчас вот ехали на север по шоссе номер 9; пригороды Портленда сменились сельской местностью. Леса здесь вырубили начисто, их место заняли болота да мелкий подлесок.

— Ты знаешь, куда мы едем? — спросил Ричардс. Его тело разламывало от боли. Он полагал, что у него сломана лодыжка, а в отношении носа просто не могло быть никаких сомнений. Дышать приходилось ртом.

— В одно укромное место. — Элтон Парракис вновь отхаркнул кровь. — Она, бывало, говорила мне, что лучший друг мальчика — его мама. Можешь ты в это поверить? Раньше я верил. Они будут ее пытать? Посадят в тюрьму?

— Нет, — коротко ответил Ричардс, не зная, как с ней обойдется. Часы показывали двадцать минут девятого. Прошло чуть больше часа с того момента, как они покинули «Синюю дверь». А казалось — целая вечность.

Вдалеке в общий хор вливались все новые сирены.

Бессловесные в погоне за несъедобным. Странные мысли лезли в голову Ричардса. Не выносишь жары — держись подальше от кухни. Он отправил на тот свет экипажи двух патрульных машин. Еще одна премия для Шейлы. Кровавые деньги. И Кэти. А если Кэти заболевет и умрет от молока, купленного на деньги, которые он получил за убийства? Как вы там, дорогие мои? Я вас люблю. Здесь, на этой чертовой извилистой дороге, пригодной только для охотников за лосями да влюбленных парочек, ищущих укромный уголок, я думаю о вас, люблю и желаю, чтобы вам снились только хорошие сны. Желаю вам...

— Поверни налево, — прохрипел Элтон.

Ричардс свернул на дорогу, уходящую в густой подлесок. От реки, переполненной промышленными отходами, шел неприятный запах. Ветки скребли по крыше. Она проехали щит с надписью:

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР «СОСНОВЫЙ БОР»
ЗДЕСЬ СТРОИТЕЛЬСТВО!
НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ!

НАРУШИТЕЛИ БУДУТ ПРИЗВЕЧЕНЫ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ!

Они взобрались на последний подъем и увидели торговый центр «Сосновый бор». Работы прекратились как минимум два года назад, подумал Ричардс, и построить успели не так уж много. Лабиринт бетонных стен разной высоты, брошенные трубы, груды шлакоблоков и досок, вагончики и ржавые металлические ангары, все заросло можжевельником и лавром, ежевикой и терном, голубыми елями и ильмом, ястребинкой золотистой и золотарником. Стройка уходила вдаль. Открытые котлованы напоминали могилы римских богов. Ржавели металлические оставы. Из бетонных стен торчали ржавые швеллеры. Выровненные площадки, предназначенные для автостоянок, заросли травой.

Где-то над головой пролетела сова: пришло время охоты.

— Помоги мне... пересесть на водительское сиденье.

— Ты не сможешь вести машину. — Чтобы открыть дверцу, Ричарду пришлось с силой толкнуть ее плечом.

— Это самое меньшее, что я могу сделать, — прошептал Элтон Парракис. — Сыграю кролика... буду убегать, покуда хватит сил.

— Нет, — отрезал Ричардс.

— Отпусти меня! — выкрикнул Элтон, толстое лицо перекосило. — Я умираю, и ты должен... — Он зашелся кашлем, выплевывая кровь. Пахло в кабине, как на бойне. — Помоги мне, — прошептал он. — Я слишком толстый, самому мне не справиться. Господи, помоги мне сесть за руль.

Ричардс помог. Толкал, тянул скользкими от крови Элтона руками. Переднее сиденье уже пропиталось кровью. А она (кто бы мог подумать, что в Элтоне столько крови?) продолжала течь.

Наконец он уселся за руль, пневмокар приподнялся, начал разворачиваться. Тормозные огни зажигались и гасли, зажигались и гасли: Элтон несколько раз чуть не наткнулся на деревья, прежде чем найти дорогу.

Ричардс ждал столкновения, удара, но его не последовало. Попыхивание диффузоров становилось все слабее, наконец пропало. Тишину нарушило лишь далекое гудение пролетающего самолета. Ричардс слишком поздно вспомнил о костылях, оставшихся на заднем сиденье.

С неба на него бесстрастно взирали звезды.

Изо рта шел пар — к ночи похолодало.

Он повернулся и захромал в глубь стройплощадки.

...МИНУС 047, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

В одном из подвалов он заметил груду теплоизоляции и спустился вниз, держась за торчащие из стены прутья арматуры. Нашел палку, постучал по изоляции, чтобы разогнать крыс. Поднял только столб пыли, несколько раз чихнул, кривясь от боли в сломанном носу. Крыс не обнаружилось. Все крысы в городе. Он с горечью хотнул. Смех эхом отозвался в кромешной тьме.

Ричардс завернулся в обрывки изоляции, неудобно, но тепло, улегся у стены и провалился в забытье.

Проснулся, когда миниатюрный серпик луны поднялся над восточным горизонтом. По-прежнему в одиночестве. Сирены не выли. По его прикидкам, было часа три ночи.

Рука болела, но кровь уже не текла. Он это понял, осторожно вытащив руку из-под изоляции и очистив дыру в рукаве. Автоматная пуля вырвала кусок мышцы повыше локтя. Повезло, подумал Ричардс, кость-то цела. Но зато лодыжка ныла ужасно. Ступни он не чувствовал, словно ее оторвало. На перелом надо наложить шину, решил он.

С тем и заснул вновь.

На этот раз проснулся с ясной головой. Месяц уже обошел полнеба, но светать еще не начало. И о чем-то он никак не мог вспомнить...

Память, однако, его не подвела.

До полудня он должен отправить две кассеты, чтобы они попали в Геймс-билдинг к половине седьмого. То есть или он сейчас трогается в путь, или лишается денег.

Но Бредли в бегах или уже пойман.

И Элтон Парракис не дал ему кливлендского адреса.

И у него сломана лодыжка.

Что-то большое (Лось? Разве их не истребили на Восточном побережье?) ломилось сквозь подлесок справа от него. Ричардс аж подпрыгнул. Куски изоляции полетели в стороны, и ему пришлось вновь собирать ее, шмыгая сломанным носом.

Он всю жизнь прожил в городе, а тут очутился на заброшенной стройке среди леса. Да еще черной, зловещей ночью. Мало ли какой зверь мог броситься на него из темноты. По телу Ричардса побежали мурашки. Он шумно вдохнул через рот, выкинул из головы мысли о зверье, сосредоточился на своих перспективах. Вы-

1. Ничего не делать. Сидеть и ждать, пока поиски не сойдут на нет. Деньги, которые он получал, по сто баксов за час, в шесть вечера перестанут поступать на его счет. Он будет бежать бесплатно, потому что охота не прекратится, даже если ему удастся оставаться на свободе все тридцать дней. Охота будет продолжаться, пока его не сотрут с лица земли.

2. Отправить кассеты в Бостон. Бредли или его семье они не повредят, потому что Бредли раскрыт. Последствия: а) кассеты переведут в Хардинг Охотники, следящие за перепиской Бредли; б) но они сразу узнают, откуда посланы кассеты.

3. Отправить кассеты непосредственно в Геймс-билдинг в Хардинге. Охота на него продолжится, но его узнают в каждом городе, в котором есть почтовый ящик.

Варианты один хуже другого.

Благодарю вас, миссис Парракис. Благодарю вас.

Он поднялся, стряхнул с себя теплоизоляцию, скинулся с головы уже ненужную повязку. Зарыл в изоляцию, чтобы не оставлять следов.

Ощупал землю в поисках костиля (вновь выругал себя за то, что оставил настоящие костили в машине), нашел доску длиной аккурат до подмышки, выбросил ее наверх, начал взбираться по лестнице, цепляясь за арматуру.

Поднявшись наверх, потея и дрожа одновременно, неожиданно понял, что различает в темноте свои руки. Серый свет зари начал прогонять темноту. Он с тоской оглядел заброшенную стройплощадку: *если уж прятаться, лучшего места не найти*.

Но сожалеть об этом не имело смысла. Он же не прячущийся человек — бегущий. Не отсюда ли высокий рейтинг программы?

Холодная дымка тумана ползла среди деревьев, на которых остались лишь редкие листочки. Ричардс постоял, определяясь с направлением, а потом двинулся сквозь лес, оставив «Сосновый бор» к северу от себя.

Остановился лишь раз, чтобы обернуть пиджаком верхний торец доски-костиля.

...МИНУС 046, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Уже два часа как полностью рассвело и Ричардс убедил себя, что ходит кругами, когда до него донеслось завывание пневмокаров. Где-то впереди, скрытая кустарником, проходила дорога.

Он осторожно пробрался к опушке. Двухполосное шоссе, пневмокары с завидным постоянством проскакивали мимо в обе стороны. В полукилометре справа виднелись дома, компрессорная станция и магазин с рядом заправочных колонок перед ним.

Он двинулся параллельно шоссе, падая, поднимаясь снова. Лицо и руки иссекло ветками, одежду облепили бурые шарики репейника. Он уже перестал отрывать их. Лопнувшие стручки молочая налипли на плечи. Казалось, будто он с кем-то сражался на подушках. Он промок с головы до ног: два ручья форсировал успешно, а вот в третьем его «костыль» попал на что-то скользкое, и он рухнул в воду. С камерой, естественно, ничего не случилось. Она не боялась ни воды, ни ударов.

Кусты и деревья редели. Ричардс опустился на четвереньки, пополз, отталкиваясь локтями и коленями. Остановился, решив, что ближе подбираться к поселку небезопасно, огляделся.

Находился он на небольшом холме, заросшем кустами и высокой травой. Ниже лежало шоссе, около него сгрудилось несколько коттеджей и магазин. На компрессорной станции заправлялся пневмокар. Мужчина в замшевой куртке о чем-то болтал с заправщиком. Вдоль боковой стены магазина выстроились автоматы с жевательной резинкой, прохладительными напитками и сигаретами. Тут же стоял красно-синий почтовый ящик. Ричардса отделяли от него каких-то двести ярдов. Если бы я добрался сюда до рассвета, с горечью подумал Ричардс, тобросил бы кассеты незамеченным.

Но, как известно, о сбежавшем молоке не плачут. Так что надо искать другой выход.

Он подался обратно в подлесок, где его никто не мог увидеть, достал камеру, вставил в нее первую кассету.

— Привет вам, славные жители Фри-ви-ленда. Перед вами весельчик Бен Ричардс, решивший покататься по стране автостопом. Если вы приглядитесь, то обязательно узреете рядом со мной бесстрашную алу танагру и великую воловью птицу. Может, даже одного или двух диких голубей. — Он помолчал. — Этую часть они пропустят, но не остальное. Если вы глухи и умеете читать по губам, запомните, что я говорю. Передайте другу и соседу. Пусть об этом узнает как можно больше людей. Сеть отправляет воздух, которым вы дышите, и лишает вас простейших средств защиты, потому что...

Он записал обе кассеты и сунул их в карман брюк. С этим покончено. Что дальше? Вариант оставался один — подойти к почтовому ящику, отпугивая местных револьвером, бросить

кассеты и убежать. Он мог украсть машину. Все равно они знают, где он.

Интересно, как далеко смог уехать Парракис, спросил себя Ричардс. Вытащил револьвер, собрался уже двинуться к магазину, когда совсем рядом, чуть ли не над левым ухом, раздался голос: «Давай, Рольф!»

Громкий собачий лай заставил Ричардса подпрыгнуть. В мозгу едва успела мелькнуть мысль: *собаки, Господи, у полиции, конечно же, есть собаки*, и тут же что-то большое и черное вырвалось из кустов и бросилось на него.

Револьвер отлетел в сторону, Ричардс оказался на спине. Пес навалился на него. здоровенная немецкая овчарка, пусть и нечистокровная, облизал лицо, капнул слюной на рубашку. Хвост так и летал из стороны в сторону: собака показывала, как она рада неожиданной встрече.

— Рольф! Эй, Рольф! Ро... о Боже!

Ричардс увидел бегущие ноги в синих джинсах, потом мальчишка стащил с него пса.

— Извините, мистер. Он не кусается, слишком глуп, чтобы кусаться, просто любит знакомиться, он... Господи, что это с вами? Вы заблудились?

Мальчик держал Рольфа за ошейник и взирал на Ричардса с нескрываемым интересом. Симпатичный мальчишка, хорошо сложенный, лет одиннадцати. И лицо не бледное — верный признак того, что он не городской. А вот выражение лица какое-то странное, но и чем-то знакомое. Ричардсу потребовалось мгновение, чтобы сообразить, что к чему. Невинность — вот что читалось на лице мальчика.

— Да, — сухо ответил он. — Я заблудился.

— И, похоже, несколько раз упали.

— Не без этого, приятель. Хочешь взглянуть на мое лицо поближе и посмотреть, сильно ли оно поцарапано? Сам-то я, как ты понимаешь, увидеть его не могу.

Мальчик послушно наклонился, взгляделся в лицо Ричардса. Ничем не показал, что узнал его. Ричардса это порадовало.

— Одни царапины, ничего серьезного. — Он говорил чуть в нос, как все жители Новой Англии. — Жить будете. — Его брови сошлись у переносицы. — Вы сбежали из Томастона? Я знаю, что вы не из Пайнленда. На психа вы не похожи.

— Я ниоткуда не убегал. — Ричардс сам не знал, правда это или ложь. — Я ехал на попутках. Дурная привычка, приятель. Ты никогда этого не делаешь, не так ли?

— Никогда! — воскликнул мальчишка. — На дорогах столько идиотов. Так говорит мой отец.

— Он прав, — кивнул Ричардс. — А вот мне пришлось, чтобы добраться до... — Он щелкнул пальцами, показывая, что название выскоило из памяти. — Ты знаешь, аэропорт.

— Вы про Войт-Филд?

— Именно так.

— Мистер, но до него еще больше ста миль. Это в Дерри.

— Я знаю, — печально вздохнул Ричардс и пробежался рукой по шерсти Рольфа. Собака тут же перевернулась на спину и раскинула лапы. Ричардс чуть не рассмеялся. — Я сел в машину к этим подонкам на границе с Нью-Хэмпширом. Настоящим бандитам. Они избили меня, украли бумажник и выбросили из машины около какого-то заброшенного торгового центра.

— Да, я знаю это место. Слушайте, может, пойдем в дом, вы по-завтракаете.

— Я бы с удовольствием, приятель, но нет времени. Я должен до вечера попасть в аэропорт.

— И снова на попутке? — У мальчика округлились глаза.

— Другого не дано. — Ричардс начал подниматься, но вновь опустился на землю с таким видом, будто его осенило. — Слушай, сможешь оказать мне услугу?

— Наверное, — осторожно ответил мальчик.

Ричардс вытащил из кармана две отснятые видеокассеты.

— Это денежные ваучеры. Если ты бросишь их в почтовый ящик, моя компания успеет до вечера переслать мне наличные в Дерри. Тогда у меня не возникнет никаких проблем.

— Даже без адреса?

— Они дойдут, — заверил его Ричардс.

— Конечно. Хорошо. Почтовый ящик есть у магазина Джарролда. — Мальчик встал. На его лице ясно читалось, что он не верит ни одному слову Ричардса. — Пошли, Рольф.

Он позволит мальчику отойти на пятнадцать шагов.

— Подожди. Подойди ко мне.

Мальчик повернулся, с неохотой подошел. На его лице читался испуг. Естественно, история Ричардса не лезла ни в какие ворота.

— Пожалуй, я должен рассказать тебе все. Во всяком случае, то, что могу. Но только учти, болтать об этом нельзя.

Утреннее октябрьское солнце согревало ему шею и спи-

ну. Хорошо бы прилечь и поспать. Прямо здесь, на холме,

под теплыми лучами. Он подтянул к себе револьвер, положил на траву рядом с собой. Мальчик смотрел на него во все глаза.

— Я работаю на правительство, — поведал ему Ричардс.

— Господи! — прошептал мальчик. Рольф сидел у его ног, вывалив на сторону розовый язык.

— Я иду по следу очень крутых парней, дружище. Сам видишь, как они меня отделали. Эти кассеты должны попасть по назначению.

— Я их отправлю, — выдохнул мальчик. — Боже, вот уж...

— Никому ничего не говори, — оборвал его Ричардс. — Двадцать четыре часа. Иначе пожалеешь, — с угрозой добавил он. — До завтрашнего утра ты меня не видел. Понятно?

— Да! Конечно!

— А теперь отправляйся. И спасибо тебе, дружище. — Он притянул руку, которую мальчик трепетно пожал.

Ричардс наблюдал, как они спускаются с холмика, мальчик в красной рубашке и синих джинсах и пес. *Почему Кэти не может иметь такую собаку?*

Лицо Ричардса исказила гримаса боли и ненависти, в тот момент он мог бы проклясть Господа Бога, если б на темном экране его души не высветился другой, более реальный враг — Корпорация Игр. А за ней, как тень черного Бога — Сеть.

Он наблюдал за мальчиком, пока тот, ставший на расстоянии совсем крохотным, не бросил кассеты в почтовый ящик.

Потом тяжело поднялся, оперся на костьль и захромал сквозь кусты к шоссе.

Теперь надо попасть в аэропорт. Может, он еще сумеет поквитаться с ними.

...МИНУС 045, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

По пути к поселку он заметил перекресток и теперь направлялся к нему. Там вышел из леса и уселся на усыпанную гравием обочину — человек, отчаявшийся поймать попутку и просто наслаждавшийся теплым осенним солнцем. Две машины он пропустил, в обеих сидели по двое мужчин, и он счел риск слишком большим.

Но когда третья приблизилась к знаку «Стоп», он поднялся. Интуиция подсказывала ему, что время на исходе. Окрестности Портленда прочесывались, как бы далеко ни уехал Парракис. Следующей к перекрестку может подкатить патрульная машина, и тогда пиши пропало.

В кабине сидела женщина, одна. На него она даже не взглянула. Автостопщиков не жаловали, а потому игнорировали. Он распахнул дверцу и прыгнул на пассажирское сиденье в тот самый момент, когда машина начала набирать скорость. Его чуть не выбросило из кабины, рукой он ухватился за стойку, здоровая нога волочилась по асфальту.

Зашипели тормоза, пневмокар начал выписывать зигзаг.

— Какого... кто... вы не...

Ричардс наставил на нее револьвер, прекрасно зная, каким страшным он выглядит вблизи. Это сработало: женщина оцепенела. Он втянул ногу в кабину, захлопнул дверцу, дуло револьвера смотрело на женщину: его рука не дрожала. Дамочка-то из города, решил он, притглядевшись. Нарядный костюм. Солнцезащитные очки. И сама ничего.

— Поехали, — приказал он.

Она отреагировала как полагалось: вдавила в пол педаль тормоза и закричала. Ричардса бросило вперед, боль в сломанной ноге пронзила все тело. Пневмокар замер на обочине, в пятидесяти футах за перекрестком.

— Вы тот... вы... Р-Р-Р-Р...

— Бен Ричардс. Уберите руки с руля. Положите их на колени.

Она подчинилась, содрогнувшись всем телом. На него она не смотрела. От страха, предположил Ричардс, превратилась в камень.

— Как вас зовут, мэм?

— А-а-мелия Уильямс. Не стреляйте. Не убивайте меня. Я... я... вы можете взять мои деньги, но, ради Бога, не убивайте ме-е-е-е-ня...

— Ш-ш-ш-ш, — попытался успокоить ее Ричардс. — Ш-ш-ш-ш. — Когда она взяла себя в руки, продолжил: — Я не буду пытаться изменить ваше мнение обо мне, миссис Уильямс. Миссис, не так ли?

— Да, — механически ответила она.

— Но у меня нет и мысли причинить вам вред. Вы это понимаете?

— Да. — Внезапно она оживилась. — Вам нужна машина. Они поймали вашего друга, и теперь вам нужна машина. Можете взять мою... она застрахована... о вас я никому не скажу. Клянусь, не скажу. Заявлю, что кто-то украл ее со стоянки...

— Мы об этом еще поговорим. А теперь поехали. На шоссе номер один, а по пути мы обо всем поговорим. Дорога перекрыта?

— Н-да. Сотни кордонов. Они вас схватят.

122 — Только не лгите, миссис Уильямс. Хорошо?

Она тронула пневмокар с места. Сначала руки дрожали, потом машина пошла увереннее. Движение успокаивало нервы. Ричардс повторил вопрос о кордонах.

— Около Льюистона, — призналась она. — Там, где они поймали другого по... вашего приятеля.

— Далеко отсюда?

— Тридцать миль, а то и больше.

Парракис, однако, уехал гораздо дальше, чем ожидал Ричардс.

— Вы меня изнасилуете?

Вопрос так поразил Ричардса, что он даже рассмеялся.

— Нет, — ответил он и тут же счел нужным добавить: — Я женат.

— Я ее видела.

Пренебрежительный тон. Ричардс едва сдержал желание ударить ее. *Тебе бы хоть раз поесть отбросы, сука. Убить крысу, спрятившуюся в хлебнице. Убить шваброй, и тогда я бы посмотрел, как ты отзовешься о моей жене.*

— Можно мне выйти из машины? — с мольбой спросила она, и он не мог не пожалеть ее.

— Нет. Вы — мое прикрытие, миссис Уильямс. Я должен добратся до аэропорта Войт-Филд, это в Дерри. С вашей помощью я туда попаду.

— До Дерри полтораста миль, — заверещала женщина.

— Мне сказали, что сто.

— Нет, сто пятьдесят. Вам туда не прорваться.

— Я прорвусь, — пообещал Робертс и повернулся к ней: — И ты тоже, если будешь паинькой.

Она вновь задрожала всем телом, но ничего не сказала. Видать, решила, что происходит все это в кошмарном сне, и ей очень хотелось проснуться, вырваться в реальный мир.

... МИНУС 044, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Они ехали на север, по горящей факелом осени. Деревья здесь не стояли мертвыми, убитые отравляющим дыханием Портленда, Манчестера и Бостона. Они переливались всеми оттенками желтого, красного, пурпурного. Эти цвета пробудили в Ричардсе неведомую ему доселе меланхолию. Две недели тому назад он и не подозревал о ее существовании в арсенале своих эмоций.

А через месяц пойдет снег и покроет все белой пеленой.

Парение — естественный исход всего сущего.

Женщина, похоже, чувствовала его настроение и молчала. Движение заполняло паузу, убаюкивало их. В Ярмуте они проехали по мосту над водой, а потом углубились в леса, где им встречались лишь трейлеры и вросшие в землю лачуги на опушках (однако у каждой, поблескивая на солнце, стояла тарелка фри-ви).

Шоссе вывело их к Фрипорту. Три патрульные машины стояли у въезда в город, копы, сбившись в кучку, что-то обсуждали. Женщина напряглась, лицо ее побледнело как мел, Ричардс же сохранил полное спокойствие.

Они проехали мимо, не удостоенные даже взгляда. Женщина обмякла.

— Если б они держали дорогу под контролем, то не подпустили бы нас близко, — небрежно заметил Ричардс. — Мы могли бы написать на капоте большими буквами «В ЭТОЙ МАШИНЕ БЕН РИЧАРДС».

— Почему ты не разрешаешь мне уйти? — выкрикнула она и тут же, не переводя дыхания, добавила: — Нет ли у тебя «косяка»?

Богатые курят доукс. Ричардс хохотнул, покачал головой.

— Ты надо мной смеешься? — В голосе слышалась обида. — У тебя-то нервы железные, не так ли? Ты же хладнокровный убийца! Пугаешь меня до полусмерти, возможно, намереваясь убить, как убил тех бедных парней в Бостоне...

— Этих бедных парней не перечесть, — ответил Ричардс. — И все готовы убить меня. Это их работа.

— Убивать за деньги. Пойти на все за деньги. Угрожать основам государства. Почему ты не можешь найти честную работу? Потому что слишком ленив! Такие, как ты, плюют в лицо всему честному и достойному.

— Это ты-то достойная?

— Да! — взвилась она. — Не потому ли ты выбрал меня? Потому что я беззащитная... и добропорядочная? Чтобы попользоваться мною, унизить, а потом еще и смеяться надо мной?

— Если ты такая добропорядочная, как получилось, что тыträтишь шесть тысяч новобаксов на эту машину, когда моя маленькая девочка умирает от гриппа, потому что у нас нет денег на лекарства?

— Что... — На ее лице отразилось изумление. Рот открылся, она тут же решительно сжала губы. Заговорила после паузы: — Ты — враг

Сети. Так говорят по фри-ви. Я видела последствия некоторых твоих отвратительных поступков.

— Знаешь, что отвратительно? — Ричардс взял сигарету из пачки, лежащей на приборном щитке, закурил. — Я тебе скажу. Отвратительно, когда тебя заносят в черный список, потому что ты не хочешь делать в «Джи-Эй» работу, которая лишает тебя возможности иметь детей. Отвратительно сидеть дома и наблюдать, как твоя жена зарабатывает на пропитание, лежа на спине. Отвратительно знать, что Сеть каждый год убивает миллионы людей, загрязняя воздух, хотя могла бы производить носовые фильтры. Себестоимость их — шесть баксов на ноздрю.

— Ты лжешь. — Костяшки ее пальцев побелели.

— Когда все закончится, ты сможешь вернуться в свою уютную двухуровневую квартиру, раскурить «косячок», расслабиться и наблюдать, как играет свет на столовом серебре. Тебе не придется гонять крыс шваброй или справлять нужду с заднего крыльца, потому что не работает канализация. Я встретил пятилетнюю девочку, у которой рак легких. Это не отвратительно? Так...

— Хватит! — закричала она. — *Ты еще и ругаешься!*

— Тут ты права. — Он смотрел на пролетающие мимо леса. Безнадежность окатила его, как ушат холодной воды. Общего языка с избранными ему не найти. Они пребывают там, где воздух чист. Вновь его охватило желание заставить эту женщину заплатить за все: сорвать с нее очки, бросить в грязь, заставить жрать камни, изнасиловать, избить в кровь, вышибить зубы, а потом спросить, понятно ли ей, что происходит вокруг, или жизнь она воспринимает такой, какой ее двадцать четыре часа в сутки показывают по экрану фри-ви?

— Совершенно верно, — пробормотал он. — Ругательства — моя слабость.

... МИНУС 043, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Без единой помехи они уехали очень далеко. О таком Ричардс даже не мечтал. Добрались до милого приморского городка Камдена, расположенного более чем в ста милях от того места, где он запрыгнул в пневмокар Амелии Уильямс.

— Послушай, — сказал он Амелии, когда они въезжали в Огасту, административный центр штата Мэн. — Здесь скорее всего они попытаются нас остановить. У меня нет никакого желания убивать тебя. Понятно?

— Да, — кивнула она и с ненавистью добавила: — Тебе нужен заложник.

— Правильно. Поэтому, если копы пристроятся сзади, останавливаются. Немедленно. Откроешь дверцу и выглянешь. Только *выглянешь*. Чтоб задница не отлипала от сиденья. Понятно?

— Да.

— Ты закричишь: «Бенджамин Ричардс взял меня в заложники. Если вы не дадите ему проехать, он меня убьет».

— И ты думаешь, это сработает?

— Хочу надеяться. — В голосе слышалась насмешка. — Речь идет о твоей жизни.

Она прикусила губу и промолчала.

— Сработает. Я думаю. Около нас тут же появится с десяток фотокоров, жаждущих получить денежки Корпорации Игр, а то и премию Запрудера. В присутствии прессы им придется играть по-честному. И если они тебя убьют, то не смогут лицемерно объявить, что ты стала последней жертвой Бена Ричардса.

— Почему ты мне все это говоришь? — взорвась она.

Ричардс промолчал. Сполз пониже, чтобы макушка не торчала над спинкой, и стал ждать, когда в зеркале заднего обзора появятся синие маячки.

Но в Огасте синие маячки не появились. Еще полтора часа они ехали вдоль океана. Солнце сместилось к западу, за поля, леса, мосты.

В начале третьего они обогнули поворот, у самого Камдена, и увидели полицейский кордон. Две патрульные машины стояли на обочинах. Два копа проверили старый пикап фермера, простили его.

— Через двести ярдов остановись, — приказал Ричардс. — Делай, как я тебе говорил.

Она побледнела, но, похоже, держала себя в руках. Нажала на педаль тормоза, и пневмокар остановился посреди дороги в пятидесяти футах от бамперов патрульных машин.

Один из копов, с блокнотом в руке, нетерпеливо махнул ей, предлагая подъехать ближе. Когда пневмокар не тронулся с места, он вопросительно посмотрел на своего напарника. Третий коп, который сидел в кабине патрульной машины, стоявшей на левой обочине, скинулся ноги с приборного щитка, схватил микрофон, его губы быстро-быстро задвигались.

126 Началось, подумал Ричардс. Господи, началось.

...МИНУС 042, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Яркое солнце (постоянный дождь Хардинга остался в сотнях световых лет). Копы, отбрасывающие черные, четко очерченные тени. Расстегнутые кобуры с торчащими из них рукоятками пистолетов.

Миссис Уильямс распахнула дверь, высунулась.

— Пожалуйста, не стреляйте. — Ричардс впервые обратил внимание, какое у нее хорошее, чистое произношение. Говорила она спокойно, словно сидела на диване в гостиной. Волнение выдавали лишь побледневшие костишки пальцев да бьющаяся птичкой вена на шее. Когда открылась дверца, на него пахнуло сосновой хвоей и травой.

— Выходите из машины, руки за голову, — скомандовал коп с блокнотом. Как робот. «Дженерал атомикс» модель 6925-А9, подумал Ричардс. Деревенский коп. С комплектом иридиевых батареек. Поставляется только в варианте белого человека. — Вы и ваш пассажир, мэм. Мы его видим.

— Меня зовут Амелия Уильямс, — очень отчетливо произнесла она. — Я не могу выполнить ваше указание. Бенджамин Ричардс взял меня в заложницы. Если вы нас не пропустите, он обещает меня убить.

Двое копов переглянулись, без слов приняли решение. Ричардс, с напряженными до предела нервами, уловил его то ли шестым, то ли седьмым чувством.

— *Поехали!* — рявкнул он.

Она в изумлении уставилась на него:

— Но они не...

Блокнот полетел на землю. Копы практически одновременно припали на одно колено, выхватили пистолеты. Правая рука сжимала рукоятку, левая — запястье правой.

Страницы блокнота трепал ветер.

Ричардс наступил сломанной ногой на правую туфлю Амелии Уильямс, закусил нижнюю губу, чтобы не вскрикнуть от боли. Пневмокар прыгнул вперед.

В следующий момент что-то дважды пробило корпус, отчего пневмокар завибрировал. И тут лобовое стекло разлетелось вдребезги, осыпав их осколками. Она вскинула руки, чтобы прикрыть лицо, и Ричардс, наклонившись и придавив ее к спинке сиденья, схватился за руль.

Они проскочили в зазор между двумя патрульными машинами, чуть зацепив одну правым бортом. Краем глаза он

заметил, что копы выскочили из-за патрульных машин и готовятся к новому залпу, и сосредоточился на дороге.

Они уже забрались на холм, когда еще одна пуля пронзила багажник. Пневмокар пошел юзом, и Ричардс с невероятным трудом удержал машину на дороге. Только тут до него дошло, что Уильямс кричит.

— Рули! — гаркнул он на нее. — Рули, черт тебя подери! Рули! Рули!

Ее руки автоматически упали на руль, ухватились за него. Он разжал пальцы, взмахом руки сшиб с нее очки. Повисев с секунду на одном ухе, они упали на сиденье.

— Рули!

— Они стреляли в нас! — Она сорвалась на крик. — Они стреляли в нас! *Они стреляли...*

— Рули!

За спиной завыли сирены.

Неловкое движение — и на спуске их вынесло на обочину, развернуло. Веером полетел гравий. Она дала по тормозам.

— Я сказала им, что со мной произошло, а они попытались нас убить. — В ее голосе слышалось изумление. — Они попытались нас убить.

Но он уже выскочил из кабины, запрыгал к вершине холма, которую они только что миновали, с револьвером наготове. Потерял равновесие, тяжело рухнул на колени.

Когда первая патрульная машина перевалила через холм, он уже приготовился к встрече, держа револьвер на уровне плеча. На вершину она взлетела на скорости восемьдесят миль в час: за рулем сидел ослепленный жаждой славы ковбой сельских дорог. Возможно, они увидели его, возможно, пытались затормозить. Пуленепробиваемых шин еще не придумали. Ближайшее к Ричардсу колесо взорвалось, словно начиненное динамитом. Патрульная машина взлетела, как толстозадая птица, сиганула через обочину и врезалась в большой вяз. Дверца со стороны водителя отскочила в сторону. Сам водитель пробил головой лобовое стекло и торпедой пролетел тридцать ярдов, прежде чем шмякнулся в кусты.

Вторая патрульная машина по скорости не уступала первой, но Ричардсу удалось справиться с ней лишь четвертым выстрелом. Две пули взорвали песок у его ног. А патрульная машина перевернулась три раза и, дымясь, замерла.

Ричардс с трудом поднялся на ноги. Посмотрел вниз и заметил, как с одного бока над поясом медленно темнеет рубашка. Он запрыгал к пневмокару, упал лицом вниз, когда вторая патрульная машина взорвалась. Над головой шрапнелью просвистели ошметки металла.

Он поднялся, жадно хватая воздух открытым ртом. В боку за пузырировала боль.

Наверное, она могла бы уехать, но не сдвинулась с места. Широко раскрыв глаза, женщина как зачарованная смотрела на горящую патрульную машину. Когда Ричардс забрался в кабину, отпрянула от него.

— Ты их убил. Ты убил этих людей.

— Они пытались убить меня. И тебя. Поехали. Быстро.

— **ОНИ НЕ ПЫТАЛИСЬ УБИТЬ МЕНЯ!**

— **Поехали!**

Пневмокар тронул с места.

Маску молодой добропорядочной hausfrau*, возвращающейся домой с рынка, как ветром сдуло. Из-под нее простило что-то пещерное, что-то дикое, с перекошенным ртом и выпученными глазами. Возможно, это что-то никуда не девалось и раньше.

Они проехали пять миль, впереди показался магазин и компрессорная станция.

— Сворачивай, — приказал Ричардс.

...МИНУС 041, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

— Вылезай.

— Нет.

Он вдавил дуло револьвера в ее правую грудь.

— Нет. Пожалуйста.

— Очень сожалею, но времени изображать примадонну у тебя больше нет. Вылезай.

Она вылезла, он — следом за ней.

— Позволь мне опереться на тебя.

Он обнял ее за плечи и револьвером указал на телефонную будку рядом с автоматом, торгующим мороженым. Они двинулись к нему, странное существо о двух головах и трех ногах. Ричардс чертовски устал. Перед его мысленным взором взрывались и вре-

* домохозяйка (нем.).

зались в дерево патрульные машины, из них торпедой вылетали копы. Сцены эти повторялись раз за разом, словно записанные на закольцованной видеопленке.

Владелец магазина, седовласый старишок с сухонькими ножками, упрятанными под грязный мяснищий фартук, встал в дверях, на его лице отразилась тревога.

— Эй, вы мне здесь не нужны. У меня семья. Не хочу я лишних неприятностей.

— В магазин, папаша, — приказал Ричардс.

Старишок подчинился.

Ричардс запрыгнул в телефонную будку, бросил в щель два четвертака, держа револьвер и трубку одной рукой, набрал «О».

— Какой это город?

— Рокленд, сэр.

— Соедините меня с корпунктом службы новостей, пожалуйста.

— Вы можете позвонить им сами, сэр. Номер...

— Соединяйте.

— Вы хотите...

— *Соединяйте, черт побери!*

— Да, сэр. — Голос телефонистки ничуть не изменился. В трубке защелкало. Грязно-пурпурное пятно на рубашке расплзлось. Ричардс отвел глаза. От вида этого пятна его начинало мутить.

— Роклендский корпункт службы новостей. — раздался в трубке мужской голос. — Регистрационный номер «Фри-ви 6943».

— Говорит Бен Ричардс.

Последовала долгая пауза.

— Послушай, придурок, мне нравятся шутки, как и любому другому, но сколько можно...

— Заткнись. Через десять минут ты сможешь лицезреть меня собственными глазами. А чтобы убедиться в моей правоте, тебе достаточно настроиться на полицейскую волну.

— Я... одну секунду. — На другом конце провода кто-то бросил трубку на что-то твердое, потом послышались статические помехи. Когда трубку взяли снова, голос звучал иначе: деловой, взволнованный. — Где ты, приятель? Половина копов Восточного Мэна только что проехали через Рокленд... сто десять человек.

Ричардс повернулся, взглянул на табличку с названием магазина.

— В магазине. Называется он «Джиллис таун лайн». Тут еще компрессорная станция. На дороге один. Знаешь такой?

— Да. Только...

— А теперь слушай сюда, слизняк. Я звоню не для того, чтобы рассказывать историю моей жизни. Пришли сюда фотографов. И передай то, что я тебе говорю в эфир. Экстренным сообщением. Я взял заложницу. Зовут ее Амелия Уильямс. Из... — Он посмотрел на женщину.

— Из Фалмута, — выдавила та.

— Из Фалмута. И чтоб все ходили по струнечке, а не то я ее убью.

— Господи, я чую Пулитцеровскую премию.

— Нет, ты просто наложил в штаны, ничего больше. — От потери крови у Ричардса кружилась голова. — Выходи в эфир немедленно. Пусть местные копы знают о том, что о заложнице известно всей стране. Троє из них уже пытались нас расстрелять.

— И где они сейчас?

— Я их убил.

— Всех троих? Ну, ты даешь. — Голос прокричал кому-то еще, не в трубку: — Дики, выходи на национальный канал.

— Если они начнут стрелять, я ее убью. — Ричардс постарался придать своему голосу максимум убедительности, вспомнил, как говорили гангстеры в старых фильмах, которые крутили по ти-ви в его детстве. — Если они хотят спасти женщину, им лучше меня пропустить.

— Когда...

Ричардс повесил трубку и выпрыгнул из будки.

— Помоги мне.

Она обняла его за талию, сморшилась, почувствовав под пальцами кровь.

— Ты хоть понимаешь, чем все может закончиться?

— Да.

— Это же безумие. Они тебя убют.

— Твое дело — ехать на север, — пробормотал он. — Ехать на север, и точка.

Он упал на сиденье, тяжело дыша. Перед глазами то и дело темнело. Пронзительная, атональная музыка звучала в ушах. Она выехала на дорогу. Его кровь запачкала ее модную, в зеленую и черную полоску, блузку. Старик Джилли высунулся из двери с древним «Полароидом». Нажал на кнопку, карточка вылезла из щели. Старик с нетерпением ждал, когда же она проявится.

Вдалеке подывали сирены.

...МИНУС ОДО, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Они проехали еще пять миль, прежде чем люди начали выбегать на лужайки перед домами и провожать их взглядами. Многие держали в руках камеры, и Ричардс расслабился.

— Они стреляли по воздушным диффузорам, — нарушила молчание она. — Не по нам. По диффузорам. Они не хотели нас убить.

— Если этот слизняк целил в воздушный диффузор и попал в лобовое стекло, значит, прицел у него сбился фута на три.

— Они стреляли не по нам!

Они въехали, как догадался Ричардс, в пригород Рокленда. Летние бунгало, узкие дороги, ведущие к берегу. Гостиница «Бриз». Частная дорога. Только для меня и Патти. *Посторонним въезд воспрещен. «Гнездышко Элизабет». Нарушителей пристрелят. «Седьмое небо». Напряжение 15 000 вольт. «Райский уголок». Территория патрулируется сторожевыми собаками.*

Злобные взгляды и алчные лица смотрели на них из-за деревьев. Сквозь разбитое ветровое стекло они видели экраны переносных, на батарейках, фри-ви.

В воздухе витал призрак карнавала.

— Эти люди хотят видеть человеческую кровь, — заметил Ричардс. — Чем больше, тем лучше. Они бы предпочли, чтобы уокошили нас обоих. Можешь в это поверить?

— Нет.

— Тогда ты не от мира сего.

Старик с коротко стриженными седыми волосами, в шортах до колен, выбежал на обочину. С фотоаппаратом в руках. Начал лихорадочно отщелкивать кадр за кадром. От внезапного хохота Ричардса Амелия аж подпрыгнула.

— Ты чего?

— Он не снял крышку с объектива. — Ричардс все не мог успокоиться. — Он не снял... — И, не договорив, скривился от боли в боку.

Машин на обочинах все прибавлялось. Они взобрались на пологий холм и начали медленно спускаться к центру Рокленда. Когда-то это была живописная рыбацкая деревня. Здесь жили те самые люди, которых так любил рисовать Уинслоу Хомер*. Желтые бле-

* Хомер Уинслоу (1836–1910) — художник; писал картины из жизни простых американцев — фермеров, моряков, охотников. Для его творчества характерна яркая психологическая характеристика образов.

стяющие плащи, маленькие рыбачьи шхуны, на которых они выходили в море на ловлю лобстеров. От этой деревушки не осталось и следа. Ее место заняли громадные торговые центры по обе стороны шоссе, выстроившиеся вдоль Главной улицы рестораны, стереоатры, центры развлечений. Частные дома и особняки оккупировали склоны холмов. Ближе к морю расположились кварталы трущоб. И лишь само море осталось неизменным, синее, уходящее за горизонт, поблескивающее в лучах катящегося к западу солнца.

Они двинулись дальше, к двум патрульным машинам, перемигивающимся синими огнями. Они стояли бок о бок, перекрывая мостовую, а левую обочину занял броневик, короткий ствол пушки которого нацелился на их пневмокар.

— Все кончено, — прошептала Амелия. — Я тоже должна умереть?

— Остановись в пятидесяти ярдах от кордона и повтори то, что уже говорила, — распорядился Ричардс. Сполз вниз. От нервного тика у него задергался глаз.

Она остановила пневмокар, открыла дверцу, но высываться не стала. В воздухе повисла мертвая тишина. *Тишина нависла над толпой*, внутренне усмехнулся Ричардс.

— Я боюсь. Пожалуйста. Очень боюсь.

— Тебя они не застрелят. Слишком много свидетелей. У всех на виду заложников не убивают. Таковы правила игры.

Она посмотрела на него, и внезапно ему захотелось выпить с ней чашечку кофе. Где-нибудь в спокойном месте. Он бы слушал, как она рассказывает о своей жизни, размешивая в чашке настоящие сливки. Потом они обсудили бы проблемы социального неравенства и возможные пути его искоренения.

— Давай, миссис Уильямс, — подбодрил он ее. — На тебя смотрит весь мир.

Она высунулась из кабины.

Шесть патрульных машин и еще один броневик подкатили сзади, остановившись в тридцати футах, блокируя отход.

Открыт только один путь, подумал Ричардс, *прямо на небеса*.

...МИНУС 039, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

— Меня зовут Амелия Уильямс. Бенджамин Ричардс взял меня в заложницы. Если вы нас не пропустите, он говорит, что убьет меня.

Тишина аж звенела.

Потом раздался бесстрастный, механический, усиленный динамиками голос:

— МЫ ХОТИМ ПОГОВОРИТЬ С БЕНОМ РИЧАРДСОМ.

— Нет, — прошептал Ричардс.

— Он с вами говорить не хочет.

— ВЫХОДИТЕ ИЗ МАШИНЫ, МАДАМ.

— Он меня убьет! — взвигнула Амелия. — Или вы не слышите? Ваши люди уже пытались нас убить. Он говорит, вам без разницы, кого убивать. *Господи, неужели он прав?*

— Пропустите их, — выкрикнул кто-то из толпы.

— ВЫХОДИТЕ ИЗ МАШИНЫ — ИЛИ МЫ ОТКРЫВАЕМ ОГОНЫ!

— Пропустите ее! Пропустите! — начала скандировать толпа, словно болельщики на матче киллбала.

— ВЫХОДИТЕ...

Крики толпы заглушили слова. Откуда-то полетел камень. На лобовом стекле одной из патрульных машин зазмеились трещины.

Взревели моторы, патрульные машины раздвинулись, освобождая узкий язык мостовой. Толпа радостно заулюлюкала и затихла, ожидая продолжения.

— ВСЕМ ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ НЕМЕДЛЕННО ОЧИСТИТЬ ТЕРРИТОРИЮ, — потребовал динамик. — ВОЗМОЖНА ПЕРЕСТРЕЛКА. ГРАЖДАНСКИЕ ЛИЦА, МЕШАЮЩИЕ ПОЛИЦИИ ВЫПОЛНЯТЬ ВОЗЛОЖЕННЫЕ НА НЕЕ ОБЯЗАННОСТИ, СОГЛАСНО ЗАКОНУ ПРИВЛЕКАЮТСЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ. НАКАЗАНИЕ ЗА ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ПОЛИЦИИ ВЫПОЛНЯТЬ СВОИ ОБЯЗАННОСТИ — ДЕСЯТИЛЕТНЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ТЮРЬМЕ ШТАТА, ИЛИ ШТРАФ В ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ, ИЛИ ТО И ДРУГОЕ. ОЧИСТИТЬ ТЕРРИТОРИЮ. ОЧИСТИТЬ ТЕРРИТОРИЮ.

— Конечно, чтобы никто не видел, как вы расстреляете женщину, — истерический выкрик. — В задницу всех свиней!

Толпа не сдвинулась с места. Подкатила желто-черная машина службы новостей. Двое мужчин выскочили из кабины, начали устанавливать камеру.

Двое копов подбежали к ним, последовала короткая борьба. Одному копу удалось сдернуть камеру с треноги и разбить ее об асфальт.

Один из репортеров попытался врезать копу, разбившему камеру, но его « успокоили » дубинками.

Мальчишка выскочил из толпы и швырнулся в затылок копа. Тот упал, кровь окрасила дорогу. Поддюжины копов бросились к мальчику, охаживая его дубинками. В толпе внезапно вспыхнули драки между хорошо одетыми жителями холмов и обитателями трущоб. Женщина в вылинявшем, много раз штопанном домашнем халате внезапно набросилась на дородную матрону, вцепилась ей в волосы. Они повалились на дорогу и начали кататься по асфальту, пинаясь и вопя.

— Боже мой, — в ужасе выдохнула Амелия.

— Что происходит? — спросил Ричардс. Он не решался высунуть голову.

— Дерутся. Полиция избивает людей. Кто-то разбил репортерскую камеру.

— СДАВАЙСЯ, РИЧАРДС. ВЫХОДИ.

— Поехали, — приказал Ричардс.

Пневмокар медленно стронулся с места.

— Они начнут стрелять по воздушным диффузорам, — прошептала Амелия. — А потом дождутся, пока ты вылезешь из кабины.

— Не начнут, — возразил ей Ричардс.

— Почему?

— Слишком тупы.

Выстрелов не последовало.

Они проехали меж двух патрульных машин и толпы зевак, раздавшейся на две части. С одной стороны дороги стояли богатые и средний класс. Женщины, регулярно посещающие салоны красоты, мужчины в дорогих рубашках и туфлях. Мужчины в фирменных комбинезонах с названиями компаний, с вышитыми золотом именем и фамилией на нагрудном кармане. Женщины а-ля Амелия Уильямс, собравшиеся в магазин или на рынок. Непохожие друг на друга, но объединенные общей чертой. И Ричардс знал, что их объединяло. Они не жили на грани катастрофы. Голод не урчал в их желудках. Голову не заполняли безумные мысли, несбыточные надежды.

Эти люди стояли справа от дороги, лицом к порту и морскому клубу, мимо которых сейчас проезжал пневмокар.

На другой обочине, левой, собирались бедняки. Красные носы, взбухшие вены, жалкие, отвисшие груди. Грязные волосы. Угри. Прящи. Дебильные лица.

Здесь полиция махала дубинками куда более рьяно, а копы все прибывали и прибывали. Ричардс не удивлялся их числу и активности. Понаехали они, правда, очень уж быстро. Даже

здесь, в глубинке, копы всегда были наготове. Перед охотой собака положено держать на пса на голодными. Бедняки потрошат летние бунгало, которые пустуют осенью и зимой. Банды подростков из бедных семей совершают набеги на супермаркеты. Бедняки пишут ругательства на витринах магазинов. Бедняки вечно на что-то жалуются, и их рты наполняются слюной зависти, стоит им увидеть дорогую машину, упитанный живот или костюм за две сотни долларов. И у бедняков есть свои Джеки Джексоны, Мохаммеды Али, Клайды Барроу. Они стояли и смотрели.

А вот справа, друзья, те самые люди, которые летом живут в бунгало, рассуждал Ричардс. Толстые, неуклюжие. Из тех, что слева, самый тяжелый весит не больше ста тридцати фунтов, но они жилистые, выносливые, их можно назвать Голодные хонки. Они всегда голодны. Они продадут Христа за фунт салами. Будьте осторожны, грядет социальное расслоение. Эти противники на ринг не выйдут, они предпочитают драться прямо в зрительном зале. Сможем мы найти козла отпущения, который успокоит и первых, и вторых?

Медленно, на скорости тридцать миль в час, Бен Ричардс проехал между ними.

...МИНУС 038, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Прошел час. Пробило четыре. Тени удлинились. Ричардс не поднимал головы над приборным щитком. Временами терял сознание, вновь приходил в себя. Он вытащил рубашку из брюк, чтобы осмотреть новую рану. Пуля пропахала в его боку глубокую траншею, которая все еще кровоточила. Кровь сворачивалась, но медленно. При каждом резком движении рана открывалась вновь. Впрочем, особого значения это не имело. Все равно они разорвут его на куски. Перед той силой, что выходила против него, его план казался детской шуткой. Он, конечно, мог ему следовать, до того момента как произойдет «инцидент» и пневмокар превратится в груду искореженного железа (...трагический несчастный случай... патрульный находится под следствием... расследование ведут лучшие специалисты... искренне сожалеем о невинной жертве...), все это прозвучит в последнем выпуске новостей, аккурат между биржевой сводкой и выступлением Папы Римского). О себе он не беспокоился, но его очень волновала судьба Амелии Уильямс, которая крайне неудачно выбрала время для поездки за покупками. В эту среду ей следовало остаться дома.

— Впереди танки, — внезапно вырвалось у нее. В голосе слышались истеричные нотки. — Ты можешь себе такое представить? Ты можешь... — Она расплакалась.

Ричардс подождал, пока она немного успокоится. Потом спросил:

— В каком мы городе?

— У-у-унтерпорт, так написано на указателе. Я не могу! Не могу ждать, пока они откроют огонь! Не могу!

— Хорошо.

Она моргнула, тряхнула головой, словно хотела прочистить мозги.

— Что?

— Останавливайся. Вылезай.

— Но они тебя у...

— Да. Зато больше не будет крови. У них достаточно огневой мощи, чтобы превратить меня и машину в пар.

— Ты лжешь. Ты убьешь меня.

Револьвер, зажатый между колен, упал на пол. Застыл на резиновом коврике.

— Мне бы сейчас «травки», — вздохнула она. — Господи, как хочется расслабиться. Почему ты не дождался следующей машины? Господи! Господи!

Ричардс начал смеяться. Смеялся, хотя каждый вдох болью отдавался в боку. Он закрыл глаза и смеялся, пока по щекам не потекли слезы.

— Холодно здесь с разбитым стеклом, — заметила она. — Включи печку.

В стучащихся сумерках ее лицо превратилось в бледное пятно.

...МИНУС ОЗ, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

— Мы в Дерри, — объявила она.

На улицах толпился народ. Люди свисали с крыш, заполняли балконы и веранды, освобожденные от летней мебели. Они ели сандwichи и жареных кур.

— Есть указатели аэропорта?

— Да. Я им следую. Они просто закроют въездные ворота.

— Если закроют, я вновь пригрозжу, что убью тебя.

— Ты собираешься угнать самолет?

— Попытаюсь.

— Не сможешь.

— Ты, несомненно, права.

Они повернули направо, потом налево. Динамики требовали от толпы податься назад, разойтись.

— Она действительно твоя жена? Та женщина, которую показывали в программе?

— Да. Ее зовут Шейла. Нашей дочери, Кэти, восемнадцать месяцев. Она заболела гриппом. Может, сейчас она уже поправляется. Потому-то я и полез в это дело.

Мимо пролетел вертолет, отбрасывая на шоссе огромную тень. Громовой голос приказал Ричардсу остановить пневмокар и выпустить женщину. Когда он улетел, женщина заговорила первой:

— Твоя жена выглядела совершеннейшей шлюхой. Нельзя же так опускаться.

— Фотография сфабрикована, — бесстрастно ответил Ричардс.

— Они идут на такое?

— Как видишь.

— Аэропорт. Мы приближаемся.

— Ворота закрыты?

— Подожди... не разберу... открыты, но блокированы. Танком.

Пушка нацелена на нас.

— Остановись в тридцати футах.

Пневмокар медленно крался по четырехполосной трассе между стоящими по обочинам патрульных машин и ревущей толпой. Над воротами висел огромный щит: АЭРОПОРТ «ВОЙТ». Женщина видела циклопический, находящийся под высоким напряжением забор, уходящий в обе стороны от ворот. Впереди, на бетонном возвышении, разделявшем дорогу надвое, стояла будка контрольно-пропускного пункта. А за будкой расположился перекрывший ворота танк А-62, при необходимости стрелявший атомными снарядами мощностью двести пятьдесят килотонн. Далее разбегающиеся дорожки вели к различным терминалам, за которыми скрывались взлетно-посадочные полосы. А главенствовала над всем огромная, как уэллсовская боевая машина марсиан, диспетчерская вышка. Лучи скатывающегося к горизонту солнца полыхали на тонированных стеклах. Сотрудники аэропорта и пассажиры толпились на ближайшей к воротам автостоянке. Полиция с трудом сдерживала их напор. Послышался мощный, низкий рев. Амелия увидела, как «Локхид/Джиди-Эй суперберд» начал подъем, разогнавшись по невидимой от ворот взлетной полосе.

Амелия подпрыгнула, испуганно посмотрела на него. Он небрежно махнул рукой. Мол, все в порядке, ма. Я всего лишь умираю.

— ВЪЕЗД НА ТЕРРИТОРИЮ АЭРОПОРТА ТЕБЕ ЗАПРЕЩЕН! — вещал многократно усиленный техникой голос. — ОТПУСТИ ЖЕНЩИНУ. ВЫХОДИ ИЗ МАШИНЫ.

— Что теперь? — спросила она. — Это тупик. Они лишь дождутся, пока...

— Давай надавим на них еще. Думаю, они прогнутся. Высунься. Скажи, что я ранен и не в себе. Скажи, что я хочу сдаться воздушной полиции.

— Ты *действительно* хочешь?

— Воздушная полиция не подчиняется ни штату, ни государству. По соглашению с ООН от 1995 года это международная организация. Вроде бы ходили слухи о том, что тебе гарантирована амнистия, если сдаешься им. Все равно что попасть на «Свободную парковку», играя в «Монополию». Разумеется, чушь собачья. Они передадут тебя Охотникам, а Охотники потащат к стенке.

Ее передернуло.

— Но, возможно, они думают, что я в это верю. Или убедил себя в том, что в это можно поверить. Высунись и скажи им.

Она высунулась, и Ричардс напрягся. Если «трагическому инциденту» суждено произойти, то сейчас самое время. Ее голова и верхняя часть тела открыты тысячам нацеленных на них стволов. Достаточно один раз нажать на спусковой крючок, и весь фарс тут же закончится.

— Бен Ричардс хочет сдаться воздушной полиции! — прокричала Амелия. — Он дважды ранен. — Она в ужасе глянула на Ричардса, ее голос сорвался на фальцет. — Он совсем обезумел, и я так его боюсь... *пожалуйста... пожалуйста... ПОЖАЛУЙСТА!*

Камеры записывали все, посылая в прямой эфир каждое ее слово, каждый жест. В течение секунд малейшее изменение выражения ее лица становилось достоянием зрителей всей Северной Америки и половины планеты. Ричардса это вполне устраивало. Более чем. Ричардс почувствовал, как гулко забилось сердце. Он знал, что в нем просыпается надежда.

Крик души Амелии какое-то время оставался без ответа. За будкой КПП шло интенсивное обсуждение ситуации.

— Очень хорошо, — прошептал Ричардс.

Она искоса взглянула на него.

— Думаешь, трудно притвориться испуганной? Мы не в одной лодке, что бы ты там ни думал. Но я хочу, чтобы ты спасся.

Ричардс впервые обратил внимание, как совершенна ее грудь, обтянутая черно-зеленой блузой. Совершенна и, пожалуй, желанна.

Впереди загремело, заклацало. Амелия громко вскрикнула.

— Это танк, — поспешил успокоить ее Ричардс. — Все нормально. Всего лишь танк.

— Он отъезжает, — воскликнула она. — Они решили пропустить нас.

— **РИЧАРДС! СЛЕДУЙТЕ К СТОЯНКЕ ШЕСТНАДЦАТЬ. ВОЗДУШНАЯ ПОЛИЦИЯ БУДЕТ ЖДАТЬ ВАС ТАМ, ЧТОБЫ ВЫ МОГЛИ ЕЙ СДАТЬСЯ!**

— Хорошо, — кивнул он. — Тронулись. Когда отъедем на полмили от ворот, остановись.

— Твоими стараниями меня все-таки убьют, — обреченно молвила она.

Пневмокар приподнялся на четыре дюйма над асфальтом и поплыл к воротам. Ричардс весь подобрался, ожидая, что за воротами притаились Охотники, чтобы броситься на него, но они проехали без помех. Асфальтированная дорога вела их к терминалам. Стрела с цифрами над ней указывала, как добраться до стояночных мест 16—20.

Там его поджидали копы, укрывшись за желтыми заграждениями.

Ричардс понимал, что при первом же подозрительном движении они разнесут пневмокар в клочья.

— Остановись, — приказал он, и она тут же нажала на педаль тормоза.

Реакция последовала незамедлительно.

— **РИЧАРДС! ПРОДОЛЖАЙТЕ ДВИЖЕНИЕ К СТОЯНКЕ ШЕСТНАДЦАТЬ!**

— Скажи им, что мне нужен мегафон, — прошептал Ричардс. — Пусть они оставят его в двадцати ярдах от пневмокара. Я хочу поговорить с ними.

Она прокричала требование Ричардса, и они замерли в ожидании. Вскоре мужчина в синей униформе выбежал на дорогу и положил мегафон в двадцати ярдах от пневмокара. Выпрямился во весь рост, постоял, помня о том, что сейчас его видят пятьсот миллионов людей, потом ретировался за заграждения.

— Вперед, — скомандовал Ричардс.

Они подползли к мегафону. Когда водительская дверца порав-

нялась с ним, Амелия открыла ее, подняла мегафон, вташи-
140 ла в кабину. Красно-белый. С эмблемой «Джи-Эй».

— Отлично. Далеко до основного корпуса?

Она прищурилась.

— С четверть мили.

— А от стоянки шестнадцать?

— Вдвое меньше.

— Хорошо. Очень хорошо. Превосходно. — Он почувствовал, что непроизвольно кусает губы, постарался взять себя в руки. Болела голова. Кровь кипела от избытка адреналина. — Едем дальше. Остановишься у въезда на стоянку шестнадцать.

— А что потом?

Он безрадостно улыбнулся.

— Потом? Потом будет последний и решительный бой Бенджамина Ричардса.

... МИНУС 036, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Когда она остановила пневмокар у въезда на стоянку 16, ответ не заставил себя ждать.

— ПРОДОЛЖАЙТЕ ДВИЖЕНИЕ, — потребовал динамик. — ВОЗДУШНАЯ ПОЛИЦИЯ ОЖИДАЕТ В ТЕРМИНАЛЕ.

Ричардс впервые поднес мегафон ко рту.

— ДЕСЯТЬ МИНУТ. МНЕ НАДО ПОДУМАТЬ.

Наступила тишина.

— Разве ты не понимаешь, что подталкиваешь их к убийству? — сдавленным голосом спросила она.

Он хохотнул.

— Им понятно, что я намерен их провести. Они только не знают как.

— Ты не сможешь, — покачала она головой. — Неужели тебе до сих пор это не ясно?

— Может, и смогу, — возразил он.

... МИНУС 035, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

— Послушай.

Когда Игры только зарождались, все говорили, что это самое грандиозное развлечение всех времен и народов и мир не видывал ничего подобного. Но ничто не ново под луной. Римские гладиаторы ничем не отличались от нас. Была еще одна

игра. Покер. В покере высшая категория — стрит-масть* в пиках. Но самый сложный вариант покера — на пяти картах. Четыре у тебя на руках, пятая лежит на столе рубашкой вверх. За пять или десять центов можно остаться в игре. Но чтобы посмотреть невскрытую карту соперника, надо выложить полдоллара. С нарастанием ставок растет и цена невскрытой карты. И после дюжины кругов торговли, когда на кон поставлены все твои сбережения, дом и машина, невскрытая карта ценой сравнивается с твоей жизнью. «Бегущий человек» — то же самое. Только у меня нет денег на ставки. У них люди, оружие, время. Мы играем их картами, по установленным ими правилам, в их казино. Если меня ловят, значит, я проиграл. Но, может, мне есть чем потягаться с ними. Я позвонил в службу новостей в Рокленде. Служба новостей — это моя десятка пик. Им пришлось пропустить меня, потому что я был у всех на виду. Они уже не могли без шума разделаться со мной, как попытались на первом кордоне. Ирония судьбы: именно благодаря Играм фри-ви пользуется такой популярностью. Нам вдалбливают, что все показанное по фри-ви — правда. Поэтому если вся страна увидит, как полиция убивает добропорядочную женщину-заложницу, люди поверят, что так оно и было. На такой риск власти пойти не могут. Сеть и так испытывает дефицит доверия. Забавно, не правда ли? Мои люди здесь. На дороге уже случились беспорядки. Если копы и Охотники откроют огонь, может произойти непредсказуемое. В свое время один человек посоветовал мне держаться ближе к своим. Он и представить себе не мог, как оказался прав. Они только потому так со мной церемонятся, что такие, как я, уже здесь, рядом.

Мои люди — это валет пик.

Дама пик, естественно, ты.

Я — король, мужчина в черном с мечом.

Эти карты у меня на руках. Пресса, возможность крупных беспорядков, ты, я. Четыре карты — ничто. Их может побить пара двоек. Без туза пик они — мусор. А с тузом их перебить невозможно.

Внезапно он схватил ее сумочку из искусственной крокодиловой кожи с серебряной цепочкой и засунул в карман пиджака. Тот заметно оттопырился.

— Туза у меня нет. Но я мог бы иметь его, если б позаботился об этом заранее. А что у меня есть, так это лежащая на столе карта, та

* Высшая категория, обычно определяется по договоренности: то ли стрит-масть, то ли каре.

самая, которую никто не знает. Поэтому у меня только один выход — блефовать.

— У тебя нет ни единого шанса, — мрачно бросила она. — Чем тебе поможет моя сумочка? Перестреляешь их из тюбика губной помады?

— Я думаю, они так долго вели нечестную игру, что уже просто не способны играть по-другому. Они трусливы, а потому у них не хватит духа рискнуть и вывести меня на чистую воду.

— РИЧАРДС! ДЕСЯТЬ МИНУТ ИСТЕКЛИ!

... МИНУС 034, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

— СЛУШАЙТЕ МЕНЯ ВНИМАТЕЛЬНО! — Его громовой голос покатился по аэродромному полю. Толпа притихла. — В КАРМАНЕ МОЕГО ПИДЖАКА ДВЕНАДЦАТЬ ФУНТОВ ДИНАКОРОВОЙ ПЛАСТИКОВОЙ ВЗРЫВЧАТКИ, ТОЙ САМОЙ, ЧТО ЗОВЕТСЯ «ЧЕРНЫМ ИРЛАНДЦЕМ». ДВЕНАДЦАТИ ФУНТОВ ВПОЛНЕ ДОСТАТОЧНО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ РАЗНЕСТИ ВСЕ И ВСЯ В РАДИУСЕ ТРЕТИ МИЛИ, И, ВОЗМОЖНО, ХВАТИТ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СДЕТОНИРОВАЛО ТОПЛИВО В ПОДЗЕМНЫХ ХРАНИЛИЩАХ АЭРОПОРТА. ЕСЛИ ВЫ НЕ БУДЕТЕ СКРУПУЛЕЗНО ВЫПОЛНЯТЬ МОИ ИНСТРУКЦИИ, Я ОТПРАВЛЮ ВАС ВСЕХ В АД. ПРЕДОХРАНИТЕЛЬ СНЯТ, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВЗРЫВАТЕЛЬ АКТИВИРОВАН. ДОСТАТОЧНО ОДНОГО МОЕГО ДВИЖЕНИЯ, И ВЫ МОЖЕТЕ ЗАСУНУТЬ ГОЛОВЫ МЕЖДУ НОГ И НА ПРОЩАНИЕ ПОЦЕЛОВАТЬ ВАШИ ЗАДНИЦЫ.

Толпа ответила сдавленными криками. Полиция внезапно поняла, что сдерживать ей никого не надо. Мужчины и женщины валим повалили к воротам, исчезая за циклопическим забором. Их лица перекосило от страха.

И копов, похоже, так и подмывало сделать ноги. По выражению их лиц Амелия видела, что они верят каждому слову Ричардса.

— РИЧАРДС? — загремел голос. — ЭТО ЖЕ ЛОЖЬ. ВЫХОДИ.

— Я ВЫХОЖУ, — ответил он. — НОСНАЧАЛА ВЫСЛУШАЙТЕ МОЙ НАКАЗ. ПОДГОТОВЬТЕ К ВЫЛЕТУ САМОЛЕТ С ПОЛНЫМИ БАКАМИ И МИНИМУМОМ КОМАНДЫ. МНЕ НУЖЕН «ЛОКХИД/ДЖИ-ЭЙ» ИЛИ «ДЕЛЬТА СУПЕРСОНICK». С ПОЛЕТНЫМ РАДИУСОМ НЕ МЕНЬШЕ ДВУХ ТЫСЯЧ МИЛЬ. НА ЭТО ВАМ ДАЕТСЯ ДЕВЯНОСТО МИНУТ.

Камеры ловили каждое их движение. То и дело сверкали фотовспышки. Репортерам тоже хотелось дать задний ход. Но на них смотрели пятьсот миллионов зрителей. Реальная сила. И работа была реальной. За которую платили реальные деньги. А вот двенадцать фунтов «Черного ирландца» могли оказаться гениальной выдумкой изворотливого Бена Ричардса.

— РИЧАРДС? — Мужчина, несмотря на осеннюю прохладу, одетый лишь в черные брюки и белую рубашку с закатанными выше локтей рукавами, вышел из-за машин, сгрудившихся за стоянкой 16. В руке он держал мегафон размерами больше того, что передали Ричарду. Амелия видела, что он в очках. Стекла поблескивали в лучах заходящего солнца. — Я ЭВАН МАККОУН.

Имя он, разумеется, знал. Вроде бы одно упоминание этого имени должно было вселить страх в его сердце. И он не удивился, почувствовав страх. Эван Маккоун. Главный Охотник. Прямой наследник Эдгара Гувера и Генриха Гиммлера. Персонификация зла во всей Корпорации Игр. Пугало. Имя, которым страшали детей. Если не перестанешь баловаться со спичками, Джонни, я выпущу из шкафа Эвана Маккоуна. Ему вспомнился голос из сна: *Мы ищем тебя, маленький братец?*

— ТЫ ЛЖЕШЬ, РИЧАРДС. МЫ ЭТО ЗНАЕМ. БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ «ДЖИ-ЭЙ» НИКТО НЕ МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ ДОСТУП К ДИНАКОРУ. ОТПУСТИ ЖЕНЩИНУ И ВЫХОДИ САМ. МЫ НЕ ХОТИМ УБИВАТЬ И ЕЕ.

Амелия обреченно пискнула.

— ТЕБЕ БЫ ПРОГУЛЯТЬСЯ НА ШЕЙКЕР-ХЕЙТС*, МАЛЕНЬКИЙ БРАТЕЦ. ТАМ ДИНАКОР ТЕБЕ ПРЕДЛОЖАТ НА КАЖДОМ УГЛУ, БЫЛИ БЫ БАБКИ. У МЕНЯ БЫЛИ. ДЕНЬГИ КОРПОРАЦИИ ИГР. УТЕБЯ ОСТАЛОСЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТЬ МИНУТ.

— НА СДЕЛКУ С ТОБОЙ МЫ НЕ ПОЙДЕМ.

— МАККОУН?

— ДА.

— ЖЕНЩИНУ Я ОТПУСКАЮ. ОНА ВИДЕЛА «ИРЛАНДЦА». — Амелия в ужасе вытаращилась на него. — А ПОКА ТЕБЕ ЛУЧШЕ ПОТОРОПИТЬСЯ. ОСТАЛОСЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ МИНУТ. Я НЕ БЛЕФУЮ. ОДИН ВЫСТРЕЛ, И МЫ ВСЕ ОКАЖЕМСЯ НА ЛУНЕ.

— Нет. — Она не сводила с него глаз. — Ты не вправе рассчитывать, что я буду лгать ради тебя.

— Если не будешь, я — покойник. Я ранен, едва держусь на ногах, не знаю, что говорю, но заверяю тебя — это наилучший вариант. Теперь слушай, динакор — белый, плотный, сальный на ощупь. Он...

— Нет! Нет! Нет! — Она зажала уши руками.

— Выглядит как кусок мыла «Слоновая кость». Но гораздо тяжелее. Теперь кольцо взрывателя. Оно...

Она заплакала.

— Я не смогу, неужели ты этого не понимаешь? Мой гражданинский долг. Моя совесть. Мои...

— Да, они могут выяснить, что ты лгала, — сухо кивнул Ричардс. — Только ничего у них не выйдет. Если ты подтвердишь мои слова, они дрогнут. И я упорхну, как птичка.

— Я не смогу!

— **РИЧАРДС! ОТПУСКАЙ ЖЕНЩИНУ!**

— Кольцо взрывателя золотое, — продолжил он. — В два дюйма диаметром. Выглядит как кольцо для ключей, только ключей никаких нет. К нему прикреплен тонкий стержень, похожий на карандаш, с пусковым механизмом «Джи-Эй». Пусковой механизм напоминает ластик на карандаше.

Постанывая, она качалась из стороны в сторону. Подняла руки к лицу, моля пальцами щеки, словно тесто.

— Я сказал им, что взрыватель активирован. Это означает, что ты видела насечку на «карандаше» чуть выше среза «Ирландца». Понятно?

Ответа не последовало. Она раскачивалась, стонала, плакала.

— Разумеется, понятно, — мягко добавил он. — Ты умная девочка, не так ли?

— Я не желаю лгать.

— Если тебя спросят о чем-то еще, ты ничего не знаешь. Не ви- дела. И вообще перепугана до смерти. Знаешь ты только одно: я держусь за кольцо с того самого момента, как мы миновали первый кордон. Ты не знала, что это такое, но я не снимал руки с этой штуки-вины.

— Лучше убей меня прямо сейчас.

— Шевелись. Вылезай из машины.

Она злобно посмотрела на него, губы шевелились, глаза превратились в черные дыры. Симпатичная, уверенная в себе женщина исчезла. Ричарду оставалось гадать, появится ли она

вновь. Он в этом сомневался. Во всяком случае, такой, как прежде, ей уже не бывать.

— Давай. Иди.

— Я... я... О Боже...

Она распахнула дверцу, то ли спрыгнула на землю, то ли вывалилась из кабины. Но тут же вскочила и побежала. Волосы развевались на ветру, она бежала, неописуемо прекрасная, божественная, навстречу тысячам фотоспышек.

Винтовки взлетели к плечам, изготавившись к стрельбе, опустились. Все взгляды скрестились на Амелии. Ричардс чуть приподнялся, но ничего не увидел через стекло дверцы водителя. Вернулся на прежнее место, посмотрел на часы, застыл в ожидании развязки.

...МИНУС ОЗ, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Секундная стрелка на его часах пробежала два круга. Потом еще два. И еще.

— РИЧАРДС!

Он поднес мегафон к губам.

— СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ МИНУТ, МАККОУН.

Идти, так до конца. Собственно, других вариантов и не было. Как раз в этот момент Маккоун может приказать открыть огонь. Все закончится быстро. Так что волноваться теперь не о чем.

Пауза длилась вечность.

— НАМ ПОТРЕБУЕТСЯ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ. НИКАК НЕ МЕНЬШЕ ТРЕХ ЧАСОВ. СЕЙЧАС В ЭТОМ АЭРОПОРТУ НЕТ НИ «ЭЛ/ДЖИ-ЭЙ», НИ «ДЕЛЬТА». ПРИДЕТСЯ ПОДОЖДАТЬ, ПОКА СЮДА ПЕРЕГОНЯТ ОДИН ИЗ НИХ.

Она таки ему подыграла. Ну надо же. Женщина заглянула в пропасть, а потом перешла ее. Без страховочной сетки. Понимая, что назад пути нет. Потрясающее.

Разумеется, они ей не поверили. Это их работа — никому ни в чем не верить. Сейчас они наверняка препроводят ее в укромную комнатку в одном из терминалов, где уже ждут с полдесятка профессионалов-следователей. А потом начнется бесконечный допрос. Разумеется, вы валитесь с ног, миссис Уильямс, но нас интересует... не возражаете, если мы еще раз вспомним этот момент... нас удивило одно маленькое несоответствие... вы уверены, что здесь вы не ошиблись... откуда вы знаете... почему... так что он сказал, когда...

Значит, логичный ход — выиграть время. Задержать Ричардса на земле сначала под одним предлогом, потом под другим. Сложности с заправкой, не укладываемся в сроки. Заболели механики, надо привезти другую бригаду. Над взлетной полосой зависла летающая тарелка, подождите, пока мы ее отгоним. Мы же еще не сломили ее волю. Не заставили признаться, что твой «Черный ирландец» — сумочка из искусственной крокодиловой кожи, внутри которой лишь салфетки «Клинекс», косметика да кредитные карточки. Нам нужно больше времени.

Мы не хотим упустить шанс убить тебя прямо здесь. Нам нужно больше времени.

— РИЧАРДС?

— СЛУШАЙТЕ МЕНЯ, — прогремел он в ответ. — У ВАС ОСТАЛОСЬ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ МИНУТ. ПОТОМ ВМЕСТЕ ВЗЛЕТИМ К НЕБЕСАМ.

Ответа не последовало.

Зеваки начали подтягиваться вновь, несмотря на нависшую над аэропортом тень Армагеддона. С широко открытыми, влажными, возбужденными глазками. Появились переносные прожектора и выхватили из темноты маленький пневмокар, с беспощадной яркостью освещая зияющий провал на месте лобового стекла.

Ричардс постарался представить себе маленькую комнатку, где они держали ее, пытаясь выбрать правду, и не смог. Прессу, разумеется, и близко не подпустили. Следователи Маккоуна старались внуть ей страх и, несомненно, в этом преуспели. Но как далеко они могли зайти, имея дело с женщиной не из гетто, где все люди на одно лицо? Наркотики правды? Они существовали, Ричардс это знал, и Маккоун уже наверняка затребовал их. Снаряда, после введения которых любой рассказывал историю всей своей жизни, начиная с пеленок. Которые заставляли священника забыть о тайне исповеди.

Физическое воздействие? Модифицированные электрошоковые дубинки, которые помогли усмирить волнения в Сиэтле в 2005 году? Или хватит града вопросов?

Рассуждения в пользу бедных, толку от них никакого, но он не мог выкинуть эти мысли из головы. Из-за терминалов донеслось мощное урчание прогреваемых двигателей «Локхид». Этот самолет не спутаешь ни с каким другим. Звук то нарастал, то чуть затихал. А когда оборвался, Ричардс понял, что началась заправка топливом. Двадцать минут, если они поторопятся. Ричардс не думал, что им есть резон торопиться.

Так, так, так. Вот и мы. Все карты вскрыты, кроме одной.

Маккоун? Маккоун, ты еще не знаешь, что это за карта? Еще не расколол женщину?

В лучах прожектора на землю ложились длинные тени. Все ждали.

... МИНУС ОДИССЕЯ, ОТСЧЕТ ИДЕТ ...

Ричардс осознал, что хотя бы одно привычное клише не соответствует действительности. Время не стояло на месте. А, наверное, было бы лучше, если бы стояло. Тогда оставалась бы надежда на благополучный исход.

Еще дважды громоподобный голос уличал Ричардса во лжи. Он ответил, что для проверки проще всего изрешетить его пулями. Пять минут спустя новый, не менее громкий голос сообщил ему, что досельные заслонки «локхига» замерзли и начата подготовка к заправке другого самолета. Ричардса такой вариант вполне устроил. При условии, что они уложятся к означеному сроку.

Минуты ползли. Их осталось двадцать шесть, двадцать пять, двадцать две, двадцать (*ее еще не сломали, Господи, может*), восемнадцать, пятнадцать (вновь загудели двигатели: наземные службы продолжали предполетную подготовку), десять, восемь.

— РИЧАРДС.

— СЛУШАЮ.

— НАМ НЕОБХОДИМО ЧУТЬ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ. ДОССЕЛЬНЫЕ ЗАСЛОНКИ ЗАМЕРЗЛИ НА МЕРТВО. МЫ СОБИРАЕМСЯ ПРОЛИТЬ ВЕРТУШКИ ЖИДКИМ ВОДОРОДОМ, НО ДЛЯ ЭТОГО ПРОСТО НУЖНО ВРЕМЯ.

— ОНО У ВАС ЕСТЬ. ЦЕЛЫХ СЕМЬ МИНУТ. ЗАТЕМ Я ПРОСЛЕДУЮ К САМОЛЕТУ. ПРАВИТЬ БУДУ ОДНОЙ РУКОЙ, ДРУГАЯ ОСТАНЕТСЯ НА КОЛЬЦЕ ВЗРЫВАТЕЛЯ. НАЛЕТНОЕ ПОЛЕ Я ВЪЕДУ ПО СЛУЖЕБНОМУ ПАНДУСУ. ВСЕ ВОРОТА ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОТКРЫТЫ, И ПОМНИТЕ, С КАЖДЫМ ЯРДОМ Я БУДУ ПРИБЛИЖАТЬСЯ К ПОДЗЕМНЫМ ХРАНИЛИЩАМ ТОПЛИВА.

— ТЫ, ПОХОЖЕ, НЕ ПОНИМАЕШЬ...

— ГОВОРИТЬ БОЛЬШЕ НЕ О ЧЕМ. ШЕСТЬ МИНУТ.

Секундная стрелка методично очерчивала круг за кругом. Осталось три минуты, две, одна. Они наверняка навалились на нее в комнате, которую он не мог себе представить. Он попытался вызвать из памяти образ Амелии. Не сумел. Ее лицо уже

смешалось с другими лицами. Стейси, Бредли, Элтона и Вирджинии Парракис, мальчика с собакой. Он лишь помнил, что она нежная и миловидная, да только красота ее стандартная, как у тысяч женщин, достигнутая заботами «Макс Фактор», «Ревлона» и хирургов, пластическими операциями убирающих все лишнее и добавляющих недостающее. Нежная. Нежная внешне. Но, видать, со стальным стержнем внутри. Откуда взялся стальной стержень в женщине, у которой вроде бы все в полном порядке? Выдержит ли он? Может, как раз сейчас он и ломается?

Он почувствовал, как что-то теплое течет по подбородку, и понял, что прокусил губу, не в одном — в нескольких местах.

Вытер рот, оставляя пятна на рукаве, включил двигатель. Пневмокар послушно поднялся над асфальтом.

— РИЧАРДС! ЕСЛИ ТЫ ТРОНЕШЬ МАШИНУ С МЕСТА, МЫ ОТКРЫВАЕМ ОГОНЫ! ЖЕНЩИНА ЗАГОВОРИЛА! НАМ ВСЕ ИЗВЕСТНО!

Ни одного выстрела.

Все произошло очень уж буднично.

...МИНУС 031, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Служебный пандус спиралью огибал стеклянную стену терминала «Нортен стейтс». Полиция выстроилась в два ряда, вооруженная до зубов. Дубинки, слезоточивый газ, гранатометы. Лица тупые, скучные, одинаковые. Ричардс ехал медленно, держась середины пандуса, глядя прямо перед собой, у них же в глазах стоял животный страх. Так, должно быть, решил Ричардс, коровы смотрят на фермера, который внезапно рухнулся и теперь катается, крича и извиваясь всем телом, по полу коровника.

Ворота в служебную зону (ВНИМАНИЕ. ТОЛЬКО ДЛЯ ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ПЕРСОНАЛА. НЕ КУРИТЬ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН) распахнули заранее, так что он проехал без помех и проследовал дальше, мимо рядов топливозаправщиков и частных самолетов, стоящих в индивидуальных ангарах. За ними начиналась рулежная дорожка, поблескивающая черным асфальтом. Там ждал его «орел», громадный белоснежный реактивный лайнер с двенадцатью урчащими двигателями. А дальше уходили к горизонту взлетные полосы. Четверо рабочих как раз подогнали к люку трап. Ричардсу казалось, что ступени трапа ведут на эшафот. 149

И тут же, в подтверждение его мыслей, из-под самолета выступил плач. Эван Маккоун.

Ричардс взирал на него с любопытством человека, впервые нос к носу столкнувшегося со знаменитостью (сколько бы раз ты ни видел знаменитость на стереоскопическом экране, в реальность ее существования окончательно веришь лишь при личной встрече, но при этом реальность приобретает оттенок галлюцинации, словно знаменитость из крови и плоти не может существовать отдельно от образа).

Особого впечатления Маккоун не производил: невысокого роста, в очках без оправы, с намечающимся животиком, пусть и скрытым хорошо скроенным костюмом. Поговаривали, что Маккоун носит туфли на высоком каблуке, но в глаза это не бросалось. На лацкане пиджака поблескивал значок с изображением государственного флага. Короче, на монстра он не тянул, этот наследник бесчисленных, нагонявших ужас федеральных контор вроде ФБР или ЦРУ. Не походил на тех, кто увозит тебя глубокой ночью в черном лимузине, задает ненавязчивые вопросы, помахивая резиновой дубинкой, невзначай интересуется здоровьем ближайших родственников, оставшихся дома. Не производил впечатления человека, овладевшего всем арсеналом страха.

— Бен Ричардс? — На этот раз он обошелся без мегафона. Дикция превосходная, голос мягкий, но не женоподобный.

— Да.

— У меня на руках распоряжение Корпорации Игр о вашем задержании и казни. Не окажете ли честь взглянуть?

— А на кой?

— Понятно. — По голосу чувствовалось, что Маккоун наслаждается происходящим. — Итак, все формальности соблюдены. Я считаю, что на формальностях все и держится, а вы? Вы, разумеется, нет. Вот и играете не по правилам. Только потому до сих пор и живы. Вам известно, что два часа назад вы превзошли рекорд «Бегущего человека», ранее равнявшийся восеми дням и пяти часам? Естественно, не знаете. Но превзошли. Да. И ваш побег из здания ИМКА в Бостоне. Фантастика. Насколько мне известно, рейтинг программы подскочил на двенадцать процентов.

— Потрясающе.

— Конечно, мы практически взяли вас в Портленде. Просто не повезло. Парракис до самой смерти клялся, что вы сели на пароход в Оберне. Мы ему поверили. Он казался запуганным ничтожеством.

— Казался, — согласился Ричардс.

— Но ваш последний ход просто бесподобен. Снимаю шляпу. Я даже сожалею, что игра окончена. Судя по всему, мне никогда больше не придется противостоять такому изобретательному противнику.

— Тяжелое дело.

— Все кончено, знаете ли, — продолжил Маккоун. — Женщина раскололась. Мы воспользовались пентоталом натрия. Старое средство, но проверенное. — Он выташил из кармана маленький пистолет. — Выходите, мистер Ричардс. Я окажу вам последнюю любезность. Убью прямо здесь, вдали от телекамер. Ваша смерть не станет достоянием широкой публики.

— Приготовьтесь умереть вместе со мной, — усмехнулся Ричардс.

Открыл дверцу и вылез из кабинки. Мужчины смотрели друг на друга, разделенные узкой полоской черного асфальта.

...МИНУС ОДО, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Затягивающуюся паузу оборвал Маккоун. Откинул голову, расхохотался.

Серебристым таким, интеллигентным смехом.

— А ты хороший, Ричардс. *Par excellence**. Ничем тебя не проймешь. Скажу честно — женщина не раскололась. Продолжает долдонить, что в этом самом оттопыренном кармане «Черный ирландец». Допрос, как говорили в старину, третьей степени мы провести не смогли: остаются следы. Детектора лжи под рукой не оказалось, а не то твой секрет уже выплыл бы наружу. Мы затребовали из Нью-Йорка три ампулы каногина. Этот препарат не имеет побочных эффектов. Их подвезут через сорок минут. То есть мы не успеваем остановить тебя. Увы.

Она лжет. Это очевидно. Если ты простишь мне чуточку, как говорят такие, как ты, снобизма, скажу, что, по моим наблюдениям, представители среднего класса лгут лишь в вопросах секса. Могу я изложить тебе еще одно мое наблюдение? Разумеется, могу. И изложу, — улыбнулся Маккоун. — Подозреваю, это ее сумочка. Мы заметили, что к нам она прибежала без сумочки, хотя изначально отправилась за покупками. Мы очень наблюдательны. Что случилось с сумочкой, если она не в твоем кармане, Ричардс?

* Бесподобен (*фр.*).

Он не поддержал его игру.

— Пристрели меня — и все узнаешь сам.

Маккоун всплеснул руками:

— С превеликим бы удовольствием! Но никто не вправе рисковать человеческой жизнью, даже если шансы пятьдесят к одному в твою пользу. А не то у нас получается русская рулетка. Человеческая жизнь священна. Государство, наше государство, это понимает.

Все мы люди.

— Да, да, — мрачно улыбнулся Ричардс.

Маккоун мигнул.

— Значит, ты понимаешь...

По телу Ричардса пробежала дрожь. Этот человек гипнотизировал его. Минуты летели, и с каждой из них сокращалось расстояние между ампулами с наркотиком правды и Амелией Уильямс (а если сорок минут, названные Маккоуном, на самом деле означали двадцать?). Он же стоял, слушая болтовню этого мерзавца. Господи, да он сам — чудовище.

— Слушай сюда, — грубо оборвал его Ричардс. — Говорить тут особо не о чем, коротышка. Когда вы введете ей наркотик правды, ее показания не изменятся. Потому что взрывчатка здесь. Сечешь?

Их взгляды скрестились, и Ричардс двинулся вперед.

— Еще увидимся, ублюдок.

Маккоун отступил в сторону. Ричардс даже не удосужился посмотреть на него, проходя мимо.

— Мне сказали, что для взрыва необходимо выдвинуть взрыватель на три деления. Он выдвинут на два с половиной. Хочешь верь, хочешь — нет.

Он удовлетворенно отметил, что дыхание Маккоуна участилось.

— Ричардс?

Он оглянулся, стоя на трапе. Маккоун смотрел на него снизу вверх, поблескивая стеклами очков.

— Когда ты поднимешься в воздух, мы намерены сбить тебя ракетой. Публике же сообщат, что Ричардс запаниковал и выдернул взрыватель. Да упокойт Господь твою душу.

— Не собьете.

— Почему же?

Ричардс ухмыльнулся, но сказал только часть правды:

— Мы полетим очень низко над густонаселенными районами.

Добавь топливные баки к двенадцати фунтам «Черного ирландца», и получится мощный взрыв. Очень мощный. Если

ты собьешь самолет, тебе этого не простят. — Он помолчал. — Ты ведь у нас парень умный. Не забыл снабдить меня парашютом?

— Да, конечно, — спокойно ответил Маккоун. — Лежит в салоне первого класса. Но мы это уже проходили, Ричардс. Неужели у тебя в рукаве нет трюка поновее?

— Надюсь, у тебя хватило ума не копаться в парашюте.

— Разумеется. Слишком очевидно. Думаю, ты выдернешь несуществующий взрыватель аккурат перед тем, как прыгнешь. Чтобы отлететь подальше от самолета.

— Прощай, старина.

— Прощайте, мистер Ричардс. И *bon voyage** — хотнул он. — Вы говорили со мной предельно откровенно. Вот и я раскрою вам еще одну карту. Только одну. Мы подождем, пока не подействует канонин. Насчет ракеты вы абсолютно правы. Пока это блеф. Но я могу подождать. Видишь ли, я никогда не ошибаюсь. Никогда. И знаю, что ты блефуешь. Вот мы и подождем. Но я вас задерживаю. ‘*Voilà***’, мистер Ричардс. — И он помахал рукой.

— До скорого. — пробормотал Ричардс себе под нос, так, чтобы Маккоун его не услышал.

И широко улыбнулся.

...МИНУС 029, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Стены салона первого класса, длинного и широкого, на три ряда кресел, облицевали панелями из настоящей секвойи. Пол устилал ковер темно-красного цвета. Дальнюю стену, между салоном и камбузом, занимал трехмерный экран. На сиденье 100 лежал тюк. Парашют. Ричардс похлопал по нему рукой и прошел на камбуз. Кто-то уже включил кофеварку.

Он прошел через другую дверь и оказался в узком коридоре, ведущем в кабину пилотов. Справа сидел радист, мужчина лет тридцати, с ухоженным лицом. Он недовольно посмотрел на Ричардса и вновь уткнулся в свои приборы. Чуть впереди, слева, штурман склонился над картами.

— К нам пожаловал тот тип, что собирается нас всех убить, — бросил он в ларингофон, одарив Ричардса холодным взглядом.

Ричардс промолчал. Штурман, по существу, не грешил против истины. Он двинулся дальше.

* счастливого пути (*фр.*).

** Прощайте (*фр.*).

Пилоту было за пятьдесят, старый боевой конь с красным носом большого любителя спиртного, но цепким, ясным взглядом, указывающим, что организм легко справляется с выпитым и до алкоголизма еще пить и пить. Из-под фуражки второго пилота, десятью годами моложе, торчали огненно-рыжие волосы.

— Привет, мистер Ричардс. — Пилот покосился на оттопыренный карман пиджака Ричардса, потом поднял глаза на его лицо. — Простите, что не могу пожать вам руку. Я — капитан Дон Холлоуэй. Мой второй пилот — Уэн Даннинджер. Учитывая обстоятельства, я не очень рад нашему знакомству.

У Ричардса дернулась щека.

— Раз уж мы коснулись этой темы, позвольте добавить, что и я, будь моя воля, не летел бы на вашем самолете. Капитан Холлоуэй, вы установили связь с Маккоуном, не так ли?

— Конечно. Через Киппи Фрайдмена, нашего радиста.

— Я хочу с ним поговорить.

С величайшей осторожностью Холлоуэй протянул ему микрофон.

— Продолжайте подготовку к взлету, — распорядился Ричардс. — У вас осталось пять минут.

— Подготовить к подрыву пироболты двери заднего люка? — с преувеличенной серьезностью спросил Даннинджер.

— Делайте все, что положено, — ответствовал Ричардс.

Пришла пора делать последнюю ставку. Его прошиб пот. Блесковать, так до конца.

Посмотрим, сможешь ли ты побить мою ставку, Маккоун.

— Мистер Фрайдмен?

— Да.

— Это Ричардс. Соедините меня с Маккоуном.

Полминуты мертвой тишины. Холлоуэй и Даннинджер больше не смотрели на него, проверяя работоспособность самолетных систем, давление в магистралях, герметичность задраенных люков. Гигантские турбины «Джи-Эй» загудели громче. И когда из динамика донесся голос Маккоуна, он едва прорывался сквозь шум двигателей.

— Маккоун слушает.

— Поднимайся на борт, слизняк. Ты и женщина отправитесь со мной на прогулку. Чтоб через три минуты поднялись по трапу, а не то я дерну за кольцо.

Даннинджер оцепенел, превратился в статую. Потом одевшись невесомыми пальцами продолжил прерванное занятие.

Если у него хватит духу, он поймет, что я блефую. Вызывая женщину в самолет, я выдаю себя с потрохами. Хватит ли у него духу?

Ричардс ждал.

Часы отбивали секунды у него в голове.

... МИНУС 028, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Когда Маккоун заговорил вновь, в его голосе появились новые нотки. Страх? Сердце Ричардса выпрыгивало из груди. Может, он все-таки прорвется. Может...

— Ты рехнулся, Ричардс. Я не...

— Слушай сюда, — обрезал его Ричардс. — А пока слушаешь, помни о том, что в радиусе шестидесяти миль наша беседа не составляет тайны ни для одного радиста. Ты больше не работаешь за кулисами, недомерок. Сейчас ты на большой сцене. И ты придешь, потому что слишком труслив, чтобы вести двойную игру, за которую можешь заплатить жизнью. Женщина мне нужна только потому, что я сказал ей, куда собираюсь лететь.

Этого мало. Надави сильнее. Не оставляй ему времени на раздумья.

— Если ты и останешься жив после того, как я выдерну взрыватель, тебя не возьмут даже торговать яблоками. — Он с маниакальной решимостью сжимал в кармане сумочку Амелии. — Хватит болтать. Три минуты. Время пошло...

— Ричардс, подожди...

Он отключил связь, заглушил голос Маккоуна. Протянул микрофон Холлоуэю, который взял его чуть дрожащими пальцами.

— А у тебя крепкие нервы, — заметил Холлоуэй. — Это точно. Никогда не видел парня с такими крепкими нервами.

— Если он выдернет взрыватель, — вставил Данинджер, — то нам придется признать, что на всей земле нет человека с более крепкими нервами.

— Пожалуйста, продолжайте подготовку к взлету. — Ричардс повернулся. — Пойду встречать гостей. Стартуем через пять минут.

Он прошел по салону первого класса, переложил парашют на сиденье у иллюминатора, посидел, не сводя глаз с двери, разделяющей салоны первого и бизнес-класса. Скоро он все узнает. Очень скоро.

Рука по-прежнему сжимала бесполезную сумочку Амелии Уильямс.

За иллюминатором властвовала ночь.

...МИНУС 027, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Они поднялись по трапу за сорок пять секунд до предельного срока. Амелия, тяжело дыша, в испуге, с растрепанными от ветра, продувавшего рукотворную равнину, волосами. Маккоун внешне не изменился, остался таким же спокойным, невозмутимым, но глаза его покернели от ненависти.

— Ты еще не победил, слизняк, — процедил он. — Мы даже не начали выкладывать козыри.

— Очень приятно увидеть вас вновь, миссис Уильямс. — Маккоун будто и не существовало.

Амелия словно только и ждала этих слов — тут же заплакала. Не истерически разрыдалась, просто дала волю слезам, которые так долго удерживала внутри. Покачнулась, а затем опустилась на роскошный ковер роскошно отделанного салона первого класса и закрыла лицо руками. Кровь Ричардса бурым пятном засохла на ее блузке. Широкая юбка полностью скрыла ноги. Она напоминала поникший цветок.

Ричардс ее жалел. Жалость — не самое сильное чувство, но на большее его не хватало.

— Мистер Ричардс? — В динамиках громкой связи зазвучал голос капитана Холлоуэя.

— Да.

— Мы... мы взлетаем?

— Да.

— Тогда я отдаю команду технической службе отвести трап и задраить люк. Только, пожалуйста, не нервничайте.

— Хорошо, капитан. Спасибо.

— Ты выдал себя, потребовав привести женщину. Ты это знаешь, не так ли? — Маккоун одновременно улыбался и хмурился, отчего лицо его превратилось в пугающую маску. Руки сжимались в кулаки и разжимались вновь.

— И что из этого? — полюбопытствовал Ричардс. — Раз ты никогда не ошибаешься, то, несомненно, набросишься на меня перед взлетом. Таким образом ты еще раз докажешь свою компетентность и выйдешь из этой истории благоухающим, как роза.

Маккоун оскалился, потом сжал губы так, что они побелели. Но не сдвинулся с места. Самолет чуть завибрировал — турбины набирали обороты.

Шум стих — захлопнулся посадочный люк в салоне бизнес-класса. Искоса глянув в иллюминатор, Ричардс увидел, что техники откатывают трап.

Теперь мы все на эшафоте, подумал он.

...МИНУС 026, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Справа от экрана зажглась табличка:

ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ/НЕ КУРИТЬ

Самолет начал медленно разворачиваться. Все знания о самолетах Ричардс почерпнул только с экрана фри-вида из приключенческих книг. Сам он летел второй раз в жизни, но самолет, на котором ему довелось добираться из Хардинга в Нью-Йорк, казался игрушкой в сравнении с этим гигантом. И вибрация, вызванная мощными турбинами, наполняла его тревогой.

— Амелия?

Она медленно подняла голову, с размазанной по щекам тушью.

— Что? — Голос у нее сел, глаза затуманились. Она словно забыла, где находится.

— Пойдем в начало салона. Мы взлетаем. — Он посмотрел на Маккоуна. — А ты садись где хочешь, недомерок. Весь самолет в твоем распоряжении. Только не путайся под ногами у экипажа.

Маккоун промолчал и сел около портьеры, разделяющей салоны первого и бизнес-класса. Потом, вероятно, передумав, встал и исчез за портьерой.

Ричардс подошел к женщине, перехватываясь свободной рукой за высокие спинки кресел.

— Я бы хотел сесть у иллюминатора. До этого летал только раз. — Он попытался улыбнуться, но она лишь тупо смотрела на него.

Он проскользнул к дальнему в ряду креслу, она села рядом с ним. Застегнула ему ремень безопасности, потому что он не вынимал руку из кармана.

— Ты для меня словно кошмарный сон. Который никак не закончится. Я не... — начала она, но он закрыл ей рот ладонью и покачал головой. Одними губами, беззвучно, прошептал:

— НЕТ!

Самолет закончил разворот и покатил к взлетной полосе, чем-то напоминая утку, ковыляющую к пруду. Какой же

огромный этот самолет, думал Ричардс. Ему уже казалось, что самолет стоит, а движется сама земля.

Может, это иллюзия, мелькнула безумная мысль. *Может, они установили за иллюминаторами трехмерные проекторы и...*

Глупость какая-то.

Они добрались до конца рулежной дорожки и повернули направо. Теперь самолет катил поперек взлетных полос. Третью и вторую они миновали, на первой повернули налево. На мгновение самолет застыл.

В динамиках зазвучал бесстрастный голос капитана Холлоуэя:

— Взлетаем, мистер Ричардс.

Самолет покатился, сначала медленно, не быстрее автомобиля, но затем так резко набрал скорость, что Ричарду захотелось кричать от ужаса.

Его бросило на мягкую спинку сиденья, а прожектора, освещавшие взлетную полосу, внезапно ушли вниз. В иллюминатор он видел теперь подсвеченную солнцем линию горизонта. Двигатели тянули их в небо. Вновь завибрировал пол.

Тут до него дошло, что Амелия обеими руками вцепилась в его плечо, в глазах застыл страх.

Святой Боже, да ведь она тоже ни разу не летала!

— Мы уходим, — вырвалось у него. — Мы уходим. Мы уходим. Эти два слова он повторял, как заклинание, и не мог остановиться.

— Куда? — прошептала она.

Он не ответил. Идея только начала формироваться у него в голове.

...МИНУС 025, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Двоих охранников, дежуривших у восточных ворот аэропорта, наблюдали, как гигантский лайнер несся по взлетной полосе, набирая скорость. Огни на крыльях переливались зеленым и оранжевым, от рева двигателей чуть не лопались барабанные перепонки.

— Он улетает. Господи, он улетает.

— Куда?

Они смотрели, как темная масса оторвалась от земли. Шумовое давление ослабевало по мере того, как «локхид» круто уходил в небо.

— Думаешь, у него действительно бомба?

— Черт, откуда мне знать?

158 Рев уже едва слышался.

— Вот что я тебе скажу. — Первый охранник отвернулся от исчезающих в темноте габаритных огней и поднял воротник куртки. — Я рад, что он взял с собой этого мерзавца. Маккоуна.

— Могу я задать тебе личный вопрос?

— Только не рассчитывай, что я обязательно на него отвечу.

— Ты бы хотел видеть, как он выдергивает взрыватель?

Первый охранник долго молчал. Самолет с Ричардсом уже полностью растворился в ночной тьме.

— Да.

— Ты думаешь, он выдернет?

Зубы первого охранника сверкнули в улыбке.

— Мой друг, я уверен, что без большого «бум!» не обойтись.

...МИНУС 024, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Земля осталась далеко внизу.

Ричардс приник к иллюминатору: смотрел во все глаза. Первый полет он проспал, словно в ожидании нынешнего. Небо становилось все чернее. Никогда он не видел таких ярких звезд. На западном горизонте осталась узкая темно-оранжевая полоска. Внизу светились, как он догадался, огни Дерри.

— Мистер Ричардс?

— Да. — Он подпрыгнул, словно его ударили по плечу.

— Сейчас мы в режиме ожидания. То есть кружим над аэропортом «Ворт». Какие будут указания?

Ричардс задумался. Ему не хотелось выдавать свои планы.

— Какова минимально возможная высота полета?

Последовала долгая пауза: пилоты консультировались.

— Мы можем идти на двух тысячах футов. Управлением национальной безопасности и инструкциями такое запрещено, но...

— Забудьте об этом, — оборвал его Ричардс. — Мистер Холлоуэй, тут я вынужден полностью полагаться на вас. Я ничего не знаю о самолетах и уверен, что вас на этот счет проинструктировали. Но прошу помнить, что люди, мечтающие о том, чтобы отправить меня К прапотцам, на земле и в безопасности. Если же вы солжете мне и я это выясню...

— Никто не собирается вам лгать, — ответил Холлоуэй. — Мы заинтересованы в том, чтобы посадить эту «птичку» на землю.

— Понятно. — Ричардс задумался.

Амелия Уильямс сидела рядом с ним, сложив руки на коленях.

— Летим на запад, — объявил он. — На высоте две тысячи футов. И пожалуйста, называйте те города, над которыми мы будем пролетать.

— Города?

— Естественно. До этого я летал только раз, так что мне не отличить один город от другого.

— Хорошо. — В голосе Холлоуэя послышалось облегчение.

Самолет пошел вниз, а светлая полоса заката начала расширяться. Ричардс как зачарованный наблюдал за ней.

Мы преследуем солнце, подумал он. Ну надо же?

Часы показывали шесть тридцать пять.

...МИНУС 023, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Спинка кресла, стоявшего перед Ричардсом, таила в себе немало интересного. В специальном кармане он нашел инструкцию по безопасности. Если самолет попадет в зону атмосферных возмущений, пристегните ремень. Если салон разгерметизируется, опустите кислородную маску, что висит над головой, и приложите к лицу. В случае неполадок с двигателями стюардессы скажут вам, что надо делать. В случае внезапного взрыва надейтесь на то, что вас опознают по зубным пломбам.

На уровне глаз в спинке кресла темнел небольшой экран фризи. Металлическая табличка напоминала потенциальному зрителю, что смена каналов происходит не мгновенно, а с фиксированной задержкой. Дистанционный пульт управления конструкторы вмонтировали в правый подлокотник.

Ниже и правее экрана в специальном кармане лежала писчая бумага с логотипом авиакомпании и закрепленная на цепочке ручка «Джи-Эй». Ричардс вытащил лист, написал на колене:

«Девяносто девять шансов из ста, что нас прослушивают. Антенны сейчас не больше волоска, передатчик — с булавочную головку. Могли просто воткнуть тебе в одежду. Маккоун сидит и ждет, когда ты опять проколешься. Через минуту подними крик и умоляй меня не дергать за кольцо. Отыграем у них несколько очков. Согласна?»

Она кивнула.

Ричардс помялся, потом добавил:

Она взяла ручку из его руки, расправила лист на своем колене, написала:

«Не знаю. Не хотела чувствовать себя убийцей. Твоя жена. И ты казался таким... — ручка застыла над бумагой, потом она закончила фразу: — ...жалким».

Ричардс изогнул брови, улыбнулся. Взял у нее ручку:

«Начинай кричать через пять минут».

Она кивнула, Ричардс смял бумагу, положил в пепельницу на подлокотнике. Зажег бумагу. Та ярко вспыхнула, бросив отблески на иллюминатор, потом превратилась в пепел, который Ричардс тщательно перемешал.

Пять минут спустя Амелия застонала. Получилось у нее так естественно, что Ричардс изумленно уставился на свою соседку. Мелькнула мысль, что ей действительно нехорошо.

— Пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не заставляй этого человека... пытаешься убить тебя. Я тебе ничего не сделала. Я хочу вернуться домой к моему мужу. У меня тоже есть дочь. Ей шесть лет. Она, наверное, спрашивает, где ее мамочка.

Брови Ричардса поднялись и вернулись на место. Она явно перепрограммировалась. Вот это незачем.

— Он туп, — Ричардс старался обращаться к ней, а не к невидимой аудитории, — но не настолько туп. Все будет нормально, миссис Уильямс.

— Легко тебе говорить. Тебе нечего терять.

Он ей не ответил. Тут она попала в точку. Нечего из того, что он еще не потерял.

— Покажи ему взрывчатку, — молила она. — Господи, почему ты не покажешь ему взрывчатку? Тогда ему не останется ничего другого, как поверить тебе... и он даст отбой своим людям на земле. На нас же постоянно нацелены ракеты. Я слышала, как он отдавал такой приказ.

— Взрывчатку я показать ему не могу, — ответил Ричардс. — Чтобы вытащить ее из кармана, надо поставить взрыватель на предохранитель, иначе он может случайно выскошить, и тогда нас вместе с самолетом разнесет на мелкие клочки. Кроме того, — в его голосе послышались насмешливые нотки, — не думаю, что я показал бы ему взрывчатку, даже если бы и мог. Этому слизняку есть что терять. Пусть попотеет.

— Я этого не выдержу, — забубнила Амелия Уильямс. — Мне проще дернуть тебя за руку и поставить крест на моих мучениях. Все равно этим все закончится, не так ли?

— Не нужно тебе... — Тут распахнулась портьера между салонами, и в проход влетел Маккоун. Лицо его оставалось спокойным, но сквозь маску спокойствия отчетливо проступал животный страх.

— Миссис Уильямс, приготовьте, пожалуйста, кофе. На семерых. Придется вам возложить на себя обязанности стюардессы.

Она поднялась, уставилась в пол.

— Куда мне идти?

— Прямо. Ваш нос вам подскажет. — Такой вежливый, угодливый и в то же время готовый отшвырнуть Амелию в сторону, попытайся она реализовать высказанную угрозу.

Она зашагала по проходу не оглядываясь.

Маккоун долго сверлил взглядом Ричардса.

— Ты отдашь взрывчатку, если я смогу пообещать тебе амнисию, приятель?

— ПРИЯТЕЛЬ. В твоих устах даже это слово звучит мерзко. — Он поднял свободную руку, посмотрел на нее. Капельки засохшей крови, ссадины, царапины — следы прогулки по лесам Мэна. — Просто мерзко. Смердит, как два фунта дерhma. Противно слушать.

— Амнистия, — повторил Маккоун. — Как звучит это слово?

— От него отдает ложью, — заулыбался Ричардс. — Жирной гребаной ложью. Или ты думаешь, я не знаю, что ты всего лишь наемный работник?

Маккоун побагровел.

— Мне будет приятно самолично покончить с тобой. Всадить разрывную пулю тебе в голову, чтобы она разлетелась, как тыква. Они наполнены газом. И взрываются внутри. С другой стороны, выстрел в живот...

— Ты доигрался! — заорал Ричардс. — Вырываю кольцо!

Маккоун заверещал. Отступил на два шага, шмякнулся задом о подлокотник кресла 95 по другую сторону прохода, потерял равновесие, перелетел через подлокотник, руки прикрыли голову, ноги повисли в воздухе.

Руки так и застыли, с растопыренными пальцами, словно окаменевшие птицы. Из-под них виднелась меловая посмертная маска, на которую кто-то в шутку нацепил очки.

Ричардс расхохотался. Поначалу сам не узнал своего смеха. Как давно он смеялся по-настоящему, от души? Вроде бы никогда. Он же не жил — изо всех сил, каждую минуту боролся за выживание. И вот теперь расквитался за все.

Голос подвел Маккоуна. Шевелились только губы. Лицо у него перекосилось, стало похожим на морду затертого до дыр старого плюшевого медвежонка.

Ричардс смеялся. Одну руку не вынимал из кармана, второй держался за подлокотник и смеялся, смеялся, смеялся.

...МИНУС 022, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Когда голос Холлоуэя сообщил Ричардсу, что самолет пересекает границы Канады и штата Вермонт (Ричардсу не оставалось ничего другого, как довериться ему: сам он видел в иллюминатор лишь темноту да редкие световые пятна), он осторожно поставил на раскладной столик чашку кофе и спросил:

— Вы не могли бы снабдить меня картой Северной Америки, капитан Холлоуэй?

— Географической или политической? — встриял новый голос, как предположил Ричардс, штурмана. Теперь предстояло выставить напоказ свою дурь, признавшись, что он не знал, какая ему требовалась карта.

— Обе, — коротко ответил Ричардс.

— Вы собираетесь прислать за ней женщину?

— Как тебя звать, приятель?

Пауза. Штурман внезапно понял, что его выделили среди других.

— Донахью.

— У тебя есть ноги, Донахью. Почему бы тебе не использовать их по назначению и не принести карты самому?

Донахью принес карты. Длинные, зачесанные назад по последней моде волосы падали на плечи. Обтягивающие брюки подчеркивали внушительные размеры детородного органа. Карты аккуратно закатали в пластик.

— Я не хотел вас обидеть, — выдавил он из себя. Ричардс подумал, что такие типы ему знакомы. Молодые обеспеченные люди частенько проводили большую часть свободного времени в притонах больших городов, появляясь там целыми компаниями, иногда на своих двоих, чаще на мотоциклах. Они терпеть не могли гомиков. Гомиков, естественно, надо уничтожать. Освободите наши сортиры для демократии. Они редко совались за пределы увеселительных кварталов в кромешную темноту гетто. А если совались, из них вышибали все дерьмо.

Донахью переминался под тяжелым взглядом Ричардса. 163

- Что-нибудь еще?
- Избивал гомиков, приятель?
- Что?
- Не важно. Возвращайся на свое место. Помогай вести самолет. Донахью тут же ретировался.

Ричардс быстро сообразил, что карта с названиями городов и нумерацией шоссе — политическая. Ведя палец на запад, от Дерри до канадско-вермонтской границы, он приблизительно определил их местоположение.

- Капитан Холлоуэй?
- Да?
- Поворачивайте налево.
- Простите? — В голосе слышалось неподдельное изумление.
- Я хотел сказать — на юг. Поворачивайте на юг. И помните...
- Я помню, — ответил Холлоуэй. — Не волнуйтесь.

Самолет накренился. Маккоун сидел в кресле, в которое завалился, не спуская с Ричардса голодных, злобных глаз.

... МИНУС 021, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Ричардс начал клевать носом, и это его не на шутку перепугало. Мерное гудение двигателей укачивало, усыпляло. Маккоун видел, что происходит с Ричардсом, и весь подобрался, как кот перед прыжком. Не укрылась сонливость Ричардса и от Амелии. Она сидела на первом от камбуза ряду, наблюдая за обоими.

Ричардс выпил еще две чашки кофе. Сонливость не проходила. Ему все с большим трудом удавалось соотносить надписи на карте с бесстрастными репликами Холлоуэя, докладывающего, какой город они оставили за крылом.

В конце концов он врезал кулаком по боку, задетому пулей. Пронзившая тело дрожь разогнала сон, как ведро холодной воды, выплеснутое на голову. С губ едва не сорвался крик. Свежая кровь пропитала рубашку, запачкала руку.

Амелия застонала.

— Через шесть минут пролетим Олбани, — сообщил Холлоуэй. — Если посмотрите в иллюминатор, город останется по левому борту.

«Расслабься, — приказал себе Ричардс. — Расслабься. Пр-
164 сто расслабься».

*Господи, скоро все это закончится? Да. Совсем скоро.
Часы показывали семь сорок пять.*

...МИНУС ОДО, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Возможно, то был дурной сон, кошмар, причиной которого стала непомерная усталость, но скорее всего видение или галлюцинация. Мозг его решал насущные проблемы: пытался постичь азы навигации, блокировать угрозу, исходящую от Маккоуна. И одновременно видел сокрытое в темноте, недоступное глазу.

Провести поиск. Обнаружить цель.

Гигантские механизмы, поворачиваясь, взвыли в ночи. Инфракрасные глаза прощупывали небо. Зсленю засветились пульты управления и дисплеи радиолокационных станций.

Цель захвачена. Перехожу на режим автоматического сопровождения.

Тягачи, урча мощными моторами, катили по сельским дорогам. На треугольных бетонированных площадках, разнесенных друг от друга на двести миль, всматривались в небо тарелки радиолокаторов. Заколыхались невидимые крылья электромагнитных волн. Удар. Отражение. Мощный всплеск на дисплее. Уменьшение сигнала. Вновь мощный всплеск при повороте локатора к югу.

Курс прежний?

Да, идут на Ньюарк. Скорее всего это будет Ньюарк.

А может, и Южный Нью-Йорк. Они же практически сливаются.

Приказ прежний — только вести цель?

Да.

Мы могли бы сбить его над Олбани.

Не горячись, дружище.

Тягачи громыхали по улицам сонных городков, люди выглядывали из окон, их глаза округлялись при виде механических чудовищ, ревущих в ночи.

Могучие моторы сдвигали толстенные бетонные колпаки. Круглые жерла ракетных шахт словно вели в подземный мир морлоков. Клубы испаряющегося водорода поднимались в воздух.

Мы его ведем. Мы его ведем, Ньюарк.

Роджер, Спрингфилд. Держите нас в курсе.*

* Роджер — кодовое слово, означающее «понял», «принял ваше последнее сообщение».

Пьяницы, спящие в проулках, просыпались от грохота проносящихся мимо тягачей, тупо взирали на клочки неба между стенами соседних домов. Затуманенными, слезящимися глазами. Руки автоматически тянулись к газетам, чтобы прикрыться ими от осенней прохлады. Но газеты канули в Лету, вытесненные фри-ви. Во всем мире властвовало фри-ви. Славься, славься, великое фри-ви. Богатые курят доукс. Глаза пьяниц выхватывали в небе непонятные мигающие огоньки. Появились — исчезли, появились — исчезли. Красные — зеленые, красные — зеленые. Грохот тягачей стих, эхом отлетев от каменных стен. Пьяницы снова заснули. Кляня свою судьбу.

Он к западу от Спрингфилда.

Пятиминутная готовность.

Приказ Хардинга?

Да.

Он взят в вилку.

Сквозь ночь распространялись невидимые волны, накрывая мерцающей сетью весь северо-восток Америки. Техника, управляемая компьютерами «Дженерал атомикс», работала как часы. Ракеты плавно поворачивались, отслеживая перемещение по небу мигающих красно-зеленых огней. Стальные гремучие змеи, наполненные смертельным ядом.

Ричардс видел все это, но мозг его не цепенел от этого зрелища, функционировал в обычном режиме. Такая раздвоенность даже успокаивала. Позволяла отстраниться от реалий, совсем как безумие. Его запачканный кровью палец полз по карте, отслеживая маршрут. Они к югу от Спрингфилда. Теперь к западу от Хардинга, теперь...

Веду цель.

...МИНУС 019, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

—Мистер Ричардс?

— Да.

— Мы над Ньюарком, штат Нью-Джерси.

— Да, я знаю. Холлоуэй?

Капитан не ответил, но Ричардс знал, что он слушает.

— Они все время держат нас на прицеле, не так ли?

— Да.

Ричардс посмотрел на Маккоуна.

— Как я понимаю, пытаются решить для себя, могут
166 ли потерять профессиональную ищейку. Надеюсь, ответ

будет положительный. Им придется натаскать новую, ничего больше.

Маккоун оскалился, как подозревал Ричардс, подсознательно, не подозревая об этом. Наверное, так скалились предки Маккоуна, неандертальцы, подкралываясь к своим врагам сзади с камнем в руке, вместо того чтобы вступить в честный бой.

— Когда мы снова окажемся над безлюдными районами, капитан?

— Никогда. Следя на юг, мы пойдем над открытым морем, как только оставим позади нефтедобывающие платформы на шельфе Северной Каролины.

— То есть к югу от нас только пригороды Нью-Йорка.

— Можно сказать, да.

— Благодарю.

Внизу распластался поблескивающий тусклыми огнями Нью-арк. Словно давно нечищенные драгоценные камни лежали на черном бархате.

— Капитан?

— Слушаю.

— Поворачиваем на запад.

Маккоун подпрыгнул, словно его кольнули шилом. Амелия удивленно пискнула.

— На запад? — переспросил Холлоуэй. Впервые в голосе послышался испуг. — Вы сами напрашиваетесь на неприятности, держа курс на запад. Мы полетим над пустынной территорией. Между Гаррисбергом и Питсбургом одни только фермы. К востоку от Кливленда нет ни одного крупного города.

— Вы указываете мне, куда лететь?

— Нет, я...

— Поворачиваем на запад, — твердо повторил Ричардс.

Ньюарк проплыval под ними.

— Ты сумасшедший, — прошипел Маккоун. — Они разнесут нас в клочья.

— С тобой и пятью ни в чем не повинными людьми на борту? В этой добропорядочной стране?

— Скажут, что произошла ошибка. — У Маккоуна сел голос. — Случайная ошибка.

— Ты разве не смотришь «Нэшнл рипорт»? — усмехнулся Ричардс. — Мы не допускаем ошибок. Не допускали с 1950 года.

Ньюарк ушел под крыло. Его место заняла тьма.

— Чего это ты больше не смеешься?

...МИНУС 018, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Полчаса спустя Холлоуэй вновь вышел на связь.

— Ричардс, из Хардинга нам сообщили, что Корпорация Игр хочет установить с вами прямой контакт. Мне сказали, вы не пожалеете, если включите фри-ви на спинке сиденья.

— Благодарю.

Он посмотрел на темный экран и уже протянул руку, чтобы включить его. И тут же убрал, словно от экрана на него полыхнуло пламенем. Его охватило осознание того, что все это уже было, было. Именно с этого все и началось. Шейла сидела рядом с ним, из коридора доносился запах капусты, которую тушила миссис Дженнер, а на экране одна игра сменяла другую. «Денежное колесо». «Заплыv с крокодилами». Крики Кэти. Другого ребенка у него, конечно, не будет, даже если бы он смог повернуть время вспять, вернуться к началу, к тому моменту, когда принял решение участвовать в Играх. Даже этот появился каким-то чудом.

— Включай, — нарушил тишину Маккоун. — Может, они хотят предложить нам... тебе... сделку.

— Заткнись, — бросил Ричардс.

Он ждал, и отчаяние окутывало его все более плотной пеленой. Тяжелое предчувствие не покидало его. Ему крепко досталось. Из раны сочилась кровь, ноги отказывались служить. Он не знал, сможет ли встать, когда придет срок, и довести дело до конца.

С неохотой Ричардс наклонился вперед и нажал кнопку. Экран тут же ожила. На нем появилось очень черное и очень знакомое лицо. Дэн Киллиян сидел за столом красного дерева с эмблемой Игр.

— Привет, — поздоровался Ричардс.

И чуть не вывалился из кресла, когда Киллиян, услышав его голос, улыбнулся и ответил:

— И я приветствую вас, мистер Ричардс.

...МИНУС 017, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

— Я вас не вижу, но слышу, — продолжил Киллиян. — Система громкой связи салона подсоединенена к радиопередатчику. Мне сказали, что выглядите вы ужасно.

— На самом деле не так все плохо, — ответил Ричардс. —
168 Просто поцарапался в лесу.

— Да, конечно, — покивал Киллиян. — Знаменитый Забег По Лесам. Бобби Томпсон этим вечером ознакомил с ним публику. Разумеется, доложил и о ваших последних достижениях. Завтра в этот лес рванет целая толпа — будут искать клочки ваших брюк, пиджака, рубашки, может, футляр видеокассеты.

— Это плохо. Я видел там кролика. Теперь его затопчут.

— На сегодняшний день вы — сильнейший участник нашей Игры, Ричардс. Такого сочетания везения и мастерства не выпадало никому. Вы так хороши, что мы готовы пойти с вами на сделку.

— Какую же? Меня расстреляют прямо перед камерой?

— Угон самолета — блестящий маневр, но одновременно и глупый ход. Знаете почему? Потому что впервые вы оторвались от своих. Вы оставили их на земле. Женщина, которая защищала вас, — не в счет. Вы думаете, что она — ваш человек. Возможно, она сама так думает. Но на самом деле это не так. Наверху нет никого, кроме наших, Ричардс. Вы в западне. Наконец-то.

— Мне постоянно твердят об этом, а я все еще дышу.

— Последние два часа вы дышите только потому, что того хочет Корпорация Игр. Благодаря мне. Я в конце концов добился принятия решения, позволяющего мне предложить вам сделку. Противодействие мне оказывалось мощное, такого никогда не делали, но я добился своего.

Вы спрашивали меня, кого вам следует убить, когда вы прорвесьте на верхние этажи с автоматом в руках. Один из них — я, Ричардс. Вас это не удивляет?

— Есть такое. Я держал вас за домашнего питтера.

Киллиян откинул голову и расхохотался, но смех звучал искусственно — смеялся человек, играющий по крупным ставкам и не имеющий права расслабляться ни на секунду.

— Сделка такова, Ричардс. Самолет приземляется в Хардинге. В аэропорту вас будет ждать лимузин Корпорации. Ваш расстрел имитируют. Потом вы присоединитесь к нашей команде.

Вопль ярости исторгся из груди Маккоуна:

— Ах ты, черный негодяй...

Амелия Уильямс остолбенела.

— Очень хорошо, — кивнул Ричардс. — Я знал, что вы — неплохой артист, но тут вы превзошли себя. Вы зарываете талант в землю, Киллиян. Вам бы в торговцы подержанными автомобилями.

— По голосу Маккоуна чувствовалось, что я лгу?

— Маккоун — мастер. За его выступление в аэропорту ему могли бы дать «Оскара». — Однако слова Киллияна вззволновали его. Маккоун отправил Амелию за кофе, испугавшись, как бы своими воплями она не сподвигла его, Ричардса, на взрыв. Маккоун не скрывал своей ненависти к нему. Как-то это не укладывалось в общую картину. Или укладывалось? Голова у него пошла кругом. — Может, вы тайком связались с ним. Рассчитывая на то, что его правильная реакция убедит меня в вашей честной игре.

— С взрывчаткой вопрос закрыт, мистер Ричардс. Мы знаем, знаем, что вы блефуете. А вот на этом столе есть красная кнопка, которая отнюдь не блеф. Через двадцать секунд после того как я нажму ее, ракеты «земля—воздух» разнесут самолет в клочья.

— «Ирландец» тоже не блеф. — Во рту появился привкус горечи. Он чувствовал, что его разоблачили.

— Именно блеф. Вы не могли подняться на борт «Локхид Джай-Эй» с пластиковой взрывчаткой, не активизировав систему сигнализации. На самолете четыре специальных детектора — мера защиты от угонщиков. Пятый установлен в тюке с парашютом, который вы затребовали. Могу доложить вам, что в диспетчерском пункте аэропорта «Вот» с нескрываемыми любопытством и тревогой смотрели на красные лампочки, когда вы входили в самолет. Большинство из нас сходились на том, что взрывчатка действительно при вас. Вы делом доказали, что умеете добиваться своего, так что мы имели полное право предположить, что в ваших странствиях вы сумели обзавестись «Ирландцем». И мы все испытали несказанное облегчение, когда ни одна из лампочек не загорелась. Я полагаю, вам не представилось возможности приобрести взрывчатку. А скорее вы сразу до этого не додумались. А потом уж было поздно. Но это и не важно. Отсутствие взрывчатки ухудшает вашу позицию, но...

Маккоун внезапно возник рядом с Ричардсом.

— Вот и славненько, — хищно усмехнулся он. — Сейчас я разнесу твою гребаную башку, козел. — И он приставил пистолет к виску Ричардса.

...МИНУС 016, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

— Если выстрелишь, считай, что мертв, — бросил Киллиян. Маккоун помялся, отступил на шаг, недоуменно вытаращился

на экран фри-ви. Его губы безмолвно шевелились. Наконец 170 с них сорвался яростный шепот:

— Я же могу его убить! Прямо сейчас! Прямо здесь! Мы же в полной безопасности! Мы...

— Ты в полной безопасности, чертов кретин. И Донахью мог бы убить его... если бы мы этого хотели.

— Этот человек — преступник! — возвысил голос Маккоун. — Он убил полицейских! Он нарушал общественный порядок! Угнал самолёт! Он... публично унижал меня и моих людей!

— Сядь. — От голоса Килияна веяло космическим холодом. — Пора вспомнить, кто платит вам жалованье, мистер Главный Охотник.

— Я обращаюсь к председателю Совета! — взвизгнул Маккоун. Из рта полетели брызги слюны. — За это ты отправишься собирать хлопок, ниггер! Паршивый, ничтожный...

— Пожалуйста, бросьте пистолет на пол, — вмешался новый голос.

Ричардс в изумлении обернулся. В проходе стоял Донахью, штурман. Его волосы блестели в рассеянном свете салона. В руках он держал «магнум-спрингстен». Автомат, легко умещающийся в кобуре под мышкой. А сейчас нацеленный на Маккоуна.

— Я Роберт Эс Донахью, — представился он. — Из контрольного совета Корпорации Игр. Брось пистолет на пол.

...МИНУС 015, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Маккоун долго смотрел на него, потом пистолет с глухим стуком упал на толстый ковер.

— Ты...

— Я думаю, мы уже услышали все, что хотели, — оборвал его Донахью. — Возвращайся в салон бизнес-класса и будь паинькой.

Маккоун отступил на несколько шагов, злобно щерясь. Глянул на Ричардса, ну прямо вампир в каком-то старом фильме ужасов, которому показали крест.

Когда он ушел, Донахью отсалютовал Ричардсу стволом автомата и улыбнулся:

— Больше он не будет вам докучать.

— И все-таки тебе нравится бить гомиков, — гнул свое Ричардс.

Улыбка померкла. Во взгляде появилась открытая неприязнь. Постояв еще секунду-другую, Донахью развернулся и проследовал к кабине пилотов.

Ричардс вновь сосредоточился на экране фри-ви. Он обнаружил, что пульс не участился. Дыхание осталось ровным, коленки не дрожали. Он уже начал привыкать к смерти.

— Вы меня слушаете, Ричардс? — спросил Киллиян.

— Да.

— Все уложено?

— Да.

— Хорошо. Давайте вернемся к нашему разговору.

— Валяйте.

Киллиян вздохнул: не нравился ему тон Ричардса.

— Я говорил, что теперь, когда нам доподлинно известно, что вы блефуете, ваша позиция заметно ухудшилась, а наша, соответственно, улучшилась. Вы понимаете почему?

— Да. — В голосе Ричардса слышалась отрешенность. — Теперь вы можете в любой момент размазать нас по небу. Или приказать Холлоузю посадить самолет. Маккоун мог меня убить.

— Совершенно верно. Теперь вы верите, что ваш блеф для нас не тайна?

— Нет. Но вы круче Маккоуна. Подсадить в экипаж своего агента — ловкий ход.

Киллиян рассмеялся.

— Ох, Ричардс. Вы просто прелесть. Редкий фрукт. — И все же в голосе чувствовалось внутреннее напряжение.

И тут Ричардса осенило: у Киллияна есть информация, которую ему очень не хочется озвучивать.

— Если бы у вас была взрывчатка, вы бы выдернули кольцо, когда Маккоун поднес пистолет к вашей голове. Вы знали, что он жаждал вашей смерти. Однако ваша рука так и осталась в кармане.

Ричардс понимал, что все кончено, что им все известно. Его губы изогнулись в улыбке. Киллиян бы это оценил. С его-то саркастическим складом ума. Нет уж, на милость победителей он не сдастся. Будет стоять на своем до конца.

— Вы меня не убедили. Если будете и дальше нажимать на меня, я все взорву.

— Я и не сомневался, что поблажек от вас ждать бесполезно. Мистер Донахью?

— Да, сэр. — Ледяной, бесстрастный голос штурмана одновременно донесся и из динамиков громкой связи, и из фри-ви.

— Пожалуйста, вернитесь в салон и вытащите сумочку миссис Уильямс из кармана мистера Ричардса. Только ни в коем случае не причиняйте ей вреда.

— Да, сэр.

Ричардсу почему-то вспомнилось заполнение его идентификационной карточки при регистрации в Геймс-билинг. *Клик-клик-клик.*

Появился Донахью, бодрым шагом направился к Ричардсу. Лицо его более всего напоминало маску. *Он запрограммирован*, внезапно подумал Ричардс.

— Не подходи, красавчик, — шевельнул рукой Ричардс. — Твой босс на земле в полной безопасности. Так что на луну отправишься ты.

Ему показалось, что шаг Донахью замедлил разве что на секунду да на лице появилась и тут же исчезла тень сомнения. Он словно прогуливался по Лазурному берегу или надвигался на гомосексуалиста, скулящего в темном тунике.

У Ричардса возникло желание схватить парашют и выпрыгнуть. Бесполезно. Убежать? Но куда? Мужской туалет в хвостовой части самолета, за салоном экономического класса.

— Увидимся в аду, — мрачно усмехнулся он и рывком вытащил руку из кармана.

На этот раз Донахью отреагировал более внятно. Хрипло вскрикнул и вскинул руки, прикрывая лицо. Опустил их, по-прежнему в стране живых, смущенный и злой.

Вытащив из рваного грязного кармана сумочку Амелии, Ричардс бросил ее в Донахью. Она ударилась ему в грудь и мертвой птичкой упала на ковер. Ладонь Ричардса взмокла от пота. Рука, которую он положил на колено, казалась странной, чужой. Донахью поднял сумочку, мельком глянул на нее и протянул Амелии. Ричардса охватила грусть. Он словно потерял давнего друга.

— Бум, — попрощался он с сумочкой.

... МИНУС 014, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

— А ваш парень хоть куда, — устало бросил Ричардс, когда Донахью покинул салон. — Всего лишь зажмурился. Я-то рассчитывал, что он наденет в штаны. — У него двоилось в глазах. Не постоянно, временами. Он осторожно коснулся раненого бока. Кровь вновь начала свертываться, второй раз. — Что теперь? — спросил Ричардс. — Устанавливаете камеры в аэропорту, чтобы все видели, как этот наглец получит все, что ему причитается?

— Теперь перейдем к делу. — Черное лицо Киллияна оставалось непроницаемым. Однако Ричардс чувствовал, что скоро ему предстоит узнать все. Все то, что пока Киллиян предпочитал держать при себе. И внезапно его обуял ужас. Ему хотелось протянуть руку

и выключить фри-ви. Не слышать ни слова. Он почувствовал, как задрожали его внутренности, натурально задрожали. Но не мог выключить. Не мог. Ведь, в конце концов, это свободное телевидение.

— Изыди, сатана, — вырвалось у него.

— Что? — На лице Киллияна отразилось недоумение.

— Ничего. Выкладывайте.

Киллиян молчал. Внимательно разглядывал свои руки. Поднял голову. И внезапно в голове Ричардса зазвучали стоны. Души бедняков и пьяниц взвыали к нему.

— Маккоун выдохся, — начал Киллиян. — Ты это знаешь, потому что вывел его из игры. Расколол, как яичную скорлупу. Мы хотим, чтобы ты занял его место.

Ричардс полагал, что уж его-то ничем не удивишь, но тут обнаружил, что застыл с отвисшей челюстью, уставившись в экран. Это ложь. Иначе и быть не может. Но... сумочка у Амелии. Им нет нужды вратить ему и пробуждать ложные надежды. Он ранен, одинок. И Маккоун, и Донахью вооружены. Пуля, пущенная в висок, могла покончить с ним без шума и суеты.

Вывод — Киллиян глаголет истину.

— Вы сошли с ума, — пробормотал он.

— Нет. Вы — лучший бегущий из всех, с кем нам пришлось столкнуться. А лучший бегущий знает, как лучше водить Охотников за нос. Раскройте глаза пошире, и вы увидите, что предназначение «Бегущего человека» не только в том, чтобы развлекать толпу и избавляться от бунтарей. В Сети, Ричардс, всегда найдется место новым талантам. Иначе и быть не может.

Ричардс попытался ответить, но с губ не сорвалось ни звука. Затаившийся в душе ужас не проходил. Наоборот, нарастал.

— Семейные в Главные Охотники не попадают, — наконец выдавил он из себя. — Вы знаете почему. Необходимо полностью исключить возможность шан...

— Бен. — Голос Киллияна переполняло безмерное сочувствие. — Твои жена и дочь уже десять дней как мертвые.

...МИНУС 013, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Дэн Киллиян продолжал говорить, но Ричардс не разбирал слов: мешал шумовой фон, неизвестно откуда взявшийся в голове. Словно он стоял на дне глубокой-глубокой шахты и кто-то кричал ему сверху. Мозг затянуло полуночной тьмой, и тьма эта стала

экраном, на котором один за другим возникали слайды. Шейла в коридоре школы с блокнотом под мышкой. Тогда как раз вернулась мода на микрообуки. Они с Шейлой на дальнем конце причала, спиной к фотоаппарату, любующиеся океаном. Обнявшиеся. Молодой человек в плохо пошитом костюме и молодая женщина в лучшем платье матери (по этому поводу его специально достали из шкафа), стоявшие перед судьей с большой бородавкой на носу. Как они смеялись над этой бородавкой в первую брачную ночь. Черно-белая фотография потного, с голой грудью, молодого мужчины в свинцовом фартуке, орудующего рычагами какого-то механизма в подземной камере, ярко освещенной электрическими лампами. Цветное фото женщины с большим животом, стоящей у окна и выглядывающей наружу, ожидающей возвращения мужа. И последний слайд: все тот же мужчина, вскинувший над головой младенца, улыбающийся во весь рот. Череда слайдов повторялась снова и снова, со всевозрастающей скоростью, еще не вызывая печали и горечи утраты. Если он что и испытывал, так только оцепенение.

Киллиян заверял его, что Корпорация Игр не имеет к их смерти никакого отношения. Ричардс склонялся к тому, что ему можно верить. Киллиян не мог не понимать, что, согласившись на новую работу, Ричардс первым делом наведается в Ко-Оп-Сити, где ему хватит одного часа, чтобы узнать правду.

Грабители. Троє (или все было подстроено? — спрашивал себя Ричардс. При последнем разговоре голос Шейлы звучал как-то обреченно, словно она знала что-то такое, о чем не могла ему сказать). Скорее всего они действовали по наводке. Может, кто-то из них замахнулся на Кэти, и Шейла попыталась защитить дочь. Обе умерли от колотых ран.

Последние слова вырвали его из транса.

— Я съел по горло вашим дерьямом! — взревел он. Амелия даже отпринула, словно ей влепили затрецину. — Что произошло? Расказывайте, что произошло!

— Больше мне сказать нечего. На теле вашей жены насчитали более шестидесяти ножевых ран.

— Кэти, — выдохнул Ричардс с такой тоской в голосе, что Киллиян уставился в стол.

— Бен, вам нужно время, чтобы обо всем этом подумать?

— Да, да.

— Это ужасная трагедия, дружище. Я клянусь памятью моей матери, что мы тут абсолютно ни при чем. Скорее мы

изолировали бы их, оговорив с вами условия свиданий. Человек не может работать на тех, кто уничтожил его семью. Мы это знаем.

— Мне надо подумать.

— Как Главный Охотник вы сможете найти этих мерзавцев и разобраться с ними. Как и со многими другими, ничем от них не отличающимися.

— Мне надо подумать. До свидания.

— Я...

Ричардс протянул руку, и экран фри-ви погас. Он откинулся на спинку. Зажал руки между колен. За бортом мерно гудели двигатели.

Вот так-то, думал он. Теперь все выплыло наружу. Все.

... МИНУС 012, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Минул час.

*Пришла пора, нам морж сказал,
Поговорить о многом:
Об отпывающих судах,
И о капусте на полях,
И есть ли крылья у свиней,
И почему...*

Видения проносились перед его мысленным взором. Стейси. Бредли. Детское лицо Элтона Парракиса. Кошмар погони. Загоревшиеся от последней спички газеты в подвале ИМКА. Ревущие двигатели патрульных машин. Изрыгающий огонь автомат. Неприятный голос Лафлина. Двое улыбающихся детей, маленьких агентов гестапо.

Так почему нет?

Никаких уз и, естественно, никаких моральных норм. Что есть мораль для абсолютно свободного человека? Мудрый Киллиян все это понял и наглядно доказал Ричарду, как тот одинок. Бредли и его отчаянная борьба с загрязнением воздуха. Какой пустяк, мелочевка. Носовые фильтры. Тогда ему казалось, что они очень важны. Теперь — нет.

Бедняжка навсегда останется с тобой.

Верно. Даже если ее и убили. В конце концов бедняки приспособятся, мутируют. В их легких возникнет своя система фильтрации, через десять тысяч лет или через пятьдесят, и тогда они выработают искусственные фильтры и будут наблюдать, как их владельцы задыхаются в атмосфере, где кислорода практически

не осталось. Должен ли Бен Ричардс бороться за такое будущее? Да нет же.

Да, какое-то время он будет горевать, скорбеть. Они это понимают, создадут для этого все условия. Возможны приступы ярости, попытки бунта. Стремление донести до общественности правду о загрязнении окружающей среды. Наверное, без этого не обойдется. Они позаботятся и об этом. Позаботятся о нем, с тем чтобы потом он заботился о них. Интуитивно он знал, что ему это по силам. Он чувствовал, что идеально подходит для той работы, что предлагает ему Киллиян. Они ему помогут, подлечат. Лекарства, врачи. Перемена образа мыслей.

А потом — умиротворение.

Полное единение — все разногласия вырваны с корнем.

И он уже мечтал о таком состоянии души, как путник в пустыне мечтает о глотке воды.

Амелия Уильямс тихонько плакала в кресле. Что будет с ней? — вяло, безо всякого интереса подумал он. Едва ли она сразу сможет вернуться к мужу и семье. Она уже далеко не та женщина, что остановила машину у знака «Стоп», думая о том, что приготовит на обед и с кем встретится в клубе. Слишком многое обрушилось на нее в последние часы. Скорее всего ей тоже потребуются лекарства, помощь психиатров. А потом долгий, долгий путь, то ли в обычную жизнь, то ли в дурдом.

Его охватило желание подойти к Амелии, обнять, успокоить, заверить, что ничего страшного с ней не произошло, что пара успокоительных таблеток снимет стресс и все будет хорошо.

Шейла, Кэти.

Имена приходили, повторялись, колокольчиками звякая в мозгу, как слова, повторяющиеся до тех пор, пока не теряли всякий смысл. Повтори свое имя двести раз и поймешь, что нет у тебя никакого имени. Печали он не ощущал, разве что раздражение: его взяли, использовали, а в конце концов выяснилось, что он — дермо собачье. Он вспомнил мальчика, с которым учился в начальной школе: тот встал, чтобы принести клятву верности школе, и у него свалились штаны.

Двигатели гудели и гудели. Минут на сорок пять он задремал. Видения появлялись и исчезали, не затрагивая эмоциональных струн.

А потом возникла последняя картинка, фотоснимок десять на восемь дюймов, выполненный полицейским фотографом, наверное, жевавшим жвачку. Вещественное доказательство С, дамы и господа присяжные. Избитое, изрезанное маленько тельце в залитой кровью колыбельке. Пятна и потеки на оштукатуренных стенах,

сломанная Матушка Гусыня на колесиках, купленная за десятицентовик. Большой сгусток крови на одноглазом, купленном с рук плюшевом медвежонке.

Он проснулся как от удара, подскочил с раззявленным в крике ртом. Воздух с такой силой вырывался из груди, что язык трепыхался в его потоке, словно парус. Все, решительно все в салоне первого класса обрело яркость, четкость, окружало, давило, реалистичностью сравниваясь с картинкой выпуска новостей на экране фри-ви. К примеру, тем эпизодом, когда Лафлина выволакивали из укрытия. Все, все стало очень уж реальным и многоцветным.

Амелия вскрикнула в унисон, сжалась в комочек и таращилась на него широко открытыми, огромными, как блюдца, глазами, пытаясь засунуть в рот кулечек.

Донахью вбежал в салон с автоматом на изготовку. Глаза его обратились в щелочки.

— В чем дело? Что случилось? Маккоун?

— Нет. — Сердце Ричардса чуть не выскакивало из груди, мешая говорить. — Дурной сон. Моя маленькая девочка.

— А. — Взгляд Донахью смягчился в имитации сочувствия. Возможно, он просто не знал, что это такое. Может, всю жизнь только и делал, что бил, бил и бил. Может, ему еще откроется истина. Донахью повернулся, чтобы уйти.

— Донахью?

Штурман посмотрел на него.

— Сильно я тебя напугал, не так ли?

— Да нет. — Донахью двинулся к камбузу.

— Я могу напугать тебя сильнее, — крикнул вдогонку Ричардс. — Могу пригрозить, что вытащу твои носовые фильтры.

Донахью ушел.

Ричардс устало закрыл глаза. Фотография десять на восемь вернулась. Открыл. Закрыл. Никаких фотографий. Подождал, дабы убедиться, что она не вернется (прямо сейчас), открыл глаза, включил фри-ви.

Вспыхнул экран, на нем возникло лицо Киллиана.

...МИНУС 011, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

— Ричардс. — Киллиян наклонился вперед, не пытаясь скрывать, что с нетерпением ждет ответа.

178 — Я решил принять ваше предложение.

Киллиян откинулся на спинку кресла, улыбнулся одними глазами.

— Я очень рад.

...МИНУС ОДО, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

— Господи... — Ричардс стоял на пороге кабины пилотов. Холлоуэй обернулся.

— Привет. — Он разговаривал с детройтским диспетчерским центром. Данинджер пил кофе.

На пульты управления ни один из пилотов даже не смотрел. Однако они жили своей жизнью. Бежали цифры, вспыхивали огоньки, поворачивались рычажки. Громадные информационные потоки приходили и уходили... сами по себе.

— А кто же рулит? — изумленно спросил Ричардс.

— Отто, — ответил Данинджер.

— Отто?

— Это наш автопилот. Отто. Понимаешь? Так мы его прозвали. — Данинджер неожиданно улыбнулся. — Рад, что ты теперь в нашей команде, парень. Ты, возможно, этому не поверишь, но некоторые из нас прониклись к тебе.

Ричардс безразлично кивнул.

— Отто и меня удивляет, — нарушил затягивающуюся паузу капитан Холлоуэй. — Хотя я летаю с ним уже двадцать лет. Он абсолютно надежен. Чертовски сложная машина. В сравнении с ним прежние модели выглядят... ну, как ящик из-под апельсинов рядом с антикварным бюро.

— Волноваться не о чем?

— Абсолютно. Вводишь в компьютер ПН, пункт назначения, и Отто берет управление на себя, благо ему помогают наземныеadarные установки. Пилоты теперь нужны лишь для того, чтобы поднять и посадить самолет. Ну и на случай чрезвычайной ситуации.

— А что вы можете сделать, если такая ситуация возникнет? — спросил Ричардс.

— Мы можем молиться, — ответил Холлоуэй.

Возможно, он намеревался пошутить, но прозвучала эта фраза так, словно говорил он чистую правду.

— А эти штурвалы действительно изменяют направление движения самолета? — спросил Ричардс.

— Только вверх-вниз, — пояснил Данинджер. — А вот эти педали обеспечивают разворот вправо-влево.

— Похоже на детский гоночный автомобиль.

— Нет, чуть посложнее, — отозвался Холлоуэй. — Скажем так, тут надо нажать побольше кнопок.

— А что произойдет, если у Отто поедет крыша?

— Ничего, — улыбнулся Данинджер. — Если это случится, пилот просто отменит его решение и примст свое. Но компьютеры с ума не сходят, приятель.

Ричардс хотел уйти, но магия поворачивающихся штурвалов, поднимающихся и опускающихся педалей, перемигивающихся лампочек не отпускала его. Холлоуэй и Данинджер вернулись к своим занятиям. Один диктовал какие-то цифры диспетчеру, второй наслаждался черным кофе.

Холлоуэй лишь однажды обернулся, удивился, увидев, что Ричардс все еще стоит на пороге. Ткнул пальцем в черноту за окном:

— Скоро появится Хардинг.

— Когда?

— Через пять или шесть минут вы сможете увидеть его отсвет над горизонтом.

Когда Холлоуэй обернулся в следующий раз, Ричардс уже ушел.

— Хочется поскорее спустить этого парня на землю, — признался он Данинджеру. — У меня от него мурашки бегут по коже.

Данинджер долго смотрел на светящийся зеленым пульт управления.

— Ему не понравился Отто. Ты это знаешь?

— Я это знаю, — кивнул Холлоуэй.

...МИНУС 009, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Ричардс брел по узкому коридору. Фрайдмен, радиист, не поднял головы. Как и Донахью. Ричардс вышел на камбуз и застыл.

Пахло хорошим, крепким кофе. Он налил себе чашку, добавил сухих сливок, сел на одно из кресел для стюардесс. Кофеварка «Сайлекс» булькала и пускала пар.

Сквозь прозрачные двери холодильника он видел упаковки с замороженным обедом. В баре стояли ряды миниатюрных бутылочек, такие обычно предлагают пассажирам перед едой.

Тут можно здорово набраться, подумал он.

180 Он пил кофе. Ароматный и крепкий. «Сайлекс» булькал.

Я здесь, думал он и пил кофе. Маленькими глоточками. Да, какие ужутут сомнения. Он здесь, сидит и маленькими глоточками пьет кофе.

Все кастрюли и сковороды аккуратно убрали. Раковина из нержавеющей стали блестела. Хромированный драгоценный камень в оправе из пластика. И, разумеется, «Сайлекс» с его раскаленной конфоркой, булькающий, пускающий пар. Шейла всегда хотела купить «Сайлекс». Сработан на века, утверждала она.

Он плакал.

К камбузу примыкал крохотный туалет, где могли уместиться только миниатюрные попки стюардесс. В полуоткрытую дверь он видел синюю отdezинфицированную воду на дне унитаза. Приятно, знаете ли, справлять естественную нужду в таком великолепии на высоте пятьдесят тысяч футов.

Он пил кофе и наблюдал, как булькает и пускает пар «Сайлекс». Плакал спокойно, без единого звука. Слезы и кофе в чашке закончились одновременно.

Он поднялся, поставил чашку в раковину из нержавеющей стали. Взялся за коричневую пластмассовую рукоятку «Сайлекса», осторожно вылил кофе в ту же раковину. Крошечные капельки сконденсированной воды прилипли к толстому стеклу. Он вытер глаза рукавом пиджака и вернулся в узкий коридор. Шагнул в каморку Донахью, держа «Сайлекс» в одной руке.

— Хочешь кофе? — спросил Ричардс.

— Нет, — коротко ответил Донахью, не посмотрев на него.

— Конечно же, хочешь. — И Ричардс со всей оставшейся у него силой обрушил тяжелый стеклянный кофейник на склоненную голову Донахью.

...МИНУС 008, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

От резкого движения в третий раз открылась рана в боку, но кофейник не разбился. Наверное, стекло чем-то армировано, подумал Ричардс (может, витамином В₁₂?), чтобы не разбиться, упав со стола при сильной болтанке. Голова Донахью упала на закатанные в пластик карты. Теперь по ним растекалось огромное кровяное пятно. Ручеек достиг края стола и закапал на пол.

— Си-один-девять-восемь-четыре, ваше последнее сообщение принял, — возвестил радиоголос.

Ричардс все держал «Сайлекс» в руке. К нему прилипли волосы Донахью.

Пальцы разжались, но «Сайлекс» упал без стука: ковер заглушил удар. Стеклянная колба подмигнула ему, как налитый кровью глаз. Вновь перед его мысленным взором возникла фотография десять на восемь дюймов: Кэти в колыбельке. Ричардса передернуло.

Схватив Донахью за волосы, он приподнял голову, вторую руку сунул за пазуху летного кителя. Достал «магнум», собрался было вернуть голову Донахью на стол, но в последний момент передумал и откинул тело на спинку стула. Челюсть Донахью отвисла, как у идиота.

Ричардс вытер кровь с ноздрей, заглянул в однушку.

Нашел то, что искал: глубоко внутри блеснула сетка фильтра.

— Подтвердите получение сообщения, си-один-девять-восемьчетыре.

— Эй, это тебе, — крикнул Фрайдмен из своей кабинки. — Донахью...

Ричардс вернулся в коридор. Его качало от слабости. Фрайдмен посмотрел на него:

— Вас не затруднит попросить Донахью оторвать свою задницу и подтвердить...

Пуля Ричардса прошила ему верхнюю губу. Зубы посыпались, как бусины. Волосы, кровь, мозги выплеснулись на стену за столом, где трехмерная длинноногая девица разлеглась на роскошной кровати.

Из кабины пилотов донесся сдавленный вскрик, Холлоуэй рванулся к двери, чтобы закрыть ее. Ричардс заметил, что на лбу у него маленький шрам, похожий на вопросительный знак. Такой шрам может остаться у маленького мальчика, когда тот сваливается с нижней ветви дерева, на которой сидел, играя в пилота.

Холлоуэю он пустил пулю в живот. Тот шумно (о-о-о-О-О-О-О) выдохнул воздух, ноги подкосились, и он рухнул лицом вниз.

Данинджер развернулся к нему, не лицо — белая пропыльня.

— Не убивай меня, а? — просьба прозвучала вопросом.

— Получай, — ответил Ричардс, нажимая на спусковой крючок. Что-то лопнуло и зашипело под телом Данинджера, когда тот упал.

В наступившей тишине отчетливо прозвучал радиоголос:

— Подтвердите получение сообщения, си-один-девять-восемьчетыре.

Ричардс внезапно согнулся пополам, его вырвало кофе и желчью. Сокращение мышц еще шире разодрало рану, боль в боку

Он взглянул на два пульта управления. Они жили своей жизнью, перемигиваясь лампочками.

Разве связь в столь важном полете не поддерживается постоянно? По-другому и быть не может.

— Подтверждаю, — бросил Ричардс.

— Включите фри-ви, си-один-девять-восемь-четыре. У нас какие-то неполадки с приемом. На борту все в порядке?

— Более чем, — ответил Ричардс.

— Передайте Данинджеру, что он должен мне пиво, — ответил радиоголос, сменившийся шумом статических помех.

Отто по-прежнему рулил.

Ричардс захромал в салон, чтобы довершить начатое.

... МИНУС 007, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

— О святой Боже, — простонала Амелия Уильямс.

Ричардс глянул вниз. Весь правый бок, от грудной клетки до бедра, окрасился алым.

— Кто бы мог подумать, что в таком старом человеке столько крови? — удивился он.

Маккоун ворвался в салон первого класса. Бросил на Ричардса короткий взгляд, выхватил пистолет. Он и Ричардс выстрелили одновременно.

Маккоун исчез за портьерой, разделявшей два салона. Ричардс тяжело опустился на пол. Навалилась невероятная усталость. А в животе возникла большая дыра. Через нее он мог лицезреть свои внутренности.

Амелия кричала в голос, прижав руки к побледневшим щекам.

Маккоун вновь возник в салоне первого класса. Он лыбился. Полголовы снесло выстрелом Ричардса, но он все равно лыбился.

Он выстрелил дважды. Первая пуля прошла над головой Ричардса, вторая ударила пониже ключицы.

Выстрелил и Ричардс. Маккоун дважды повернулся на триста шестьдесят градусов, словно волчок. Пистолет выпал из его пальцев. Маккоун уставился в потолок, словно сравнивал его отличия от потолка в салоне бизнес-класса, потом повалился на спину. Воздух пропитали запахи порохового дыма и горелого мяса.

Амелия кричала и кричала. Завидное у нее здоровье, подумал Ричардс.

...МИНУС ОО6, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Ричардс медленно поднялся, рукой держась за живот, не давая внутренностям вывалиться наружу. В его животе кто-то зажигал спички.

Медленно двинулся вдоль прохода, согнувшись чуть ли не пополам. Второй рукой подхватил парашют, потащил за собой. Связка серых сосисок проскользнула между пальцев, он затолкал их обратно. Процесс оказался болезненным. Он словно дристал собственными внутренностями.

— Боже, — стонала Амелия Уильямс. — Бо-бо-бо-боже. За что мне все это? За что?

— Надевай, — приказал Ричардс.

Она продолжала раскачиваться и стонать, не слыша его.

Он выпустил из руки парашют, ударил ее ладонью по лицу.

Так слабо, что она не прореагировала. Сложил пальцы в кулак, ударил еще раз. Она дернулась. Тупо уставилась на него.

— Надевай, — повторил он. — Как рюкзак. Видела, как это делается?

Она кивнула.

— Я. Не смогу. Прыгнуть. Боюсь.

— Мы врежемся в землю. Ты должна прыгнуть.

— Не смогу.

— Хорошо. Тогда я тебя пристрелю.

Она вскочила с кресла, оттолкнула его, начала надевать парашют. Попятилась от него, одновременно борясь с ремнями и пряжками.

— Не так. Этот проходит снизу.

Она переложила ремень, отступая к телу Маккоуна. Ричардс следил за ней. Кровь закапала у него изо рта.

— Теперь закреши карабин на кольце. Оно у тебя на поясе.

Она все сделала, не с первой — со второй попытки. Не отрывая безумных глаз от его лица.

Наткнулась на тело Маккоуна, переступила через него.

Они миновали салон бизнес-класса, перешли в третий, хвостовой. Спички в животе заменила газовая горелка.

Аварийный люк удерживали пироболты и засов.

Ричардс протянул автомат Амелии.

— Стреляй в люк. Мне... не выдержать отдачи.

Закрыв глаза и отвернувшись, она нажала на спусковой крючок. Загремели выстрелы. Лишь несколько: закончились

патроны. Люк остался на месте. Ричардса охватило отчаяние. Амелия Уильямс нервно подергивала кольцо вытяжного троса парашюта.

— Может... — начала она, но тут аварийный люк вывалился в ночь, засосав в проем и Амелию.

...МИНУС 005, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Согнувшись в три погибели, хватаясь за подлокотники кресел, Ричардс пытался от вырванного люка. Если б они летели на большей высоте, с большим перепадом давления, его бы вытянуло из самолета вслед за Амелией. А так он удержался, хотя его несчастные кишечки вываливались из вспоротого живота и волочились по ковру. Холодный ночной воздух, на высоте двух тысяч футов более чистый и разреженный, чем у поверхности, взбудорил его, как ковш ледяной воды, выплеснутой в лицо. Горелка превратилась в факел, внутри все полыхало.

Салон бизнес-класса. Уже легче, тяга заметно уменьшилась. Теперь перебраться через тело Маккоуна и преодолеть салон первого класса. Кровь уже бежала из рта.

Он остановился у камбуза, попытался собрать кишечки. Он знал, что снаружи им не нравится. Ни капельки. Они все перепачкались. Ему хотелось поплакать над своими бедными кишками, которые ничем не заслужили такого обращения.

Он не смог засунуть их внутрь. Не получилось. Они все перепутались. Перед глазами запрыгали картинки из школьных учебников биологии. Он окончательно осознал, что жить ему осталось немногого, совсем чуть-чуть, и слезы потекли из глаз, смешиваясь с кровью на подбородке.

Стоял он в полной тишине. Никто с ним не разговаривал. Все ушли. Остались только он и Отто.

Мир блекнул по мере того, как из тела вытекала живительная влага. Привалившись к перегородке, как пьяный — к фонарному столбу, он наблюдал, как сереют окружающие его предметы.

Вот и все. Я ухожу.

Он закричал, возвращая миру реальные краски. *Еще нет. Пока не могу.*

И поплелся через камбуз, с болтающимися, как веревки, кишечками. Как их много, какие они твердые. И как они только помещались в животе.

Он наступил на какую-то кишку, внутри что-то дернулось. Невероятной силы боль пронзила его, он заорал, забрызгав кровью противоположную стену. Потерял равновесие и упал бы, если бы не наступил плечом на стену.

Ранение в живот. Мне прострелили живот.

И тут же отреагировал его мозг: **Клик-клик-клик.**

У него осталось еще одно дело.

Ранение в живот всегда считалось одним из самых тяжелых. Они как-то обсуждали, когда он работал в ночной смене, во время полunoчного перерыва на ленч, достоинства и недостатки различных вариантов смерти. Что лучше, умереть от радиационного облучения, замерзнуть, упасть с большой высоты, утонуть, попасть под дубинки копов. Кто-то упомянул ранение в живот. Вроде бы Харрис. Толстяк, который пил на работе пиво, нарушая инструкции.

Ранение в живот очень болезненное, говорил Харрис. И смерть наступает не скоро. Все они кивали и соглашались, не представляя себе, что такое настоящая Боль.

Ричардс плелся по узкому коридору, держась за обе стены. Мимо Донахью. Мимо беззубого Фрайдмена. Руки начали неметь, а боль в животе, в том месте, что недавно было его животом, все усиливалась. Однако израненное тело все еще пыталось выполнять приказы, отдаваемые безумным Наполеоном, поселившимся в мозгу.

Господи, неужели на этом для меня все закончится?

Какие только глупости не лезли в голову. Не могло закончиться.

Потому что. Он. Не довел. До конца. Одно. Дело.

Он упал, зацепившись за распластертное тело Холлоуэя, и остался лежать: его внезапно потянуло в сон. Поспать. Совсем немного. Чуть-чуть. Слишком тяжело подниматься. И Отто жужжит. Поет колыбельную. Ш-ш, ш-ш, ш-ш. Спи, моя радость, усни.

Он поднял голову, как только смог, голова стала железной, чугунной, свинцовой, посмотрел на два как две капли воды похожих друг на друга пульта управления. Они продолжали нести вахту. А за ними, за лобовым стеклом, горели огни Хардинга.

Слишком далеко.

Он зарылся в стог сена, крепко спит.

...МИНУС 004, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Радио озабоченно закудахтalo:

— Си-один-девять-восемь-четыре, внимание. Вы иде-
186 те слишком низко. Подтвердите получение сообщения.

Подтвердите получение сообщения. Перевести вас на контроль с земли? Подтвердите получение сообщения. Подтвердите...

— Заткнись, — прошептал Ричардс.

И пополз к пультам управления. Педали ходили вниз-вверх. Вращались штурвалы. Он закричал от пронзившей его боли: кишki зацепились за подбородок Холлоуэя. Он пополз назад, освободил, снова двинулся к пультам.

Руки подогнулись, он ткнулся носом в мягкий, толстый ворс ковра. Приподнялся и пополз дальше.

Забрался на кресло Холлоуэя, высотой не уступающее Эвересту.

... МИНУС 003, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Вот оно. Огромный куб, возвышающийся в ночи, окрашенный луной в белый цвет.

Он чуть повернул штурвал. Самолет накренился влево. И Ричардс едва не вылетел из кресла Холлоуэя. Повернул штурвал в обратную сторону, перстарался, самолет повело вправо. Горизонт едва не встал на попа.

Теперь педали. Ну, с ними проще.

Он толкнул штурвал вперед. На диске перед глазами стрелка с отметки 2000 перескочила на 1500. Ричардс потянул штурвал на себя. Он уже практически ничего не видел. Правый глаз отключился полностью. Странно, подумал он, что они не отключаются одновременно.

Вновь оттолкнул штурвал. Высота уменьшалась. 1200 футов. 900. Он выровнял самолет.

— Си-один-девять-восемь-четыре. — В голосе диспетчера слышалась нескрываемая тревога. — Что случилось? Прием!

— Говори, парень, говори, — прохрипел Ричардс. — Собака лает — караван идет.

... МИНУС 002, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Большой самолет серебристым куском льда прорезал ночь над Ко-Оп-Сити, раскинувшимся внизу, как свалка разорванных картонных коробок.

Он приближался к нему, приближался к Геймс-билдинг. 187

...МИНУС 001, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Теперь самолет, поддерживаемый рукой Бога, гигантский, ревущий, пересекал Канал. Наркоман, только что заправившийся «пушем», поднял голову и подумал, что у него галлюцинация, последняя в его жизни, которая уведет его в рай «Дженерал атомикс», где еда бесплатная, а реакторы не лучатся радиацией.

Рев двигателей выгонял людей из домов, они стояли у дверей, на тротуарах, задрав к небу бледные лица- пятна. Вихри поднимали из ливневых канав мусор. Коп выронил дубинку, зажал уши руками и кричал, не слыша собственного голоса.

Самолет все снижался и теперь проносился над крышами, как гигантская летучая мышь. Кончик правого крыла разминулся с колонной магазина «Восторг» на какую-то дюймину футов.

По всему Хардингу на экранах фри-ви картинка сменилась белым бельмом. Люди таращились на них, не веря своим глазам.

Воздух сотрясался от грохота.

Киллиян оторвался от лежащих на столе бумаг и посмотрел в окно, занимавшее всю стену.

Привычной панорамы, от Южного города до Крессенда, как не бывало. Все заслонил надвигающийся самолет «локхид-тристар». С габаритными огнями, мигающими на крыльях, хвосте и под фюзеляжем. На какое-то мгновение, в ужасе и изумлении, Киллиян увидел сидящего за штурвалом Ричардса, который, казалось, сверлил его взглядом. Лицо Ричардса было залито кровью, глаза горели демоническим огнем.

Ричардс улыбался.

И грозил ему пальцем.

— Господи... — На том для Киллияна все и закончилось.

...000, ОТСЧЕТ ИДЕТ...

Чуть клонув носом, «локхид» врезался в здание Сетевой Корпорации Игр на высоте двадцать пятого этажа. С заполненными на четверть баками. Со скоростью, превышающей пятьсот миль в час.

Программ невероятной силы взрыв, превратив ночь в день, словно гнев Господний, огненный дождь излился на двадцать прилегающих к Ньюорк-геймс-билдинг кварталов.

ХУДЕЮЩИЙ

Глава первая:

246

«Худеющий». — шепчет старый цыган с гниющим носом Уильяму Халлеку в тот момент, когда он со своей женой Хейди выходит из здания суда. Только одно слово доносится до него вместе с запахом его дыхания. «Худеющий». Прежде чем Халлек успевает отшатнуться, старый цыган протягивает руку и проводит скрюченным, изуродованным пальцем по его щеке. Рот раскрывается, как рана, обнажая надгубия зубов, торчащих из голых десен. Эти редкие зубы — почерневшие и зеленоватые... между ними просовывается язык, вылезает наружу и облизывает потрескавшиеся губы, растянутые в улыбке.

Худеющий.

Билли Халлек вспомнил это, когда в семь утра стоял на весах, обернув поясницу полотенцем. Снизу доносился аппетитный запах яичницы с ветчиной. Пришлось вытянуть шею, чтобы увидеть цифру на шкале. Нет, не просто вытянуть, а наклониться. Каждый раз приходилось наклоняться. Он был крупным мужчиной. Слишком крупным, как доктор Хустон рад был ему сообщить. *На тот случай, если тебе никто об этом не говорил, позволь, я тебе сообщу*, сказал ему Хустон во время последнего осмотра. *Мужчина с твоими доходами и твоими привычками вступает в царство сердечных приступов примерно лет в тридцать восемь, Билли. Тебе нужно сбросить вес.*

Сегодня утром новости оказались неплохими: он неожиданно сбросил три фунта — с 249 до 246.

В последний раз, когда он отважился встать на весы, стрелка указывала на 251, правда, он был в брюках, а в кармане лежала мелочь, да еще ключи, его армейский ножик. К тому же весы

в ванной наверху врали в большую сторону — в этом он был почти уверен.

Будучи еще обыкновенным нью-йоркским мальчишкой, он где-то слышал, что цыгане обладают даром предвидения. Может, это так и есть? Попытался засмеяться, но дальше слабой и довольно неуверенной улыбки дело не пошло: рановато было закруглять смешком «цыганское дело». Должно пройти время, и все уляжется; он был достаточно зрелым человеком, чтобы понять это. А пока от мысли о цыганах было тошно. Он от души надеялся, что в жизни больше ни одного из них не встретит и отныне на гулянках будет лишь забавляться хиромантией да баловаться спиритической планшеткой Уиджа — скромно и безобидно.

— Билли?! — Зов снизу.

— Иду!

Он оделся, заметив с почти подсознательной лосадой, что потеря им трех фунтов ничего не значила для его трусов — они по-прежнему туговаты. Сорок два дюйма в обхвате. На Новый год бросил курить точно в 00.01, и началась расплата. Ничего себе расплата за отказ от дурной привычки! Спустился по лестнице — сорочка рассстегнута, галстук переброшен через шею. Линда, его четырнадцатилетняя дочь, как раз выходила из дома во «флirtующей» юбочке. Махнула конским хвостом, перехваченным на сей раз вполне сексуальным бархатным бантом. Под мышкой — учебники, в другой руке два небольших помпона для парада мажореток — один белоснежный, другой ярко-красный.

— Пока, пап!

— Счастливо, Лин!

Халлек сел за стол и первым делом схватил «Уолл-стрит джорнэл».

— Возлюбленный! — сказала Хейди.

— Моя дорогая! — с шутливым пафосом ответил он и немедленно отложил газету.

Жена поставила перед ним дымящуюся яичницу, английскую сдобы с изюмом и пять кусочков поджаристого бекона. Хорошая еда. Сама скользнула на стул напротив него и закурила «Вантаж-100». Минувшие январь и февраль были несколько напряженными — слишком много «обсуждений» — фактически закамуфлированных ссор, слишком много ночей в постели спиной к спине. Но выход нашли: она перестала подкалывать его по поводу веса, а он прекратил нудить по поводу ее полугора пачек сигарет в день. В итоге весна получилась недурная. На фоне достигнутого между ними

перемирия произошли и некоторые другие приятные вещи. Во-первых, Халлек получил повышение, и немалое. «Грили, Пенши и Киндер» теперь стали «Грили, Пенши, Киндер и Халлек». Мать Хейди исполнила свою давнюю угрозу и вернулась к себе в Виргинию. Линда наконец-то выбилась в ведущие парада мажореток, что для Билли стало сущим благом, так как ее сценические потуги порядком напрягали. В общем, все пошло нормально.

Потом в городе появились цыгане.

«Худеющий», сказал старый цыган: *и что там за гадость приключилась с его носом? Сифилис, что ли? Рак? А может, и что-то похлеще, вроде проказы? Да черт с ним, в конце-то концов! Выброси из головы!*

— Не можешь выбросить из головы эту историю? — внезапно спросила Хейди. Так внезапно, что Халлек вздрогнул. *Билли, не твоя вина была.* Так сказал судья.

— Да нет, я не о том думал.

— А о чём ты думал?

— Да «Джорнэл»... — ответил он. — Там говорят, что в нынешнем квартале жилищное строительство опять затормозилось.

Не его вина — это точно. Судья верно сказал. Судья Россингтон. Кэри — для друзей.

Для друзей вроде меня, подумал Халлек. Сколько партий в гольф с Кэри Россингтоном. На гулянке у нас накануне Нового года два года назад, когда я решил бросить курить и не сделал этого. Кто мля твою такую вызывающую титыку во время традиционных обменов новогодними поцелуями? Не может быть! Ну конечно же — добрый славный Кэри Россингтон, провалиться мне на этом месте!

Да. Добрый старый Кэри Россингтон, перед которым Билли оспаривал полтора десятка муниципальных судебных дел. Добрый старый Кэри Россингтон, с которым Билли время от времени играл в покер в клубе. Добрый старый Кэри Россингтон, который не уронил себя, когда его старый приятель по гольфу и покеру Билли Халлек (Кэри иной раз хлопал его по спине и орал: «Ну, как твои... висят. Большой Билл?!») предстал перед ним не для того, чтобы оспаривать статью муниципального закона, а по обвинению в убийстве в результате наезда автомобиля.

И когда Кэри Россингтон не ударил лицом в грязь, все сделал как положено — кто сказал детишкам: У-у-у-у-у?! Кто их напугал? Кто нашелся во всем замечательном городе Фэйрвью, чтобы пугать детишек?! Да никто! Никто их не пугал. Да и кто они такие, в конце-то концов? Всего лишь сброд грязных цыган. Чем скорее они

уберутся из Фэйрвью в своих универсалах и трейлерах, облепленных по-шлыми наклейками, тем лучше. Чем быстрее...

...Тем худее.

Хейди раздавила сигарету в пепельнице.

— Я тебя слишком хорошо знаю. Вся эта затея с застройкой — дермо.

Билли предполагал то же самое. Предполагал, что и она над этим серьезно думает. Лицо ее было сегодня слишком бледным, и выглядела она на свои тридцать пять, что случалось редко. Поженились они уж очень молодыми, юными прямо. Он до сих пор помнил, как коммивояжер, явившийся к ним спустя три года после свадьбы, предлагая пылесосы, посмотрел на двадцатидвухлетнюю Хейди Халлек и вежливо спросил: «Девочка, а твоя мама дома?»

— Хм... аппетит ты мне такими сравнениями все равно не испортишь, — сказал он, и верно: яичница была уничтожена довольно быстро, от бекона не осталось и следа. Он выпил половину бокала апельсинового сока и подарил в благодарность большую улыбку доброго славного Билли Халлека. Она попыталась изобразить ответную улыбку, но не очень-то получилось. Он представил себе дощечку, висящую на ней: «Мой улыбатор временно вышел из строя». Протянул ей руку через стол. — Хейди, все теперь в порядке. Даже если и нет, все равно — закончено.

— Да, да, я знаю. Знаю.

— А Линда?..

— Все прекратилось. Она говорит... говорит, подруги ей сочувствуют... поддерживают.

В течение недели после того, как это стряслось, его дочери пришлось туго. Из школы она приходила вся в слезах или на грани слез. Пропал аппетит, стала бледной. Халлек решил с ума не сходить и шума не затевать. Поговорил с классной руководительницей, с завучем и любимой преподавательницей Линды по физкультуре и урокам парадных маршей для девочек мисс Ниринг. В итоге удостоверился (ах, какое славное юридическое словечко!) в том, что дочку дразнили. Подшучивания и подкалывания были грубыми и не смешными, как и водится у девчонок ее возраста, к тому же весьма плоскими, учтивая обстоятельства: ну чего иного можно ожидать, если шутки про мертвого ребенка были верхом остроумия?

Он предложил Линде прогуляться с ним пешком по улице. Улица Лантерн-драйв застrosна по обеим сторонам безвкусными домами с палисадниками. Стоимость этих жилищ составляла примерно 75 тысяч долларов. Цена возрастала по мере приближе-

ния к местному клубу и достигала 200 тысяч, но это уже с плавательными бассейнами и саунами внутри каждой виллы.

Линда была в шортах, одна штанина поползла по шву... и Халлек заметил, что ноги так вытянулись, что из-под шорт виднелись нижние желтые трусики. Сердце кольнули жалость и страх. Девочка росла и, видимо, сама понимала, что шорты ей уже малы и слишком изношены. Подумал: бедная девочка надевала их, потому что чувствовала подсознательно — они служили ей мостиком в безопасное детство, в то самое детство, где папочки не предстают перед судом (не важно, сколь краток процесс перед лицом твоего старого партнера по гольфу и пьяного нахала, лапающего груди твоей жены, — Кэри Россингтона, который отобьет молотком приговор).

Ты понимаешь, Линди, что это был несчастный случай?

Она кивает, не глядя на него.

Да, папа.

Она появилась между двумя автомобилями и не глядела по сторонам. Я просто не имел возможности остановиться. Абсолютно не было времени.

Пап, я не хочу больше слушать про это.

Я знаю. И сам не хочу об этом говорить. Но ты же слышишь обо всем... в школе.

Она со страхом смотрит на него. Пап! А ты что, в школу?..

Ходил? Да, ходил. Но в половине четвертого, вчера, не раньше. Там никаких детей уже не было. Я никого не видел, никто не знает.

Она испытывает облегчение.

Я слышал, что другие дети тебе житья не дают. Мне очень жаль.

Да нет, не так уж страшно, говорит она, взяв его за руку. А ее лицо со свежей россыпью агрессивно-красочных угрей на лбу говорит совсем иное. Эти уги словно кричат ему, что мир с ней жесток. Вот какова расплата за то, что отец был арестован.

Я слышал также, что ты держишься молодцом. И не делаешь из этого большой проблемы. Потому что, если чужие заметят слабину, они тебя достанут.

Да, я знаю, мрачно отвечает она.

Мисс Ниринг сказала, что прямо гордится тобой, говорит он. Немножко привирает. Мисс Ниринг такого не говорила, но, во всяком случае, хорошо отзывалась о Линде, а это для Халлека значит многое, не меньшее, чем для его дочери. И цель достигнута. Впервые ее глаза оживляются, когда она смотрит на Халлека.

Что, она прямо так и сказала?

Так и сказала, подтверждает Халлек. Ложь дается легко и звучит убедительно. Почему бы и нет? Последнее время он и так много врал.

Она стискивает его ладонь и благодарно улыбается.

Им очень скоро все это надоест, Линди. Найдут другую кость, чтобы грызть. Какая-нибудь девочка нечаянно забеременеет, с какой-нибудь учительницей случится истерика или какой-нибудь панян попадется на торговле гашишем. Тут тебя, как говорится, и снимут с крючка. Поняла?

Внезапно она раскидывает обе руки и крепко обнимает его. Он решает, что она, в сущности, не так уж быстро растет и что не всякая ложь есть зло. Папочка мой любимый, говорит она.

И ты моя любимая девочка, Линди.

Он тоже обнимает ее, и в этот момент кто-то на всю катушку в его мозгах врезает стрепетоусилитель, и он слышит снова двойной стук: первый — когда передний бампер его «девяносто восьмого» бьет по старой цыганке с ярким алым платком на голове, второй — когда передние колеса подпрыгивают на ее теле.

Волли Хейди.

Халлек еще крепче обнимает свою дочь, ощущая на коже мурашки.

— Сделать еще яичницу? — спросила Хейди, нарушив его раздумья.

— Нет. Нет, спасибо. — Он виновато посмотрел на пустые тарелки: как бы ни шли дела, хоть из рук вон плохо, они никогда не лишали его ни сна, ни аппетита.

— Ты уверен, что?..

— О'кей! — Он улыбнулся. — Ты — о'кей, я — о'кей, Линда — о'кей. Как говорят в мыльных операх, кошмар позади, нельзя ли нам вернуться к нашей жизни?

— Прекрасная идея. — И на сей раз она смогла ответить ему вполне искренней улыбкой.

Внезапно ей стало снова меньше тридцати.

— Дожарить тебе бекон? Там еще два кусочка осталось.

— Нет, — сказал он, вспомнив, как врезались трусы на талии (талия называется! Ха-ха! Последний раз у тебя была талия где-то в 1978 году — шайба ты хоккейная!), то и дело приходится живот поджимать.

Вспомнил про весы и сказал: — А знаешь, давай-ка еще один кусочек. Три фунта сбросил как-никак.

Жена уже возилась у плиты. Несмотря на его первоначальное «нет». *Иногда она видит меня насквозь до такой степени, что это даже угнетает*, — подумал он. Хейди обернулась.

— А ты все думаешь об этом?

— Да нет же! — отрезал он. — Ну может, в конце концов, человек тихо-мирно сбросить три фунта веса? Ты же сама говоришь, что хотела бы видеть меня немножко...

худеющим

...не таким толстым. — Ну вот, опять Хейди навела его на мысли о цыгане. *Будь он неладен!* Изъеденный нос цыгана, его чешуйчатый скрюченный палец, коснувшийся щеки прежде, чем он успел отшатнуться. Так отшатываются от прикосновения паука или от шевелящегося месива жуков и червей под трухлявым бревном.

Хейди поставила перед ним бекон и поцеловала в висок.

— Извини. Ешь и теряй вес. Но помни, что там Билли Джозэл говорит на этот счет...

I like you just the way you are...

«Люблю тебя такой, как есть...» — пропели они в унисон.

Он схватил было «Джорнэл», но показалось слишком тоскливо. Поднялся из-за стола, вышел из дома, подобрал на цветочной клумбе нью-йоркскую «Таймс». Этот мальчишка-почтальон непременно швырнет газету на цветы. К тому же он так и не удосужился запомнить фамилию Билли. Что взять с двенадцатилетнего подростка?

Вернувшись с газетой, Халлек раскрыл ее на спортивных новостях и принялся за бекон. Когда Хейди поставила перед ним еще одну сдобы, облитую тающим сливочным маслом, он уже основательно углубился в таблицу результатов игр. Халлек машинально съел и сдобы, не обратив на это обстоятельство никакого внимания.

Глава вторая:

245

В городе судебный процесс по поводу строительных недоделок длился уже более трех лет, и можно было ожидать, что он протянется еще столько же, если не больше. И вдруг все неожиданно закончилось наилучшим образом. Истец во время перерыва в судебных заседаниях согласился на смехотворно низкую неустойку. Халлек не растерялся и подсунул своему клиенту на подпись бу-

магу о добрых намерениях. Клиент, хозяин фабрики красителей из Скенектади, в присутствии своего потрясенного адвоката взял и подписал все шесть копий письма, а судебный нотариус немедленно заверил подлинность подписей. Билли сидел во время всей процедуры неподвижно, скрестив пальцы на коленях, чувствуя себя так, словно выиграл в нью-йоркскую лотерею. Еще до обеденного перерыва дело было уложено и закрыто.

Билли потащил своего клиента к О'Ланни, заказал «Чивас» с водой для клиента и мартини — для себя. Потом позвонил домой Хейди.

— Мохонк, — коротко сообщил он ей, когда та подняла трубку. Так назывался курорт неподалеку от Нью-Йорка, где они давным-давно провели свой медовый месяц (подарок от родителей Хейди) и влюбились в это место и с тех пор нередко проводили там отпуск.

— Что?

— Мохонк, — повторил он. — Если не хочешь, попрошу Джуллан из конторы.

— Ну уж фигушки! Билли, а в чем дело?

— Ты хочешь поехать или нет?

— Ты что? Конечно! На этот уик-энд?

— Завтра же, если договоришься с миссис Бин, чтобы она прибыла и позаботилась о Линде. Пусть проследит, чтобы все было вымыто, оргии не устраивались и чтобы...

Его слова заглушил радостный вопль Хейди:

— Билли! Неужто?! Неужто получилось?!

— Кэнли намерен успокоиться. Кэнли уже успокоился. После почти четырнадцати лет дурацких волокит твой супруг победил для хороших ребят. Победа неоспорима. С Кэнли договорились по-хорошему, и я теперь — король!

— Ой, Билли! Блеск! — завизжала она на сей раз так громко, что в трубке засвистало, и Билли отодвинул ее в сторону.

— Как думаешь, Линда не будет возражать, если мы смоемся на пяток дней?

— Она только рада будет! Представляешь, сидеть у телика до часу ночи, болтать с Джоржией Дивер о мальчиках и лопать мой шоколад! А может, ты шутишь? Не холодновато ли будет в такое время? Твой джемпер упаковать? Возьмешь куртку или пальто? Или и то и другое?

Он предложил ей выбрать вещи по своему усмотрению и вернулся к клиенту. Клиент уже наполовину осушил большой бокал виски «Чивас» и желал рассказать польские анекдо-

ты. На радостях он выглядел так, словно его пыльным мешком по голове огрели. Халлек отпил мартини и вполуха выслушал избитые остроты о польских плотниках и польских ресторанах. Мысли его витали далеко отсюда. Дело могло бы иметь далеко идущие последствия. Конечно, рановато говорить о серьезной перемене в его карьере, но — чем черт не шутит? Очень недурно выиграть процесс с крупной фирмой. Это может означать, что...

первый удар кинул Хейди вперед, она невольно стиснула пальцы; он смутно ощущал боль в гениталиях. Удар был такой резкий, трудно вообразить, что с ними случилось бы, если бы не ремни безопасности. Кровь брызнула вверх — три капли размером с монетку оросили ветровое стекло. Хейди еще не визжала — это будет позднее, — а он не успел ничего сообразить. Понимание происшедшего пришло со вторым ударом. И он...

допил остатки мартини. На глаза навернулись слезы.

— С вами все в порядке? — забеспокоился клиент по имени Дэвид Дагенфилд.

— В порядке... Даже не представляете себе, до какой степени все в порядке. — Билли протянул руку клиенту. — Поздравляю, Дэвид. — Он больше не будет думать о несчастном случае, больше не будет вспоминать о цыгане с гниющим носом. Он стал отличным парнем, и это ощущалось в крепком рукопожатии Дагенфилда, в его немного усталой улыбке.

— Спасибо тебе, друг, — сказал Дагенфилд. — Большое спасибо. — Он вдруг перегнулся через стол и неуклюже обнял Билли Халлека. Билли тоже слегка стиснул его в объятиях. Но когда клиент опустил руки и случайно задел пальцем щеку Билли, ему вновь вспомнилось зловещее прикосновение цыгана.

Он коснулся меня, подумал Халлек, и хотя это было прикосновение клиента, друга, он невольно содрогнулся.

Возвращаясь домой, он пытался думать о Дагенфилде, потому что мысли эти были приятными, но когда проезжал по мосту Триборо, обнаружил, что думает о Джинелли.

Почти всю середину дня он провел с Дэвидом Дагенфилдом в ресторане О'Ланни. Но первое, что пришло в голову, — повести своего клиента к «Трем братьям», ресторан, которым негласно заправлял Ричард Джинелли. Кажется, годы прошли с тех пор, как Халлек посетил «Братьев» в последний раз. Учитывая репутацию Джинелли, это было неразумно. Но он прежде всего вспомнил «Трех братьев», где были прекрасные обеды и вообще можно неплохо провести время, хотя Хейди не очень жаловала это место и са-

мого Джинелли. Билли полагал, что она его боится. Он проезжал мимо Ган-Хилл-роуд, когда мысли вновь вернулись к цыгану, как приученный конь непременно возвращается в свою конюшню.

Сперва ты подумал о Джинелли. Когда ты в тот день вернулся домой и Хейди плакала, сидя на кухне, ты первым делом подумал о Джинелли. «Слушай, Рич, я сегодня убил старую женщину. Могу я заглянуть к тебе в город? Потолковать надо».

Но Хейди была рядом, и она бы его не поняла. Рука Билли, потянувшаяся к телефону, вернулась обратно. Внезапно до него дошло: он, преуспевающий юрист из Коннектикута, попав в скверную ситуацию, ничего лучшего не придумал, как обратиться к нью-йоркской шпане, к парню, имевшему привычку расстреливать конкурентов.

Джинелли — высокий мужчина, не красавец, но и не урод. У него был сильный, приятный голос, который никак не вязался с образом свирепого угоновника и убийцы. Судя по полицейским бумагам, он был связан со всеми тремя братьями. В тот день Билли хотел услышать именно его голос, после того как шеф полиции Фэйрвью Данкан Хопли отпустил его.

— ... или так и будете сидеть весь день?

— А? — Билли очнулся от своих размышлений. Обнаружил, что сидит за столиком в переполненном ресторане.

— Я говорю, платить будете или...

— А? Да, да! — Билли торопливо вытащил деньги, забрал у официанта сдачу и вместе с клиентом покинул ресторан.

Теперь, возвращаясь на машине домой из Нью-Йорка, подумал, что Дагенфилд не смог отвлечь его от навязчивых мыслей. Что же, попробуем Мохонк. Надо в конце концов отделаться от старой цыганки, от старого цыгана, хотя бы на время забыть о них.

И снова он вспомнил Джинелли.

Билли познакомился с ним через фирму, которая семь лет назад выполняла какую-то работу для Джинелли. Халлеку поручили это дело как самому младшему юристу. Ни один из старших и солидных адвокатов не пожелал связываться с Джинелли, поскольку уже тогда репутация его была весьма скверной. Билли не стал спрашивать Кирка Пенши, зачем вообще фирма согласилась иметь Джинелли в качестве клиента. Понимал, что в ответ ему предложат заниматься своими бумагами и не соваться к руководителям с вопросами по поводу их политики. Он подозревал, что у Джинелли имеется какой-нибудь скелет в шкафу, фигурантально выражаясь.

Халлек начал свою трехмесячную работу в качестве адвоката ассоциации «Трех братьев», ожидая, что будет с трудом преодолевать антипатию и страх перед своим клиентом. Но вместо этого увлекся личностью Джинелли. Тот оказался притягательной персоной, с ним было просто интересно общаться. Более того, и Джинелли отнесся к Билли с подчеркнутым уважением, которого тот не удостаивался в своей фирме целых четыре года.

Билли притормозил машину у Норуолкского турникета, чтобы оплатить выезд на магистраль. Машинально открыв «бардачок», вытащил из-под дорожной карты пачку печенья и принялся рассиянно жевать. Крошки посыпались ему на грудь.

Вся работа с Джинелли была завершена задолго до того, как главный суд Нью-Йорка выдвинул против него иск за организацию гангстерских расправ накануне войны наркобанд. Обвинение было выдвинуто Верховным судом Нью-Йорка весной 1980 года и благополучно похоронено осенью 1981-го — главным образом из-за пятидесятипроцентной смертности среди основных свидетелей обвинения. Например, один взорвался в автомобиле, где находился вместе с тремя охранявшими его полицейскими. Другой скончался, когда ему проткнули горло отломанной рукояткой зонтика. В этот момент свидетель сидел перед чистильщиком сапог.

Два решающих свидетеля, естественно, заявили, что они вовсе не уверены в том, что подслушали именно голос Ричи Джинелли, когда тот отдавал приказание убить бруклинского наркобарона по фамилии Ричовски.

Западный порт. Южный порт. Почти приехал. Халлек снова пошарил в «бардачке», нашупал пакетик арахиса, который подавали в самолете. Малость залежалый, но есть можно. Билли Халлек принялся жевать орехи, не ощущая вкуса.

Он и Джинелли все эти годы обменивались рождественскими открытками, иногда встречались, чтобы поужинать или пообедать, — обычно у «Трех братьев».

Постепенно совместные обеды прекратились. Виной тому отчасти была Хейди, которая прониклась глубокой антипатией к Джинелли, а отчасти и сам Рич.

— Ты воздержись на время от визитов сюда, — сказал он однажды Билли.

— Почему это? — невинно спросил Билли, словно только вчера вечером не грызлись с Хейди из-за этого.

— Ну, потому, что, с точки зрения общественности, я — гангстер, — ответил Джинелли. — Понимаешь, Уильям, мо-

лодых адвокатов, которые общаются с гангстерами, по службе не пропускают. В этом все дело. Я хочу, чтобы ты был чистеньkim, незамаранным и рос по службе.

— Хм... значит, в этом все дело?..

Джинелли как-то странно улыбнулся:

— Н-ну, в общем... есть и другие причины.

— Какие же?

— Уильям, я надеюсь, тебе никогда не придется узнать об этом. Но время от времени ты все же заглядывай кофейку попить. Поболтаем, похомим. Короче, не пропадай, вот что я хочу тебе сказать.

И Билли время от времени заглядывал (хотя признавал, что такие визиты становились все реже и реже), а когда оказался перед судом по обвинению в наезде и убийстве по небрежности, он прежде всего вспомнил Джинелли.

Но добрый старый бабник Кэри Россингтон обо всем позаботился, шепнул ему разум. Зачем вдруг задумался о Джинелли? Мохонк — вот о чем стоит думать. И о Дэвиде Дагенфилде, который принес удачу. И о потере нескольких фунтов веса.

Однако, подъезжая к дому, он поймал себя на том, что опять вспоминает фразу, сказанную ему Джинелли: Уильям, я надеюсь, тебе никогда не придется узнать об этом.

«Узнать — что?» — подумал Билли. А навстречу бежала Хейди, которая обняла и поцеловала его, и Билли на время забыл обо всем.

Глава третья: МОХОНК

Это была их третья ночь в Мохонке, и они как раз закончили заниматься любовью — шестой раз за три дня: головокружительная перемена после скромных двух раз в неделю. Билли лежал рядом с ней, испытывая удовольствие от аромата духов «Анаис-Анаис», смешанного с запахами ее чистого пота и секса. На какой-то миг в лениво-блаженные размышления опять вплелся образ старой цыганки за мгновение до того, как его «олдс» нанес удар. Послышался звон бутылочки «Перье», и образ пропал.

Он повернулся к жене и крепко обнял ее.

Она обхватила его одной рукой, а другой провела по его бедру.

— Ты знаешь, — сказала она, — если я кончу еще раз, то 202 потеряю часть мозга, могу вообще стать безмозглой.

— Да сказки все это! — Билли улыбнулся.

— Что мозги теряются при оргазме?

— Чушь. Чушь, что якобы теряешь мозговые клетки от секса. Если это и происходит, то они потом восстанавливаются. Это точно.

— Ну, раз ты так говоришь...

Она удобнее прижалась к нему. Рука, блуждавшая по его бедру, слегка коснулась пениса, пошевелила растительность (в прошлом году он с разочарованием обнаружил там седину) и погладила его живот.

Внезапно она приподнялась на локте, немного испугав его. Он только начал дремать.

— Послушай, а ты и в самом деле потерял в весе!

— М-м-м?..

— Билли Халлек, ты худеешь!

Он шлепнул себя ладонью по животу, который иногда называл «домом, который построил Будвейзер», и засмеялся.

— Не слишком-то. Все равно выгляжу, как единственный музик в мире на седьмом месяце беременности.

— Да, ты еще пока толстый, но не такой, как прежде. Уж я-то знаю. Когда последний раз взвешивался?

Он подумал и вспомнил: в то утро, когда договорились с Кэнли. Он тогда весил 246.

— А! Ну помнишь — я еще тебе сказал, что потерял три фунта?

— Ты утром первым делом взвесился.

— А здесь в ванной весов нет, — сказал Халлек удовлетворенно.

— Штутишь, что ли?

— Нет. Мохонк — цивилизованное место.

— Надо найти весы.

Он начал задремывать. Пробормотал:

— Ну, если хочешь...

— Хочу.

«Хорошая жена», — подумал он. Последние пять лет, когда он начал устойчиво прибавлять в весе, то и дело объявлял, что садится на диету и начинает заниматься физзарядкой. Но диеты немедленно становились самообманом: то утром сосисок перехватит помимо кефира или наспех проглотит пару гамбургеров в субботу, пока Хейди отсутствует где-нибудь на аукционе или распродаже шмоток. Пару раз даже остановился в паршивой забегаловке, где торговали горячими сандвичами с мясом. Впечатление такое, что микроволновая печь выпаривала мясо,

оставляя только кожу. Тем не менее набрал этих тощих бутербродов и съел все без остатка. Пиво свое любил по-прежнему, хотя еда оставалась главным удовольствием. Устоять перед кулинарными соблазнами он просто не мог, а уж когда следил за каким-нибудь матчем по телику, то грыз все, что под руку подворачивалось.

Утренняя зарядка длилась обычно с неделяю, потом оказывалось, что некогда, или просто пропадал интерес. В прихожей покрывался пылью набор гантелей. Каждый раз, когда спускался вниз, ему казалось, что гантели смотрят на него с обидой и укором. Поэтому старался лишний раз не смотреть в ту сторону.

Потом Билли изо всех сил втягивал живот и заявлял Хейди, что сбил вес до 236. Она в таких случаях кивала головой, говорила, что это хорошо, что она довольна и замечает разницу. Но она также замечала в мусорном ведре пустые пакеты из-под чипсов, кукурузы и прочего. С тех пор как Коннектикут принял закон о приеме стеклотары, скопления пивных бутылок в чулане стали не меньшим укором, чем покинутые ганттели.

Она видела его спящим. Хуже того, видела, как он делает пи-пи. А ведь когда справляешь малую нужду, втянуть живот никак не удается. Он попытался, но оказалось невозможно. Она знала, что фунта три он потерял, от силы — четыре. Можешь, конечно, дурачить свою жену, если ты завел любовницу, но весом ее не прорвешь. Женщина, которая по ночам время от времени ощущает этот вес на себе, четко знает, сколько ты весишь. Но она улыбалась и говорила: *Конечно, дорогой, ты выглядишь лучше*. Может, и не все было продиктовано ее добротой — он ведь тоже помалкивал насчет сигарет. Просто таким путем она поддерживала в нем чувство собственного достоинства.

— Билли?

— А? Что? — Он снова очнулся от дремы и взглянул на нее недовольно.

— А чувствуешь ты себя хорошо?

— Хорошо... нормально... Слушай, зачем эти вопросы?

— Понимаешь... иногда говорят, что неожиданная потеря веса может быть признаком чего-то.

— Ой, да я отлично себя чувствую. А ты мне не даешь заснуть. Придется доказать тебе... прыгнуть еще раз на твои кости, что ли?

— Давай.

Он застонал, а она рассмеялась. Вскоре оба заснули. Он

204 видел сон. Оба снова выходят из магазина «Купи и сэкономь».

Только теперь Билли осознавал, что видит сон, и знал, что должно будет случиться. Хотел сказать Хейди, чтобы она прекратила свои манипуляции, поскольку ему необходимо сосредоточиться на дороге: ведь скоро между двумя припаркованными автомобилями высокчит цыганка, точнее, между желтым «субару» и темно-зеленым «файрбердом». Ее седые волосы заколоты грошовой пластмассовой прищепкой, и она не будет смотреть по сторонам, а только прямо перед собой. Билли хотел сказать Хейди, что это их единственный шанс вернуть все назад, изменить, сделать правильным.

Но он не мог произнести ни слова. Наслаждение пробудилось от прикосновения ее пальцев. Сначала они легонько поигрывали, потом взялись за дело всерьез (его член твердел во сне, он слегка отвлекся от дороги при звуке застежки-молнии, которую она открывала небольшими рывками); наслаждение смешалось с ощущением страшной неизбежности. Вот уже показался впереди желтый «субару», припаркованный позади зеленого «файрбера» с белой полосой. Между ними ярко вспыхнули язычески пестрые цвета, куда более яркие, чем рекламные щиты Детройта или «тойота-вилладж». Билли попытался закричать: *Перестань, Хейди! Вот же она! Я ее снова убью, если ты не прекратишь! Умоляю. О Боже, нет! Нет! Умоляю тебя, Господи!*

Но фигура уже появилась между двух машин. Халлек попытался отпустить педаль акселератора и нажать на тормоз, но нога словно прилипла к проклятому акселератору и продолжала давить на него со всей силой. Руль заклинило, он весь скжился перед ударом, и тогда голова цыганки повернулась к нему, но перед ним была вовсе не старуха! Это был цыган с гниющим носом, у которого не было глаз. В тот момент, когда его «олдсмобиль» врезался в него, сбив с ног, Халлек успел увидеть пустые глазницы, обращенные прямо к нему. Губы старого цыгана образовали полумесяц зловещей улыбки под его кошмарным носом.

Взметнулась сморщенная рука над капотом «олдса», кованые кольца, браслеты язычников. Три капли крови на ветровом стекле. Смутное ощущение острой боли, когда пальцы Хейди впились в него в момент оргазма, ускоренного шоком.

И услышал шепот, перекрывший отчетливо все другие звуки. Он донесся снизу, сквозь ковровое покрытие дорогого автомобиля: *Худеющий*. Билли проснулся, вздрогнув. Повернулся на бок и бросил взгляд в окно. Горло перехватил спазм. Он захлебнулся криком. Серп луны улыбкой завис над Адирондаками. На один миг ему увидался старый цыган: голова слегка склонена набок, глаза —

две яркие звездочки, заглядывавшие в их комнату во тьме ночи. Их свет — мертвенно-холодный, как у светлячков или огоньков на болоте, которые ему довелось видеть в Северной Каролине. И холодная улыбка полумесяца, таившая замысел мести.

Билли судорожно перевел дух, зажмурил глаза и снова раскрыл их. Луна снова стала луной. Спустя три минуты он уснул.

Новый день выдался ясным, и Халлек сдался на уговоры супруги вскарабкаться к тропам Лабиринта. Земли Мохонка были испещрены сложной сетью туристских троп: от самых обыкновенных до очень трудных. Лабиринт считался «умеренным», и во время медового месяца они с Хейди дважды совершили восхождение. Он помнил, какое удовольствие доставляли ему эти прогулки, — карабкался по кручам, а следом за ним — Хейди, смеющаяся, требующая, чтобы он поторапливался, увалень этакий. Помнил, как протискивались через узкую расщелину. Он зловещим голосом бормотал своей молодой жене: «Ты чувствуешь, как трясется под ногами почва?» — это когда они проплывали в самую узкую часть. Было очень тесно, но она ухитрилась шлепнуть его по заднице.

Халлек признался самому себе (но никогда, никогда — Хейди), что теперь больше всего боялся этих узких щелей. Во времена медового месяца он был стройным парнем, крепким, благодаря работе на лесоповале в Западном Массачусетсе. Теперь он стал на шестнадцать лет старше и на много фунтов тяжелее. Весельчик доктор Хустон обрадовал его сообщением, что он вступил в возраст пороков сердца. Мысль об инфаркте на полпути в горы была тревожающей, хотя не слишком. Гораздо актуальнее опасность застремлять в одной из тех узких каменных глоток, через которые вились тропы к вершине. По крайней мере через четыре таких прохода придется с трудом проплывать.

Ужасно не хотелось застремлять в таком месте.

Или еще вариант: бедняга Билли Халлек застревает в расщелине и тут же получает инфаркт. Два удовольствия сразу!

В конце концов он согласился попробовать, при условии, что она одна доберется до вершины, если он вдруг окажется не в форме, чтобы продолжать восхождение. И еще одно условие: сначала они зайдут на «Нью-Плац» и купят там ему мокасины «сникерс». Хейди приняла оба условия с готовностью.

В городе Халлек обнаружил, что «сникерс» успели уступить место иной продукции и никто больше даже не помнит, что это

206 такое. Он купил пару зелено-серебристых спортивных туфель

с цепкими подошвами для восхождений в горы и с большим удовольствием примерил удобную обновку. Тут же припомнил, что не носил матерчатых туфель пять... нет, шесть лет. И вот нынче снова надел такие.

Хейди восторгалась ими и говорила, что он точно выглядит похудевшим. У выхода из обувного магазина стояли весы-автомат с рекламой **ТВОЙ ВЕС — ТВОЯ СУДЬБА**. Халлек видел такую рекламу в последний раз, когда был еще мальчишкой.

— А ну, прыгай, герой! — сказала Хейди. — Вот монетка.

Халлек почему-то не сразу встал на весы, испытывая смутное беспокойство.

— Давай скорей! Хочу посмотреть, сколько ты сбросил.

— Хейди, ты же знаешь, что эти уличные весы врут.

— Ну и пускай! Давай, Билли, смелей!

Он нехотя передал ей сумку и встал на весы. Она бросила монетку. Монетка звякнула, и на панель автоматически выдвинулись две серебристые металлические пластинки. Над той, что повыше, был указан вес, пониже — его будущее, его судьба. Халлек удивленно вздохнул.

— Я так и предполагала, — сказала Хейди, стоя возле него. В голосе недоумение и сомнение, словно не знала — радоваться, бояться или сомневаться. — Я знала, что ты похудел!

Позднее Халлек подумал, что ее невольный взгляд удивления был вызван тем фактом, что он во всей своей одежде, со швейцарским ножом в кармане, с обильным завтраком в желудке весил 232. Четырнадцать фунтов потери веса с тех пор, как уладил дело Кэнли.

Но не столь стремительная потеря веса заставила его изумиться. Предсказание будущего! Нет, там не было банальностей типа **ФИНАНСОВЫЕ ДЕЛА СКОРО УЛУЧШАТСЯ, или ВИЗИТ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ, или НЕ ПРИНИМАЙТЕ ПОСПЕШНЫХ РЕШЕНИЙ**.

Там было лишь одно слово черными буквами: **ХУДЕЮЩИЙ**.

Глава четырнадцатая:

227

По дороге в Фэйрвью оба в основном молчали. Хейди вела машину, пока до Нью-Йорка не осталось миль пятнадцать и движение стало довольно плотным. Припарковались на обочине, и она уступила ему место за рулем. Водительских прав его ник-

207

то не лишал. Верно, что старуха погибла, что труп ее был страшно изуродован, но Билли Халлек так и не получил ни единого прокола в водительских правах Коннектикута. Добрый старый бабник Кэри Россингтон об этом позаботился.

— Ты что, не слышишь, Билли?

Он бросил на нее мимолетный взгляд и вновь сосредоточился на дороге. Халлек стал теперь куда более дисциплинированным водителем: клаксоном почти не пользовался, рукой из окна автомобиля не размахивал, лучше примечал ошибки других и менее склонен был их прощать. Конечно, убийство старой цыганки уважения к себе не прибавило, да еще и ночными кошмарами замучило, но водителя из него сделали образцового.

— Ой, прости... я не рассыпал...

— Я просто сказала — «Спасибо тебе за чудесные каникулы». — Хейди улыбнулась и погладила его по руке. Для нее небольшой отпуск действительно получился отличным. Она умела выбросить из головы все негативное: старую цыганку, судебное разбирательство, цыгана с разлагающимся носом. Все это для Хейди стало неприятностями прошлого, вроде периода дружбы Билли с тем нью-йоркским головорезом.

Но пришла иная мысль, и улыбка исчезла с ее лица, когда она снова внимательно посмотрела на мужа.

— Не за что, — ответил он. — Всегда рад услужить, моя дорогая.

— Когда прибудем домой...

— Я снова прыгну на твои кости! — с наигранным энтузиазмом воскликнул он и изобразил широкую улыбку. На деле он думал, что вряд ли бы поднялся, даже если бы перед ним прошелся параллеллаксских «Каутерлз» в костюмчиках голливудского Фредерика. И дело было вовсе не в том, что в Мохонке они вдруг зачастили. Дело было в «судьбе» — **ХУДЕЮЩИЙ**. Не могло быть на весах такого предсказания — просто игра воображения. Нет, все выглядело не менее реальным, чем название газеты. Вот что было самым страшным — реальность этой надписи: **ХУДЕЮЩИЙ!** Да никакому безумцу в голову не пришло бы вставлять в набор предсказаний подобное. У «предсказателей» набор всегда был один и тот же, вроде предстоящего путешествия или встречи со старыми друзьями. Никогда не бывало и быть не могло даже такой более деликатной формы, скажем: вам предстоит немного сбавить вес.

Значит, имела место галлюцинация.

Отсюда следует, что у него крыша поехала.

Ну, ну, брось! Это уже слишком.

Да нет, не слишком. Плохая новость, когда воображение выходит из-под контроля.

— Ты, конечно, можешь прыгнуть на меня, если хочешь, — сказала Хейди, — но я желала бы, чтобы ты прыгнул на весы в ванной...

— Ладно тебе, Хейди! Ну, сбросил в весе — подумаешь, дело!

— Я даже горжусь тем, что ты возвращаешь себе форму, Билли. Но мы с тобой последние пять дней были постоянно вместе, и мне просто в голову не приходит, почему и как ты теряешь вес.

Он внимательно посмотрел на нее, но она не ответила взглядом: смотрела прямо перед собой в ветровое стекло, сложив руки на животе.

— Хейди...

— Ты ешь столько же, сколько всегда. Даже, может быть, немного больше. Горный воздух, знаешь, возбуждает аппетит.

— Не надо подслащивать пилюлю, — сказал он, притормаживая, чтобы бросить в автомат дорожную пошлину. Губы его сжались, а сердце забилось чаще. Внезапно супруга вызывала в нем раздражение. — Скажи прямо, что я прожорливый боров. Чего крутиться вокруг да около? Я не обижусь.

— Ну зачем ты так?! — воскликнула она. — Зачем ты меня обижаешь? Билли, ведь все было так чудесно.

Ему не надо было оборачиваться к ней на сей раз, чтобы понять по ее дрогнувшему голосу, что она на грани слез. Он тут же раскался, но раскаяние не убило раздражения и страха, который таился под ним.

— Я не хотел тебя обидеть, — сказал он, стиснув руль так, что костяшки на пальцах побелели. — Никогда. Но терять в весе — это же хорошо, Хейди. И не стоит меня за это бить.

— Да не всегда это хорошо! — крикнула она. Он даже вздрогнул, и машина слегка вильнула. — И ты сам прекрасно понимаешь, что это вовсе не всегда хорошо!

Теперь она плакала и рылась в сумочке в поисках салфетки. Он протянул ей свой платок, и она вытерла глаза.

— Можешь говорить все что хочешь, Билли. Можешь злиться, можешь придираться ко мне. Можешь вообще испортить все впечатление от нашего отпуска, если хочешь. Но я люблю тебя, Билли, и я должна сказать то, что нужно сказать. Когда люди начинают терять вес без всякой причины, это может означать за-

болевание. Это даже одно из семи предостережений рака. — Она сунула ему платок обратно. Когда он взял его из её рук, пальцы Хейди были холодными.

Слово было произнесено. Рак. Рифма: рак — дурак. Одному Богу известно, сколько раз это слово возникало в голове с тех пор, как он встал на весы возле обувного магазина. Так отворачиваешься от назойливых крикливых нищих... или от хватких цыганят, бегущих по улице впереди табора. Цыганята пели странные песни — вроде бы и монотонные, но в то же время завораживающе-приятные. Они умели ходить на руках, удерживая босыми ногами тамбурины. А как они жонглировали! Любой «шапито» за пояс заткнут. Крутят пластмассовые тарелки на пальцах и даже на носу, да еще смеются при этом. Похоже, что все заражены какими-то кожными заболеваниями, много косоглазых, с заячьей губой. Когда обнаруживаешь перед собой внезапно такое дикое сочетание бурной жизненной активности с уродством, ничего не остается, как отвернуться. Нищие, цыганята, рак. Такое беглое порхание мыслей испугало его.

Но все равно — лучше припечатать словом.

— Я себя просто классно чувствовал, — повторил он свою мысль уже, наверное, в шестой раз с тех пор, как Хейди ночью начала задавать вопросы о его здоровье. Да ведь так оно и есть, черт подери! — Я зарядку делал, кстати.

Тоже верно... по крайней мере последние пять дней. И по Лабиринту поднялись вместе. Хоть и одышка мучила всю дорогу, и живот пришлось поджимать в узких расщелинах, но ведь нигде не застрял. Да Хейди сама страдала от одышки даже больше, чем он, — дважды просила остановиться передохнуть. Билли дипломатично не упомянул ее частые перекуры.

— Я верю, что ты себя отлично чувствуешь, — сказала она. — Это замечательно. Но замечательно было бы еще и к врачу сходить. Ты уже более полутора лет у него не проверялся. Уверена, что доктор Хустон по тебе соскучился.

— А я думаю, он сам всего лишь мелкий наркоман.

— Мелкий — что?

— Ничего.

— Билли, говорю тебе, невозможно потерять двадцать фунтов за две недели благодаря лишь утренней зарядке.

— Я не болен.

— Ну, тогда можешь просто посмеяться над моей мнительностью.

Остаток пути до Фэйрвью ехали молча. Халлеку хотелось обнять ее, сказать — да, конечно же, он так и сделает, как она советует. Но помешала странная до абсурдности мысль. Абсурдная, но исключительно тревожная.

Друзья мои! А может быть, у современных цыган появился новый вид проклятия? Как вы смотрите на такую возможность? Прежде они превращали вас в оборотня, насыпали демона, чтобы среди ночи он вам башку оторвал, — и все в таком духе. Но времена меняются, не так ли? Что, если этот старик прикоснулся ко мне, чтобы наслать на меня рак? Она права — ни с того ни с сего так в весе не теряют. Такая потеря — предвестница чего-то очень нехорошего. Вроде шахтерской канарейки, которая внезапно помирает в клетке. Рак легких, белокровие... меланома...

Безумная идея, но из головы никак не выходила: что, если он прикоснулся ко мне и наслал на меня рак?

Линда приветствовала их поцелуями и, к обоюдному изумлению, вытащила из духовки великолепную пиццу с грибами. Обслуживала всех на бумажных тарелочках, на которых нарисовала большого любителя этого блюда, кота Гарфилда. Спросила, как прошел у них второй медовый месяц, и, прежде чем они успели раскрыть рты, чтобы рассказать ей о своем путешествии, она закричала: «Ой! Кстати, чуть не забыла!» — и в течение всего обеда пересказывала им содержание сериала ужасов. Естественно, ей самой это было куда интереснее, чем родителям, но Халлек и его супруга пытались слушать со вниманием. Еще бы — столько новостей за неделю!

Убегая, Линда звонко чмокнула Халлека в щеку:

— Пока, худоба!

Халлек понаблюдал в окно, как она оседлала велосипед и помчалась по улице с развевающимся «хвостом». Потом повернулся к Хейди с потрясенным видом.

— Короче! — сказала она. — Ты намерен меня выслушать?

— Ты ей сказала. Подговорила ее сказать мне такое. Женский заговор, так сказать?

— Ничего подобного.

Он внимательно посмотрел ей в лицо и устало кивнул:

— Ладно... верю.

Хейди решительно погнала его в ванную, где он в итоге разделся донага, повязав только полотенце вокруг поясницы. У него вдруг возникло сильное ощущение дежа-вю. Чувство того,

что все это он уже когда-то пережил и видел. Оно было до тошноты острым. Абсолютная копия того момента, когда он вот так стоял на весах с полотенцем вокруг поясницы. Не хватало только запаха яичницы с ветчиной, доносиившегося снизу. Все остальное было точным повторением.

Нет. Не точным. Одна вещь не совпадала.

Тогда он вытянул шею, наклонился, чтобы через собственное брюхо разглядеть цифры на весах. Теперь ему наклоняться было не нужно. Весы показывали 229.

— Ну что ж. Теперь все ясно, — сказала Хейди. — Я договариваюсь с доктором Хустоном.

— Да эти весы врут, — слабо возразил Халлек. — Они всегда врал. Потому я их и любил.

Она посмотрела на него холодно.

— Хватит, друг мой. Достаточно этой болтовни. Последние пять лет ты все сетовал, что весы врут в большую сторону.

В ярком свете ванной он видел, насколько искренне она встревожена. Кожа на ее скулах натянулась.

— Стой здесь, — сказала она и вышла из ванной.

— Хейди?

— Подожди там! — Она спустилась с лестницы вниз.

Вернулась со стандартной коробкой сахара, на которой было крупно отпечатано: «Вес 10 фунтов». Она поставила коробку на весы. На шкале появились цифры «012».

— Я так и думала, — мрачно сказала Хейди. — Я ведь и сама взвешиваюсь. В сторону минуса они не врут и никогда не врал. Люди с повышенным весом любят неточные весы. Легче отмечать реальные факты. Если...

— Хейди...

— Если весы показали 229, значит, на самом деле ты весишь 227.

Так что...

— Хейди...

— Позволь назначить визит к врачу.

Он помолчал, глядя на свои ноги, потом покачал головой.

— Билли!

— Я сам договорюсь о визите к врачу, — сказал он.

— Когда?

— В среду. Поговорю с ним в среду. Хустон по средам после обеда обычно отправляется в клуб и играет в гольф. Я сам с ним по-

— А почему сегодня же не позвонить? Прямо сейчас?

— Хейди, — сказал он. — Не надо. Хватит. — И что-то в выражении его лица убедило се, что давить больше не следует. В тот вечер она ни словом не затронула больную тему.

Глава пятая:

221

Воскресенье, понедельник, вторник.

Билли сознательно избегал весов наверху. Наедался от души, хотя голодным себя не чувствовал — скорее сила привычки. Пестрал прятать в кладовке пакеты с разными орешками и печеньем. Жевал крекеры с сыром, засахаренную кукурузу, чипсы и прощее, наблюдая футбольные матчи по телевизору в воскресенье. В понедельник с утра на работе ел конфеты, а после обеда бутерброды с сыром. То или другое — или оба вместе повлияли на его пищеварение. С четырех до двадцати вечера его ужасно пучило, и он то и дело портил воздух. Линда возмущенно вышла из гостиной, объяснив, что вернется только в том случае, если ей дадут противогаз. Билли виновато улыбнулся, но не сдвинулся с места. Его личный опыт подсказывал, что убегать бесполезно. Этот запах словно прилипал к тебе.

Позднее, глядя сериал «Правосудие для всех», он вместе с Хейди съел целый пакет крекеров с сыром «Сара Ли».

Во вторник, возвращаясь домой, купил возле магистрального турнайка пару чизбургеров и, управляя машиной, уничтожил бутерброды в один момент.

Когда миновал Западный порт, Билли вдруг ощутил, будто его разум отделяется от тела. Это не было ни мыслию, ни отражением реальности, но именно разделением. Вспомнил чувство физической тошноты, которое ощущал на весах в ванной по возвращении из Мохонка. Ему показалось, что он вступил в новую фазу мышления. Словно некая астральная сущность принялась изучать его вплотную, и она стала его попутчиком. Что же видел этот попутчик? Нечто скорее смешное, нежели страшное. Мужчину, которому скоро стукнет тридцать семь, в туфлях «Болли», с контактными линзами «Бош и Ломб», в тройке стоимостью шестьсот долларов. Тридцатишестилетний толстый американский самец, белый, сидящий за рулем «Олдсмобиля-98» модели 1984 года и пожирающий

огромный бутерброд, с которого капает майонез и падают ошметки салата на его темно-серую жилетку. Над таким зрелищем можно только хохотать.

Он выбросил остатки второго бутерброда в окно и с ужасом посмотрел на свои пальцы, запачканные смесью соуса и майонеза. После чего сделал единственно разумную для данной ситуации вещь — расхохотался. И тут же пообещал себе: «Хватит! Этому безобразию пора положить конец».

Вечером, когда он сидел у камина и читал «Уолл-стрит джорнэл», пришла Линда. Пожелала спокойной ночи, поцеловала, слегка отстранилась и сказала:

— Слушай, пап! А ты становишься похожим на Сильвестра Сталлоне!

— О Господи! — воскликнул он, закатив глаза, после чего оба рассмеялись.

Билли Халлек обнаружил, что процедура взвешивания начала обретать черты некоего ритуала. С какого момента это началось? Он не знал. Еще будучи молодым парнишкой, он иногда становился на весы, бросал мимолетный взгляд на шкалу и отправлялся дальше. В какой-то момент, начиная со 190 фунтов и до нынешней почти восьмушки тонны, возник этот ритуал.

Какой, к черту, ритуал? — сказал он себе. Привычка. Всего лишь привычка.

Ритуал, упрямо прозвучал шепот из глубин сознания. Он был агностиком и не переступил порога какой-либо церкви с тех пор, как ему исполнилось девятнадцать. Но ритуал распознавал сразу, когда видел его. Процедура со взвешиванием уподобилась коленопреклонению. Ты видишь, Господи, как регулярно я это делаю. Так спаси и сохрани этого белого перспективного юриста от сердечного приступа или от среднестатистического инфаркта в возрасте сорока семи. Именем холестерина и ожирения. Аминь.

Ритуал начинается в ванной. Сначала сними одеяния. Облачись в темно-зеленый плюшевый халат. Брось грязное белье в стиральную машину. Если костюм надевал пару раз и не запачкал, повесь его аккуратно в шкаф на плечики.

В ванную входи с благоговением. Это исповедальня твоего веса и, соответственно, твоей судьбы. Сними халат, повесь на крюк возле умывальника. Помочись. Если есть хоть малейшие позывы сходить по-большому, сделай непременно. Он понятия не имел, сколько могут в среднем весить его экскременты, но принцип был неизблемым: избавься от любого лишнего груза.

Хейди исподволь приметила этот ритуал и однажды не без легкого сарказма спросила, не желает ли он в подарок ко дню рождения страусиное перо. Тогда, сказала она, он сможет вставлять его себе в глотку и парочку раз блевануть перед тем, как взвешиваться. Билли предложил ей тогда не выпендриваться... а ночью подумал, что идея-то в принципе не такая уж плохая.

И вот наконец однажды утром, в среду, Халлек впервые послал весь этот ритуал к чертовой бабушке. Утром в среду Халлек стал еретиком. Он стал чернее сектантов «черной мессы», поскольку вроде этих поклонников дьявола сознательно перевернул все вверх тормашками, как они переворачивают распятие.

Сперва он оделся, положил в карманы всю мелочь, какую смог найти (плюс, разумеется, его армейский нож), надел свои самые тяжелые башмаки, сожрал мощный завтрак, игнорируя настойчивые позывы шлаков организма на волю. Два яйца, поджаренные с ветчиной, тост и прочес были залиты апельсиновым соком и чашкой кофе (три кусочка сахара).

Со всей этой смесью, бурлящей в животе, Халлек поднялся в ванную, где встал на весы и посмотрел на шкалу. Смотреть на нее было неприятно, а в этот момент — тем более.

Он взглянул внимательно.

221.

Такого быть не может! Сердце учащенно забилось в груди. Чуши собачья! Что-то свихнулось тут окончательно. Что-то...

— Прекрати, — хрипло прошептал Халлек. Он попятился от весов, как пятится от пса, готового укусить. Приложил ко рту тыльную сторону ладони и начал тереть ею губы.

— Билли? — Хейди поднималась по лестнице.

Халлек повернул голову влево и увидел собственное побелевшее лицо в зеркале, под глазами — красноватые мешки, которых раньше не было. Лесенка морщин на лбу показалась более глубокой.

Рак, подумал он вновь, и это слово смешалось с шепотом старого цыгана.

— Билли, ты наверху?

Рак. Точно он, проклятый. Вот и все. Каким-то образом он меня проклял. Старуха была его женой... или сестрой... и он наложил на меня свое проклятие. Неужели такое возможно? Неужели? Неужели уже сейчас рак пожирает меня изнутри, подобно тому как его нос?..

Тихий сдавленный стон вырвался из глотки. Лицо в зеркале было воплощением болезненного ужаса — набрякшая физиономия инвалида. В этот момент Халлек почти полностью убедился: у него — рак.

— Билли-и-и!

— Я здесь. — Его голос прозвучал ровно. Почти.

— А я тут ору, ору!

— Извини. Только не поднимайся сюда, Хейди. Не смотри на меня в таком виде, а то отправишь меня сразу в эту чертову клинику Мэйо. Ради Бога, оставайся там. Прошу тебя.

— Ты не забудешь записаться к доктору Майклу Хустону?

— Нет, — ответил он. — Я запишу.

— Спасибо, дорогой. — Хейди милосердно удалилась.

Халлек помочился, помыл руки и лицо. Когда он решил, что принял свой нормальный вид, спустился с лестницы, пытаясь беззаботно насиживать.

Никогда в жизни ему еще не было так страшно.

Глава шестая:

217

— Сколько сейчас весишь? — спросил доктор Хустон. Халлек решил говорить начистоту и прямо сообщил ему, что потерял около тридцати фунтов за три недели.

— Ого! — восхликал Хустон.

— Хейди малость волнуется. Сам знаешь — эти жены такие...

— Она права, что волнуется, — сказал Хустон.

Майкл Хустон был для Фэйрвью образцом мужчины: красавец доктор с седыми волосами и ровным загаром. Когда видишь его под тентом за столиком бара в клубе, невольно думаешь, что перед тобой молодая версия героя известного сериала — доктора Маркуса Велби. Теперь он сидел в баре у плавательного бассейна, который здесь называли корытом. На Хустоне были красные штаны для гольфа, подпоясанные широким белоснежным ремнем, туфли для гольфа — естественно, тоже белоснежные. Рубашка — фирмы «Лакост», часы — «Ролекс». Пил он «пинаколаду». Его стандартной шуткой было: «пенис-колада». У них с женой росли два невероятно красивых ребенка, жили они в большущем доме в нескольких минутах ходьбы от клуба — на улице Лантерн-драйв. Этим обстоятель-

ством Дженни Хустон любила похвастаться, когда выпивала, заявляя, что дом стоил свыше ста пятидесяти тысяч. Хустон ездил на коричневом «мерседесе» с четырьмя дверцами. Супруга — на «кадиллаке-симаррон», напоминавшем «роллс-ройс», страдающий геморроем. Их детишки посещали частную школу в Уэстпорте. Местные сплетни, которые чаще всего оказывались правдой, утверждали, что Майкл и Дженни Хустон, видимо, достигли своего модуса вивенди: он был маниакальным бабником, а она начинала принимать виски каждый день с трех часов. Типичная семья Фэйрвью, подумал Халлек и вдруг, помимо страха, ощутил усталость. Он в самом деле слишком хорошо знал эту публику.

Билли посмотрел на собственные сверкающие белые туфли и подумал: *Перед кем вынендриваешься? Все эти одеяния — ритуальные перья племени.*

— Завтра я хочу видеть тебя у себя в кабинете, — сказал Хустон.
— Да у меня еще процесс в суде...
— Плюнь на процесс. Это гораздо важнее... А пока вот что скажи: у тебя никаких кровотечений не было?
— Нет.
— Ну, буквально даже из скальпа, когда причесываешься?
— Нет.
— Какие-нибудь незаживающие ранки? Нарывы?
— Нет.
— Отлично, — сказал Хустон. — Кстати, я сегодня заработал восемьдесят четыре очка. Каково, а?
— Я думаю, еще пару лет тебе придется поиграть, прежде чем станешь мастером, — ответил Билли.

Хустон засмеялся. Подошел официант. Хустон заказал еще один «пенис-коладу», Халлек — один «Миллер»: страшно захотелось вдруг пива.

Майкл Хустон наклонился к нему. Взгляд его был серьезен, и Халлеку снова стало страшно. Словно тонкая игла начала прощупывать очертания его желудка. С тоской он подумал, что в его жизни произошла перемена и отнюдь не к лучшему. Отнюдь. Он был очень напуган. Месть цыгана.

Строгий взгляд Хустона зафиксировался на Билли, и тот услышал:

— Пять шансов из шести, что у тебя рак, Билли. Мне нет нужды даже рентген делать. Твое завещание в порядке? Хейди и Линда не пропадут? Знаешь, когда ты еще относительно молод, тебе

и в голову не приходит, что такое может с тобой произойти. Однако может. Еще как может.

Сообщив тихим бесстрастным голосом эту самую важную для Билли информацию, Хустон неожиданно спросил:

— Сколько нужно носильщиков, чтобы похоронить черномазого из Гарлема?

Билли с легкой фальшивой улыбкой покачал головой.

— Шесть, — сказал Хустон. — Четверо несут гроб, а двое ташат радиоприемник.

Хустон рассмеялся, а Халлек увидел мысленно картину: цыгана, поджидающего возле здания суда. Позади него, на участке, где стоянка была запрещена, находился старый пикап. На нем аляповато на-малевана яркая картина: единорог, стоящий на коленях и склонивший голову перед цыганкой с охапкой цветов в руках. На цыгане была зеленая жилетка с пуговицами, сделанными из серебряных монет. Глядя на Хустона, смеющегося над собственной шуткой, Билли подумал: *Оказывается, ты помнишь гораздо больше, чем тебе казалось вначале. Думал, что запомнил только нос этого мужика! Аи нет! Ты запомнил практически все.*

Дети. В кабине фургона сидели дети и смотрели на него бездонными карими глазами. Глаза их были почти черными. *Худеющий*, сказал старик, и, несмотря на шершавость пальца, его прикосновение было почти любовным.

Номера Делавэра, неожиданно вспомнил Билли. *На их машине были номерные знаки Делавэра. Возле бампера наклейка с изображением...*

На руках Халлека появилась гусиная кожа. Хотелось заорать, как однажды орала тут женщина, которой показалось, будто ее ребенок утонул в бассейне.

Билли Халлек вспомнил, как впервые увидел цыган, когда они явились в Фэйрвью.

Они припарковали машины вдоль главной улицы, и тотчас на газоны высыпали дети, затевая игры. Цыганские мамаши сбились в кучки, о чем-то болтая и наблюдая за детишками. Наряжены пестро, но вовсе не так по-деревенски, как в голливудских версиях тридцатых и сороковых годов. Женщины были в летних пестрых платьях или в брюках, а те, что помоложе, щеголяли в джинсах. Выглядели ярко, полными жизни, но в чем-то опасными.

Молодой парень выскоцил из микроавтобуса «фольксваген» и принялся жонглировать увеличенными копиями булав кегель-

бана. **КАЖДОМУ НУЖНО ВО ЧТО-НИБУДЬ ВЕРИТЬ** — было начертано на его рубашке с короткими рукавами. — **И СЕЙЧАС Я ВЕРЮ, ЧТО ВЫПЬЮ ЕЩЕ ПИВА.** Дети Фэйрвью побежали к нему, словно притянутые магнитом, с радостными криками. Парень играл бицепсами, на груди прыгал огромный крест. Мамаши Фэйрвью торопливо забирали своих детишек и уводили их прочь. Другие матери оказались менее проворными. Ребята постарше направились к цыганским детям, а те прервали свои игры и наблюдали за их приближением.

Горожане, говорили их темные глаза. Эти городские дети повсюду, куда ни сунься. Мы знаем ваши глаза и прически, знаем, как блестят на солнце скрепы-исправилки на ваших зубах. Мы не знаем, где будем завтра, но знаем, где будете вы. И как вам не надеяются одни и те же лица, одни и те же места? Наверное, потому вы так нас ненавидите.

Билли, Хейди и Линда в тот день были (за два дня до того, как Халлек убьет старую цыганку) всего лишь в четверти мили отсюда. Они расположились на пикник на полянке и ждали начала первого концерта духового оркестра в нынешнем сезоне. Большинство народа оказалось здесь по той же причине, что наверняка было известно цыганам.

Линда поднялась, отряхивая сзади свои джинсы «Ливайс», и направилась к жонглирующему цыгану.

— Линда, вернись! — резко окликнула ее Хейди. Ее пальцы ощупывали воротник свитера. Когда она бывала чем-то расстроена, это был ее обычный жест. Халлек предполагал, что она сама не знает за собой такой привычки.

— Мам, ну почему? У них там представление, кажется.

— Потому что они цыгане, — сказала Хейди. — Держись от них подальше. Они все жулики.

Линда посмотрела на мать, потом перевела взгляд на отца. Билли только пожал плечами. На лице дочери он увидел разочарование, а Хейди все теребила воротник свитера, явно чем-то недовольная.

Парень забросил свои булавы обратно в микроавтобус одну за другой. Девушка неземной красоты начала бросать ему одну за другой пять индейских дубинок. Парень принялся жонглировать ими, подбрасывая некоторые вверх из-под мышки и крича при этом: «Хой!»

Пожилой человек в спецовке фирмы «Ошкош» и в клетчатой рубашке раздавал какие-то рекламные листовки. Прекрасная женщина, бросившая молодому жонглеру дубинки, высоко

чила из фургона с мольбертом. Установила его, и Халлек подумал: *Сейчас выставит какие-нибудь пошлые морские пейзажи, возможно, еще фотографии президента Кеннеди*. Однако вместо картин она установила на подставке мишень. Кто-то из фургона кинул ей рогатку.

— Джина! — крикнул ей жонглер, подбрасывая индейские дубинки, и широко улыбнулся красавице, обнаружив отсутствие нескольких передних зубов. Линда вдруг решительно села на траву. Ее понятие мужской красоты формировалось извечными программами ТВ. Красота молодого цыгана погасла в один миг. Хейди перестала ощупывать воротник свитера.

Девушка бросила рогатку парню, а он бросил одну дубинку и, не меняя темпа, заменил ее рогаткой. Халлек тогда подумал: *невозможный трюк*. Парень сделал пару-тройку кругов, потом перебросил ей рогатку обратно и ухитрился успеть поднять дубинку, пока остальные кувыркались в воздухе. Послышались разрозненные аплодисменты. Кое-кто из местных улыбался, Билли тоже поймал себя на этом. Но остальные смотрели настороженно.

Девушка отбежала от мишени, извлекла из нагрудного кармашка шарики от подшипников и стрельнула из рогатки три раза подряд в самый центр мишени — *плоп, плоп, плоп*. Никто из цыган ничего не продавал. Это было совершенно очевидно. Не было здесь и гадающих на картах.

Тем не менее полицейский автомобиль Фэйрвью вскоре прибыл, и из него вышли двое полицейских. Один был Хопли — начальник полиции, мужчина лет сорока, грубоносый красавец. Цыганская активность несколько сбавила темп, еще некоторые мамаши воспользовались этим, чтобы увести своих завороженных детей. Дети постарше протестовали, а малыши заплакали, когда их утаскивали прочь от зрелица.

Хопли начал обсуждать с молодым жонглером факты текущей жизни (дубинки, раскрашенные в синий и красные цвета, были рассыпаны по траве). К их беседе присоединился и пожилой цыган в спецовке. Он что-то сказал, и Хопли покачал головой. Заговорил, сильно жестикулируя, жонглер. Он подошел к патрульному полицейскому, сопровождавшему Хопли. Вся эта картина была до боли знакома, и Халлек вспомнил: типичная разборка игроков на матче бейсбола.

Цыган в спецовке взял жонглера за руку и потянул его на пару шагов назад, при этом выглядел как школьный наставник, разнимающий «горячие головы». Парень сказал что-то еще, и Хопли снова покачал

головой. Тогда он начал что-то выкрикивать, но до Билли доносились только голоса.

— Мам, а что там происходит? — спросила Линда, явно заинтересованная.

— Ничего особенного, — ответила Хейди. Она вдруг начала собирать и укладывать вещи. — Вы закончили есть?

— Да, спасибо. Пап, может, ты знаешь — чего это там?

У него на языке вертелось: *Ты наблюдаешь классическую сцену, Линда. Происходит Изгнание Непрошеных*. Но глаза Хейди были строго нацелены на его лицо, губы плотно скожены — совершенно очевидно, она считала, что здесь не место для грубых шуток.

— Сам не очень понимаю, — ответил он. — Просто различие во мнениях.

«Ничего особенного» было ближе к истине: собак ни на кого не спустили, резиновыми дубинками не махали, и «воронок» с решетками на окнах не припарковывался поблизости. Театральным жестом парень высвободил руку из пальцев «наставника», быстро собрал индейские дубинки и снова принялся жонглировать ими. Но от гнева рефлексы подводили, и представление получилось на сей раз убогим. Две дубинки упали почти немедленно, причем одна стукнула его по ноге. Некоторые из детей засмеялись.

Второй полицейский нетерпеливо направился было к упрямому парню, но Хопли удержал его. Потом Хопли прислонился к дереву, сунул большие пальцы за широкий пояс и уставился куда-то в пустоту. Он сказал что-то другому полицейскому. Тот с готовностью вытащил записную книжку из кармана брюк, лизнул палец, перелистал ее и направился к ближайшей машине — дряхлому «кадиллаку-купе» начала шестидесятых годов. Что-то старательно писал, потом перешел к фургону «фольксвагена» — микроавтобусу.

Цыган подошел к Хопли и начал что-то торопливо говорить. Хопли пожал плечами и отвернулся. Патрульный полицейский перешел к старому «форду-универсалу». Цыган оставил Хопли и пошел к молодому парню. Что-то ему доказывал, размахивая руками в теплом весеннем воздухе. Билли Халлек начал терять интерес и отвел взгляд от цыгана, который совершил ошибку, остановившись в Фэйрвью по пути из ниоткуда в никуда.

Жонглер внезапно повернулся и направился к микроавтобусу,бросив остальные дубинки на траву (микроавтобус был припаркован позади пикапа с намалеванной женщиной и единорогом). Цыган наклонился и собрал их, о чем-то говоря Хопли. Хопли снова пожал плечами. Билли Халлек не был телепатом, но знал, что Хопли получает удовольствие от всей ситуации. Это так же

верно, как то, что на ужин он, Хейди и Линда будут доедать какие-нибудь остатки после пикника.

Молодая цыганка, стрелявшая из рогатки, попыталась заговорить с жонглером, но он, проходя мимо, сердито отмахнулся и влез в маленький автобус. Она постояла немного, глядя на пожилого цыгана с охапкой дубинок, и тоже полезла в микроавтобус. Халлек, уже весьма безразлично наблюдавший за всем, в этот миг не смог оторвать от нее взгляда. Волосы ее были длинными, от природы волнистыми, они черными волнами спускались по спине. Блуза со штампованным рисунком и скромная юбка могли быть приобретены на самой дешевой распродаже, но тело цыганки удивляло экзотичностью и изяществом — кошка, пантера, леопард. Когда она ступила ногой в фургон микроавтобуса, юбка на миг приподнялась, и он успел *увидеть прекрасные линии ее бедер*. В этот момент он безумно захотел ее и мысленно представил себя лежащим на ней в самый темный час ночного времени. Пробуждение былой страсти. Обернулся к Хейди. Ее губы были скаты в ниточку, даже побелели, глаза смотрели, как тусклые монеты. Его взгляда на цыганку она не заметила, но увидела приподнявшуюся юбку и то, что под ней скрывалось, и все, конечно, поняла.

Полицейский с записной книжкой подождал, пока девушка скрылась в машине, захлопнул блокнот, сунул его в карман и подошел к Хопли. Цыганские женщины созывали своих детишек к машинам. Старый цыган с охапкой дубинок снова подошел к Хопли и опять что-то сказал. Хопли решительно и бесповоротно отказал, покачав головой.

На этом все и решилось.

Подъехала еще одна патрульная машина, на крыше которой лениво поворачивался фонарь-мигалка. Цыган посмотрел на нее, потом окинул взглядом городской сад Фэйрвью с его дорогостоящими площадками для игр, эстрадой-раковиной. На деревьях кое-где еще развесались разноцветные ленты — остатки украшений на Пасху, которую отмечали в прошлое воскресенье. На деревьях уже начинали распускаться листья.

Цыган направился к своему автомобилю, который возглавлял весь караван. Когда заработал мотор, все остальные завели машины, загудели, закашляли старые двигатели: Халлек услышал стук множества изношенных клапанов. Увидел сизый дым из выхлопных труб. С ревом и попукиванием «универсал» выполз на дорогу от обочины, остальные двигались следом по направлению

— У них все огни зажжены! — воскликнула Линда. — Прямо как на похоронах!

— Тут еще два пряничка остались, — сказала Хейди. — Ешь.

— Не хочу. У меня уже полный живот. Папа, а эти люди?..

— У тебя никогда не будет бюста в тридцать восемь дюймов, если не будешь есть, — перебила ее Хейди.

— Я решила не иметь бюста в тридцать восемь дюймов, — парировала Линда, очередной раз поразив Халлека своим тоном светской ладьи. — Сейчас в моде попки.

— Линда Джоан Халлек!

— Дай-ка мне пряничек, — сказал Халлек.

Хейди бросила на него холодный взгляд.

— О... тебе хочется этого? — И бросила ему пряник-кольцо. Сама закурила сигарету «Вантаж-100». Билли в итоге съел оба пряника. Хейди выкурила полпачки к тому времени, как концерт подошел к концу. При этом довольно сухо отвергала попытки Билли ее развеселить и только по дороге домой смягчилась. Цыгане были забыты. По крайней мере до того дня.

Когда он заглянул в спальню Линды, чтобы пожелать ей спокойной ночи и чмокнуть в лоб, она спросила его:

— Пап, а куда полицейские их гонят из города?

Билли осторожно посмотрел на дочь, чувствуя одновременно и раздражение, и абсурдное удовлетворение, — вопрос все же польстил. Когда ей надо было узнать, сколько калорий в ломте немецкого шоколадного торта, она обращалась к Хейди. К Билли она шла, когда вопросы были потруднее. Порой он считал это несправедливым.

Он присел на ее постель и подумал — до чего же она еще юная. Билли был уверен, что его дочка лишена дурных наклонностей. Ее легко было обидеть, скажем, ложью. Наврать ей что-нибудь о том, что сегодня происходило у городского сада, — потом эта ложь тебе же и аукнется. Билли хорошо помнил, как отец внушал ему, что онанизм приводит к заиканию. Его отец был славным человеком во всех отношениях, но Билли никогда не простил ему эту ложь. Линда успела не раз поставить его в трудные ситуации: они прошли голубых, оральный секс, венерические заболевания и возможность того, что Бога нет. С детьми честность — утомительная штука.

Почему-то вдруг вспомнился Джинелли. Что бы Джинелли сказал своей дочке на его месте? Эту нежелательную пуб-

лику следует держать подальше от городов, миленькая. Вот так обстоит дело: держать нежеланные элементы подальше от городов.

И ведь так оно и есть — никуда не денешься.

— В общем-то да... полиция их прогоняла из города. Понимаешь, душенька, это цыгане. Бродяги.

— Мама сказала, что они — жулье.

— Ну... многие из них организуют жульнические игры, дают фальшивые предсказания людям. Когда приезжают в такой городок, как Фэйрвью, полиция просит их двигаться дальше. Иногда они изображают, что будто бы их страшно унизили, оскорбили, и возмущаются. Но на самом деле особенно и не возражают.

Банг! В голове поднялся маленький флагок: ложь №1.

— Они раздают плакатики и листовки, в которых сообщается, где они будут выступать в следующий раз. Обычно договариваются с каким-нибудь фермером, владельцем угодий за городом, платят ему и устраивают на его земле табор, через несколько дней уезжают.

— А зачем они вообще приезжают? Чем они занимаются?

— Хм... понимаешь, всегда есть люди, которым хочется, чтобы им погадали на будущее, а также азартные игры некоторых привлекают. Но, как правило, в таких играх цыгане жульничают. *А может, и быстрый экзотический секс*, подумал Халлек, вспомнив задравшуюся юбку, когда красавица влезала в маленький фургон. *Интересно, как она двигается?* Разум ответил: *Как океан, готовый разразиться штормом, — вот так.*

— И люди у них покупают наркотики?

Нынче нет нужды покупать наркотики у цыган, дорогая. Всегда можно приобрести их на школьном дворе.

— Может быть, гашиш, — сказал он. — Или опиум.

Он прибыл в эту часть Коннектикута подростком и с тех пор обитал тут, в Фэйрвью, и еще в соседнем Северном порту. Цыган не видел почти двадцать пять лет... По крайней мере с тех пор, как жил подростком в Северной Каролине. Тогда он потерял пять долларов, проиграв в «колесо фортуны», — трехмесячное сбережение на подарок матери ко дню рождения. Вообще-то им запрещалось допускать к таким играм детей младше шестнадцати, но, разумеется, если покажешь монетку или длинную зеленую бумажку, — можешь делать ставку. Некоторые вещи никогда не меняются, подумал он, особенно старая истина: когда деньги говорят, никто не уходит. Если бы его

еще вчера спросили, он пожал бы плечами и предположил, что больше бродячих цыган и таборов не существует. Но,

видимо, это племя кочевников вечно. Приходят, не имея корней, и так же уходят: людское перекати-поле — готовы заключить любую сомнительную сделку и вовремя скрыться из города с долгами в засаленных кошельках, передаваемых по наследству. Они выжили. Гитлер пытался их истребить заодно с евреями и гомосексуалистами, но они, видно, переживут еще тысячу гитлеров.

— А я думала, что наш парк открыт для всех, он — всеобщее достояние, — сказала Линда. — Нам в школе так говорили.

— В какой-то мере это так, — ответил Халлек. — «Всеобщее» означает общую собственность жителей городка. Налогоплательщиков.

Банг! Ложь №2. Налоги никакого отношения не имеют к общественным территориям в Новой Англии.

— Налогоплательщики? — сказала она с недоумением в голосе.

— Надо получить разрешение на использование общественных угодий.

Кланг! Ложь №3. Эта идея была отброшена в 1931-м, когда группа фермеров, выращивавших картофель, основала Хувервилль в самом сердце Люистона, штат Мэн. Город обратился в Верховный суд Рузвельта, но там их даже слушать не стали. И все потому, что хувервилльцы избрали парк Петтингдилл, чтобы разбить там свои палатки, а парк Петтингдилл оказался общей землей.

— Так бывает и когда приезжает цирк «Шрайн», — подкрепил он свой довод.

— А почему цыганам не дают разрешения? — Голос ее уже звучал сонно, слава Богу.

— Может быть, забыли что-то оформить...

Ни малейшего шанса, Лин. Только не во Фэйрвью. Тем более когда видишь парк со стороны Лантерн-драйв и клуба: за этот вид, за такой пейзаж ты приличные деньги заплатил, так же как и за частные школы, где обучают компьютерному программированию для банков на новеньких «Эпл» и «ТРС-80», не говоря уж о сравнительно чистом воздухе и тишине ночью. Конечно же, нет возражений против цирка «Шрайн», тем более их нет против празднества «Пасхальное яйцо». Но цыгане? Извините, вот — Бог, вот — порог, не забудьте вашу шляпу. Грязь мы с первого взгляда распознаем. Руками ее не касаемся. Зачем? Есть прислуha, которая все выметет из дома. Когда грязь появляется в городских общественных местах, у нас есть Хопли.

Но эти истины не для девочки-школьницы, подумал Халлек. Такие истины познаются жизнью. Может, узнаешь их от своих однокашниц или само придет. *Не наши они люди, девочка, и держись от них подальше.*

— Спокойной ночи, папа.

— Спокойной ночи, Лин.

Он еще раз поцеловал ее и вышел.

Дождь со штормовыми порывами ветра забарабанил по окну его кабинета. Халлек проснулся, словно не от сна, а от дремоты. *Не наши они люди, девочка*, подумал он вновь и тихо засмеялся. Звук собственного тихого смеха испугал: только чокнутые смеются в одиночестве. Это и делает их чокнутыми.

Не наши люди.

Если раньше он в это не верил, то поверил теперь.

Теперь, когда он стал «Худеющим».

Халлек наблюдал, как медсестра Хустона вытянула из него одну-две-три пробы крови из левой руки и расставила их в контейнер, как яйца в картонку. Ранее Хустон дал ему три карточки на анализ стула и попросил прислать ему результат. Халлек мрачно сунул их в карман, потом наклонился для ректо-анализа, содрогаясь от унизительной процедуры, которая хуже некуда. Жуткое ощущение чужеродного вторжения.

— Расслабься, — сказал Хустон, надевая со щелчками резиновые перчатки. — Пока не чувствуешь обе мои руки на своих плечах, можешь не беспокоиться. — Он рассмеялся.

Халлек зажмурил глаза.

Хустон увиделся с ним через два дня, поскольку, по его словам, главное — анализ крови. Халлек уселся в приторно-уютной комнате (картины с изображением парусника-клиппера, борющегося с волнами, глубокие кресла, толстый мягкий ковер серого цвета), где Хустон консультировал пациентов. Сердце Билли тяжко билось, на висках выступили капельки холодного пота. *Не стану распускаться перед мужиком, отпускающим шуточки в стиле черномазых*, сказал он себе с мрачной решимостью и уже не первый раз. *Если захочется выплятаться, выеду из города, припаркуюсь где-нибудь и сделаю это.*

— Знаешь, все выглядят прекрасно, — спокойно сказал Хустон.

Халлек заморгал. Страх успел настолько глубоко въесться в его душу, что ему показалось, будто он ослышался.

— Что?

— Все выглядит прекрасно, — повторил Хустон. — Можем еще повторить тесты, если хочешь, Билли, но я пока что не вижу в этом необходимости. Скажу более, твоя кровь выглядит даже лучше, чем в двух прежних анализах. Холестерин снизился, то же самое с триглицеридами. Еще больше потерял в весе — моя медсестра зафиксировала утром 217 фунтов. Но что я могу сказать? Ты все еще на тридцать фунтов превышаешь норму, и я не желаю тебе опять потерять из виду собственный член. — Он улыбнулся. — А вот чего я действительно желал, так это узнать твой секрет похудания.

— Нет у меня никакого секрета, — ответил Халлек. Он испытывал замешательство и огромное облегчение. Точно как пару раз в колледже, когда чудом сдал экзамены, не подготовившись к ним.

— Пока воздержимся от выводов — подождем результатов серии Хеймана-Рейхлинга.

— Чего?

— Твои говенные карточки, — сказал Хустон и расхохотался. — Может, в них что-нибудь вылезет. Но я тебе скажу, Билли, двадцать три различных анализа твоей крови — отличные. Картина убедительная.

Халлек шумно выдохнул. Шумно и судорожно.

— Я... мне так страшно было.

— Помирают молодыми те, кто такого страха не знает, — ответил Хустон. Он выдвинул ящик письменного стола и извлек пузырек с маленькой ложечкой, прикрепленной на цепочке к пробке. Ручка ложки, заметил Халлек, была в форме Статуи Свободы. — Примешь малость?

Халлек покачал головой. Он был доволен. Ему приятно сидеть тут, сложив руки на животе — на своем уменьшенном животе — и наблюдая, как самый преуспевающий семейный доктор Фейрвью втягивал кокаин сначала одной ноздрей, потом — другой. Затем он спрятал бутылочку обратно в стол, вытащил другую и коробочку маленьких тампонов. Обмакнул тампон в пузырек и протер им ноздри.

— Дистиллированная вода, — пояснил он. — Предохраняет пазухи. — Хустон подмигнул Халлеку.

И со всей этой дурью в башке он, наверное, лечил детишек от воспаления легких, подумал Халлек. В данный момент доктор Хустон не мог не вызывать его симпатии, потому что сообщил прекрасную новость. Хотелось только одного: сидеть здесь, сложив руки на уменьшенном собственном животе, и исследовать ощу-

щения нахлынувшего облегчения, испытывать их, как новый велосипед или новый автомобиль. Ему представилось, что, когда он будет покидать приемную Хустона, почувствует себя заново родившимся. Режиссер, снимающий в этот момент фильм о нем, мог бы вполне сделать музыкальным фоном «Так говорил Заратустра» Рихарда Вагнера. От этой мысли Халлек улыбнулся, а потом засмеялся.

— Поделись хохмой, — сказал Хустон. — В этом грустном мире нам нужны хохмы, Билли-бой. — Он шумно втянул ноздрями и снова смазал пазухи носа тампоном.

— Ничего особенного, — ответил Халлек. — Просто... понимаешь, я уж очень был перепуган. Представил себе, как буду вести себя, пораженный раком.

— Может, еще и придется такое представить, — сказал Хустон. — Но не в нынешнем году. Мне в принципе даже и не нужны результаты анализа по Хейману-Рейхлингу, чтобы сообщить тебе об этом. Рак имеет свое определенное внешнее обличье. По крайней мере когда он сжирает тридцать фунтов веса.

— Но я-то жрал, как и прежде. Я сказал Хайди, что больше стал заниматься физкультурой. А она мне говорит, что на утренних зарядках столько веса не сбросишь. Только жир свой уплотнишь.

— Ну, это не так. Последние исследования показали, что физические упражнения гораздо важнее диеты. Но она права в другом: для мужика-тяжеловеса вроде тебя, вернес, такого, каким ты был, это необычно. Толстые мужики, которые начинают яро заниматься физкультурой, обычно заканчивают надежным второклассным тромбозом. От него не помрешь, но особенно и не погуляешь, в гольф не поиграешь и тому подобное.

Билли подумал, что кокаин делает Хустона разговорчивым.

— Короче, ты этого не понимаешь, я этого не понимаю, — сказал он. — Но тут я уж слишком много не понимаю. Мой приятель-нейрохирург в городе пригласил меня посмотреть года три назад рентген черепа. К нему пришел студент из университета Джорджа Вашингтона с жалобами на ослепляющие головные боли. Мое му коллеге они показались типичными проявлениями мигрени, и парень выглядел предрасположенным к приступам мигрени. Но там мудрить-то было нечего. Подобные симптомы — признак мозговых опухолей, даже если у пациента отсутствуют обонятельные галлюцинации — знаешь, то дермом пахнет, то тухлятиной, то попкорном и прочим. Мой приятель сделал ему серию

рентгеновских обследований и направил в клинику для анализа спинного мозга. И ты представляешь, что они обнаружили?

Халлек покачал головой.

— Этот парень по учебе — в лучшей тройке студентов университета, но оказалось, что у него почти отсутствует мозг. В центре черепной коробки обнаружилось несколько переплетенных жгутов из ткани коры головного мозга — этакое макраме, представляешь? Мой коллега показал мне снимки. Просто поразительно! Эти жгуты управляли всем — от дыхания до оргазма. А остальная часть черепушки была занята спинномозговой жидкостью. Понять такого мы не могли: получалось, что эта жижа осуществляла его мыслительные процессы. Но так или иначе, он по-прежнему учится, по-прежнему страдает от мигрени и выглядит как человек, страдающий от мигрени. Если не помрет от сердечной болезни, где-то после сорока лет у него это может и пройти.

Хустон выдвинул ящик стола в очередной раз, повторил кокainовую процедуру, предложил Халлеку, но тот только покачал головой.

— Или вот еще, — проложил Хустон. — Лет пять назад пришла ко мне пожилая дама, жаловавшаяся на боли в деснах. Она, правда, уже умерла. Если назову тебе ее имя, сразу вспомнишь. Короче, я ее осмотрел и глазам не поверил. Последние зубы у нее выпали лет десять назад, ей уж было под девяносто. Так вот, у этой бабки прорезались новые зубы — пять штук! Неудивительно, что десны болели: третья партия зубов пошла. И это в восемьдесят восемь лет.

— Ну и что ты сделал? — спросил Халлек. Он слушал доктора вполуха, как убаюкивающее жужжание или тихую музыку в магазине поношенных вещей. Голова была занята другим. Наверняка кокаин Хустона не давал такого чувства удовлетворения, какое он теперь испытывал и смаковал. Промелькнуло образ цыгана с разлагающимся носом, но в нем сейчас не было больше той темной силы, которая вызывала хронический страх.

— Что я сделал? — переспросил Хустон. — Господи, да что я мог сделать? Прописал ей усиленный вариант мази «Нум-Зит» — чем смазывают десны младенцев, когда у них прорезываются молочные зубы. До смерти у нее еще успели вырасти дополнительные три зуба. Я и с другими случаями сталкивался — сколько угодно. Каждый врач имеет дело с такими вещами, которым порой нет объяснения. Мы ни черта толком не знаем хотя бы о метаболизме. Знаешь, что это? Химические реакции в клет-

ках, которые поддерживают нашу жизненную энергию, обмен веществ. Есть, к примеру, такие люди, как Данкан Хопли, — знаешь его?

Халлек кивнул. Шеф полиции Фэйрвью, гонитель цыган, этакий вариант местного Клинта Иствуда.

— Он жрет так, словно каждая еда — последняя в его жизни, — сказал Хустон. — Святой Моисей, я в жизни не видывал такого обжора! Но вес у него сохраняется постоянно на ста семидесяти. Поскольку рост у него шесть футов, то вес его как раз в норме. У него метаболизм буквально кипит. Он сжигает калории вдвое быстрее, чем, скажем, Ярд Стивенс.

Халлек кивнул. Ярд Стивенс был хозяином единственной в Фэйрвью парикмахерской под названием «Выше головы!». А весил не менее трехсот фунтов. Иной раз думаешь: не иначе ему жена шнурки на ботинках завязывает.

— Ярд примерно такого же роста, что и Данкан Хопли, — продолжал Хустон. — Но когда я видел его за обедом, он сдва прикасался к еде, ел как птичка. Может, правда, он тайком в сортире наверстывает. Но не думаю. У него и рожа-то вечно какая-то голодная. Сам знаешь.

Билли слегка улыбнулся и кивнул. Он знал. Ярд Стивенс выглядел, как говорила его матушка, так, словно ему от еды никакого толку не было.

— Скажу тебе больше, хотя эти разговоры, я думаю, — между нами: и тот, и другой курят. Ярд Стивенс утверждает, что выкуривает пачку «Мальборо» в день. Данкан говорит, что выкуривает две пачки «Кэмела» в день, а это значит — три, а то и три с половиной. Ты когда-нибудь видел Данкена без сигареты во рту или в руках?

Билли подумал немного и покачал головой. Тем временем Хустон обслужил себя очередной мощной понюшкой.

— Все! Хватит! — сказал он и решительно задвинул ящик стола. — В общем, Ярд выкуривает полторы пачки легких сигарет, а Данкан — три пачки или больше крепких сигарет. Но из них двоих Ярд Стивенс нарывается на рак активнее, чем другой. Почему? Из-за проблемы метаболизма, а темпы метаболизма каким-то образом связаны с раком. Есть врачи, которые заявляют, что мы найдем средство лечения рака, когда разгадаем генетический код. Ну, может быть, какие-то разновидности рака. Но никогда мы до конца не раскроем тайну рака, пока полностью не поймем природу метаболизма. Что и возвращает нас к Билли Халлеку — невероятно

худеющему человеку. Или лучше так: сокращающему массу. Не увеличивающему массу, а именно — сокращающему. — Хустон по-дуряцки расхохотался над собственным суррогатом юмора. Билли подумал: *Если кокаин вытворяет с тобой такое, лучше уж принимать пряники-колечки.*

— Ты не знаешь, отчего я теряю в весе?

— Нет. — Хустон был явно доволен этим фактом. — Но я полагаю, что ты внушил себе похудеть. Так делают, ты знаешь. Примеров самовнушения полно. Приходит иной деятель, который хочет сбросить вес. Обычно у таких из-за страха перед ожирением сердце дает сбои, обмороки случаются во время игры в теннис или бадминтон. Я им прописываю хорошую успокаивающую диету, которая в течение пары месяцев позволяет еженедельно сбрасывать от двух до пяти фунтов. Таким манером можно сбросить от шестнадцати до сорока фунтов без всяких проблем и неудобств. Все хорошо. Только большинство людей теряют в весе гораздо больше. Они соблюдают диету, но теряют в весе больше, чем ею предусмотрено. Тут словно некий часовой в мозгу пробуждается, который годами спал, а теперь начинает орать: «Пожар!» Метаболизм ускоряется, потому что часовой приказал ему устраниТЬ лишние фунты, покуда весь дом не рухнул.

— О'кей, — сказал Халлек. Ему хотелось верить Хустону. На работе он взял отгул, и теперь им овладело желание отправиться домой и сообщить Хейди, что с ним все в порядке, подняться с ней наверх и заниматься любовью при солнечном свете в их спальне. — Верю!

— Если будешь по-прежнему терять вес, проведем полный курс обследования на ускорение метаболизма, — сказал Хустон. — Я, конечно, тут развивал мысль о том, что мы мало что смыслим в метаболизме, но иногда подобное обследование дает очень много. Я, правда, думаю, что до этого дело не дойдет. Мне кажется, темп похудания замедлится: на этой неделе — фунтов пять, на следующей — три, потом — один. А там — встанешь на весы и обнаружишь, что снова набрал.

— Спасибо тебе. У меня, знаешь, гора с плеч. — Халлек крепко пожал руку врачу.

Хустон улыбнулся заговорщически, хотя, по сути дела, ничего не понял из того, что происходит с Халлеком. Главное — не рак.

— Для того мы и тут, Билли-бой.

Билли-бой направился домой, к супруге.

— Он так и сказал, что все в порядке?

Халлек кивнул.

Она крепко обняла его. Он ощутил соблазнительную упругость ее грудей.

— Пошли наверх?

Она посмотрела на него смеющимися глазами

— Значит, ты — о'кей?

— Именно.

Они поднялись наверх. Секс был восхитительным.

Потом Халлек заснул и увидел сон.

Глава седьмая: ПТИЧИЙ СОН

Цыган превратился в громадную птицу — стервятника с гниющим клювом. Он парил над Фэйрвью, сбрасывая с себя пепел вроде каминной сажи.

«Худеющий», — скрипуче прокаркал цыган-стервятник, пролетая над парком, над клубом, над «Уолденбакс», что на углу улиц Мэн и Девон, над «Эста-Эста» — неплохим итальянским рестораном Фэйрвью, над почтой, над заправочной станцией «Амоко», над современной стеклянной коробкой публичной библиотеки и, наконец, над солончаками к заливу.

Худеющий — всего одно слово, но оно несло в себе проклятие, и Халлек воочию в этом убеждался. Все в этом очаровательном городке Новой Англии, расположенном в самом сердце края Джона Чивера, все его преуспевающие, вежливые жители — все умирали от голода.

Он торопливо, быстрее и быстрее, шагал по главной улице, будучи при этом невидимым — во сне все возможно, и с ужасом наблюдал последствия цыганского проклятия. Фэйрвью словно превратился в прибежище спасенных из концлагеря. Дети с большими головами и скелетообразными тельцами орали на богатых лужайках своих домов. Из кафе-мороженого «Вишня сверху», спотыкаясь и шатаясь, вышли две женщины в роскошных платьях. Их лица — черепа, обтянутые кожей, провалившиеся глаза, выпирающие скулы, шеи торчали из ямы между костлявыми плечами.

Появился Майкл Хустон, он кое-как передвигался, напоминая огуречное пугало на тонких ногах с крупными суставами, на его почти бесплотном остове свободно болтался костюм. В костлявых пальцах он держал сосуд с коканином. «Попробуй! — завизжал он Халлеку голосом крысы, угодившей в капкан, — предсмертный крик животного. — Попробуй! Он ускорит твой метаболизм, Билли-бой! Попробуй! Попро...»

С растущим ужасом Халлек понял, что рука, протягивающая ему сосуд, вовсе не рука как таковая, а кости. Человек был ходящим и говорящим скелетом.

Он повернулся, чтобы бежать, но, как это бывает в кошмарах, не мог сдвинуться с места. Хотя Билли находился на тротуаре главной улицы, ему казалось, что он пытается бежать в глубокой и густой липкой грязи. В любой момент скелет — Майкл Хустон — настигнет его и... и коснется его плеча. А может быть, костяшки пальцев вцепятся ему в глотку.

«Попробуй! Попробуй! Попробуй!» — визжал крысиный пронзительный голос Хустона. Визг этот приближался. Халлек знал, что, если обернется, это видение будет совсем рядом, вплотную к нему, глазные яблоки будут устремлены кошмарным взглядом из пустых глазниц на него, голые челюсти будут щелкать и раскрываться.

Он увидел Ярда Стивенса, выходящего из салона «Выше голову!», его халат разевался вокруг несуществующего более живота. Ярд каркал, как ворона, а когда обернулся к Халлеку, оказалось, что это вовсе и не Ярд, а Рональд Рейган. «Где мое остальное? — заорал он. — Где мое остальное?! ГДЕ МОЕ ОСТАЛЬНОЕ?!!!»

«Худеющий», — шептал теперь Майкл Хустон в самое ухо Халлека, и теперь случилось то, чего он так опасался: костлявые пальцы скелета коснулись его, вцепились в рукав, и Халлеку показалось, что он сходит с ума от этого прикосновения. «Худеющий, совсем исхудал... Это была его жена, Билли-бой, его жена... А тебе — кранты. Совсем дело дрянь...»

Глава восьмая: БРЮКИ БИЛЛИ

Билли проснулся, сильно вздрогнув, тяжело дыша. Приложил ладонь ко рту. Хейди мирно спала рядом с ним, плотно укрыввшись покрывалом. Весенний ветер шумел за окном в кронах молодой листвы.

Халлек бросил испуганный взгляд на спальню, чтобы убедиться, что Майкл Хустон или его версия в виде скелета не присутствует в комнате. Нет, это была его обычная спальня, где ему знаком каждый уголок. Кошмар начал размываться в памяти... и все же какая-то его остаточная часть заставила Билли придвигнуться ближе к Хейди. Прикасаться к ней он не стал — она спала всегда очень чутко, — зато оказался в зоне ее тепла и стянул на себя небольшую часть ее покрывала.

Всего лишь сон.

Худеющий, упрямо повторил в сознании голос.

Потом он снова уснул.

Утром после кошмарного сна весы в ванной показали 215, и Халлек ощущал надежду. Только два фунта. Кокаин или нет, но Хустон оказался прав: процесс начал замедляться. Посвистывая, он спустился вниз и съел яичницу из трех яиц и полдюжины сосисок из гирлянды.

По пути к станции электрички он смутно припомнил ночной кошмар. Но скорее это было не воспоминанием, а странным чувством, дежа-вю. Проезжая мимо «Выше голову!», салона, зажатого между «Отличным мясом» Фрэнка и магазином «Игрушки-радость», выглянул в окно машины и в какой-то миг ожидал увидеть несколько шатающихся, спотыкающихся скелетов, словно каким-то образом благополучный Фэйрвью превратился в Биафру. Но люди на улице выглядели прекрасно, просто превосходно. Ярд Стивенс во плоти помахал ему рукой, и Халлек жестом ответил на приветствие. Помнил: *Твой метаболизм предупреждает тебя — бросай курить, Ярд.* Мысль вызвала легкую улыбку. К тому времени как электричка прибыла на Большую Центральную, последние фрагменты страшного сна были забыты.

Успокоившись насчет потери веса, Халлек в следующие четыре дня на весы не становился вовсе и даже особенно их не вспоминал. И вдруг он чуть не угодил в постыдную ситуацию во время очередного судебного разбирательства перед лицом судьи Хилмера Бойтона, у которого юмора было не больше, чем у сухопутной черепахи. Ситуация получилась дурацкая — такие видишь в плохих снах в старшем школьном возрасте.

Халлек поднялся, чтобы заявить протест, и вдруг его брюки поползли вниз.

Собственно, он даже не встал, а только начал подниматься, когда обнаружил, что штаны стали соскальзывать с бедер, ягодиц прямо к коленям. Он торопливо сел на место. А наступил как раз тот момент, когда его протест был бы весьма объективен, и тот факт, что он вдруг сел на место, вызвал некоторое недоумение. Щеки его залила краска стыда.

— Это ваше возражение, мистер Халлек, или газовая атака?

Правда, только немногие из присутствующих слегка засмеялись.

— Ничего, ваша честь, — пробормотал Халлек. — Я... я передумал.

Бойтон хмыкнул. Процесс продолжался, а Халлека прошиб пот: он не представлял, как ему теперь подняться.

Десять минут спустя судья объявил перерыв. Халлек остался сидеть на своем месте, делая вид, что изучает бумаги. Когда комната почти опустела, он поднялся, держа руки в карманах брюк, надеясь, что выглядит достаточно естественно. Разумеется, он просто-напросто поддерживал штаны от сползания вниз.

Запершись в туалете, Билли снял пиджак, повесил его на крюк и осмотрел брюки. Потом снял пояс, и штаны с застегнутой молнией сползли к ступням, только звякнула мелочь в кармане. Он присел на унитаз, поднял перед собой ремень и осмотрел его, как древний свиток. Линда подарила его два года назад в День отца, теперь он рассматривал его, ощущая, как учащенно от страха забилось сердце.

Дочь купила ему ремень, который оказался немного маловат. Халлек вспомнил, как подумал о простительном оптимизме Линды. Во всяком случае, он застегивал его на вторую дырочку, и это было в самый раз. Только потом, когда бросил курить, стало трудновато его застегивать, даже используя первую дырочку.

После того, как бросил курить... но до того, как сбил цыганку.

Теперь в ремне использовались другие дырки — за четвертой — пятая и, наконец, шестая.

С растущим страхом Халлек осматривал ремень, который куда более лаконично и правдиво все рассказал, чем это сделал доктор Майкл Хустон. Потеря веса продолжалась, возрос темп, а вовсе не затормозился. Вот и дошел до последней дырки в ремне фирмы «Ник», который всего пару месяцев назад решил тихо-мирно спрятать и купить другой — подлиннее. Теперь нужна была седьмая дырка, а ее не было.

Посмотрел на часы: пора было возвращаться в зал. Но кое-что стало куда важнее, нежели проблема судьи Бойтона — оспаривать или нет какое-то завещание.

Халлек прислушался. В мужском туалете больше никого не было. Приподняв штаны и придерживая их, он вышел из кабинки. Остановившись перед зеркалом, он позволил им вновь свалиться. Задрал рубашку, чтобы лучше осмотреть живот.

Невольно ахнул, и тут же горло сдавил спазм — только и всего, но вполне достаточно. Брюхо исчезло. Был нормальный живот. Штаны лежали на полу, рубашка задрана из-под расстегнутого жилета — поза комичная, но факты были налицо. Реальные факты, как обычно, можно истолковывать и обсуждать — в юридических делах к этому быстро привыкаешь, — но сравнение, которое пришло в голову, было неопровергимым. Он выглядел, как юнец, напяливший на себя одежду отца. Халлек стоял перед зеркалом напротив ряда умывальных раковин и истерично думал: *Маскарад! Детская игра. Осталось только усики себе подрисовать.*

В глотке рождался хохот от зрелища упавших порток, из которых торчали его волосатые ноги в черных нейлоновых носках. В этот момент он внезапно и просто поверил... во все. Цыган проклял его, и никакое это не раковое заболевание. Рак был бы куда милосерднее и быстрее. Здесь нечто иное, и познание этого только начиналось.

Голос кондуктора закричал в его голове: *Следующая станция Пропажа аппетита на первой почве! «Анорексия невроза»! Приготовьтесь к выходу заранее!*

Хохот, похожий на вопль, или вопль, похожий на хохот, рвался наружу. Да какая разница?

Кому сказать такое? Хейди? Она сочтет меня сумасшедшим.

Но Халлек никогда еще не чувствовал себя в более здравом рас- судке, чем теперь.

Хлопнула наружная дверь туалета.

Халлек спрятался в ближайшей кабине и испуганно закрылся на задвижку.

— Билли? — Голос Джона Паркера, его ассистента.

— Я здесь.

— Бойтон сейчас выйдет. С тобой все в порядке?

— Нормально, — ответил он. Глаза его были закрыты.

— У тебя что — запор? С желудком не того?

— Да, что-то прихватило малость.

— Мне надо срочно пакет отправить. Скоро вернусь.

Паркер вышел. Халлек снова уставился на ремень. Он не мог идти на судебное заседание к Бойтону, поддерживая штаны руками через карманы пиджака. Что же делать?

Вспомнил вдруг про свой швейцарский солдатский нож — добрая старая армейская штука, которую он всегда выкладывал из кармана, становясь на весы в одежде. Так было вдалеке добрые деньки до того, как цыгане прибыли в Фэйрвью.

И какого хрена вы пронеслись? Ну почему не отправились в Уэстпорт или в Стрэтфорд?

Он раскрыл нож и торопливо провертел седьмую дырку в ремне. Дыра получилась рваной и уродливой, но временно годилась. Халлек подтянул штаны, продел и застегнул ремень, привел себя в порядок, надел пиджак и покинул туалет. Впервые обратил внимание на то, как развеиваются штанины вокруг его ног — его тонких ног. *А другие не замечали этого?* — подумал он с новой волной стыда. *Видели, как скверно на мне сидят шмотки? Или делали вид, что не замечают? Обсуждали...*

Плеснул на лицо воды из крана и вышел из туалета.

Когда он входил в зал заседаний суда, Бойтон как раз появился в шелестящей черной тоге судьи. Сердито посмотрел на Билли, который сделал руками извиняющийся жест. Лицо Бойтона осталось непроницаемым: извинения не приняты. И снова пошло нудное заседание. Кое-как Билли закруглил этот рабочий день.

Он стоял на весах в ту ночь, дождавшись, когда заснут Хейди и Линда. Смотрел на шкалу, не веря глазам своим. Долго смотрел:

195.

Глава девятая:

188

На следующий день Халлек поехал и купил себе одежду. Выбирал лихорадочно, словно новые одеяния, которые будут ему впору, все решат. Купил и новый пояс «Ник», покороче. Он обратил внимание на то, что знакомые перестали поздравлять его с потерей веса. С какого момента это началось?

Надел обновки, отправился на работу, вернулся домой. Слишком много выпил, съел дополнительную порцию за ужи-

237

ном, хотя и не испытывал большого желания. Еда тяжелым грузом легла в желудок. Миновала неделя, и новые одежды перестали выглядеть элегантно — они стали болтаться как на вешалке.

Он подошел к ванной. Сердце тяжело билось в груди, даже в глазах отдавалось. Болела голова. Потом он обнаружит, что до крови прикусил нижнюю губу. Образ весов в мыслях вызывал детский страх: они стали гоблином, домовым в его жизни. Минуты три стоял он возле них, кусая нижнюю губу, не замечая боли и солоноватого вкуса крови. Был вечер. Внизу Линда смотрела по телевидению *«Компанию Трех»*, Хейди на «Коммодоре» в кабинете Халлека проверяла домашние расходы за неделю.

Собравшись с духом, словно перед прыжком в холодную воду, он ступил на весы.

188.

Спазм схватил живот изнутри, показалось, что рвоты не избежать. Он мрачно сделал усилие, чтобы удержать свой ужин на месте, питание было ему необходимо — горячие здоровые калории.

Тошнота прошла. Снова посмотрел на шкалу внизу, тупо вспомнив слова Хейди: *«Они врут не в сторону плюса, а в сторону минуса.* Вспомнил слова Майкла Хустона, который сказал, что при 217 он все равно на 30 фунтов тяжелее нормы. *Но не теперь, Майкл,* подумалось устало. *Теперь я... я — Худеющий.*

Он сошел с весов, неожиданно ощущив некоторое облегчение. Наверное, такое облегчение испытывает приговоренный к высшей мере, когда без двух минут двенадцать являются надзиратель и священник и звонка от губернатора ждать бессмысленно. Оставались еще какие-то мелкие формальности, но конец наступил. И все это было реальностью. Если обсуждать такое с окружающими, они подумают, что он либо шутит, либо спятил, — в цыганские проклятия теперь никто не верил. А может быть, и никогда не верили: они были деклассированы в мире, который наблюдал, как сотни морских пехотинцев вернулись домой из Ливана в гробах; в мире, который следил за тем, как заключенные из Ирландской Освободительной Армии довели себя голодовкой до смерти. Мир был свидетелем и других подобных чудес, которые оказались вполне реальны. Он убил жену старого цыгана с разлагающимся носом, а его партнер по гольфу, любитель попасть чужих жен, судья Кэри Россингтон взял да и отпустил его, только по плечу похлопал. И тогда старый цыган решил

238 свершить собственное правосудие над жирным юристом из

Фэйрвью, которого впервые жена решила обслужить рукоблудием в процессе управления автомашиной. Правосудие, которое было бы по вкусу человеческому вроде его прежнего приятеля Джинелли.

Халлек выключил в ванной свет и вышел, думая о приговоренных, направляющихся к месту казни. *Глаза не надо завязывать, отец... у кого-нибудь есть сигаретка?* Он слабо улыбнулся.

Хейди сидела за его письменным столом: слева — квитанции и счета, перед ней мерцающий зеленый экран, чековая книжка — на клавиатуре, словно музыкальные ноты. Обычная картина, повторяющаяся в первую неделю каждого месяца. Однако она не выписывала чеков, и пальцы ее не бегали по клавишам: просто сидела с сигаретой в руке. Когда обернулась к нему, Билли увидел в ее глазах столько грусти, что у него сердце сжалось.

Вновь вспомнил об избирательном восприятии, забавном свойстве разума не замечать того, чего не хочется видеть... вроде того, как затягивал пояс на нескоразмерных брюках вокруг уменьшающейся талии или не замечал темных кругов под глазами супруги, этого отчаянного вопроса в ее глазах.

— Да, я продолжаю терять вес, — сказал он.

— О, Билли... — Она судорожно вздохнула. Однако выглядела теперь даже получше, и Халлек предположил, что Хейди просто довольна тем, что разговор пошел в открытую. До того они не осмеливались затевать разговор на эту тему. Точно так же в его kontоре никто не осмелился говорить: *Твои шмотки начинают паходить на продукцию Омара, Делателя Шатров, Билли-бой... У тебя ничего там нерастет злокачественного? Рачком тебя никто не наградил случайно, Билли? А может, внутри у тебярастет этакая черная фиговина, что все твои соки пожирает подчистую?* О нет, подобной гадости никто никогда не скажет — предпочут, чтобы сам все обнаружил. Однажды на суде начинаешь терять штаны, когда встаешь и в лучших традициях Перри Мейсона говоришь: «Я протестую, ваша честь!» — и никто ничего тебе не скажет, сделают вид, что не заметили.

— Да, — сказал он и деланно хохотнул.

— Сколько?

— Весы в ванной показывают сто восемьдесят восемь.

— О Господи!

Он кивнул в сторону ее сигареты.

— Можно я тоже одну выкурою?

— Да, если хочешь, Билли. Ты об этом не говори ничего

Линде. Ни слова.

— А в этом и нужды нет, — сказал он, закуривая. От первой затяжки голова слегка пошла кругом. Нормально. Даже приятно. Лучше, чем тупой страх, сопровождавший окончание «избирательного восприятия». — Она и так знает, что я теряю в все непрерывно. По ее глазам увидел. Просто до сегодняшнего вечера я толком сам не знал, что вижу.

— Надо опять к Хустону обратиться, — сказала она. На лице — выражение сильного испуга, крайней тревоги, в глазах больше не было сомнения и печали. — Метаболическая серия...

— А знаешь, что, Хейди, — начал он и остановился.

— Что? — спросила она. — Что, Билли?

Чуть было не сорвалось с языка. Чуть было не выложил ей все. Что-то остановило его, и впоследствии он так и не смог понять — что же именно... разве что на какой-то миг, сидя сбоку у своего письменного стола, в то время как их дочь в другой комнате смотрела телевизор, он ощутил лютую ненависть к Хейди.

Вспоминание о том, что происходило за минуту до того, как старуха вышла в поток автомобильного движения, ярко вспыхнуло в сознании. Хейди сидела рядом вплотную к нему, левой рукой обняла его за плечи, а правой — прежде чем он сообразил, что происходит, — расстегнула ему молнию на брюках. Почувствовал, как ее опытные пальцы легко просунулись внутрь через трусы.

Подростком Билли Халлек иногда злоупотреблял (со вспотевшими ладонями и остановившимся взглядом) тем, что его друзья называли «дрочильные книжки». В этих «дрочильных книжках» попадались как раз такие картинки — «классная баба» держит в руках член мужика. В общем-то ерунда — «мокрые сны». Да только вот в тот момент Хейди ухватила его член. И начала дрочить, черт бы ее под饶л. Тогда он бросил на нее удивленный взгляд, а она ответила этакой шаловливой улыбкой.

— Хейди, ты что...

— Ш-ш-ш... Не говори ни слова.

Что на нее нашло? Никогда прежде таких вещей не делала, и Халлек готов был поклясться, что подобное ей и в голову никогда не приходило. Но тут вдруг затяяла, а старая цыганка выскоцила перед носом.

О! Да скажи ты правду! Уж коли наступает прозрение, не лучше ли быть откровенным во всем с самим собой? Не ври себе — для вранья времени не остается. Только факты!

Ну хорошо. Пусть будут только факты. Неожиданная выхodka Хейди потрясающе возбудила его, возможно, имен-

но потому, что была столь неожиданной. Он потянулся к ней правой рукой, а она задрала спереди юбку, обнаружив самые заурядные желтые нейлоновые трусики. Они его никогда не возбуждали прежде, а теперь... еще как! Или сам ее жест, когда задирала юбку? Кстати, и этого она прежде не делала так. Факт состоял также в том, что процентов восемьдесят пять его внимания было отвлечено от управления автомобилем, хотя такая ситуация в девяти из десятка параллельных миров разрешилась бы благополучно. В течение рабочей недели улицы Фэйрвью бывали не просто спокойными, а сонными. Впрочем, что об этом толковать? Он не был в девяти из десяти параллельных миров, а находился именно в этом, единственном. *Факт* состоял в том, что старая цыганка не выскоцила между «субару» и «файрбердом»: она вышла между двумя машинами, держа авоську с покупками в старческой узловатой руке. Такие сетчатые сумки обычно берут с собой англичанки, когда совершают прогулку по центру городка с его магазинами. Халлек запомнил, что в авоське у старухи была коробка стирального порошка «Дуз». Верно, что по сторонам она не глядела, но *факт* состоял в том, что он оказался на грани взрывного оргазма. Все его сознание, за исключением крохотной его доли, было переключено на область ниже пояса, где руки Хейди двигались взад и вперед неторопливыми сладостными движениями, то сжимая, то ослабляя хватку пальцев. Его реакция была безнадежно замедленна, все оказалось безнадежно поздно, а рука Хейди придушила оргазм, когда его затрясло от наслаждения в течение каких-то секунд, которые стали неизбежными и в итоге страшными.

Таковы были факты. Но — минуточку, друзья и соседи! Ведь были и еще два факта, не так ли? Первый: если бы Хейди не выбрала именно тот день для своего эротического эксперимента, Халлек без труда овладел бы ситуацией в качестве водителя автотранспортного средства. «Олдс» остановился бы по меньшей мере футах в пяти от цыганки, остановился бы — пусть с визгом тормозов, из-за которого вздрогнули бы все матери, катившие коляски с младенцами вдоль тротуаров. Возможно, он заорал бы из окна: «Смотри, куда идешь!» — а старуха посмотрела бы на него со страхом и отсутствием какого-либо понимания. Он и Хейди проследили бы, как она торопливо ковыляет через улицу, и сердца их тоже забились бы от испуга. Может быть, Хейди разозлилась бы оттого, что все покупки на заднем сиденье перевернулись вместе с сумкой и рассыпались по полу.

Но все было бы в порядке. Не было бы слушания в суде и старого цыгана с гнилым носом, поджидающего снаружи, чтобы погладить пальцем по щеке и произнести одно кошмарное

слово проклятия. То был первый, побочный, вспомогательный факт. Второй следовал из первого: он заключался в том, что причиной всему происшедшему была Хейди — ее ошибка с начала до конца. Он не просил ее сделать то, чем она занялась, не говорил ей: «Послушай! Почему бы тебе не сдрочить мне, пока катим домой, Хейди? Три мили — время есть». Нет. Она сама занялась этим... и, как ни странно, время было мистически точно подгадано.

Да, ее ошибка, но старый цыган об этом не знал, а Халлек получил проклятие и общую потерю веса в шестьдесят один фунт. И вот теперь она сидит перед ним с темными кругами под глазами, с поблекшей кожей на лице, но ни то, ни другое не убьет ее. О нет! Ее старый цыган не коснулся.

Вот так и проскочил мимо тот момент, когда он мог бы сказать ей просто: *Ты знаешь, я верю в то, что теряю вес из-за проклятия*. Вместо этого некая примитивная катапульта запустила в его сознание грубую вспышку ненависти, эмоциональный булыжник в ее сторону.

— Слушай... — сказал он.

— Что, Билли?

— Пожалуй, верно — схожу опять к Майклу Хустону, — ответил он совсем не то, что собирался высказать. — Ты, пожалуй, позвони ему, скажи, что я приду для метаболической серии анализов. Какого хрена в конце-то концов, как говаривал Альберт Эйнштейн?

— Билли, мой дорогой! — Она протянула обе руки к нему, и он нырнул в ее объятия. Поскольку они принесли ему утешение, он устыдился мимолетной вспышки ненависти, посетившей его мгновение назад... Но в последующие дни, когда Фэйрвью вступил как следует в расцвет весны, готовясь к лету, ненависть стала посещать его чаще, невзирая на все его попытки как-то выбросить ее из головы, хотя бы приостановить, удержать.

Глава десятая:

179

Он записался на серию метаболических анализов через Хустона, который разговаривал менее оптимистично, узнав, что неуклонная потеря веса Халлека продолжается и что он сбросил с про-
242 шлого месяца еще двадцать девять фунтов.

— Какое-то вполне нормальное объяснение этому есть, — сказал Хустон, перезвонив спустя три часа Халлеку. Он сообщил ему о дате и времени приема в клинике. Халлеку его фраза сказала о том, что «вполне нормальное объяснение» стало темной лошадкой.

— Ага, — тихо отозвался Халлек, глядя вниз, туда, где прежде был его живот. Никогда бы не поверил, что такое выдающееся брюхо может полностью исчезнуть. Из-за него кончиков туфель было не видать, приходилось нагибаться, чтобы посмотреть — не нужно ли почистить обувь. Не поверил бы в такое, когда после изрядной выпивки приходилось подниматься по лестнице, угрюмо сжимая портфель в руке, обливаясь потом и раздумывая — уж не нынче ли ночью грянет сердечный приступ и скрутит парализующей болью в левой части груди. Но это было правдой: брюхо исчезло. Каким-то зловещим образом это брюхо представлялось ему теперь другом.

— Ты думаешь, что нормальное объяснение все же есть? Какое? — спросил он Хустона.

— Вот те ребята тебе и скажут, в чем оно состоит, — ответил Хустон. — Будем надеяться.

Визит был назначен в клинику Хенри Глассмана, небольшое учреждение в Нью-Джерси. Билли предстояло провести там трое суток. Ориентировочная стоимость пребывания там и анализов была такова, что Халлек невольно порадовался: страховка все покроет.

— Ладно. Пошли мне открытку с пожеланием доброго здоровья, — вяло сказал Халлек и положил трубку.

Прием был назначен на 12 мая, то есть через неделю. В оставшиеся дни Билли наблюдал, как продолжается его физическая эрозия, всеми силами пытался сдерживать внутреннюю панику, побеждал собственную слабость и вообще держался как настоящий мужчина.

— Папа, ты что-то уж очень сильно теряешь в весе, — сказала с тревогой Линда как-то за ужином. Халлек хмуро положил себе три куска жареной свинины в яблочном соусе, благополучно разделся с ними, потом пару порций поджаристого картофеля с соусом. — Если ты на диете, то лучше бросить ее.

— Разве это похоже на диету? — сказал Халлек, указав вилкой, с которой капал соус, на свою тарелку.

Говорил он спокойно, но лицо Линды вдруг исказилось, она вышла из-за стола, всхлипывая, и удалилась.

Халлек бесстрастно посмотрел на жену, она ответила таким же бесстрастным взглядом.

Вот так наступает конец света, подумал он. Не с громом и молнией, а через похудание.

— Я поговорю с ней, — сказал он, поднимаясь.

— Если ты прямо сейчас пойдешь к ней, ты добьешься того, что только еще больше напугаешь, — сказала Хейди, и в этот момент он вновь ощутил мимолетно сверкнувшую, как металл, вспышку ненависти.

186. 183. 181. 180. Словно некто использовал на нем чудовищный ластик, стирая его на нет фунт за фунтом. Когда в последний раз он весил 180? В колледже? Нет... скорее всего, когда был старшеклассником.

За тот же период до 12 мая в одну из бессонных ночей он вспомнил книжку о вуду, которую когда-то читал. Объяснение этому колдовству давалось такое: оно действует, потому что жертва считает, что вуду действует. Ничего сверхъестественного — просто сила внушения.

Может быть, подумал Халлек, Хустон был прав, и я просто внушил себе, что худею... поскольку тот старый цыган хотел, чтобы я так думал. Только теперь не могу уже остановиться. Я бы, наверное, миллион долларов заработал, написав ответ на книгу Нормана Винсента Пила. Назвал бы так: «Сила негативного мышления».

Однако разум подсказал, что вся эта старая идея о силе внушения — просто-напросто мусор. Все, что сказал старик, — одно лишь слово: «Худеющий». Он не провозгласил: «Могуществом, коим наделен я, проклинаю тебя, и да утратишь ты от шести до девяти фунтов в неделю веса твоего, пока не подожнешь». Не произносил заклинаний «Ини-миничили-бини», скоро тебе понадобится новый пояс «Ник».

Если все дело в психологии, в силе внушения, то вопрос о том, что ему предпринять, не снимается. Как ему бороться с этой напастью? Нет ли способа внушить себе, что он снова становится толстым? Пойти к гипнотизеру, к психиатру и объяснить ему, в чем проблема? Гипнотизер внушит ему как следует, что проклятие старого цыгана больше не действует. Может, и сработает?

Скорее всего — нет.

Вечером за два дня до отправления в клинику Глассмана он стоял на весах и смотрел на шкалу. 179. И вдруг то, что, видимо, давно бродило в подсознании, выплыло наружу: ему надо потолковать на эту тему с судьей Кэри Россингтоном.

Россингтон обычно по пьяни становился нахальным бабником, зато в трезвом виде был человеком славным и спо-

собным понять другого. К тому же он не был болтуном и умел хранить чужие тайны. В то же время Халлек допускал, что по пьянике Россингтон может и проболтаться, если крепко поддаст. Он может и ляпнуть что-то по поводу параноидальных идей Билли Халлека насчет цыган и проклятий. Однако Билли полагал, что Россингтон дважды подумает, прежде чем рассказать такое. В общем-то ничего незаконного не произошло на суде: случай был азбучный, типично муниципальный, но уж если придириаться и быть дотошным, следовало признать, что свидетелей не пригласили, все было решено со слов обвиняемого. И хотя судья Россингтон был умен и опытен, в принципе к таким мелочам можно было придраться.

Полиция не провела и не представила анализа на алкоголь. Россингтон со своего судейского места не потребовал этого, проигнорировал основополагающий пункт процесса по делу о наезде. Он обязан был провести и еще кое-какие расследования по делу, но не провел.

Нет, Халлек был вполне уверен, что вся эта история огласки не получит, разве что лет через пяток, когда все быльем порастет. Думать нужно было о текущем времени, о текущем году. Если так и будет продолжаться, к лету он будет выглядеть как узник фашистских концлагерей.

Он быстро оделся, спустился вниз и извлек из шкафа легкий пиджак.

— Ты куда? — спросила его Хейди с кухни.

— Я ненадолго. Скоро вернусь.

Леда Россингтон открыла дверь и посмотрела на Халлека так, словно увидела его впервые. Она стояла перед ним при свете лампы: аристократическое лицо, черные волосы туго стянуты на затылке, зеленое платье от Диора, простое, но элегантное — тысячи за полторы.

От ее взгляда он ощущал смущение и неловкость. *Неужто я так похудел, что она меня не узнает?* Но даже в своей новой паранойе этому он поверить не мог. Конечно, лицо его похудело, появились новые морщинки у рта, мешки под глазами от бессонных ночей, но все равно лицо его оставалось прежним, узнаваемым лицом Билли Халлека. За спиной у нее стояла массивная лампа из кованого железа — имитация уличного фонаря в Нью-Йорке 80-х годов прошлого века стоимостью 687 долларов. Света было достаточно, чтобы разглядеть фигуру Халлека в дверях. Вряд ли потеря веса сделала его совсем неузнаваемым.

— Леда, это я, Билли. Билли Халлек.

— Разумеется. Привет, Билли. — Ее рука в нерешительности пощипывала бусы на шее. Он заметил, что для своих пятидесяти девяти она, конечно, моложава, благодаря операциям подтягивания кожи. Но шея уже старчески дряблая.

Кажется, она пьяная. Или... Он подумал о Хустоне, вдыхающем носом белый порошок. Наркотики? Леда Россингтон? Трудно в это поверить. И тут же другая мысль: Она испугана. Она в отчаянии. Что же такое могло случиться? Не связано ли это каким-то образом с тем, что происходит со мной?

Дурацкая идея... Тем не менее ему вдруг срочно захотелось выяснить, почему у Леды Россингтон так плотно сжаты губы, почему у нее под глазами такие же мешки, как у него, почему пальцы ее, перебиравшие бусы на шее, дрожали?

Билли и Леда Россингтон молча смотрели друг на друга, а потом заговорили почти одновременно.

— Леда, Кэри у себя?

— Кэри дома нет... Он...

Она смолкла, а он жестом предложил ей продолжать.

— Его вызвали в Миннесоту. У него серьезно заболела сестра.

— Это любопытно, — сказал Халлек. — Тем более что никакой сестры у него нет.

Она улыбнулась. Улыбка воспитанной дамы, предназначенная тем, кто позволил себе невольную бес tactность. Получилась, однако, не улыбка, а нечто мало на нее похожее: Леда только растянула губы.

— Я сказала «сестра»? О, мы тут все так переволновались. Это брат, его брат.

— Леда, Кэри — единственный сын у своих родителей, — тихо сказал Халлек. — Наши семейные вопросы и происхождение мы с ним обсудили за рюмкой в салоне Хастура. Года четыре назад. Вскоре после этого Хастур прогорел вчистую. Сейчас на том месте магазин «Король в желтом». Моя дочка там джинсы покупает.

Он и сам не знал, зачем излагал подобные детали. Подспудно думалось, что такой разговор позволит ей держаться попроще. И вдруг при тусклом свете фонаря увидел, как блеснула слеза на ее щеке, покатившись к уголку рта. Слезы блестели под глазами. Пока он говорил, она быстро пару раз моргнула, и по другой щеке покатилась еще одна слеза.

— Уходи, — сказала она. — Уходи, Билли, хорошо? Не задавай вопросов. Я на них отвечать не буду.

Халлек приметил в ее глазах за пеленой слез решимость. Она твердо решила не говорить, где находится Кэри. Под влиянием неожиданного импульса, который он и впоследствии не мог объяснить, он расстегнул молнию своей куртки и распахнул ее. Услышал, как она ахнула от неожиданности.

— Посмотри на меня, Леда, — сказал он. — Я потерял семьдесят фунтов веса. Ты слышишь? Семьдесят фунтов!

— Какое это имеет отношение ко мне? — хрюкло произнесла она. Лицо ее заметно побледнело, от чего румяна на щеках обрели клоунскую контрастность. Глаза смотрели со страхом, зубы слегка обнажились, словно она готова была зарычать.

— К тебе это не имеет никакого отношения, но с Кэри я хотел бы потолковать. — Халлек перешагнул порог, держа куртку распахнутой. Очень хотел бы, подумал он. *Если прежде сомневался, то теперь уверен в этом.* — Прошу тебя, Леда, скажи мне, где он. Он здесь?

Она ответила вопросом на вопрос. У него буквально перехватило дыхание, и он привалился к дверному косяку.

— Это цыгане. Билли?

Он перевел дыхание с легким стоном.

— Так где он, Леда?

— Сначала ответь на мой вопрос — это цыгане?

Теперь, когда Халлек получил возможность все высказать в открытую, он обнаружил, что ему это дается с большим трудом. Он сглотнул и кивнул головой.

— Да. Я такдумаю. Проклятие. Что-то вроде проклятия. — Он сделал паузу. — Нет, не что-то вроде. К чему увиливать? Я считаю, что цыган наложил на меня проклятие.

Билли ожидал услышать издевательский хохот — такую реакцию он не раз видел в своих снах и фантазиях. Но она вдруг поникла, склонив голову. Весь ее облик олицетворял обреченность и печаль. Несмотря на собственные страх и отчаяние, Халлек испытал к ней сочувствие, увидев воочию ее страх и растерянность. Он шагнул к ней и мягко коснулся ее руки. Когда она подняла к нему лицо, он вздрогнул, увидев на нем выражение откровенной ненависти, даже шагнул прочь, часто заморгав, прислонился к косяку двери. Выражение ее лица было олицетворением той внезапной вспышки ненависти, которую Билли мимолетно испытывал как-то вечером к Хейди. Теперь это чувство было явно направлено на него, и ему стало страшно.

— Все из-за тебя, — прошептала она. — Ты виноват во всем! Кого черта ты сбил эту старую перечницу? Ты, ты виноват!

Он не в силах был произнести ни звука и просто смотрел на нее, широко раскрыв глаза. *Старая перечница?* В голове был сумбур. *Неужели я не ослышался? Кто бы мог поверить, что Леда Россингтон способна вслух сказать хоть одно неприличное слово?* Вторая мысль была: *Все не так, Леда. Хейди виновна, а не я. Она это классно сделала. Я просто обалдел.*

Ее лицо сменило выражение: теперь она смотрела на Халлека вежливо и бесстрастно.

— Входи, — сказала она.

Леда принесла ему мартини с джином, которого он попросил, в большом бокале. На миниатюрный позолоченный меч были нанизаны две оливки и две маринованные луковки. Мартини оказался крепковатым, против чего Халлек отнюдь не возражал, хотя и отдавал себе отчет в том, что с выпивкой ему следует отныне быть осторожным, если не хочет упиться в чужом доме. Опыт последних трех недель показал, что с потерей веса стала утрачиваться его способность держаться молодцом, когда перебирал лишнего.

Тем не менее он сделал приличный глоток и благодарно закрыл глаза, когда алкоголь теплом разлился в животе. *Чудесно*, подумал он. *И высококалорийно.*

— Он в Миннесоте, — бесстрастно сказала Леда, усаживаясь в кресло тоже с бокалом мартини в руке. Ее бокал был еще больше, чем у Билли. — Но он вовсе не с визитом к родственникам. Кэри — в клинике Мэйо.

— Мэйо...

— Он убежден, что у него рак, — продолжала она. — Майкл Хустон у него ничего не обнаружил. Ничего не обнаружил и дерматолог, к которому он обратился в городе. Но он все равно уверен, что у него рак. Ты знаешь, сначала он решил, что у него лишай, думал, что подщепил у кого-то.

Билли опустил голову и уставился в пол, испытывая крайнее смущение. Но в этом не было нужды: Леда смотрела поверх его плеча, в стену. Часто, по-птичьи, отпивала, и в ее бокале заметно убывало.

— Я смеялась над ним, когда он впервые мне такое сказал. Смеялась и говорила: «Кэри, если ты это называешь лишаями, тогда ты знаешь о венерических заболеваниях меньше, чем я о термодинамике». Мне не следовало насмехаться, но это было хоть

каким-то способом развеять его мрачное настроение. Его тревогу? Нет, скорее страх. Майкл Хустон дал ему какой-то крем, который не действовал, и дерматолог дал какие-то мази, которые тоже не помогали. Ему делали уколы, и все бесполезно. И тогда я вспомнила старого цыгана с разлагающимся носом, как он во время уик-энда после того суда протиснулся из толпы на блошином рынке в Рейнтри, Билли. Он подошел и коснулся его. Да, он приложил руку к лицу Кэри и что-то сказал ей. Я тогда спросила Кэри и еще раз потом, когда это начало разрастаться, но он мне ничего не говорил, только головой качал.

Халлек отпил второй глоток в тот момент, когда Леда поставила на столик свой пустой бокал.

— Рак кожи, — сказала она. — Он был убежден в этом, поскольку он излечим в девяноста процентах случаев. Я знаю, как его мысли работают. Глупо было бы не знать, прожив с ним двадцать пять лет, наблюдая, как он усаживается в кресло судьи и решает проблемы недвижимости, потом выпивает, потом решает проблемы недвижимости, потом лапаст чужих жен, решает проблемы с недвижимостью... Ладно. Сижу и думаю, какую речь произнесу на его похоронах. Что-нибудь такое: «Он скопил много земли в Коннектикуте, где теперь построены супермаркеты, он полапал множество бюстгальтеров, выпил множество коктейлей и оставил меня богатой вдовой. Снимя провела лучшие годы моей жизни, приобрела шмоток больше, чем было в моей жизни оргазмов». Давайте уйдем отсюда, завалимся в какой-нибудь приличный кабак, потанцуем. А потом кто-нибудь, возможно, так надерется, что забудет, что я трижды делала подтяжку кожи — дважды в Мехико-Сити и разок в Германии, и сташит с меня бюстгальтер. Тыфу ты, черт. Что я тебе несу такое? Мужчины вроде тебя интересуются только своей работой и футболом.

Она снова заплакала. Билли теперь понял, что бокал, который она только что осушила, далеко не первый за этот вечер. Он смущенно заворочался в кресле и отпил из своего бокала. В желудке опять стало тепло.

— Он уверен, что это рак кожи, потому что не способен поверить в такую старомодную чушь, как цыганское проклятие. Но я видела по его глазам, Билли, особенно в последний месяц... в них таилось, особенно по вечерам — понимание... до него что-то дошло. Я думаю, потому он и уехал, что я разглядела это в его глазах. Налить еще?

Билли покачал головой и проследил, как она подошла к бару и налила себе еще мартини, увидел, что она делала элементарный коктейль с джином, запах которого уловил на расстоянии.

Что же произошло с Кэри Россингтоном? В чем там дело? Часть его разума не желала знать ответа на этот вопрос. Хустон явно не провел параллели, не увидел связи между тем, что происходит с Билли и с Россингтоном. Да и с чего бы, собственно? Хустон ничего не знал о цыганах. Кроме того, Хустон регулярно бомбардировал свой рассудок белыми торпедами.

Леда вернулась с бокалом и села в кресло.

— Если он позвонит и скажет, что возвращается, — спокойно заговорила она, — я поеду на нашу виллу в Каптиве. Там дикая жара в это время года, но джина у меня хватит. Я жару не замечаю, а с ним оказаться наедине — выше моих сил. Все еще люблю его, это факт. По-своему люблю. Но выносить этого больше не могу. Представить себе, что он лежит в соседней кровати... подумать, что он... он может дотронуться до меня... — Она поежилась и немножко расплескала содержимое бокала. Потом разом выпила и откровенно, не стесняясь, рыгнула.

— Леда, так что же с ним конкретно? Что случилось?

— Случилось? Случилось? Билли, дорогой, а я думала, что сказала тебе. Или, может, ты сам как-то узнал.

Билли покачал головой. Он начал верить в то, что вообще ни о чем не подозревает.

— На нем чешуя растет. Кэри покрываются чешуей.

Билли разинул рот.

Леда коротко хохотнула невеселым смешком и слегка покачала головой.

— Нет, не совсем так. Его кожа превращается в чешую. Он демонстрирует обратную эволюцию. Чудо-юдо. Превращается не то в рыбу, не то в рептилию.

Она внезапно захохотала с визгом, от которого у Халлека мурашки побежали по спине. *Она близка к безумию*, подумал он, и от этого стало еще страшнее. *Я думаю, она уедет в Каптиву в любом случае. Ей нужно убраться из Фэйрвью, если хочет сохранить рассудок.*

Леда прикрыла рот ладонями и извинилась. Билли не смог ничего сказать, только кивнул и встал, чтобы налить себе еще.

Теперь, когда он не смотрел на нее, ей стало легче говорить, а Билли умышленно задержался возле бара.

Глава одиннадцатая: ВЕСЫ ПРАВОСУДИЯ

Кэри был вне себя от ярости, когда старый цыган коснулся его лица. Он поехал, чтобы повидаться с шефом полиции Рейнтри Алленом Чокером на следующий день после суда. Чокер был партнером по покеру и человеческом понимающим.

Он сказал Кэри, что цыгане прибыли в Рейнтри прямо из Фэйрвью. Чокер ожидал, что они уедут вскоре сами по себе. И так уж пять дней тут болтались, обычно три дня для них — нормальный срок. Как раз достаточно, чтобы все заинтересованные подростки городка узнали свою судьбу, а безнадежно импотентные мужчины и климатические женщины под покровом темноты пробрались в их табор, чтобы получить снадобья и мази. Через три дня интерес городка к цыганам сходил на нет. Чокер решил, что они просто дожидаются воскресной бараходки — блошиного рынка. Это было ежегодным мероприятием в Рейнтри, на которое стекались жители четырех близлежащих городков. Аллен Чокер сказал Кэри, что решил позволить цыганам обработать толпу на блошином рынке, вместо того чтобы шпантанять их — это все равно что осиное гнездо разворошить. Но если в понедельник утром не отправятся, придется их вытурить.

Однако такая мера не понадобилась. Утром в понедельник табор покинул ферму, где располагался, оставил пустые бутылки и банки, черные пятна от костров, на которых готовили еду, и несколько покрывал, настолько завшивевших, что Чокер распорядился прикасаться к ним только длинными шестами.

В какой-то момент между закатом и рассветом цыгане снялись и покинули Рейнтри. Чокер сказал своему партнеру по покеру Кэри Россингтону, что они могли хоть улететь на другую планету — ему наплевать. Главное — избавились.

В воскресенье после полудня старый цыган прикоснулся к лицу Кэри. Ночью они уехали. В понедельник утром Кэри зашел к Чокеру и подал жалобу (ее юридическая основа Леде Россингтон была неизвестна). Во вторник утром начались неприятности. После душа Кэри, спустившись к завтраку в одном халате, сказал: «Посмотри-ка, что это у меня?»

На коже чуть выше солнечного сплетения у него оказалось шершавое пятно. Оно было светлее окружающей кожи, которая имела приятный цвет кофе со сливками (гольф, теннис, плавание и лампы для загара зимой).

Пятно имело желтоватый оттенок, как у мозолей на пятках. Леда потрогала его и отдернула палец. Пятно было шершавым, как наждак, и странно твердым. Броня, мелькнуло у нее в голове.

— Ты не думаешь, что этот чертов цыган меня чем-то заразил? — спросил ее Кэри с беспокойством. — Какая-нибудь инфекция? Парша?

— Но он же коснулся твоего лица, а не груди, дорогой, — ответила Леда. — Давай-ка быстрее одевайся. У меня бриоши горячие. Надень темно-серый костюм с красным галстуком. Ты — девушка моя.

Два дня спустя вечером он позвал ее в ванную. Так закричал, что она бегом бросилась туда (*Все наши худшие открытия происходят в ванной*, подумал Билли). Кэри стоял без рубашки, в руке жужжал электробритва, глаза уставились в зеркало.

Пятно желтой отвердевшей кожи сильно увеличилось. По форме оно напоминало дерево, корона которого разрослась от груди к низу живота до пупка. Впрочем, и пятном это уже нельзя назвать — скорее нарост толщиной в восьмушку дюйма. Она увидела на нем трещины, некоторые столь глубоки, что можно было просунуть в них монетку. Выглядело это страшно.

— Что это? — почти закричал он. — Леда, скажи, что это значит?

— Я не знаю. — Она постаралась говорить спокойно. — Тебе надо сходить к доктору Хустону. Прямо завтра, Кэри.

— Нет. Не завтра, — сказал он, глядя на себя в зеркало, на кору желтоватой плоти. — Завтра, может, и лучше. Но лучше послезавтра. Нет, нет, не завтра.

— Кэри...

— Леда, дай мне крем «Нивея».

Она передала ему баночку с кремом и понаблюдала, как он мажет желтоватый панцирь на животе, прислушалась к шуршащему звуку и почувствовала, что не может этого перенести. Леда вышла из ванной и направилась к себе в комнату. По ее словам, в тот момент она впервые была рада, что у них раздельные кровати, сознательно рада, что он не сможет коснуться ее во сне. Но чью долго не могла заснуть, прислушиваясь к шуршащим звукам, когда он скреб пальцами по странному наросту.

А на следующую ночь он сообщил ей, что ему становится лучше. Потом подтвердил, что дело, кажется, пошло на поправку. Но она по глазам видела, что он обманывает, и даже не столько ее, сколько себя. В экстремальной ситуации Кэри оставался

таким же эгоистом, каким был всегда. Впрочем, Леда тут же добавила, что и она стала порядочной эгоисткой за годы жизни с ним. Ей самой нужна была хоть какая-то иллюзия.

На третью ночь он вошел к ней в спальню в одних пижамных штанах. Глаза его смотрели печально и испуганно. Леда перечитывала какой-то роман Дороти Сейерс, свое любимое чтivo. Книжка выпала из ее рук, лишь только она взглянула на него. Наверное, она бы даже заорала, если б спазм не перехватил горло. Билли Халлек подумал, что ни одно человеческое чувство не может быть уникальным, хотя иногда кажется иначе. Кэри Россингтон прошел такой же период самообмана, что и он, после чего следовало потрясение.

Леда обнаружила, что желтая корка (или чешуя) покрыла весь живот Кэри и почти всю грудь. Безобразные бугры с подпалиной. Черные трещины беспорядочными зигзагами покрывали корку сеткой. В глубине этих трещин можно было приметить красноту, на которую лучше было не смотреть. Сперва можно было подумать, будто трещины располагались хаотически, как в бомбовой воронке, но оказалось, что это не так. С каждого края желтая плоть была слегка приподнята. Чешуя. Но не рыбья, а грубая чешуя рептилии вроде ящерицы, игуаны или даже аллигатора.

Левый сосок его груди был еще виден, а правый полностью скрылся под уродливым панцирем, который уже проникал ему под мышку. Исчез пупок и...

— Он спустил свои пижамные штаны, — продолжала свой рассказ Леда, допивая третий бокал все теми же маленькими птичьими глотками. Снова слезы потекли по ее щекам. — Вот тогда я обрела голос, начала орать, чтобы он прекратил. Он послушался, но я успела заметить, что эта дрянь распространилась ниже. Член еще не был затронут, но лобковые волосы уже исчезли под ней.

— Ты вроде бы говорил, что у тебя пошло на поправку, — сказала я.

— Я так и думал, — ответил он мне. А на следующий день назначил встречу с Хустоном.

Который, видимо, рассказал ему про парня без мозгов, подумал Халлек, и еще про бабкус третьим комплектом зубов и предложил попюхать кокаина.

Спустя неделю Россингтон предстал перед консилиумом лучших дерматологов Нью-Йорка. Они сказали, что им известен его недуг, и направили его на гамма-облучение. Чешуйчатая плоть продолжала распространяться. Никакой боли он не чувство-

вал, только зуд на пограничных местах между прежней кожей и этим кошмарным нашествием. Только и всего. Новая плоть была совершенно бесчувственна. Как-то он сказал ей с жутковатой потрясенной улыбкой, что загасил окурок на собственном животе и никакой боли не ощутил.

Она заткнула уши и закричала, чтобы он прекратил.

Дерматологи сказали Кэри, что немножко ошиблись. Кэри спросил их, что это значит. Вы, мол, сказали, что все знаете, во всем уверены. Они ему ответили, что такие вещи случаются, правда, редко, ха-ха, очень редко. Все анализы были проведены, и они поняли, что пошли не тем путем. Завели свои научные непонятные разговоры о мощных витаминах, гlandулярных инъекциях, которые начали применять к нему. Пока проводился новый курс лечения, первые чешуи появились на шее Кэри, под подбородком и наконец — на лице. Вот тогда дерматологи в конце концов признали, что зашли в тупик. Правда, только в данный момент, разумеется. Подобные вещи не могут быть неизлечимыми. Современная медицина... специальная диета... и т.д. и т.п.

Кэри и слушать ничего не хотел, когда Леда пыталась завести разговор о старом цыгане. Однажды замахнулся на нее, словно ударить хотел, а она успела заметить, что кожа между большим и указательным пальцами его руки тоже отвердела.

— Рак кожи! — крикнул он. — Это рак кожи, рак кожи, рак кожи! И прошу тебя, раз и навсегда заткнись насчет того старого выродка!

Разумеется, только его теория имела хоть какой-то номинальный смысл, поскольку Леда несла мистическую средневековую чушь. Однако Леда была уверена, что все это проделка старого цыгана, который подошел в толпе блошиного рынка к Кэри Россингтону и коснулся его лица. Она знала это и поняла по его взгляду, когда он поднял на нее руку, что он тоже об этом знает.

Он взял отпуск, договорившись с Гленном Петри, который был потрясен, узнав, что его старый друг и партнер по гольфу Кэри Россингтон заболел раком кожи.

Леда рассказала Халлеку про следующие две недели, которые ей не хочется вспоминать. Кэри спал как мертвый то в их комнате на верху, то внизу в кресле, то на кухне, положив голову на руки. Начал много пить. Садился в кресло в гостиной, держа за горлышко бутылку виски чешуйчатой рукой, и смотрел по телевизору комедии типа «Герои Уайлд» и «Семейные ссоры». Так он просиживал перед телевизором часов до двух или трех ночи. И все время пил виски, как пепси-колу, прямо из горлышка.

Иногда по ночам он плакал. Она подходила и наблюдала его рыдающим в то время, как Уорнер Андерсон, заключенный в коробке их «Сони», кричал: «Вперед, к видеолентам!» с таким энтузиазмом, словно пригласил своих любовниц на круиз до Арубы в компании с ним. В иные ночи, по счастью редкие, он давал волю ярости, спотыкаясь бродил по дому с бутылкой виски в руке, пестравшей быть рукой, и кричал, что у него рак кожи («Ты слышишь?! Рак кожи!»), который он подхватил под лампами для загара, и что он засудит этих гадов, которые ему такое устроили, разорит засранцев дотла! Без портока их оставит! Во время подобных вспышек он порой ломал вещи.

— Я в итоге поняла, что такие припадки ярости с ним происходят после того, как приходит миссис Марли прибрать по дому, — сказала она бесстрастно. — Когда она появлялась, он поднимался на чердак и отсиживался там. Если бы она его увидела, весь городок немедленно бы обо всем узнал. Я думаю, он более всего чувствовал себя отверженным, когда сидел там в одиночестве в темноте, а потом ночью давал волю своим эмоциям.

— Значит, он уехал в клинику Мэйо, — сказал Билли.

— Да, — ответила она и наконец взглянула на него. Лицо ее выглядело пьяным и перепуганным. — Что с ним будет, Билли? Во что он может превратиться?

Билли покачал головой: ни малейшего представления. Более того, он имел не больше желания разбираться в этом вопросе, чем в запечатленной на снимке знаменитой сцене, где южновьетнамский генерал стреляет в ухо вьетконговскому коллаборационисту. Каким-то зловещим образом ситуации показались ему схожими.

— Я тебе говорила, что он нанял частный самолет до Миннесоты? Не мог вынести, чтобы люди увидели его таким. Я тебе говорила об этом, Билли?

Билли снова покачал головой.

— Что же с ним дальше будет?

— Я не знаю, — ответил Халлек и подумал: — Кстати, а что со мной будет, Леда?

— В конце, когда он сдался и решил лететь, обе его руки превратились в когтистые лапы. А глаза... глаза — две блестящие точки в таких чешуйчатых провалах-глазницах. Нос у него... — Она поднялась из кресла, направилась к нему, сильно ударившись об угол столика. Сейчас она этого не заметила, подумал Халлек, но завтра у нее будет синяк. Будет удивляться, где это так ушиблась.

Она схватила его руку. Глаза были широко раскрыты от ужаса. Заговорила сбивчиво, хрипло, изо рта сильно несло джином.

— Он теперь выглядит как аллигатор, — сказала она, почти перейдя на шепот. — Да, вот так он и выглядит, Билли. Прямо словно из болота выполз и напялил на себя человеческую одежду. Да, похоже, что он превращается в аллигатора, и я рада, что он уехал. Рада. Я думаю, если бы он не уехал, уехала бы я. Упаковала бы сумку и...

Она наклонялась все ближе и ближе к нему, и Билли поднялся, не в силах более переносить это. Леда Россингтон качнулась назад, и Халлек едва успел поймать ее за плечи... он, похоже, тоже порядочно перебрал. Промахнись он, и она могла бы раскроить себе голову о столик, покрытый стеклом и окантованный бронзой (587 долларов). Как раз о него она только что ушибла ногу, только теперь дело могло закончиться не ссадиной, а смертью. Посмотрев в ее полубезумные глаза, Билли подумал, что, может, она бы и не возражала против того, чтобы умереть.

— Леда, мне пора уходить.

— Ну конечно! Просто зашел выпить, верно, Билли, дорогой?

— Извини, — сказал он. — Я ужасно сожалею обо всем, что произошло. Поверь, это так. — И вдруг добавил: — Будешь говорить с Кэри, передай ей мои наилучшие пожелания.

— С ним теперь трудно разговаривать, — рассеянно ответила она. — У него внутри рта то же самое происходит. Десна меняются, языки покрываются панцирем. Я не могу с ним говорить, а его реплики звучат просто как мычание.

Он отступал в холл, желая оказаться подальше от нее, от ее размеженного, такого воспитанного тона, от ее сумасшедшего взгляда.

— Да, он в самом деле превращается в подобие аллигатора, — сказала она. — Возможно, придется в итоге опустить его в бассейн... им, наверное, нужно, чтобы кожа была влажной. — Слезы снова потекли из ее опухших, покрасневших глаз, и Билли заметил, что она проливает коктейль из бокала себе на туфли.

— Спокойной ночи, Леда, — прошептал он.

— Ну почему, Билли? Почему ты сбил эту старуху? Почему ты обрушил на Кэри и на меня такое? Почему?

— Леда...

— Приходи через пару недель, — сказала она, направляясь к нему, в то время как он лихорадочно нашупывал дверную ручку и огромным усилием воли заставлял себя сохранять подобие слабой улыбки. — Приходи. Я хочу посмотреть на тебя,

когда ты потеряешь еще фунтов сорок—пятьдесят. Вот уж посмеюсь. Буду хохотать и хохотать!

Он нашел дверную ручку и повернул ее. Свежий прохладный воздух обвеял его пылающее потное лицо.

— Спокойной ночи, Леда. Прости меня, извини...

— Подавись ты своими извинениями! — завизжала она и швырнула в него бокал. Он разబился вдребезги о дверной косяк справа от Билли. — Зачем ты убил ее, ублюдок?! Зачем ты на нас обрушил такие несчастья?! Зачем?! Зачем?! Зачем?

Халлек дошел до перекрестка Парк-лейн и Лантерн-драйв и опустился на скамейку под навесом автобусной остановки. Его бил озабочен, во рту был скверный вкус, голова кружилась от алкоголя.

Он думал: Я *убил ее и теперь теряю вес и не могу остановиться*. Кэри Россингтон провел суд, отпустили меня, хлопнув по плечу, а теперь он в клинике Мэйо, и если верить его жене, он выглядит как сбежавший экземпляр питомника аллигаторов Мориса Сендака. Кто еще тут замешан? Кому еще мог отомстить старый цыган?

Он вспомнил о двух полицейских, изгонявших цыган, когда они прибыли в их городок и собирались развернуть свои представления в городском парке. Один из полицейских был всего лишь водителем патрульной машины.

Исполнителем приказов.

Чьих приказов? Ну разумеется, начальника полиции, Данкена Хопли.

Цыган прогнали потому, что у них не было разрешения выступать в городском саду. Они, конечно, понимали, что дело не в разрешении: причины гораздо глубже. Когда хочется прогнать цыган, предлог всегда найдется. Бродяжничество. Нарушение общественного спокойствия. Плевки на тротуары. Да что угодно!

Цыгане договорились о таборе с фермером к западу от городка — мрачным стариком по имени Арнкастер. Всегда находились такая ферма и такой мужик, и цыгане всегда устраивались. У них носы натренированные, чтобы выискивать таких людей, как Арнкастер, подумал Билли, сидя на скамейке и прислушиваясь к первым каплям весеннего дождя, забарабанившего по навесу. Простая эволюция. Достаточно двух тысяч лет кочевой жизни. Поболтать с людьми. Может, кому-то бесплатно погадать? Узнали имя одного жителя, у которого есть земля, но и долгов немало, и про парня, который не любит своего города и не уважает общественных порядков. Прислушаешься и непременно узнаешь имена. Непре-

менно пронюхаешь про местного Арнкастера в самом богатом городке. А то и про двух или трех таких.

Свои машины они располагали в круг, как и палатки. Точно также их предки двести, четыреста, восемьсот лет назад располагали в таборе свои кибитки и телеги. Они получали разрешение на разведение костров. Ночью болтали и смеялись, из рук в руки переходила бутылка или две.

Все это, думал Халлек, могло быть вполне приемлемо для Хопли.

Те, кто хотел что-то купить у цыган, могли съездить по западной дороге Фэйрвью к жилищу Арнкастера. Оно располагалось в весьма уединенном месте, и вид у него был жалкий. Впрочем, цыгане предпочитали именно такие места. Оттуда им предстояло двинуться в Рейнтри или Уэстпорт, а дальше — в неведомом направлении. Так обычно и делалось.

За исключением того, что после несчастного случая и проклятия старого цыгана формула «так обычно и делалось» больше никуда не годилась.

Халлек вспомнил, что Хопли дал цыганам два дня срока. Когда они и не подумали подчиниться, он их вынудил убраться. Сначала Джим Робертс отменил разрешение о разведении костров. Хотя в течение предыдущей недели каждый день бывали сильные дожди, Робертс сказал им, что опасность пожаров внезапно возросла. Извините. Кстати, пусть не забывают, что огнеопасными являются не только костер, но и плитки на газовых баллонах, мангалы и печурки.

Затем Хопли, как уже бывало в подобных ситуациях, посетил местные точки бизнеса, где у Ларса Арнкастера кредиты были изрядно просрочены. Сюда, разумеется, входили магазин инструментов и скобяных изделий, склад кормов и семян и кооператив фермеров. Хопли мог заглянуть также и к Закари Маршану в Объединенный банк Коннектикута, где хранился заклад Арнкастера на недвижимость.

Работа есть работа. С этим чашку кофе выпил, с тем — пообедал, у того что-нибудь купил. И вот на закате следующего дня кредиторы Ларса Арнкастера уже звонят ему и говорят, что неплохо было бы убрать этих чертовых цыган подальше от города и как они были б ему признательны.

Результат Данкену Хопли был, конечно же, известен. Арнкастер направился к цыганам, вернул им то, что оказалось лишним по их договоренности об аренде территории, оказался глух к их протестам (Халлек вспомнил молодого жонглера, который явно не

258 успел свыкнуться с идеей собственной уязвимости в этой жиз-

ни). А договор, кстати, не был подписаным документом, и потому судиться было бы смешно.

Арнкастер вполне трезвый, возможно, объяснил им, что обходится с ними как порядочный человек и возвращает им лишние деньги. Другое дело — Арнкастер пьяный. В этом случае он мог объясниться подробнее, сказать им, что в городе есть могущественные деятели, которые требуют, чтобы цыгане убирались подальше. На него, бедного фермера, оказали жесткое давление, которого он вынести просто не может. Тем более что половина так называемых хороших людей в городке давно зуб на него имеют.

Вряд ли цыгане (разве что за исключением жонглера) стали спорить, права качать и требовать долгих объяснений.

Билли поднялся и медленно побрел домой под холодным дождем и ветром. В спальне горел свет — Хейди его ждала.

Водителю патрульной машины не за что мстить. И не Арнкастеру: тот просто увидел возможность не терять пятьсот долларов и попросил их вон, потому что иного выхода не было.

Данкан Хопли?

Возможно. Очень даже возможно, подумал Билли. В чем-то Хопли выполнял функции сторожевого пса, хорошо натренированного, чтобы хранить в неприкосновенности покой Фэйрвью. Однако Билли сомневался, разделяет ли старый колдун его мнения, понимает ли суть. Для него все свелось к тому, что после суда Хопли вытурил их из городка. К изгнанию они были привычны. Другое дело, что Хопли не расследовал причин гибели старухи...

Вот это уже существенно.

Отказ от расследования? Билли, не смеши меня. Отсутствие расследования — грех халатности. Хопли не стал проверять его на алкоголь. Ты знаешь, что это граничит с покрытием преступления, и Кэри Россингтон тоже это знал.

Ветер усилился, дождь стал сильнее. На улице капли плескались в лужах, освещаемых уличными фонарями вдоль Лантерн-драйв. Под ветром скрипели ветви деревьев, и Билли с беспокойством посмотрел на небо.

Мне надо повидать Данкена Хопли.

Какая-то важная мысль готова была родиться, но он тут же вспомнил пьяное испуганное лицо Леды Россингтон. Подумал о словах Леды: *С ним теперь трудно разговаривать... у него внутри рта то же самое происходит... его реплики звучат как мычание.*

Нет, только не сегодня. Нынче с него достаточно.

— Куда ты ходил, Билли?

Хейди лежала в постели под пятном света от лампы и читала. Теперь отложила книгу и посмотрела на него. Билли заметил темные круги под глазами. Однако в эту ночь жалости к ней он не почувствовал.

Подумал, а может, сказать? — Я был у Кэри Россингтона. Поскольку его не было дома, я выпил с его женой, выпил довольно крепко. Ни за что не угадаешь, Хейди, что мне она сказала. Кэри Россингтон, который тебя лапал накануне Нового года, превращается в крокодила. Когда он погрет, из его кожи можно будет делать отличные портфели.

— Да так, нигде, — ответил он. — Просто бродил и размышлял.

— От тебя пахнет так, словно ты в куст можжевельника свалился. Джин?

— Ну-ну... примерно так. Только свалился в паб Энди.

— И сколько ты принял?

— Пару.

— А пахнет как все пять.

— Хейди, ты что — меня допрашиваешь?

— Нет, дорогой. Но я хочу, чтобы ты себя уж слишком-то не изводил. Эти доктора, я надеюсь, поймут что-то после метаболической серии.

Халлек хмыкнул.

— Я только благодарю Бога, что это не рак, — сказала она. Лицо ее выглядело встревоженным.

Он подумал и чуть не ляпнул: *хорошо все наблюдать со стороны*. Не сказал, но, видимо, что-то отразилось на его лице, потому что ее лицо приняло такое несчастное, горестное выражение.

— Прости меня, — сказала она. — Так трудно сказать что-либо, что бы не прозвучало обидно, плохо...

Да уж, девочка, подумал он. И снова мимолетная вспышка ненависти к ней. После выпивки это чувство вызвало депрессию и физическое недомогание. Тут же все прошло, оставив лишь ощущение стыда. Кожа Кэри превращалась бог знает во что — годилось только для показа в бродячем цирке. Данкан Хопли, может быть, и в порядке, а может, Халлека ожидало там нечто еще более жуткое. Черт возьми, потеря веса, возможно, еще не самое страшное.

Он разделся, включил лампу и обнял Хейди. Сначала она

чувствовала себя скованно. Когда он решил, что ничего хо-

рошего не будет, Хейди вдруг расслабилась. Билли услышал ее сдавленный всхлип и с грустью подумал, что в беде познается благородство натуры. Почему он раньше этого не понимал?

— Хейди, прости, — сказал он.

— Если бы я могла хоть что-то сделать. — Она снова всхлипнула. — О, если бы чем-то могла помочь тебе, Билли.

— Можешь, — сказал он и потрогал ее грудь.

Они занялись любовью. А потом он заснул, забыв обо всем. Утром весы показали 176.

Глава двенадцатая: ДАНКЕН ХОПЛИ

У себя в конторе он договорился относительно отпуска для проведения метаболических анализов. Кирк Пеншли был до неприятия готов удовлетворить его просьбу в любой форме, из чего Халлек сделал горький вывод: от него хотят избавиться. После того как исчезли его три подбородка, ввалились щеки, а кости на лице стали выпирать, он стал для конторы своеобразным пугалом.

— Ну конечно же! О чём речь?! — воскликнул Пеншли прежде, чем Билли до конца изложил свою просьбу. Слишком радужно звучал его голос — так говорят люди, понимающие, что дело — дрянь, но формально этого не признающие. Глаза его скользнули к тому месту, где у Билли Халлека прежде был живот. — Бери столько времени, сколько тебе потребуется, Билл.

— Три дня мне будет достаточно, — ответил он.

Теперь он звонил Пеншли из телефонной будки возле кафетерия Баркера и говорил ему, что придется взять более трех дней. Да, более трех дней, но, возможно, не только для метаболических анализов. Утраченная идея снова неясно зародилась в голове. Она еще не была оформившейся надеждой, но хотя бы кое-что.

— На сколько дней? — спросил Пеншли.

— Я точно и сам не знаю, — сказал Халлек. — Может, две недели. Может, даже и месяц.

На другом конце провода воцарилась тишина, и Халлек представил себе подтекст, который прочел в его словах Пеншли: *На самом деле я имею в виду, Кирк, то, что больше уж мне не вернуться. Выяснилось, что у меня рак. Теперь будет облучение, лекарства от боли, интерферон, если удастся его раздобыть, лаэтрил, если*

решился отправиться в Мехико. Когда в следующий раз увидишь меня, Кирк, я буду в длинном ящике с шелковой подушечкой под головой.

И Билли, привыкший за последние шесть недель к чувству хронического страха, впервые ощутил гнев. *Я вовсе этого не подразумевал, черт тебя подери. По крайней мере пока еще нет.*

— Не проблема, Билл. Передадим дело Худа Рону Бейкеру, а остальные могут и подождать.

Это уж точно, подлец. Ты сегодня же все мои дела передашь другим. А дело Худа ты еще на прошлой неделе отдал Рону Бейкеру. Он мне позвонил сам, спрашивал, куда я положил бумаги по этому делу. А насчет того, что другие дела подождут, Кирк, так эти дела — всего-навсего куриные шашлыки на твоей вилле в Вермонте. Так что не пытаешься быть хитрежолым со мной.

— Хорошо, я передам ему все досье, — сказал Билли и, не удергавшись, добавил: — Он уже часть из них получил, кстати.

Раздумье на другом конце провода. Потом:

— Ну хорошо... если что нужно, я готов...

— Есть еще одна просьба, — сказал Билли. — Она может показаться тебе очень странной.

— Какая? — осторожно спросил Кирк Пеншли.

— Помнишь, у меня неприятность была в начале весны? Несчастный случай?

— Да-а.

— Женщина, которую я сбил, была цыганкой. Ты знал об этом?

— Это было в газетах, — сдержанно ответил Пеншли.

— Она была из... из... как у них это называют? Банда? Табор. Да, цыганский табор, коллектив, что ли. Они расположились неподалеку от Фэйрвью. Договорились с местным фермером за наличные...

— Подожди секундочку, буквально чуток, — перебил его Пеншли. Теперь его голос звучал сухо, не так, как у платного плакальщика, что Билли устраивало куда больше. Он даже улыбнулся, представив себе сорокапятилетнего Пеншли, лысого, невысокого — футов пять ростом, хватающего на столе блокнот и ручку. Кирк в работе был одним из самых эффективных и деловых ребят из всех, кого Халлек знал. — О'кей, говори. Как имя местного фермера?

— Арнкастер. Ларс Арнкастер. После того как я сбил женщину...

— Ее имя?

Халлек закрыл глаза и напряг память. Как странно — он **262** ни разу не вспомнил ее имени с самого суда.

— Лемке, — ответил он наконец. — Ее звали Сюзанна Лемке.

— Л-е-м-п-к-е?

— Без «п».

— О'кей.

— После несчастного случая цыгане решили, что они нежеланные гости в Фэйрвью. У меня есть данные, что они направились в Рейнтри. Не смог бы ты проследить их дальнейший путь оттуда? Мне нужно знать, где они находятся сейчас. За расследование плачу из своего кармана.

— Да уж, непременно, — сказал Пенсли. — Что ж, если они двинулись к северу, в Новую Англию, я думаю, мы сумеем их разыскать. Если же отправились на юг, в Джерси, трудно гарантировать. Тебя что, Билли, беспокоит судебное дело по этому поводу?

— Нет, — ответил он. — Но мне нужно поговорить с мужем этой женщины. Если он был ее мужем.

— О! — только и ответил Пенсли, и снова Халлек прочел его мысли, как если бы он их высказал ему вслух по телефону: *Билли Халлек закругляет свои дела, приводит в порядок свои финансовые книги. Видимо, хочет выдать старому цыгану чек, а может, хочет просто извиниться перед ним и позволить дать себе в глаз.*

— Спасибо тебе, Кирк, — сказал Халлек.

— Не за что, — ответил Пенсли. — Ты, главное, поправляйся.

— О'кей. — Билли повесил трубку. Его кофе на столике остыл.

Его не очень удивило то обстоятельство, что в полицейском участке всеми делами заправлял помощник Рэнд Фоксурорт. Он достаточно радушно приветствовал Халлека, но взгляд его был рассеянным. Наметанным глазом Билли сразу приметил, что корзинка «входящих» бумаг на столе Фоксурорта была куда более перегруженной, чем корзина «исходящих».

Униформа Фоксурорта выглядела безукоризненной, но глаза были несколько налиты кровью, как с приличной попойки.

— Данк малость простудился, — сказал он в ответ на вопрос Билли. Халлек почувствовал по тону, что такой ответ полицейский выдавал уже великое множество раз. — Его нет пару дней на работе.

— О! — сказал Билли. — Простуда, значит?

— Вот именно, — ответил Фоксурорт, многозначительно посмотрев в глаза Билли.

Дежурная в приемной сообщила Билли, что доктор Хустон отправился к пациенту.

— Это срочно. Пожалуйста, передайте ему, что мне нужно буквально пару слов ему сказать.

Конечно, проще было бы подъехать самому и поговорить, но Халлеку не хотелось ехать через весь город. В результате он сидел в телефонной будке (в которой не так давно с трудом помещался) напротив полицейского участка. Хустон наконец взял трубку.

Голос его звучал холодно, официально, с явным раздражением. Халлек, который, кажется, научился читать чужие мысли, понял смысл этого тона: *Билли, ты больше не мой пациент. Я наблюдаю твой неизбежный распад, и это действует мне на нервы. Единственное, чего я хочу от пациента, представить мне то, чему я могу поставить диагноз, и выписать рецепт. Если ты этого сделать не способен, тогда нам не о чем договариваться. Мы с тобой, конечно, неплохо играли в гольф, но я не думаю, что кто-то из нас станет утверждать, будто мы когда-либо были друзьями. Умения есть карманний телефон «Сони», есть диагностическое оборудование стоимостью 200 000 долларов и такой список лекарств, что, если мой компьютер его отпечатает, лист протянется от моего порога до перекрестка Парк-лейн и Лантерн-драйв. Я себя отлично чувствую с такой оснасткой. Чувствую себя полезным. А тут являешься ты и делаешь из меня лекаря семнадцатого века с банкой пиявок от высокого давления и долотом для трепанации черепа. Мне не нравится ощущать себя таким, Билл. Совсем не нравится. Так что исчезни. Я умываю руки. Зайду посмотреть на тебя в гробу... если, разумеется, сам туда не лягу прежде.*

— Современная медицина, — пробормотал Билли.

— Что, Билли? Давай быстрее, а то меня пациент ждет, и вообще я здорово занят.

— У меня один вопрос, Майкл, — сказал Билли. — Что там с Данканом Хопли?

Тишина на другом конце провода длилась секунд десять.

— А почему ты считаешь, что с ним что-то случилось?

— Его нет в участке, Рэнд Фоксворт сказал, что у него простуда, но явно врет и к тому же делать этого не умеет.

Последовала другая долгая пауза.

— Как юрист, Билли, ты меня поймешь. Я не имею права распространять подобную информацию, не хочу терять работу.

— Ну, знаешь, если кто-нибудь обнаружит, что у тебя там в бутылке в ящике стола, ты не просто потеряешь работу, а полетишь с нее.

Снова пауза. Когда Хустон заговорил, его голос был сдавленным от ярости... и подспудного страха.

— Да нет же, — устало ответил Билли. — Ты только на меня не рычи, Майкл. Скажи просто — в чем дело с Хопли.

— А зачем тебе знать?

— Бога ради, Майкл. Ты — живое доказательство того, насколько человек может быть толстокожим. Знаешь, о чем я говорю?

— Ни малейшего понятия, что ты имеешь...

— В последний месяц ты увидел три очень странных заболевания в Фэйрвью. Никакой связи между ними ты не заметил. В чем-то оно и понятно: они настолько отличаются одно от другого. А с другой стороны, они сходны в том, что чрезвычайно странны. Я подумал: может, другой доктор, который не заталкивает себе в ноздри на полсотни долларов кокаина каждый день, смог бы заметить такую связь, несмотря на различие симптомов.

— Подожди минуточку!

— Нет, ждать не собираюсь. Ты спрашиваешь — почему я хочу об этом знать, и я скажу тебе почему. Я неуклонно теряю вес. Теряю его, даже поглощая массу калорий — восемь тысяч в день. Кэри Россингтон получил какую-то кошмарную кожную болезнь. Его супруга говорит, что он превращается в цирковое чудо-юдо. Кэри отправился в клинику Мэйо. Теперь я хочу узнать, что стряслось с Данканом Хопли. И еще — нет ли у тебя других подобных случаев.

— Билли, дело обстоит вовсе не так. Похоже, что ты вбил себе в голову какую-то диковинную идею. Не знаю, что это...

— Не знаешь, и ничего страшного. Мне нужен ответ. Если я не получу его от тебя, найду другой способ узнать.

— Не вешай трубку. Если ты намерен говорить на эту тему, я перейду к тебе в кабинет.

— Хорошо.

В трубке щелкнуло. Билли вспотел в телефонной будке, раздумывая, не обманет ли Хустон. Но вновь раздался щелчок.

— Ты здесь, Билли?

— Да.

— О'кей. — В голосе Хустона слышались явные нотки разочарования, которое выглядело комичным. Он тяжко вздохнул. — Данкан Хопли болен... угрями.

Билли раскрыл дверь будки. Слишком душно стало внутри.

— Угри?

— Да. Прыщи. С черными головками, с белыми. Вот и все. Ты доволен?

— Кто еще?

— Больше никого. И вот что, Билли. Они ни с того ни с сего не появляются. А то ты уж начал нести что-то в духе романов Стилена Кинга. Нет, дело вовсе не так странно обстоит. У него временный дисбаланс желез, только и всего. Причем у него это не впервые. Эти кожные проблемы у него с седьмого класса школы.

— Что ж, вполне рационально. Но если ты к этому добавишь Кэри Россингтона с его крокодильей кожей и Уильяма Халлека с его «анорексией невроза», начинает все-таки звучать как роман Стилена Кинга. Не так ли?

Хустон терпеливо пояснил:

— У тебя проблема метаболизма, Билли. Кэри... не знаю. Я видел...

— Странные случаи. Знаю, — перебил его Билли. Господи, и этот мешок для потребления кокаина был его семейным врачом в течение десяти лет. — Ларс Арнкастер к тебе не обращался?

— Нет. Он не мой пациент. Я думал, у тебя только один вопрос.

Конечно же, он приписан к тебе как пациент, подумал Билли.
Просто вовремя не оплачивает счета. А такой деятель, как ты, с повышенными потребностями, ждать не любит, верно?

— Ну хорошо. Тогда самый последний вопрос: когда ты в последний раз видел Данкена Хопли?

— Недели две назад.

— Спасибо.

— В следующий раз записывайся на прием, Билли, — сухо сказал Хустон и положил трубку.

Хопли, разумеется, жил не на Лантерн-драйв, но работа шефа полиции оплачивалась хорошо, а потому у него был свой аккуратный домик в новоанглийском стиле в переулке Риббонмейкер.

Билли припарковал машину в сумерках, подошел к дому и позвонил в дверь. Ответа не последовало. Позвонил снова. Тишина. Он нажал пальцем на звонок и долго-долго не отпускал, но все так же безрезультатно. Направился в гараж и, приложив ладони щитками к лицу, всмотрелся в темноту. Автомашина Хопли — «вольво» устаревшей модели — с номером «ФВ-1» — на месте. Второй машины у шефа полиции не было — Хопли холостяк. Билли вернулся к двери и принялся стучать кулаком. Минуты три он молотил по двери, пока рука не заболела. Только тогда хриплый голос заорал:

— Убирайся к черту!

— Впусти меня! — крикнул Билли. — Мне надо поговорить с тобой!

Ответа не последовало, и Билли принялся снова стучать.

266 В какой-то момент он уловил за дверью слабое движение,

представил себе притаившегося за дверью, даже присевшего на корточки Хопли, ожидающего, когда непрошеный и назойливый визитер уберется и оставит его в покое. Или в том, что для него сходило нынче за покой. Билли перестал стучать и расправил пальцы руки.

— Хопли, я думаю, ты здесь, — тихо сказал он. — Тебе нет нужды отвечать мне, только выслушай. Это Билли Халлек. Два месяца назад у меня произошел несчастный случай. Старая цыганка высочила перед носом моей машины...

Движение за дверью. Теперь определенно послышалось шарканье.

— Я сшиб и убил се. Теперь теряю в весе. Никакой диеты, ничего подобного, но вес теряю. Пока что потерял семьдесят пять фунтов. Если это не прекратится, я скоро буду похож на ходячий скелет, в самый раз для цирка. Кэри Россингтон, судья Россингтон, занялся этим делом и признал меня невиновным. Теперь у него какой-то кошмарный кожный недуг...

Билли послышалось, что за дверью раздался шумный вздох удивления.

— ...Он отправился в клинику Мэйо. Врачи сказали, что это не рак, но они не знают, что это такое. Россингтону хочется верить, что это рак. Он не желает признать, что это есть на самом деле.

Билли проглотил ком, возникший в горле.

— Это цыганское проклятие, Хопли. Понимаю, насколько это безумно звучит, но это правда. Там был старик. Он дотронулся до меня, когда я выходил из суда. Он дотронулся до Россингтона, когда тот с женой был на толкучке в Рейнтри. А до тебя он дотронулся, Хопли?

Наступила долгая тишина, а потом сквозь щель почтового ящика Билли услышал одно короткое слово:

— Да.

— Где? Когда?

Ответа не последовало.

— Хопли, куда эти цыгане отправились после Рейнтри? Ты не знаешь?

Молчание.

— Мне надо с тобой поговорить! — в отчаянии сказал Билли. — У меня есть идея, Хопли. Я думаю...

— Ты ничего не сможешь, — прошептал Хопли. — Все зашло слишком далеко, ты понимаешь, Халлек? Слишком далеко...

Послышался вздох, шелестящий, как бумага, жуткий.

— Но это же хоть какой-то шанс! — яростно воскликнул Халлек. — Неужели ты докатился до того, что тебе уже на все начать?

Молчание. Билли ждал, подыскивая более убедительные аргументы, более проникновенные слова. Ничего в голову не приходило. Хопли просто-напросто не собирался впускать его к себе. Он повернулся, чтобы уйти, когда дверь приоткрылась.

Билли посмотрел на черную щель, услышал шаркающие удаляющиеся шаги во мрак холла. По спине и по рукам побежали мураски, на миг захотелось уйти поскорее прочь. *Бог с ним, с Хопли,* подумал он. *Если кто-то и сможет разыскать цыган, то это Кирк Пениши. Ни к чему видеть Хопли, смотреть, во что он превратился.*

Билли подавил в себе импульс, раскрыл дверь и вошел внутрь.

В дальнем конце холла он разглядел смутную тень человека. Дверь слева была раскрыта, и тень прошла туда. Появился слабый свет, и из двери протянулась длинная тень через полхолла на стену, где висела фотография Хопли, получающего награду «Ротари-клуба» Фэйрвью. Голова бесформенной тени как раз находилась на этом снимке в рамке, подобно некоему предзнаменованию.

Билли пересек холл, признаваясь сам себе, что испытывает страх. Чуть ли не ожидал, что дверь за ним замкнется... *и тогда цыган выйдет из мрака и схватит меня сзади, как в дешевом фильме ужасов. А ну подтянись! Что за глупости?* Однако сердце продолжало сильно колотиться.

Он обнаружил, что в доме Хопли неприятный специфический запах, что-то вроде протухшего мяса.

На мгновение Билли задержался в проеме открытой двери на пороге не то кабинета, не то какой-то берлоги, вертепа. Свет был настолько тусклым, что разглядеть что-либо было трудно.

— Хопли?

— Заходи, — прошелестел все тот же бумажный голос.

Билли вошел.

Это был кабинет Хопли. Халлек не ожидал увидеть такое множество книг, мягкий турецкий ковер под ногами. Возможно, при иных обстоятельствах комната, хоть и была маловатой, выглядела бы весьма уютной.

В центре стоял стол светлого дерева, на нем — лампа-тензор. Хопли нагнул лампу так, что она освещала лишь пятно в дюйме от поверхности стола, остальная часть комнаты была страной холодных теней и мрака.

Сам Хопли выглядел темным силуэтом в кресле у стола.

Билли нашел кресло в углу и сел, обнаружив, что оно расположилось дальше других кресел от Хопли. Попытался раз-

глядеть хозяина жилища, однако безуспешно. Он оставался лишь силуэтом. Билли даже захотелось, чтобы Хопли поднял тензорную лампу, пусть она ослепит его на какой-то миг, пусть он заорет на него, как в фильмах сороковых годов: *Мы знаем, что вы это сделали, Мак Гонигэл! Не пытайтесь увиливать! Признавайтесь, и получите сигарету! Признавайтесь, и мы дадим вам попить! Признавайтесь, и позволим вам сходить в сортир!*

Но Хопли просто сидел в своем кресле. Послышалось шурша-
ние, когда он положил ногу на ногу.

— Ну что, хотел войти — вот и вошел. Давай, Халлек, выклады-
вай, что там у тебя, и убирайся. Не могу сказать, что ты мне симпа-
тичен, тем более теперь.

— Я несимпатичен и Леде Россингтон, — сказал Билли. — Но,
честно говоря, мне насрать на то, что она или ты думаете обо мне.
Она считает, что во всем виноват я. Ты, видимо, тоже.

— Ты сколько выпил перед тем, как сбил старуху, Халлек? Я ду-
маю, если бы Том Рэнгли дал тебе дунуть в баллончик, он бы взле-
тел под небеса.

— Ничего не пил и наркотиков не принимал, — ответил Билли.
Его сердце по-прежнему колотилось в груди, но теперь скорее от яро-
сти, а не от страха. Каждый удар сердца отдавался болью в голове. —
Хочешь знать, что было на самом деле? А? Ну так вот, моя жена —
мы, кстати, уже шестнадцать лет женаты — выбрала именно этот день,
чтобы мне подрочить хер в автомашине. Никогда ничего подобно-
го она не делала. Мне в голову не приходит — с чего вдруг выбра-
ла именно тот день. Так что пока ты, Леда Россингтон и, возмож-
но, Кэри валили вину на меня, поскольку я был за рулем, я валил
все на свою мадам, поскольку ее рука залезла мне в штаны. Теперь
думаю, что всем нам надо валить все на нашу судьбу и перестать ви-
нить других.

Хопли невнятно хмыкнул.

— Или ты хочешь, чтобы я рассказывал тебе, как я умолял Тома
Рэнгли на коленях не брать анализа на алкоголь? Как я рыдал у тебя
на плече, уговаривая простить меня и выкинуть цыган из города?

На сей раз Хопли не издал ни звука, оставался тенью, сидевшей
в кресле.

— Не поздновато ли для всех этих игр? — Голос Билли стал хрип-
лым, и он с удивлением заметил, что находится на грани слез. — Да,
моя жена мне сдрочивала. Верно, что я врезался в старуху и
убил ее. Она сама была метрах в пятидесяти от ближайшего

перехода, вылезла вдруг на дорогу, все правда. Правда и то, что ты спустил все расследование на тормозах и выпер цыган из города после того, как мы с Россингтоном пожали руки. И все в порядке! Но если ты собираешься сидеть тут в темноте и валить на всех вину, не забудь и себе полную тарелку положить.

— Знатная заключительная речь, Халлек. Классно. Ты видел тот фильм со Спенсером Трейси насчет обезьяньего суда? Видел наверняка.

— Да пошел ты! — Билли поднялся из кресла.

— Садись. — Хопли тяжело вздохнул.

Билли Халлек в нерешительности потоптался на месте, понимая, что часть его натуры хочет использовать эту злость в не очень-то благородных целях. Эта часть побуждала его театрально уйти в гневе потому, что на самом деле эта фигура в кресле вызывала в нем ужас.

— Не изображай из себя святошу, — сказал Хопли. — Сядь ты, ради Христа.

Билли присел, почувствовав, что во рту пересохло и что в бедре забилась в нервном тике какая-то мышца.

— Не стесняйся, Халлек, говори напрямик. Мы с тобой похожи друг на друга гораздо больше, чем ты думаешь. На всякие там результаты вскрытия мне всегда было наплевать. И ты прав — по этому делу я тоже не раздумывал: как надо, так и сделал. Они не первая толпа бродяг, которую я вышиб из города, и другую кое-какую косметическую работенку проделывал. Конечно, если наш местный подонок что-то вытвирял за пределами города, я ничего поделать не мог. Но ты бы удивился, если бы я тебе сказал, как много наших жителей до сих пор не поняли простой истины: не срать там, где сам жрешь.

— Или ты бы не удивился.

Хопли издал звук, видимо, означавший смех, от которого у Халлека пробежал мороз по коже.

— Это моя служба. Если бы ничего не произошло, никто из нас — ни ты, ни я, ни Россингтон — сейчас этих цыган не вспомнил бы.

Билли раскрыл было рот, чтобы отвергнуть подобное утверждение, сказать Хопли, что невозможно забыть тот двойной удар... но вспомнил четыре дня в Мохонке, как они хохотали, жрали как лошади, занимались любовью ночью и иногда днем. И это спустя столько дней после всей драмы? Пару недель?

Смолчал.

— Что случилось, то случилось. Наверное, я тебя только потому и впустил, что приятно было узнать: кто-то еще ве-

рит в такое, каким бы безумным оно ни казалось. А может, впустил тебя потому, что уж слишком мне одиноко. Мне страшно, Халлек. Так страшно, просто до безумия. И тебе страшно?

— Да, — просто признался Билли.

— А знаешь, что меня более всего ужасает? Я ведь могу какое-то порядочное время жить вот таким. Это страшно. Миссис Коллахи делает для меня покупки, пару раз в неделю убирает в доме, стирает. У меня есть телевизор, я люблю читать. Мои вклады оказались прибыльными. Если буду вести дела разумно, смогу просуществовать сколько угодно. А какие могут быть соблазны у человека моего положения? Купить себе яхту, Халлек? Зафрахтовать «Лир» в Монте-Карло, слетать с моей возлюбленной, чтобы посмотреть на скачки Гран-при в следующем месяце? Как ты думаешь? Сколько гулянок я могу устроить теперь, когда вся моя рожа изуродована?

Билли тупо покачал головой.

— Так что... я могу тут существовать... и существовать. Вот так день и ночь. А мне страшно, потому что нельзя жить таким образом постоянно. Каждый день, вместо того чтобы покончить с собой, я сижу тут в темноте и смотрю игровые шоу, а старый цыганский ублюдок где-то надо мной насмехается.

— Когда он?..

— Дотронулся до меня? Да уж недель пять назад, если это имеет значение. Я поехал в Милфорд повидать мать с отцом. Повел их победать. Перед тем, правда, выпил пива, ну и за обедом тоже. Прежде чем уйти, пошел в мужской туалет. Дверь была закрыта. Я подождал, она открылась, и этот тип вышел оттуда. Старик с жуткимносом. Он дотронулся до моей щеки и что-то сказал.

— Что именно?

— Я не рассышал, — ответил Хопли. — Как раз в тот момент кто-то на кухне грохнул на пол целый поднос посуды. Да мне и не надо было слышать — достаточно оказалось в зеркало посмотреться.

— Ты не знаешь, они остановились табором в Милфорде?

— Это я как раз проверил на следующий день с местным коллегой. Можешь называть это профессиональным любопытством. Морду старого цыгана я приметил. Да такую и не забудешь, верно?

— Пожалуй, — согласился Билли.

— Они устроили табор на ферме к востоку от Милфорда на четыре дня. Договорились там как-то, вроде их сделки с этим геморроем Арнкастлером. Я говорил с местным полицейским, он мне сказал, что наблюдал за цыганами и те вроде бы уехали в то же утро.

— После того как старик коснулся тебя?

— Да.

— Ты как считаешь — он знал, что ты там будешь? Именно в том ресторане?

— Я никогда раньше своих стариков туда не водил, — сказал Хопли. — Старая забегаловка, которую только что отремонтировали. Обычно мы ходили в другой ресторан, на другом конце города. А тут была идея матушки: хотела посмотреть, что там нового в оформлении. В общем — ерунда, ты знаешь женщин...

— Ты не ответил на мой вопрос. Он знал, что ты там будешь?

Последовала долгая пауза раздумья.

— Да, — ответила наконец обмякшая фигура в кресле. — Знал. Но только что у тебя за идея, Халлек? Я мало сплю нынче по ночам... Плохо соображаю.

Билли было предложено высказать напрямик то, что таилось в его уме. Он вдруг ощутил полную абсурдность ситуации: слишком слабой и дурацкой была его идея. Да даже не идея, а, по сути дела, фантазия, похожая на сон.

— Юридическая фирма, где я работаю, выделила группу сыщиков, — сказал он. — «Бартон Детектив Сервис».

— Слыхал о такой.

— Они самые толковые, как говорят. Я... так сказать...

Он интуитивно почувствовал, как фигура в кресле начала проявлять нетерпение, хотя Хопли не пошевелился. Халлек постарался собраться с духом, надеясь, что Хопли способен его понять, поскольку оба оказались товарищами по несчастью.

— Я хочу найти его, — сказал Билли. — Хочу встретить его лицом к лицу. Хочу сказать ему о том, что произошло... Я хочу по-честному... Если он способен с нами такое сотворить, он, наверное, знает...

— Наверняка, — откликнулся Хопли.

Прибодренный Билли продолжал:

— Но я хочу поговорить с ним от себя лично. Ну, виноват, верно. Мог бы и затормозить вовремя. Признаю — моя вина. Точнее, вина моей жены, понимаешь. Что она там вытворила. Скажу, что и Россингтон виноват, что отмыл меня так запросто, и твоя вина, что не провел расследования, выгнал их из города.

Билли снова проглотил ком в горле.

— Но я скажу ему, что ее вина была во всем тоже. Она вышла в неподожданном месте, Хопли. Понятно, что это не такая вина,

272 за которую сажают в газовую камеру, но нарушение закона с

ее стороны тоже имело место. Все произошло нечаянно, и не только мы виноваты в том, что она погибла.

— Ты хочешь все это ему высказать?

— Как сказать? Желания, конечно, нет, но я намерен это сделать. Ну, вышла, понимаешь, внезапно между двух машин и никуда не посмотрела. Этому даже в третьем классе учат.

— Я не думаю, что она училась в третьем классе, — сказал Хопли. — Вряд ли она вообще училась где-нибудь.

— Все равно, — упрямо сказал Билли. — Это же простое правило.

— Халлек, ты просто мазохист. Любишь брать на себя вину, — произнесла тень, которая была Данкеном Хопли. — Ты пока что теряешь в весе. Ты что, хочешь, чтобы эта тварь перевернула тебе нутро? Или довела твою кровь до кипения? Или, может?..

— Я не собираюсь сидеть тут сложа руки! — перебил его Билли. — Может, он способен все отменить, Хопли! Тебе такое в голову не приходило?!

— Я все читал о моих прыщах, — сказал Хопли. — Кажется, с той поры, когда у меня первый угорь в школе появился над бровью. Они меня атаковали, а я читал всю литературу, как с ними бороться. Я вообще люблю читать. Читал про всякое колдовство, и скажу тебе, Халлек, существуют сотни книг на тему, как наложить проклятия, но очень мало о том, как их снять.

— Ну ладно! Возможно, он не может. Пусть даже точно не может. Но я все равно должен с ним встретиться, черт его побери! Посмотрю ему в глаза и скажу: «Ты еще не всем отрезал долю от своего пирога, старик. Отрежь-ка и для моей супружницы, и для твоей, между прочим! И раз уж толкуем об этом, для себя, старик, тоже возьми долю. Ты сам-то где был, когда она вылезла на мостовую, не глядя по сторонам? Почему не взял ее под руку? Почему не провел к пешеходному переходу на перекрестке? Почему?..

— Хватит, — перебил его Хопли. — Если бы я был на суде, ты бы меня убедил, Халлек. Но ты забыл самый главный фактор, который действует в данной ситуации.

— Какой фактор? — недовольно спросил Билли.

— Человеческая натура. Мы можем быть жертвами сверхъестественного явления, но дело приходится иметь с человеческойатурой. Как офицер полиции — извини, бывший офицер — я давно убедился в том, что нет абсолютно правых и абсолютно неправых. Существует серый туманный переход от одного к другому, где-то темнее, где-то светлее. Ты ведь не думаешь, что ее мужкупится на это дермо?

— Не знаю.

— А я знаю, — сказал Хопли. — Я знаю, Халлек. Я этого типа вижу насквозь настолько хорошо, что можно подумать, он мне передает все мысленно. Всю свою жизнь он скитался, его прогоняли «хорошие парни», как только получали с него всю марихуану, весь гашиш, проигрывали ему последние деньги на «колесе фортуны». Всю свою жизнь он слышал от «хороших людей», что он грязный цыган. «Хорошие люди» имеют корни, а он — нет. Этот мужик наблюдал, как в тридцатых—сороковых годах шутки ради сжигались их шатры и кибитки. В них, возможно, горали детишки и немощные старики. Он видел, как на их дочерей нападали, насиловали их, потому что «хорошие люди» считают, что цыганки трахаются, как кролики, и лишний раз для них без разницы. Видел *он и как их сыновей забивали до полусмерти*. За что? Да за то, что папаши этих «хороших ребят» проиграли свои деньги на цыганских аттракционах. И всегда одно и то же: приходишь в город, «хорошие люди» получают то, чего хотят, и потом выгоняют тебя вон из города. Иногда позволяют задержаться на неделю на ближайшей ферме, иногда месяц потерпят табор в поле возле шоссейной дороги. А потом, Халлек, непременно прозвучит удар хлыста. Какой-то преуспевающий юрист с тройным подбородком, с бульдожьей мордой, сбивает твою жену на улице. Ей семьдесят или семьдесят пять лет, она наполовину слепая, может, торопилась в табор, потому что присчило по нужде. Старые кости легко ломаются, прямо как стекло. И вот ты ошивашься вокруг, надеясь, что хоть на сей-то раз правосудие сработает. Один-единственный раз за всю жизнь.

— Ладно, хватит, — перебил его Билли. — Не надо больше. — Он рассеянно коснулся пальцами щеки, полагая, что вспотел. Но влага на щеке оказалась не потом, а слезами.

— Да нет уж, — жестко сказал Хопли. — Ты этого всего заслуживаешь, и я намерен закончить. Не подумай, что я против того, что ты задумал. Нет, Халлек. Дэниел Уэбстер с самим Сатаной связался, так что тут все возможно. Просто я считаю, у тебя еще слишком много иллюзий. Этот мужик безумен, Халлек. Он разъярен. Возможно, у него уже настолько крыша поехала, что тебе впору искать его в дурдоме Бриджуотера. Он начал мстить, а когда мстишь, не замечашь оттенков и нюансов. Когда твоя жена с детишками погибают в авиакатастрофе, тебе не хочется слушать, как там цепь А замкнулась на тумблере Б и как контроллер В не сработал в системе Д, а пилот Х выбрал неудачное время, чтобы пройти в сортир Ж.

Тебе хочется только засудить эту авиакомпанию или пристрелить виновника аварии. Тебе нужен козел отпущения, Халлек. Хочется с кем-то расправиться. Вот с нами и расправляются, тем хуже для нас. Возможно, Халлек, я немного лучше тебя разбираюсь в подобных вещах.

Медленно, медленно его рука протянулась к тензорной лампе, повернула ее так, что свет упал на его лицо. Халлек услышал резкий шумный вдох и осознал, что именно он ахнул. Услышал слова Хопли:

— Как думаешь, на скольких гулянках я буду желанным гостем с такой рожей, вернее, с тем, что от нее осталось?

Кожа Хопли представляла собой страшное зрелище. Кошмарные красные прыщи размером с чайное блюдце выросли на его подбородке, шее, руках. Чирьи поменьше покрывали щеки и лоб, нос усыпан крупными угреми с черными головками. Желтоватый гной сочился между этими буграми всех размеров, кое-где вытекала струйками кровь. Жесткие черные волосы, какие бывают на бороде, росли беспорядочными пучками, и Халлек потрясенно подумал, что бриться Хопли было просто невозможно. Из этого жуткого ландшафта смотрели глаза Хопли. Смотрели на Халлека долго и не мигая, наблюдая на его лице ужас и отвращение. Наконец он кивнул, словно получив удовлетворение, и повернул лампу обратно.

— Боже мой, Хопли, прости... Мне так жаль...

— Не жалей, — сказал Хопли со зловещим спокойствием. — У тебя все проходит не так быстро, но конец будет тот же. Мой служебный пистолет в третьем ящике этого стола, и я воспользуюсь им, когда станет совсем невмоготу, независимо от того, как обстоят дела с моим счетом в банке. Бог не любит трусов, как говорит мой отец. Я хотел, чтобы ты меня увидел и понял. Знаю, как чувствует себя тот старый цыган. И я не стал бы произносить гладких юридических речей, Халлек. И не стал бы думать о каких-то резонах. Я бы его убил за то, что он со мной сотворил.

Кошмарная тень зашевелилась, заворочалась в кресле. Рука Хопли потянулась к щеке, и до Билли донесся отвратительный звук лопающегося нарява. *Россингтон покрывается панцирем, Хопли сгнивает, а я истаиваю*, подумал он. *Милостивый Господи, пусть все это будет сном... пусть лучшие я сойду с ума, но только не дай такому свершиться.*

— Я буду убивать его медленно, — сказал Хопли. — О деталях говорить тебе не стану.

Билли попытался заговорить, но не смог произнести ни звука, в горле пересохло.

— Я понимаю, как ты пришел к своей идее, — сказал Хопли. — Но возлагаю очень мало надежды на успех твоей миссии. Почему бы тебе, Халлек, не обдумать его убийство? Почему бы тебе...

Но Халлек дошел до своего предела. Он выскочил из кабинета Хопли, ударившись бедром о его рабочий стол. Ему почудилось, что Хопли вот-вот ухватит его рукой, коснется его. Хопли не пошевелился.

Халлек выбежал в ночь и остановился, вдыхая всей грудью свежий воздух. Его била дрожь.

Глава тринацатая:

172

Оставшееся до отъезда время Билли преследовала навязчивая мысль позвонить Джинелли в «Три брата». Джинелли казался каким-то ответом на проблему, а каким именно, он и сам не знал. В итоге он отправился в клинику Глассмана и начал их серию анализов на метаболизм. Если бы он был холостяком, одиноким человеком вроде Хопли, он бы отменил все это. Но была Хейди, о которой следовало подумать, была Линда — наивная наблюдательница, не понимавшая, в чем, собственно, дело. Итак, он записался в клинику, скрывая свое безумное познание истины, как порядочный человек скрывает свою привычку к наркотикам.

По крайней мере это было нормальное местопребывание, а между тем Кирк Пенсли и «Бартон Детектив Сервис» позаботятся о его деле. Он надеялся.

Его всесторонне обследовали, осматривали. Он пил противный белый барий, подвергался рентгеновскому осмотру, его сканировали, делали электрокардиограммы и прочее. Были приглашены крупные специалисты, которым его демонстрировали, как диковинку зоопарка. *Гигантская панда или последняя птичка додо*, думал Билли, сидя в солярии с последним номером «Нэшнл джиографик» в руках. На руках его были заплаты из пластыря: в него втыкали много игл.

На второе утро у Глассмана, когда он подвергался очередным испытаниям, Билли впервые обратил внимание на два ряда четко заметных ребер на своем торсе. Впервые — за сколько лет?

276 В школе? Нет. Никогда. От выпирающих костей падали рель-

ефные тени. Выпирали тазобедренные кости, и даже в районе лобка они были заметны. Он коснулся их рукой: напомнили рукоятку сцепления его первого в жизни автомобиля — «понтиака» 1957 года. Он тихо засмеялся и почувствовал на глазах жгучие слезы. Все его дни теперь стали одинаковыми: переменная облачность, местами дожди.

Я буду убивать его медленно. О деталях говорить тебе не стану.

Почему? — думал Билли, лежа в своей больничной койке с приподнятыми, как у ванны, боковинами. Об осталном ты мне все сказал.

За три дня пребывания у Глассмана Халлек потерял семь фунтов веса. Не так уж много, подумал он с новым для себя юмором ви-
сельника. *Не так уж много — меньше, чем обычный куль сахара. Стакими темпами я исчезну... когда? Примерно к октябрю!*

172, декламировал его разум. *172 теперь. Если бы ты был боксе-ром, пришлось бы из тяжеловесов переходить в средний вес... а может, Билли, попытаешь счастья в весе «перо»? Наилегчайшем весе?*

Прибыли букеты цветов: от Хейди, от фирмы. Маленькая ве-
сточка пришла от Линды на открытке. Аккуратным школьным по-
черком было выведено: *Поскорей выздоравливай, папочка. С лю-
бовью — Лин.* Билли тайком поплакал над этой запиской.

На третий день, надев свою одежду, он встретился с тремя врача-
ми, занимавшимися его проблемой. Он чувствовал себя менее уяз-
вимым в джинсах и рубашке с короткими рукавами с надписью ВСТРЕ-
ТИМСЯ В ФЭЙРВЬЮ. Удивительно, как меняются ощущения, когда
снимаешь больничную пижаму. Билли выслушал врачей, подумал о
Леде Россингтон и подавил угрюмую ироничную улыбку.

Они знали, что с ним такое, это был случай один из двух (или трех). Один вариант — редкая болезнь истощения организма, впервые появившаяся за пределами Микронезии. Другой — редкий слу-
чай метаболического заболевания, которое еще не было полно-
стью исследовано. Третий вариант — но это лишь возможность, за-
метьте, — психическая форма «анорексии невроза»: редчайший слу-
чай, до сих пор не подтвержденный. По их глазам Билли понял, что
им по душе последний вариант: могут сделать себе имя и будут удо-
стоены занесения в медицинские анналы. В любом случае Билли Хал-
лек остался загадкой, а врачи — детьми в рождественское утро.

Уговаривали его задержаться в клинике Глассмана еще на не-
делю или две (может, даже на три). Намеревались выявить, что с
ним на самом деле. Собирались для начала проверить на нем дей-
ствие мегавитаминов, кроме того — инъекции протеинов,
разумеется.

Поднялся дружный вой (профессиональный, разумеется), когда Билли спокойно их поблагодарил и сообщил им, что покидает клинику. Они возмущались, осуждали, читали сму лекции. А Билли, которому в последнее время все чаще казалось, что у него не все в порядке с мозгами, они показались этакими тремя гномами из сказки: того и гляди начнут гоняться друг за другом в развеивающихся халатах по роскошной приемной, тузить друг друга и ругаться с бруклинским акцентом.

— Несомненно, вы себя чувствуете теперь лучше, мистер Халлек, — говорил один из них. — Начнем с того, что у вас было серьезное ожирение — это видно по истории болезни. Но хочу вас предупредить: ваше прекрасное самочувствие может оказаться преходящим фактором. Если и дальше будете терять вес, у вас появятся прыщики во рту, кожные проблемы...

Если хотите увидеть настоящие кожные проблемы, вам нужно взглянуть на шефа полиции Фэйрвью, подумал он. Извините, бывшего шефа.

Он вдруг решил под влиянием момента снова начать курить.

— ...такие болезни, как непроходящие нагноения, бери-бери, — строго продолжал доктор. — Вы будете весьма подвержены любым инфекциям — от обыкновенной простуды и бронхита до туберкулеза. Туберкулез! Вы понимаете, мистер Халлек? Зато если вы останетесь здесь...

— Нет, — ответил Билли. — Пожалуйста, поверьте — у меня нет иного выхода.

Другой врач, сторонник идеи психического варианта «анорексии невроза», приложил пальцы к вискам и сказал:

— Ну что мы можем сделать, чтобы убедить вас, мистер Халлек?

— Ничего, — ответил Билли. Перед мысленным взором снова возник образ старого цыгана. Почувствовал шершавое мозолистое прикосновение его пальца к щеке. Да, подумал он, начну снова курить что-нибудь крепкое вроде «Кэмела» или «Честерфилда». Почему бы и нет? Когда чертовы доктора начинают выглядеть вроде братьев Маркс, пора что-то предпринять.

Они попросили его подождать и вышли все трое. Билли ничего не имел против — он чувствовал себя в самом центре шторма и на том успокоился. Успокоился и на мысли о том, что выкурит сразу две сигареты подряд.

Они вернулись мрачными и одновременно возбужденными: мужчины, решившиеся на главную жертву. Они готовы

оставить его здесь бесплатно, останется только плата за лабораторную работу.

— Нет, — терпеливо ответил Билли. — Вы просто не поняли. Моя страховка и так покрывает все расходы, я сам проверил. Дело в том, что я ухожу. Просто ухожу, и все.

Они непонимающие смотрели на него, начиная сердиться. Билли подумал — не сказать ли им, что они напоминают ему трех Гномов, но решил, что подобная затея недопустимо оскорбительна. Она только все осложнит. Такие люди не привыкли к вызывающим поступкам в отношении себя. Могли и Хейди позвонить, а уж их-то она выслушает.

— Хорошо, мы оплатим лабораторные счета, — сказал один из них, как бы подводя черту всем доводам.

— Я уезжаю. — Билли говорил очень тихо и теперь увидел, что они повернули ему. Возможно, сам тихий тон его голоса убедил их, что дело тут не в деньгах, а просто он тронулся рассудком.

— Но почему? Почему, мистер Халлек?!

— Потому что вам, джентльмены, кажется, будто вы сможете мне помочь, а на самом деле это невозможно.

Посмотрев на их удивленные, растерянные лица, Билли подумал, что никогда еще в жизни не чувствовал себя таким одиноким.

По пути домой он остановился у табачной лавки и купил пачку «Честерфилда». Первые затяжки вызвали такое головокружение, что он тотчас выбросил сигареты.

— Хватит экспериментировать, — сказал он вслух, сидя в машине. А потом засмеялся и заплакал одновременно. — За дело, ребятишки!

Глава четырнадцатая:

156

Линда уехала.

Легкие морщинки возле глаз и рта Хейди обозначились резче. Она курила теперь как паровоз. Сигареты «Вантаж-100» — одну за другой. Халлеку сообщила, что отправила Линду к своей тетке Роде в Уэстчестер.

— Я сделала это по двум причинам, — пояснила она. — Во-первых, она... ей нужно от тебя отвлечься, Билли. От того,

что с тобой происходит. Она буквально с ума сходит. Я ей еле внушила, что у тебя нет никакого рака.

— Ей бы с Кэри Россингтоном поговорить, — пробормотал Билли, направляясь на кухню. Ему срочно захотелось кофе — черного, крепкого, без сахара. — Прямо родственные души.

— Что? Я не слышу.

— Ничего. Ерунда. Кофе включи.

— Девочка ночи не спит, — сказала Хейди, когда он вернулся.

Она нервожно переплела пальцы. — Ты понимаешь?

— Да. — Билли ощутил внутреннюю занозу. Подумал: а понимает ли Хейди, что ему Линда тоже нужна, что она часть той системы, которая поддерживала его морально? Ну, часть или не часть, а он не имеет права травмировать девочку, нарушать ее спокойствие. Тут все же Хейди была права. Права, невзирая на цену такой разлуки.

И вновь он ощущал вспышку ненависти к ней. Мамочка немедленно спровадила дочурку к тетушке, как только он позвонил и сообщил, что возвращается. Папочка-страшила возвращается. Не убегай, девочка, не бойся — это всего лишь Тощий Человек...

Почему именно в такой день? Что тебя дернуло выбрать именно тот день?

— Билли? С тобой все в порядке? — Голос Хейди странным образом прозвучал нерешительно.

Господи! Глупая сучка! Ты замужем за ходячим скелетом и спрашивала, все ли у меня в порядке?

— Со мной все в порядке, насколько это возможно. А что?

— Да ты как-то странно смотрел так...

Неужели? Неужели так странно? Но почему, Хейди, ты выбрала именно тот день, чтобы залезть мне в штаны, и это после всех лет, когда мы занимались такими делами в темноте спальни.

— Ну, как тебе сказать? Я теперь все время чувствую себя странно, — сказал Билли. Сам подумал: *Пора прекращать эти бесплодные умствования, мой друг. Бессмысленно. Что сделано, то сделано.*

Но выбросить эти мысли оказалось трудно. Трудно, когда она стояла тут с сигаретой, куря одну за другой и при этом будучи в полном порядке, а кроме того...

Прекрати, Билли. Хватит.

Хейди отвернулась и загасила сигарету в хрустальной пепельнице.

— А во-вторых, Билли, ты кое-что от меня скрывал. Кое-
280 что имеющее отношение к нам обоим. Иногда ты во сне гово-

ришь. Теперь я хочу знать. Я заслуживаю того, чтобы знать правду. — Голос ее дрогнул.

— Хочешь знать, говоришь? — спросил Халлек. — В самом деле? — На его лице появилась невольная улыбка.

— Да! Да!

И Билли ей все рассказал.

Хустон позвонил ему на следующий день и после долгого бес-смысленного предисловия перешел к сути дела. Хейди находилась у него. Они основательно потолковали (*Ты ей не предложил понюшку?* подумал Халлек. *Не спросить ли? Пожалуй, не стоит*). Итог длинного разговора оказался таким: у Билли определенно поехала крыша.

— Майкл, — сказал Билли, — старый цыган был вполне реален. Он прикоснулся к нам троим: ко мне, к Кэри Россингтону, к Данкену Хопли. Я понимаю, такой человек, как ты, в сверхъестественное верить не может. Но ты же наверняка веришь в методы дедукции и индукции. Поэтому должен видеть и подобные возможности. Мы все трое были потроганы его рукой, все трое обрели таинственные недуги. Прежде чем объявлять меня чокнутым, хотя бы допусти логическую связь.

— Билли, связи тут нет.

— Да я...

— Я говорил с Ледой Россингтон. Она сказала, что Кэри находится в Мэйо, где его лечат от рака кожи. Сказала, что дело зашло слишком далеко, но она считает, что есть надежда на благополучный исход. А еще Леда сказала, что не видела тебя с рождественской гулянки у Гордонов.

— Она врет!

Хустон замолчал. Только что там за звук на фоне его молчания? Уж не Хейди ли плачет? Билли сильно стиснул телефонную трубку, даже костяшки пальцев побелели.

— А ты с ней лично говорил или по телефону?

— По телефону. А какая разница?

— Если бы ты ее увидел, ты бы понял, какая разница. Она выглядит совершенно потрясенной и выбитой из колеи.

— Что ж, когда узнаешь, что у твоего мужа рак кожи, да еще запущенный...

— А с Кэри ты говорил?

— Он сейчас под усиленным наблюдением. Таким пациентам телефонные разговоры разрешены только при чрезвычайных обстоятельствах.

— Мой вес упал до ста семидесяти, — сказал Билли. — Я потерял уже восемьдесят три фунта. Для меня это — чрезвычайное обстоятельство.

Снова пауза на другом конце провода. Кроме того звука, который мог быть плачем Хейди.

— Ты поговоришь с ним? Ну хотя бы попытаешься?

— Если его доктор позволит и если он сам пожелает поговорить со мной, то — да. Но, Билли, эта твоя галлюцинация...

— Никакая это не галлюцинация, черт побери! Ради Бога, не кричи. Билли закрыл глаза.

— Ну хорошо, хорошо, — успокаивающе отозвался Хустон. — Пусть не галлюцинация. Ну скажем — эта идея. Я только хочу сказать, что эта идея не поможет твоему состоянию. Более того, возможно, она и есть корень зла, источник психоанорексии, если ты в самом деле болен этим, как утверждает доктор Юнг. Ты...

— Хопли, — перебил его Билли. Лицо покрылось потом, и Билли промокнул его платком. Вспомнил вдруг облик Хопли, лицо, которое перестало быть лицом, превратилось в рельефную карту ада. Кошмарные опухоли, сочащаяся влага и невыразимый звук, когда он ногтем поскреб щеку.

Снова последовала долгая пауза со стороны Хустона.

— Поговори с Данкеном Хопли. Он подтвердит...

— Невозможно, Билли. Данкен Хопли покончил с собой два дня назад. Он застрелился, пока ты был в клинике Глассмана.

Халлек крепко зажмурил глаза и закачался, стоя на ногах. Потчувствовал себя так, как в тот момент, когда возобновил курение. Ушипнул себя за щеку, чтобы не упасть в обморок.

— Тогда ты знаешь, — сказал он, не раскрывая глаз. — Ты знаешь или кто-нибудь знает, кто увидел его.

— Грэнд Лоулор видел его, — сказал Хустон. — Я с ним говорил сегодня.

Грэнд Лоулор. Какой-то момент испуганный запутавшийся разум Билли не сработал. Показалось, что Хустон сказал что-то другое. Потом дошло. Грэнд Лоулор был окружной врач, производивший вскрытия. Вспомнил, что Грэнд Лоулор пару раз выступал перед судом в качестве свидетеля.

Мысль об этом вызвала иррациональное желание хихикнуть. Халлек прикрыл трубку ладонью: не дай Бог, а то Хустон утвердится во мнении, что он точно сошел с ума.

А тебе бы очень хотелось поверить в мое безумие; верно, Майлз? Потому что, если я не в своем уме и начну болтать о

твоей бутылочке и маленькой костяной ложечке, никто ведь мне не поверит, верно? Ну конечно же.

Желание хихикать прошло.

— Ты спросил его...

— О некоторых деталях относительно смерти? Естественно. После истории ужаса, которую ты выдал своей жене, я специально поинтересовался. — Голос Хустона обрел ехидный оттенок. — Ты должен быть мною доволен, Билли. Когда он меня спросил, почему меня это интересует, я держал язык за зубами.

— И что он сказал?

— Что внешность Хопли выглядела скверно, но уж никак не тот ужас, что ты описывал Хейди. То, что сказал Грэнд, скорее напоминает мне рецидив взрослых угрей, от которых я лечил Данкена начиная с 1974 года. Они у него вызвали депрессию. И это понятно. Нашествие угрей на лице для взрослого мужчины — большая психологическая травма, возможно, одна из сильнейших.

— То есть ты полагаешь, он был подавлен из-за своей изменившейся внешности и застрелился?

— В сущности, да.

— Давай напрямик, — сказал Билли. — Ты веришь в то, что дело в более-менее обычном рецидиве распространения угрей у взрослого, пусть даже самого обширного за многие годы. В то же время ты считаешь, что он застрелился от того, что увидел в зеркале. Ну и диагноз, скажу я тебе, Майлз!

— Я не говорил, что дело только в кожной проблеме, — сказал Хустон раздраженно. — Самое худшее в этих проблемах состоит в том, что они возникают в паре, в тройке, а иногда и с целой кучей сопутствующих вещей. Редко в одиночку. Самый высокий уровень самоубийств, Билли, кстати, среди психиатров. Но полицейские не далеко от них ушли. Видимо, имела место комбинация факторов, где его последний недуг явился и последней соломинкой, которая сломала спину верблюда.

— Тебе стоило бы его увидеть, — мрачно сказал Билли. — То была не соломинка, а куча бревен.

— Записки он не оставил, так что мы ничего не узнаем, верно?

— Боже мой! — Билли тяжело вздохнул и провел пятерней по волосам. — Господи милостивый!

— И причины самоубийства Хопли нам тоже неведомы. Так?

— Мне они ведомы, — ответил Билли. — Вполне известны.

— А мне вот кажется, все дело в том, что твой разум, Билли, сыграл с тобой злую шутку. Комплекс вины. Ты... ты зациклился на этих цыганских проклятиях и, когда пошел к Хопли в тот вечер, просто увидел то, чего на самом деле не было. — Теперь Хустон говорил утвердительно-успокаивающим тоном врача. — Ты перед визитом к Данкену случайно не заглянул к Энди на пару коктейлей? Ну так — чтобы взбодриться?

— Нет.

— Уверен? Хейди говорит, что ты там основательно посиживал.

— Если так, твоя жена меня бы там непременно видела, — ответил Билли. — Ты так не находишь?

Последовала затянувшаяся пауза. Потом Хустон сказал бесстрастно:

— Это удар ниже пояса, Билли. Но именно такого ответа я и ожидал от человека, пребывающего в сильном психическом напряжении.

— Сильное психическое напряжение. Психическая анорексия. У вас, врачей, всему найдется название. Но повидал бы ты его. Ты бы... — Билли смолк, подумав о прыщах и опухолях на щеках Данкена Хопли, вспомнил сочущуюся жидкость, нос, утонувший в наркотиках.

— Билли, неужели ты сам не понимаешь, что просто пытаешься найти логическое объяснение тому, что произошло и происходит с тобой? Тут и явный комплекс вины из-за старой цыганки, и...

— Проклятие исчезло, когда он застрелился, — услышал Билли свой голос. — Может быть, потому он и перестал выглядеть так ужа-сающе. Как в кинофильмах про оборотней, Майкл. Когда оборотня в итоге убивают, он снова превращается в человека.

На место растерянности пришло возбуждение. Халлек начал обдумывать новую идею, быстро прикидывая возможности и вероятности.

Куда девается проклятие, когда проклятый от него избавляется? Кто может ответить? Только умирающий в самый последний момент, на пороге смерти. Когда его душа отлетает прочь. Прочь, прочь. И есть ли способ изгнать эту напасть?

Россингтон — прежде всего. Россингтон в Мэйо, отчаянно цепляющийся за объяснение, что у него рак кожи, поскольку альтернатива — куда страшнее. Когда Россингтон умрет, вернется ли его нормальный вид?

Он вдруг обратил внимание на молчание Хустона и на смутные звуки в трубке — неприятные и знакомые... Всхлипывания.

— Почему она плачет? — спросил Билли.

— Билли...

— Дай-ка мне ее!

— Билли! Да ты к себе прислушайся!

— К черту! Дай мне ее!

— Нет. Пока ты в таком состоянии, не дам.

— Почему, ты, нахалка поганая?!

— Прекрати, Билли!

Хустон настолько громко заорал, что Билли отодвинул трубку от уха. Когда приложил ее обратно к уху, всхлипывания умолкли.

— А теперь послушай! — сказал Хустон. — Таких вещей, как оборотни, не бывает. Не бывает цыганских проклятий. Я чувствую себя последним идиотом, говоря тебе такие элементарные вещи.

— Слушай, неужели не видишь, что это все же часть проблемы? — тихо спросил Билли. — Неужели не понимаешь, что эти люди умели уходить безнаказанными с подобными штуками в последние двадцать столетий, если не больше?

— Билли, если на тебе лежит проклятие, то оно исходит из твоего подсознания. Поверь. Старый цыган не мог наложить проклятия. Но твой собственный разум под маской старого цыгана — может.

— Я, Хопли, Россингтон, — сказал Халлек тупо. — Все сразу. Нет уж, это ты слепой, Майкл. Вот так-то.

— Да брось ты! Тут всего лишь совпадение. Ну сколько можно блуждать вокруг одного и того же дерева? Вернись к Глассману. Пусть они тебе помогут. Хватит сводить с ума собственную супругу.

В какой-то момент он даже заколебался. Уж очень здраво и разумно звучали доводы Хустона. Они успокаивали.

А потом вспомнил Хопли, поворачивающего лампу, безжалостно освещившую его лицо. Вспомнил слова Хопли: *Я буду убивать его долго... деталей тебе говорить не стану...*

— Нет, — сказал он. — У Глассмана мне ничем помочь не могут, Майкл.

Хустон тяжело вздохнул.

— Тогда кто же? Старый цыган?

— Возможно, — сказал Халлек. — Если удастся его найти. Не исключено. Кроме того, у меня есть знакомый, который может помочь. Он pragmatик вроде тебя.

Джинелли. Имя всплыло в памяти в то время, как он говорил по телефону.

— Но в основном я намерен полагаться на себя.

— Именно об этом я тебе и говорю!

— Правда? А у меня сложилось впечатление, что ты посоветовал мне вернуться в клинику Глассмана.

Хустон снова вздохнул.

— Мне кажется, твои мозги тоже начали терять вес. Ты хоть подумал, что ты устраиваешь своей жене и дочке? Хоть раз подумал об этом?

А тебе Хейди сказала, что она делала, когда произошел наезд? — чуть не выпалил Билли. Не сказала еще, Майкл? Нет? А ты спроси ее...

— Билли?

— Мы с Хейди потолкуем об этом, — тихо ответил он.

— Неужели ты?..

— Я думаю, Майкл, что ты прав по крайней мере в одном.

— Да? О, как мне повезло! И в чем же я оказался прав?

— В том, что хватит ходить вокруг да около, — сказал Билли и положил трубку.

Но потолковать им не удалось.

Пару раз Билли попытался завести разговор, однако Хейди только качала головой. Лицо ее было бледным, непроницаемым, глаза смотрели на него обвиняюще. Только раз она отреагировала.

Это произошло через три дня после телефонного разговора с Хустоном, когда Хейди всхлипывала в его кабинете. Они заканчивали ужин. Халлек прикончил внушительный набор лесоруба: три гамбургера с гарниром, четыре початка молодой кукурузы с маслом, полпинты бульона, персиковый пирог со сладкой подливой. Надо сказать, аппетит у него стал слабый, но он с тревогой обнаружил, что быстрее теряет вес, если не ест. Когда перед тем Хейди вернулась от Хустона с опухшими от слез глазами, Билли был так расстроен, что не стал ни обедать, ни ужинать, а когда на следующее утро встал на весы, увидел на шкале цифру 167. Ему стало тошно. Пять фунтов за один день! О Боже! С тех пор и не пропускал еды в положенное время.

Теперь он показал на пустые тарелки.

— Похоже это на «анорексию невроза», Хейди? — спросил он.

— Нет, — нехотя ответила она. — Но...

— Так я ем весь последний месяц. И за этот месяц потерял шестьдесят фунтов. Вот и объясни мне, каким образом мое подсознание ухитряется делать такой трюк. Терять в весе по два фунта в день при потреблении примерно шести тысяч калорий.

— Я не знаю... но Майкл... Майкл говорит...

— Ты не знаешь, и я не знаю, — перебил ее Билли, сердито бросая салфетку на тарелку. В животе его заурчало от обильного ужина. — И Майкл Хустон тоже не знает.

— Ну хорошо, если это проклятие, то почему со мной ничего не происходит?! — закричала она. Хотя в глазах ее сверкнул гнев, Халлек увидел, что она на грани слез.

Потеряв над собой контроль от накопившейся обиды и страха, он закричал в ответ:

— Не знал он, вот почему! Понимаешь? Не знал!

Всхлипывая, она резко отодвинулась, чуть не упав вместе со стулом, и стремительно вышла из-за стола, рукой схватилась за лицо, словно от сильной головной боли.

— Хейди! — воскликнул он, поднимаясь и роняя стул на пол. — Вернись!

Ее шаги на лестнице не замедлились. Он услышал, как хлопнула дверь — но не их спальни. Кажется, комнаты Линды или спальни для гостей.

Халлек подумал — скорее всего в комнате для гостей. Он оказался прав. Больше она с ним в одной комнате не спала.

Та неделя, последняя перед тем, как он покинул дом, потом вспоминалась Билли Халлеку как смутный кошмар. Погода установилась гнетуще душная и жаркая. Билли ел и потел, потел и ел, а его вес равномерно и неуклонно снижался. В конце недели, когда он арендовал автомобиль и отправился в путь по 95-й магистрали в сторону Нью-Хэмпшира и Мэна, он потерял еще одиннадцать фунтов и весил уже 156 фунтов.

В течение этой последней недели врачи из клиники Глассмана неоднократно звонили ему. То и дело звонил Майкл Хустон. Хейди молча наблюдала за ним и курила. Когда он заговорил о том, что неплохо бы повидать Линду, она бесстрастно ответила:

— Я предпочитаю, чтобы ты этого не делал.

В пятницу, накануне отъезда, снова позвонил Хустон.

— Майкл, — сказал ему Билли, — я больше не отвечаю на звонки от врачей Глассмана и не буду отвечать на твои, если не прекратишь эту муру.

— Напрасно, — возразил Хустон. — Послушай меня внимательно, Билли. Это очень важно.

Билли выслушал очередную порцию дурацких сентенций, испытывая гнев и обиду из-за предательства. Хейди снова была там. Ее переговоры с Хустоном опять закончились слезами. Хустон провел долгую консультацию с тремя Гномами клиники Глассмана («Не волнуйся, Билли, это оплачено: профессиональная привилегия») и снова встретился с Хейди. Все сошлись на том, что Билли не помешает серия психиатрических обследований.

— И я тебе очень советую по собственной воле согласиться на это, — заключил Хустон.

— Еще бы! И я даже знаю, где ты рекомендовал бы мне пройти обследование. Разумеется, в клинике Глассмана. Угадал?

— Ну что ж, мы подумали, так было бы удобнее всего.

— А как же иначе? И пока мне обследуют мозги, я буду пить барий и получать клизмы.

Хустон красноречиво смолчал.

— А если я откажусь?

— Хейди имеет право прибегнуть к законным средствам, — осторожно ответил Хустон. — Ты понимаешь?

— Я понимаю, — ответил Билли. — Ты имеешь в виду себя, Хейди и трех Гномов из клиники Глассмана. Все вместе вы отправляете меня в санаторий «Саннивейл», где я научусь плести корзинки.

— Брось ты эту мелодраму, Билли! Она не меньше беспокоится о Линде, чем о тебе.

— Мы оба волнуемся за Линду, — сказал Билли. — Я и за Хейди волнуюсь. Конечно, бывают моменты, когда я на нее зол, но в целом по-прежнему люблю ее. И потому беспокоюсь. Так что она в какой-то степени ввела тебя в заблуждение, Майкл.

— Не знаю, о чём ты говоришь.

— Ясно, что не знаешь. И объяснять тебе не собираюсь. Она может тебе рассказать, хотя сомневаюсь. Хейди хотела бы забыть все, что случилось. Она могла бы излить тебе душу относительно некоторых упущеных деталей. Скажем так: у нее тоже есть свой комплекс вины. Кстати, если прежде она выкуривала пачку сигарет в день, то теперь выкуривает до двух с половиной.

Долгая пауза, потом Майкл Хустон вернулся к своему обычно му припеву:

— Что бы там ни было, Билли, но психиатрические тесты, поверь мне, в твоих же интересах и в интересах...

— Прощай, Майкл, — сказал Халлек и аккуратно поло-
288 жил трубку.

Глава пятнадцатая: ДВА ТЕЛЕФОННЫХ РАЗГОВОРА

Оставшуюся часть дня Билли провел, вышагивая взад и вперед по прохладному кондиционированному дому, бросая взгляды на отражение своего нового облика в зеркалах и полированных поверхностях.

То, какими мы себя видим, гораздо в большей степени, чем мы полагаем, зависит от нашей концепции нормального телосложения.

Ничего утешительного в этой идее он не нашел.

Моя самооценка зависит от того, насколько я воздействую на окружающий меня мир. Что же получается? Если мистер Т. ходит по улице, держа под мышкой труд Эйнштейна, от этого он выглядит важным человеком, ученым. Но разве в самом деле мистер Т. становится от этого лучше?

Нет, я не это имел в виду. Не это.

То, как мы воспринимаем реальность, гораздо больше, чем мы полагаем, зависит от нашей оценки собственного телосложения.

Да, реальность — пожалуй, ближе к истине. Когда видишь, как тебя стирают фунт за фунтом на нет, подобно тому, как стирают с черной доски сложное уравнение — строку за строкой, на твое восприятие реальности это здорово влияет. Твоей личной реальности и всей в целом.

Он был толстым, жирным, как свинья. Потом стал плотным, потом нормальным (если такое понятие вообще существует), потом худым. Но теперь худоба переходила в новое качество, которое можно назвать «тощий». А что дальше? Дистрофик, истощенный, скелетообразный? Дальше уже и вообразить было нечего.

Его не слишком беспокоила перспектива быть отправленным в санаторий для тихопомешанных. Чтобы организовать подобное, требуется время. Однако последний разговор с Хустоном показал, насколько далеко зашло дело. Оказалось невозможным убедить кого-либо. Ни один человек ему не поверит. Захотелось позвонить Кирку Пенсли. Желание было почти неодолимым, хотя он и понимал, что Кирк сам позвонит, как только три сыскные компании, услуги которых пользовалась фирма, что-нибудь найдут.

Вместо этого Халлек позвонил в Нью-Йорк, разыскав нужный телефон в записной книжке. С тех пор как приключилась эта беда, имя Ричарда Джинелли то и дело всплывало в сознании. Теперь пришло время позвонить ему.

На всякий случай.

— «Три брата», — послышался голос в трубке. — Сегодня у нас в меню телятина «марсала» и наша фирменная версия «Фетуччине Альфредо».

— Меня зовут Уильям Халлек. Я бы хотел поговорить с мистером Джинелли, если он на месте.

После паузы в трубке послышался голос:

— Халлек?

— Да.

Трубка была отложена в сторону, и Билли слабо различил звяканье посуды, чью-то брань на итальянском, чей-то смех. Как и все в его нынешней жизни, звучало это очень издалека.

Наконец трубку подняли.

— Уильям! — Билли вдруг пришло в голову, что никто больше его так не называл. — Как твои дела, дорогой?

— Я сбросил вес.

— Что ж, отлично, — сказал Джинелли. — Ты был слишком толст, Уильям. Прямо тебе скажу — слишком. И сколько сбросил?

— Двадцать фунтов.

— О! Поздравляю! И сердчишко твое тебя поблагодарит. Трудно терять вес? Впрочем, не говори, сам знаю. Чертова калории так и цепляются, висят, понимаешь, над поясом. Потом вдруг портки начинают по швам расползаться на заднице, когда ботинок зашивается.

— Для меня это не составило труда.

— Заходи, Уильям, к «Трем братьям». Я тебя сам угощу отличной штукой — курицей по-неаполитански. Весь прежний вес вернешь с одного блюда.

— А что, пожалуй, ловлю тебя на слове. — Билли улыбался. Глядя на свое отражение в зеркале кабинета, он подумал, что в его улыбке слишком много зубов, слишком они близки к плоти губ. Улыбка исчезла с его лица.

— Я серьезно говорю, дорогой. Соскучился по тебе. Так давно не виделись, а жизнь-то коротка. Да, жизнь наша коротка, верно?

— Да, пожалуй.

Джинелли понизил голос:

— Я слыхал, у тебя там, в Коннектикуте, была неприятность. Мне было очень жаль, когда услышал.

— Откуда ты услышал? — удивленно спросил Билли. В

газете Фэйрвью «Репортер» была лишь маленькая заметка, в

которой и имена-то не назывались, а в газетах Нью-Йорка и того не было.

— Держу ухо востро, — ответил Джинелли. — Как говорят, прикладываю ухо к земле.

Да, таков твой образ жизни — держать ухо востро, подумал Билли и неуменно поежился.

— С этим у меня и сейчас проблемы, — сказал Билли, осторожно подыскивая слова. — Они, видишь ли, выходят за рамки юрисдикции. Женщина... ты слыхал о той женщине?

— Да. Говорили — цыганка.

— Верно, цыганка. А у нее — муж. Вот он... устроил мне неприятность.

— Как его зовут?

— Лемке, кажется. Попробую сам утрясти это дело, но просто подумал... если не получится...

— Да, да, конечно, конечно. Ты мне позвонишь. Может быть, я смогу что-нибудь, а может, и не смогу ничего. Может, я решу, что не хочу. Сам понимаешь, друзья — всегда друзья, а бизнес — всегда бизнес. Ты понял, что я имею в виду?

— Понял.

— Иногда дружба и бизнес пересекаются, а иногда и нет. Верно я говорю?

— Верно.

— Этот парень пытается с тобой покончить?

Билли заколебался.

— Ты знаешь, я бы пока не хотел слишком много говорить, Ричард. Дело очень специфическое, необычное. Но в общем-то да, он решил со мной покончить. Очень крепко решил.

— Эй, Уильям, нам надо обсудить это дело прямо сейчас!

Тревога в голосе Джинелли была очевидной. Билли ощутил, как на глаза навернулись теплые слезы, утер их торопливо тыльной стороной ладони.

— Спасибо тебе... Я правда ужасно благодарен... Но все же попробую сам справиться сначала. Я, собственно, даже не уверен, чего от тебя хочу.

— Захочешь позвонить, Уильям, я буду здесь. О'кей?

— О'кей и еще раз спасибо. — Он немного поколебался и спросил: — Скажи мне, Ричард, одну вещь — ты суеверен?

— Я? Ты спрашиваешь старого бандюгу вроде меня — суеверен ли я? Я, знаешь, рос в семье, где моя мать и бабушка и

все тетушки только и знали, что славили Деву Марию, молились всем известным и неизвестным святым, завешивали зеркала, когда кто-то помрет, отгоняли злых духов в виде ворон и черных кошек, творили заклинания от дурного глаза. И ты спрашиваешь у меня такое?

— Ну да, — сказал Билли с невольной улыбкой. — Да, вот такой тебе вопрос задаю.

Голос Ричарда Джинелли зазвучал жестко и совсем без юмора:

— Я, Уильям, верю только в две вещи: пистолет и деньги. С уверен ли я? Нет, конечно.

— Ну и хорошо. — Улыбка Билли стала шире. Впервые за месяц так улыбался, и это было приятно. Чертовски приятно.

В тот вечер, когда с улицы пришла Хейди, позвонил Пенсли.

— Ну, твои цыгане задали нам гонку, — сказал он. — С тебя причитается чуть ли не под десять тысяч долларов. Пора прекратить? Как считаешь?

— Сначала скажи, что вы узнали, — ответил Билли. Его ладони вспотели.

Пенсли начал рассказывать сжато и без эмоций, как человек, привыкший руководить.

Цыганский караван сначала проследовал в Грино, коннектикутский городок милях в тридцати к северу от Милфорда. Спустя неделю они появились в городе Поутакет близ Провиденса, Род-Айленд. После Поутакета — Эттлборо, Массачусетс. В Эттлборо один из них был арестован за нарушение общественного порядка, но вскоре выпущен после уплаты штрафа.

— Похоже, что дело было так. Там в городке один местный лобятрас проиграл на «колесе фортуны» цыганам десять долларов. Заявил оператору, что все было специально подстроено и что он им отомстит. Пару дней спустя он приметил цыгана, выходившего из магазина «Ночная сова». Сначала была словесная перепалка, потом драка на стоянке автомобилей. Там были два свидетеля, правда, из приезжих. Они сказали, что драку спровоцировал местный парень. Нашлись и двое из местных, которые заявили, что все начал цыган. Арестовали цыгана. Когда он предложил за себя выкуп или штраф, полицейские были довольны: не понадобились расходы на суд и появился предлог, чтобы их вытурить из города.

— Всегда так и бывает, верно? — сказал Билли. Неожиданно почувствовал, что его лицо горит. Почему-то он был уверен, что арестованный в Эттлборо — тот же самый молодой жонглер, который выступал в Фэйрвью.

— Как правило, — заметил Пенсли. — Цыгане все понимают. Раз уж попался их парень, значит, полицейские довольны. Не надо поднимать бучу, достаточно их просто удалить, как соринку из глаза. Чего проще — поморгать, и соринка покидает глаз. Куда она девается, никого не интересует.

— Значит, соринка, не более? — спросил Билли.

— Для полиции Эттлборо — именно так... Рассказать остальное или потолкуем сначала о проблемах нацменьшинств?

— Пожалуйста, расскажи все до конца.

— Цыгане остановились в Линкольне, Массачусетс. Продержались три дня, прежде чем им дали пинка.

— Та же самая группа? Точно?

— Да, да. Всегда те же машины. Есть список номерных знаков, в основном Техас и Делавэр. Продиктовать?

— Потом, не сейчас. Продолжай.

Больше ничего особенного не было. Цыгане объявились в Ревере к северу от Бостона, пожили там десять дней и уехали сами. Четыре дня в Портсмуте, Нью-Хэмпшир, после чего они где-то пропали.

— Мы их можем найти, если хочешь, — сказал Пенсли. — Сейчас отстаем от них менее чем на неделю. Ими занимаются три первоклассных сыщика из «Бартон Детектив Сервис». Уверены, что цыгане в настоящий момент находятся где-то в Мэне. Они продвигались параллельно побережью по шоссе 95 от Коннектикута, даже от Каролины. Похоже на цирковое турне. Они, возможно, работают на юге штата Мэн в туристических районах типа Огунквит и Кеннебанкпорт, продвигаясь к гавани Бутбэй, а закончат в гавани Бар-Харбор. Когда туристический сезон будет подходить к концу, они повернут обратно на зиму к побережьям Флориды или Техаса.

— Среди них есть старик? — спросил Билли, крепко сжимая трубку. — Ему лет восемьдесят, у него жуткий нос, весь такой изъеденный.

Звук перелистываемых бумаг слышался целую вечность.

— Тадуз Лемке, — спокойно сказал Пенсли. — Отец женщины, которую ты сбил машиной. Да, он с ними.

— Отец?! — выкрикнул Халлек. — Это невозможно, Кирк! Женщина была старухой лет семидесяти—семидесяти пяти...

— Тадузу Лемке сто шесть лет.

Некоторое время Билли был не в силах вымолвить ни слова. Губы его шевелились — и ни звука, словно привидение поцеловал. Потом повторил:

— Это невозможно.

— Возраст, которому можно позавидовать, — сказал Кирк Пеншли. — Но ничего невозможного. Все эти люди на учете, знаешь ли. У меня документы имеются, если хочешь: номера социальных страховок, отпечатки пальцев. Лемке заявлял, что его возраст сто шесть, сто восемь и сто двадцать лет. Я предпочитаю верить цифре сто шесть, поскольку она представлена специалистами Бартона. Сюзанна Лемке была точно его дочерью, тут сомнений нет. А он в различных игровых лицензиях фигурирует как «президент компании Тадуз», что означает — он глава племени, или табора, или как они там себя называют.

Его дочь? Дочь Лемке? В голове Билли возникла сумятица. Каким-то образом это меняло дело. Допустим, кто-то сбил Линду. Вот так и она выбежала бы на мостовую.

— ...прекратить?

— А? — Он попытался вернуться к тому, что сказал Кирк Пеншли.

— Я спрашиваю: желаешь ли ты все это прекратить? Тебе, Билли, это в копеечку влетает.

— Попроси, пожалуйста, еще немного продолжить, — сказал Билли. — Я позвоню тебе через несколько дней, точнее, через три дня, узнаю, где вы их засекли.

— В этом нужды нет, — сказал Пеншли. — Как только люди Бартона их найдут, ты первый, кому они об этом сообщат.

— Меня здесь не будет, — медленно проговорил Билли.

— О? — Голос Пеншли был продуманно равнодушным. — Где будешь?

— Буду в пути, — ответил Халлек и вскоре положил трубку. Некоторое время сидел совершенно неподвижно, пытаясь разобраться с хаосом в голове. Его пальцы, очень тонкие пальцы, барабанили по столу.

Глава шестнадцатая: ПИСЬМО БИЛЛИ

На следующее утро сразу после десяти Хейди ушла за покупками. Она даже не посмотрела в сторону Билли, чтобы хотя бы сказать, когда вернется или куда уходит. Эта старая добрая привычка прекратила свое существование. Билли сидел у себя в кабинете и наблюдал в окно, как «олдс» задним ходом вы-

езжал на улицу. В какой-то момент голова Хейди повернулась и, похоже, их взгляды встретились. Его взгляд — растерянный и испуганный, ее — упрямо обвиняющий: *Ты вынудил меня отправить отсюда дочь; профессиональную помощь, в которой ты нуждаешься, ты отвергаешь; наши друзья уже начали пересуды. Похоже, что тебе нужен сопровождающий в дурдом, и выбрали меня. Ну и катись к чертовой бабушке. Оставь меня в покое, хоть сгори все синим огнем, но заставить меня отправляться вместе с тобой на лечение в дурдом — не имеешь права.*

Иллюзия, разумеется. Не может она видеть его позади, в тени.

Иллюзия, но как больно!

Когда «олдс» скрылся на улице, Билли сунул листок бумаги в свою «Оливетти» и отпечатал: «Дорогая Хейди!» — в самом верху. Эта часть письма оказалась самой легкой. А дальше каждое предложение давалось ему мучительно. Постоянно тревожила мысль, что она вот-вот вернется и застигнет его за печатанием послания к ней. Но она не возвращалась. Наконец он извлек лист из машинки и перечитал:

К тому времени, как ты прочтешь это, я уеду. Сам точно не знаю куда и не знаю, на сколько времени... Но надеюсь, что, когда вернусь, все будет закончено, весь этот кошмар, в котором мы живем.

Хейди, Майкл Хустон ошибается, ошибается во всем. Леда Россингтон в самом деле сказала мне, что старый цыган — его зовут Тадуз Лемке — прикоснулся к Кэри, и она в самом деле сказала мне, что его кожа превращается в броню. А Данкен Хопли на самом деле был покрыт опухолями и нарываами. Это гораздо кошмарнее, чем ты себе можешь представить.

Хустон отказывается провести логическую связь, которую я представил ему в защиту своей точки зрения, не хочет увязать это с моим необъяснимым недугом (155 сегодня утром). Он не может принять подобного, поскольку оно полностью вышибает его из привычной колеи. Он скорее упрячет меня пожизненно в психбольницу, чем примет всерьез возможность того, что все происходящее есть результат цыганского проклятия. Такая вещь, как существование цыганского проклятия, повсюду, и особенно в Фэйрвью, — анафема всему, во что верил Майкл Хустон. Его боги приходят не с неба, а из сосуда.

Но я верю, что где-то в глубине души ты допускаешь, что такое возможно. Я думаю, частично твой гнев против меня в последнюю неделю был вызван тем, что я настаивал на том, во что ты в глубине души веришь и знаешь, что это правда. Можешь обвинять меня в том, что я сам разыгрываю спектакль постепенного исчезновения, но я рассчитываю это так: верить в проклятие – значит верить в то, что только один из нас наказан за то, в чем мы оба виноваты. Я говорю о том, как ты избегаешь чувства вины. И Господь знает, Хейди, в предательской и трусливой части своей души я чувствую: если мне удастся пройти все это дьявольское падение, ты тоже пройдешь через подобное испытание. Несчастье любит компаньона, а я полагаю, что в каждом из нас сидит негодяй, который тесно переплетается с добрым началом нашей натуры, и потому от него не избавиться.

Но есть во мне еще одна часть – та, которая по-прежнему любит тебя, Хейди. И эта часть ни в коем случае не желает, чтобы тебе было хоть в чем-то плохо. Эта лучшая моя часть обладает интеллектуальной логикой, и потому я уехал. Я должен найти того цыгана, Хейди. Я обязан найти Тадзуза Лемке и высказать ему все, что я продумал за последние шесть недель. Легко обвинять, легко жаждать мщения. Но когда посмотришь на вещи прямо, то замечаешь, как каждое событие завязано на другом, и что иногда вещи случаются потому, что они случаются. Никто не хочет признавать, что это так, поскольку тогда мы не сможем ни на ком выместить собственную боль. Придется искать другой путь, а все иные пути не столь просты и утешительны. Хочу сказать ему, что не было злого умысла. Хочу попросить его снять проклятие, поскольку предполагаю, что это в его силах. Но более всего желаю – просто просить прощения. За меня, за тебя, за весь Фэйрвью. Я, видишь ли, теперь знаю о цыганах гораздо больше, чем знал прежде. Можно сказать, у меня открылись глаза. И потому стоит высказать тебе еще одну вещь, Хейди. Если он сможет снять проклятие, если у меня вновь появится какое-то будущее, я не захочу больше жить в Фэйрвью. С меня отныне хватит паба Энди, Лантерн-драйв, клуба, всего грязного лицемерия. Если у меня ока-

жется какое-то будущее, я надеюсь, что ты и Линда согласитесь уехать в другое, более чистое место вместе со мной. Если не согласитесь, то я уеду один. Если Лемке не сделает или не сможет сделать ничего, чтобы помочь мне, я по крайней мере буду знать, что сделал все от меня зависящее. Когда я вернусь домой, то обязательно запишу в клинику Глассмана, если ты все еще этого пожелаешь.

Можешь показать эти письма Майклу Хустону, если захочешь, или врачам Глассмана. Они, я думаю, согласятся с тем, что мои нынешние поступки могут быть очень хорошей терапией. В конце концов они подумают — если он это делает, чтобы наказать себя (они ведь все время твердят о психической «анорексии невроза», мол, если чувствуешь себя достаточно виноватым, можешь ускорить свой метаболизм, пока он не начнет сжигать кучу калорий в день, встреча с Лемке как раз и выдаст Халлеку искупление, в котором он нуждается. Или решат, что есть две другие возможности. Одна — что Лемке засмеется и скажет, мол, никаких проклятий в жизни ни на кого не накладывал. Тем самым будет разрушена база психической мании, которая мной овладела, та грань, на которой она балансирует. Или вдруг окажется, что Лемке увидит способ нажиться и начнет врать о том, что он-де проклял меня, и запросит фантастическую сумму за исцеление. Но они решат, что фантастическая сумма за фантастическое излечение может оказаться полностью эффективным средством.

Я подключил сыщиков через Кирка Пенсли и выяснил, что цыгане продвигаются на север по 95-му шоссе. Надеюсь найти их в штате Мэн. Если что-то произойдет, я сразу же сообщу, а пока предпочитаю не подвергать тебя больше испытаниям. Поверь, я люблю тебя всем сердцем.

Твой Билли.

Он сунул письмо в конверт, написал на нем имя Хейди и оставил на видном месте на кухне. Потом вызвал такси, чтобы добраться до агентства Херца в Уэстпорте. Постоял на ступеньках, поджидая машину, надеясь, что Хейди вдруг появится, и они потолкуют.

Только усевшись в машину, он сообразил, что обсуждать что-либо с Хейди было не очень хорошей идеей. Разговоры с

ней ушли в прошлое — в то время, когда он жил в городе жирных котов так, как жили все, даже о том не подозревая. Все это стало теперь прошлым. Если и было будущее, то оно лежало на магистрали где-то в штате Мэн. За ним предстояло гнаться, пока он не истаял совсем...

Глава семнадцатая:

137

На ночь он остановился в Провиденсе. Позвонил к себе в контору и продиктовал автоответчику письмо Кирку Пенши — не будет ли он так любезен выслать ему все фотографии цыган и все данные об их транспортных средствах, включая номерные знаки, в отель «Шератон-Портленд», Мэн?

Автоответчик перечитал ему его послание — небольшое чудо, по мнению Билли, — и он положил трубку. Путь из Фэйрвью до Провиденса был невелик, меньше ста пятидесяти миль, но он сильно утомился и впервые за последние недели спал без сновидений. Утром вдруг обнаружил, что в ванной его номера в мотеле не было весов. «Спасибо Господу хоть за это», — подумал Билли Халлек.

Он быстро оделся. Когда зашнуровывал туфли, поймал себя на том, что насвистывает мелодию. Потом снова в путь по магистрали. К шести тридцати он снял номер в «Шератоне» напротив огромного супермаркета. Послание от Пенши уже ждало его: *информация в пути, но есть трудности. Может занять день или два.*

Замечательно, подумал Билли. *Два фунта в день, Кирк. Подумаешь — лишние дни! К чему тут спешка, парень?*

Южнопортлендский «Шератон» был круглым зданием, и комната Билли выглядела, как кусок торта, — трудно было привыкнуть к спальне в виде сектора. Он устал, болела голова. Ресторан показался уже просто не под силу, особенно если он тоже выглядел сектором. Заказал еду прямо в номер.

Билли выходил из ванной, когда в дверь постучал гарсон. Он накинул халат, любезно предоставляемый постояльцам (**НЕ УКРАДИ** — гласила надпись на карточке, торчавшей из кармана), и крикнул:

— Минуточку!

Халлек пересек комнату и открыл дверь. Впервые он столкнулся с тем, как воспринимают участники балаганного шоу «чудо-юдо» реакцию публики. Гарсон оказался парнем лет девятнадцати со впалыми щеками и прической, претендующей на ими-

тацию английских панк-рокеров. Ничем не примечательная личность. Он посмотрел на Билли отсутствующим, равнодушным взглядом человека, который видит сотни мужчин в халатах отеля за каждую смену. Такой взгляд становится осмысленным, только когда разглядывает чаевые. И вдруг глаза гарсона расширились от ужаса. Длилось это одно мгновение, глаза тут же вновь стали равнодушными. Но Билли успел заметить.

Ужас. То был почти ужас.

Выражение испуга не исчезло: оно затаилось под маской безразличия. Билли показалось, что он все еще улавливает его, поскольку добавилось еще и выражение зачарованности, удивления.

Какое-то мгновение они стояли друг против друга, словно замороженные, скрепленные друг с другом в нежеланном партнерстве: диковинка и зритель... Билли туманно вспомнил Данкена Хопли, сидящего в своем уютном доме в переулке Риббонмейкер с погашенным светом.

— Несите, — сказал он, усилием воли оборвав эту паузу. — Вы что, так и собираетесь простоять тут весь вечер?

— Что вы, сэр, — ответил служащий отеля, — извините.

Парень густо покраснел, и Билли стало жаль его. Не был он никаким панк-рокером или юным лоботрясом, явившимся поглязеть на живого крокодила. Обыкновенный парнишка из колледжа, навившийся подработать на каникулах. Просто удивился от зрелища столь источенного неким недугом человека.

Старик проклял меня отнюдь не в чем-то одном, подумал Билли.

И не вина этого парня, что Билли Халлек из Фэйрвью, Коннектикут, потерял столько веса, что почти обрел статус балаганного экспоната. Он дал парню дополнительный доллар и поспешил избавиться от его присутствия. Потом вернулся в ванную и посмотрел на себя в зеркало, медленно раскрывая халат. Халат он обернул наспех, так что грудь и часть живота оставались открытыми. Можно было понять шок официанта даже от той части, которую он увидел. С распахнутым халатом все стало более наглядным.

Каждое ребро выделялось отчетливо и рельефно, ключицы — кости, обтянутые кожей, выпирали кости скул, подбородка, самой груди, живот был впадиной. Ноги еще выглядели сносно, но выше поясницы Билли напоминал ходячий скелет.

Сто фунтов, подумал он. Достаточно, чтобы из шкафа вышел скелет. Теперь ты знаешь, как просто перейти грань. Пока что ты сойдешь за нормального, когда одет. Но через сколько 299

времени на тебя и одетого будут смотреть так, как сегодня глядел гарсон на раздетого? Через неделю? Через две?

Голова болела сильнее, и хотя раньше ему хотелось как следует поесть, он лишь кое-что поклевал из своего ужина. Ночью спал плохо и проснулся рано. Когда одевался, мелодий уже не насвистывал.

Он решил, что Кирк Пенсли и сыщики Бартона были правы: цыгане будут стараться держаться ближе к побережью. Летом в штате Мэн жизнь бурлила именно на побережье из-за притока туристов. Они съезжались купаться в слишком холодной воде, загорать (хотя дни бывали туманными, с моросящими дождями, но туристы забывали об этом), есть лобстеров и моллюсков, покупать пепельницы с изображением чаек, ходить в летние театры в Огунквите и Брунсвиксе, фотографировать маяки в Портлэнде и Пемакиде или же просто послоняться по таким городкам, как Рокпорт, Кэмден и, конечно же, Бар-Харбор.

Туристы располагались вдоль побережья, а потому там же находились и доллары, которые они отсчитывали из своих бумажников. Там же будут и цыгане, но только где именно?

Билли просмотрел список по меньшей мере полусотни прибрежных городов, потом спустился вниз. Бармен оказался импортированным из Нью-Джерси, который ни о чем, кроме Эсбури-Парка, не слыхал. Удалось найти официантку, которая прожила всю жизнь в штате Мэн и была знакома с побережьем, а также не прочь поболтать об этих краях.

— Я разыскиваю кое-каких людей и уверен, что они где-то на побережье, но не в самых изысканных местах. Скорее, пожалуй... м-м...

— В городке типа «хонки-тонки»-салунов? — спросила она.

Билли кивнул.

Она склонилась над списком.

— Олд-Оркард-Бич, — сказала она. — Это уж самый, самый «хонки-тонки» из всех, самый бесшабашный городок. Нужно иметь три головы, чтобы за всем уследить там.

— Еще какие?

— Вообще-то все прибрежные города в летний сезон становятся немного «хонки-тонки». Ну, например, Бар-Харбор. Все, кто слыхал о нем, считают, что Бар-Харбор должен быть городом, что называется, Риц — шик и блеск, солидная роскошь, богачи в «роллс-ройсах».

300 — А что, он не такой?

— Нет. Скорее Френчмэн-Бэй, но не Бар-Харбор. Зимой это сонный городишко, где самое большое приключение — отправление ежедневного суденышка в десять двадцать пять. Но летом Бар-Харбор — сумасшедший город, вроде Форт-Лодердейла весной: полно народу, всякого жулья и хиппи. Там можно встать на берегу, вдохнуть полной грудью, и словишь кайф, если ветер дует от Бар-Харборо. Главное развлечение до праздника Дня труда — это уличный карнавал. В общем-то, мистер, все городки побережья приближитель-но в этом духе, но Бар-Харбор, пожалуй, возглавляет список. Иногда я ездила туда в июле или в августе, просто поболтаться, развлечься. Больше не езжу — возраст уже не тот.

Билли не сдержал улыбки: официантке на вид было года двадцать три. Он дал ей пять долларов, а она пожелала ему приятно провести лето и найти своих друзей. Билли кивнул, но впервые не почувствовал энтузиазма от такой возможности.

— Хотите небольшой совет, мистер?

— Да, — ответил Билли, полагая, что она скажет, с какого места лучше всего начать, хотя это он для себя уже решил.

— Вам надо малость поправиться, — сказала она. — Ешьте «пасту». Моя мама вам то же самое посоветовала бы. Побольше «пасты», и прибавите несколько фунтов веса.

Конверт «манила», открывавшийся с торца, полный фотографий и информации об автомашинах, прибыл к Халлеку на третий день в Южный Портленд. Он медленно перебрал все снимки, осмотрев каждый. Вот молодой жонглер. Его тоже звали Лемке. Сэмюэл Лемке. Он открыто смотрел в объектив камеры, готовый к развлечениям и дружбе, равно как и к ссоре и гневу. А вот и прекрасная девушка, установившая мишень и стрелявшая в нее из рогатки, когда прибыли полицейские. Да, она была действительно хороша, Халлек не ошибся, когда смотрел на нее издали в парке. Ее звали Анжелина Лемке. Он отложил ее снимок рядом с Сэмюэлом Лемке. Брат и сестра. Внуки Сюзанны Лемке? Правнуки Тадзуа Лемке?

Пожилой мужчина, раздававший рекламные листовки, — Ричард Кросскилл. Другие Кросскиллы носили разные имена — тоже семейство. И еще Стэнч菲尔ды, Старберды, еще несколько Лемке. И затем... ближе к концу...

Это он! Глаза в сети морщин были темными и умными. Через голову — платок, повязанный на левой щеке. В потрескавшихся губах — сигарета. Нос — мокрый распахнутый ужас.

Билли смотрел на фотографию как загипнотизированный. Что-то знакомое было в облике старика, какая-то неуловимая связь с чем-то привычным. Потом вспомнил. Тадуз Лемке напомнил ему стариков из рекламного ролика грузин из России, куривших сигареты без фильтра, пивших водку и доживавших до невероятного возраста: сто тридцать лет, сто пятьдесят, даже сто семьдесят.

По глазам Тадуза Лемке виден был древний возраст. В них Билли приметил познания, перед которыми двадцатый вск выглядел как тень, и содрогнулся.

В тот вечер он взвесился. Весы показали 137.

Глава восемнадцатая: ПОИСКИ

Олд-Оркард-Бич, говорила официантка, это уж самый «хонки-тонки» из всех, самый бесшабашный городок. Клерк в регистратуре с этим согласился.

С тем же согласилась и девушка в туристическом бюро в четырех милях дальше по шоссе, хотя не стала употреблять столь неформального выражения. Билли повернул арендованный автомобиль в сторону Олд-Оркард-Бич, находившийся милях в восемнадцати к югу.

Движение стало плотным, машины еле плелись бампер в бампер. На них были в основном канадские номера, а по вместительности многие из них, наверное, могли бы перевезти целую футбольную команду. Большинство людей в машинах и шагавших пешком по обочине были раздеты до минимума, разрешенного законом, иногда — меньше минимума: бикини ниточкой с нашлепкой, плавки-гульфики, много блестевшей обнаженной плоти.

На Билли были надеты джинсы, белая летняя рубашка с открытым воротником и спортивный плащ. Он сидел за рулем в засупоренной машине и потел, хотя кондиционер включил на всю катушку. Он помнил изумленный взгляд гарсона отеля и решил не раздеваться, как прочие, даже если туфли промокнут от стекающего пота.

Миновав пустыри, пару десятков рыбакских будок, где ловили лобстеров, весь медленный поток машин повернул к району летних домиков, стоявших в тесноте бок о бок. Почти раздетые люди

сидели перед своими жилищами, что-то ели, читали рома-

ны в бумажных переплетах или тупо глазели на сплошной поток автомобилей.

Бог мой, подумал Билли, *да как они переносят вонищу из этих выхлопных труб?* В голову пришло, что им даже нравится. Может быть, просиживают именно здесь, а не на берегу, потому что запах напоминает им о доме.

За домиками последовали мотели с вывесками: **ЗДЕСЬ ГОВОРЯТ НА ФРАНЦУЗСКОМ** (написано по-французски), **КАНАДСКАЯ ВАЛЮТА – НЕ МЕНЬШЕ 250 ДОЛЛАРОВ, СПОЛУНОЧИ – ГОЛУБЫЕ ФИЛЬМЫ ПО КАБЕЛЮ, ТРИ МИНУТЫ ДО ОКЕАНА!**

За мотелями потянулась торговая улица со скучным ассортиментом товаров в магазинах: фотопринадлежности, сувениры, похабные книжки по сниженным ценам. Молодые люди в джинсах с оборванными штанинами медленно бродили вдоль витрин, некоторые – взявшись за руки. Кое-кто отсутствующим взглядом смотрел на пыльные витрины. Среди скучающей, фланирующей публики лавировали ребята на скейтбордах. Билли Халлеку показалось, что все они страдают от лишнего веса.

Детишки на скейтбордах, похоже, что-то жевали, как и прохожие: кто кусок пиццы, кто попкорн, чипсы, конфеты и прочее. Увидел мужчину в белой рубашке навыпуск, в мешковатых штанах и сандалиях: он поглощал сосиску длиною в целый фут, к подбородку прилипли ошметки лука и кислой капусты, а в левой руке держал еще пару сосисок. Халлеку он показался фокусником с надувными шарами.

Мимо поплыл парк с аттракционами. Русские горки вздымались высоко в небо. Гигантский корабль викингов – качели – двигался взад и вперед полукругами под дружный визг пассажиров. Звенели колокола, мелькали и бегали огоньки множества лампочек.

А справа подростки сшибались в автомобильчиках луна-парка. Молодой парень и молодая женщина целовались. Она обняла его рукой за шею, он одной рукой прижал ее ягодицы, в другой держал банку «будвайзера».

Да, решил Билли. Да, здесь то самое место. Вполне может быть.

Он оставил машину на стоянке, заплатил семнадцать долларов за полдня, переложил бумажник из бокового кармана во внутренний карман плаща и начал охоту.

Сначала ему показалось, что потеря веса ускорилась: уж очень странно на него поглядывали прохожие. Рациональная часть рассудка быстро убедила его: все дело в одежде, а вовсе не в том, как он выглядит под одеждой.

Эта публика будет на тебя смотреть точно такими же глазами, если будешь прогуливаться путь в майке и плавках в октябре. Успокойся, Билли. На тебя все же стоит поглязеть. Здесь много такого, на что стоит поглязеть.

И это было в самом деле так. Билли увидел толстую женщину в черных бикини, лоснилась темная кожа. Живот у нее был огромен, но бедра странным образом выглядели возбуждающие. Она двигалась к белой полоске пляжа, как океанский лайнер, ягодицы ритмично колыхались в такт шагам. Возле лавки с пиццей Билли увидел жирного пуделя, подстриженного по всем правилам. Язык собаки висел из пасти неподвижно и имел скорее серый, нежели розовый цвет. Заметил, как громадная чайка спикировала и выхватила из руки ребенка недоеденный грязный пирожок.

Позади всего этого белый полумесец пляжа Олд-Оркарда был усеян загорающими под полуденным солнцем. Однако и пляж, и Атлантический океан позади него казались опошленными суполовкой людей, руки, лица которых были заняты и запачканы едой, а сквозь пульсирующий шум моторов прорывались вопли зазывал («Проверьте ваш вес!» — услышал Билли призывающий крик откуда-то слева. — «Угадываю вес! Если ошибусь на пять фунтов, плачу доллар!») и ритмы рока из раскрытых дверей баров.

Неожиданно Билли охватило чувство нереальности: он оказался как бы вне самого себя, подобно случаю с астральной проекцией, которые обычно описывает журнал «Фэйт». Имена — Хейди, Пеншили, Линда, Хустон — зазвучали фальшиво и мелко, подобно именам, которые придумывают наспех для плохой истории. Возникло ощущение, что он способен заглянуть за кулисы вещей, в некий «реальный мир». В запахе моря — смрад протухшей пищи, звуки доносятся откуда-то издалека, словно пробираются к нему с другого конца длинного-длинного коридора.

Астральная проекция? — прозвучал смутный голос. *У тебя солнечный удар, друг мой.*

Да, пожалуй, когда теряешь сто двадцать фунтов веса, твой термостат начинает барахлить. Сейчас же уходи с солнцепека, иначе зрохнешься в обморок.

— Ладно, уговорил, — пробормотал Билли, и проходивший мимо мальчишка, жующий попкорн, резко обернулся в его сторону.

Впереди находился бар с вывеской «Семь морей», на дверях надписи: «Холодное как лед» и «Самое приятное время». Билли

«Семь морей» оказались не только холодным как лед, но и чудесно спокойным местом. На музыкальном автомате висела записка с крупной надписью: **КАКОЙ-ТО ПРИДУРОК ДАЛ МНЕ ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ ПИНКА, И ТЕПЕРЬ Я ПОЛОМАН.** Пониже — перевод той же надписи на французский язык. Однако по потрепанному виду надписи и по пыли, скопившейся на автомате, Билли решил, что «вчера вечером» могло произойти год тому назад. В помещении находились несколько пожилых мужчин, одетых по тому же принципу, что и Билли, — не для пляжа, а скорее для улицы. Некоторые играли в шахматы, некоторые в нарды. Почти все были в шляпах.

— Что вам угодно? — спросил бармен.

— Пива «Шхуна», пожалуйста.

— О'кей.

Билли пил пиво медленно и наблюдал в окно движение людских масс, прислушиваясь к бормотанию стариков за столиками. Почувствовал, что часть его силы, часть ощущения реальности возвращаются.

Подошел бармен.

— Нальем еще?

— Да, пожалуйста. И хотелось бы с вами немного поговорить, если есть время.

— Насчет чего?

— Насчет людей, которые могли здесь побывать.

— Где «здесь»? В нашем баре?

— В Олд-Оркарде.

Бармен рассмеялся:

— Насколько я знаю, половина штата Мэн и половина Канады летом проходят через это место.

— Я говорю о цыганах.

Бармен хмыкнул и принес Билли бутылку «Шхуны».

— То есть имеете в виду бродячую публику. Это, кстати, все, кто летом прибывает в Олд-Оркард. А ко мне в бар приходят в основном люди, которые живут тут круглый год, — местные, так сказать. А те, — он махнул рукой в сторону окна, словно отбросив всехrazom, — те — бродяги вроде вас, мистер.

Билли осторожно, по стенке бокала, налил пиво, потом положил на стойку десятидолларовую бумажку.

— Я не уверен, что мы правильно поняли друг друга. Я говорю о настоящих цыганах.

— Настоящие?.. О! Наверное, имеете в виду тех ребят, что устроили табор возле Солт-Шека.

Сердце Билли забилось быстрее.

— Можно я вам покажу кое-какие фотографии?

— Бесполезно. Я их не видел. — Он посмотрел на десятидолларовую банкноту и окликнул одного из присутствующих: — Лон! Лонни! Подойди-ка на минутку.

Один из стариков, сидевших за столиком у окна, поднялся и прошаркал к бару. На нем были серые хлопчатобумажные штаны, белая рубашка, явно великоватая, и соломенная шляпа. Лицо усталое, только глаза — живые. Кого-то он напоминал Халлеку, вспомнил спустя секунду: стариk выглядел, как Ли Страсберг, учитель и актер.

— Это Лон Эндерс, — представил его бармен. — У него участок на западе городка. Там же и Солт-Шек. Лон примечает все, что происходит в Олд-ОРкарде.

— Меня зовут Билли Халлек.

— Будем знакомы, — сказал Лон Эндерс шелестящим как бумага голосом и придвинул стул поближе к Билли. Он даже вроде бы и не сел на него, а прислонился задом к сиденью, слегка подогнув ноги.

— Не желаете пива? — предложил Билли.

— Больше нельзя, — прошелестел стариk, и Билли отодвинулся подальше от неприятного запаха изо рта Эндерса. — Уже выпил свою норму на день. Доктор сказал — не больше. С животом беда. Если бы я был автомашиной — в самый раз на свалку.

— О! — сказал Билли нейтрально.

Бармен отвернулся от них и принялся укладывать бокалы в мойку. Эндерс посмотрел на десятидолларовую бумажку, потом на Билли.

Халлек снова объяснил свою просьбу, а Эндерс повернулся усталое лицо в сторону теней в углу бара. Откуда-то из соседнего заведения слышались удары небольшого колокола.

— Были они тут, — сказал он, когда Билли закончил. — Были. Я уж лет семь не видел цыган, а такой оравы и подавно — лет двадцать, не меньше.

Правая рука Билли так сильно стиснула стакан, что он едва успел расслабиться, пока не раздавил его. Осторожно поставил бокал на стойку бара.

— Когда? Вы уверены? Не знаете, куда они могли отправиться? Не могли бы вы...

Эндерс поднял руку, бледную, как у утопленника, вытащенного из колодца. Билли она показалась почти прозрачной.

— Спокойно, друг, — сказал он почти шепотом. — Я скажу тебе, что знаю.

Усилием воли Билли заставил себя смолчать и просто ждать.

— Десятку я возьму, потому что, похоже, мой друг, ты можешь себе это позволить, — прошептал Эндерс. Он засунул ассигнацию в карман рубашки, потом большим и указательным пальцами левой руки поправил вставную челюсть. — Зато говорить буду бесплатно. Черт возьми, когда становишься старым, еще приходится платить и за то, чтобы тебя послушали... Спроси-ка у Тимми — можно мне получить стакан холодной воды? Кажется, и одно пиво для меня слишком... оно сжигает то, что осталось от моего нутра. Но мужчине трудно отказаться от всех своих удовольствий, даже когда они больше удовольствия не доставляют.

Билли позвал бармена, и тот подал Эндерсу стакан воды со льдом.

— С тобой все в порядке, Лон? — спросил бармен, ставя стакан.

— Бывало и лучше, бывало и хуже, — прошептал Эндерс, взяв стакан. В какой-то момент Билли показалось, что стакан для него тяжеловат. Однако старик поднес его ко рту, расплескав лишь самую малость.

— Ты хочешь поговорить с этим парнем? — спросил Тимми.

Холодная вода, похоже, взбодрила Эндерса. Он поставил стакан, посмотрел на Билли, потом взглянул на бармена.

— Я думаю, кто-то должен с ним потолковать, — сказал он. — Он еще не выглядит так плохо, как я... но тоже — туда же...

Эндерс жил в небольшой колонии отставников-пенсионеров на улице Ков-роуд. Он сказал, что Ков-роуд — это часть «настоящего Олд-Оркарда», которую бакшиш обходит стороной.

— Бакшиш? — переспросил Билли.

— Ну да — чаевые то бишь. Это значит — толпы, друг. Мы с женой приехали в этот город в 1946 году, сразу после войны. С тех пор — здесь. Я научился в свое время, как вытягивать бакшиш со своего хозяина — Томми Мак-Ги, правда, он уже давно умер. На горло, бывало, брал его. То, что ты сейчас слышишь, — лишь остатки моего голоса.

Послыпалась едва уловимая усмешка.

Эндерс знал всех, связанных с летним карнавалом, называемым Олд-Оркардом, или почти всех — продавцов, мусорщиков, лоточников, подсобных рабочих, торговцев сувенирами, автомехаников, зазывал, сутенеров и прихлебателей. Большинство из них были местные, которых он знал десятилетия, или сезонники, прибывавшие только на лето, как перелетные птицы. Они составляли дружное сообщество, которого туристы не замечали.

Знал он довольно многих из тех, кого бармен называл бродягами. Эти были преходящими элементами и задерживались лишь на одну-две недели, делали кое-какой свой бизнес в развеселой лихорадочной обстановке гулянок Олд-Оркарда, а затем двигались дальше.

— Неужто всех их помните? — с сомнением спросил Билли.

— Не запомнил бы, ежели б они менялись каждый год, — прошептал Эндерс. — Но бродяги тут особенные. Они, может, и не так регулярно появляются, как ежегодные сезонные бизнесмены, но так же имеют свои правила... что ли. К примеру, видишь, вот приехал в 57-м году парень, продаёт с рук кольца «хула-хуп», а в 60-м, глядишь, продаёт дорогие часы всего по три доллара за штуку. Волосы у него уже не светлые, а черные. Думает, сго никто не узнает. Ну, наверное, летние туристы и не узнают, даже если и побывали тут в 57-м, потому что покупают снова у того же жука. Но мы-то его знаем. Знаем всю эту бродячую компанию торговцев. Ничего не меняется, кроме их товара, и все, что они продают, на несколько шажочков в стороне от закона. Торговцы наркотиками, «пушеры», те — другие. Их слишком много, и они всегда отправляются за решётку либо помирают прежде времени. А проститутки слишком быстро стареют, чтобы их запомнить. Но ты хотел о цыганах потолковать. Так вот, если подумать, то получается, что цыгане — самые старые бродячие торговцы из всех.

Билли извлек конверт с фотографиями из кармана плаща и осторожно выложил перед Эндерсом, как расклад покера, Джину Лемке, Сэмюэла Лемке, Ричарда Кросскилла, Мауры Старберд.

Тадзуа Лемке.

— А! — шумно выдохнул старик, когда Билли положил эту последнюю. — Тэдди, ты, старый сутенер-совратитель!

Он взглянул на Билли и улыбнулся. Но Билли Халлека он прости не сумел — старик испугался.

— Я думал, это он, — поправился Эндерс. — Просто не разглядел... тут темновато... вижу — вроде похожая фигура...

Он снова схватил и поднес стакан к губам, расплескав на сей раз больше воды себе на рубашку. От холода слегка охнулся.

Бармен подошел и неприязненно посмотрел на Билли. Эндерс поднял ладонь, чтобы показать, что с ним все в порядке, и бармен вернулся к своей мойке. Эндерс перевернул фотографию Тадзуа Лемке. На обратной стороне была надпись: «Фото сделано в Эттлборо, Масс., серед. мая 1983».

— И ни на день не постарел с тех пор, как я увидел его

308 впервые с его дружками летом 1963-го, — заключил Эндерс.

Они расположились табором позади рыбакской хижины, принадлежавшей ловцу лобстеров Херку в Солт-Шеке, возле дороги №27. Пробыли там четверо суток, а на пятое утро их уже не было. Улица Ков-роуд располагалась неподалеку, и Эндерс сказал, что на второй день пребывания там он протопал полмили к их табору. Были трудно было представить, что этот похожий на призрака человек смог бы и один квартал обойти. Он хотел, по его словам, поглядеть на них, потому что цыгане напомнили ему о старых временах, когда человек мог заниматься своим бизнесом, а Мистер Закон стоял в сторонке и позволял ему делать свое дело.

— Я постоял там у обочины шоссе какое-то время, — сказал Эндерс. — Обычная цыганская жизнь. Чем значительнее все меняется, тем больше они остаются теми же самыми. Когда-то были все сплошь палатки да шатры, а теперь машины и трейлеры. Кая-то женщина гадает. Две или три продают дамам порошки, а два-три мужика продают порошки мужчинам. Я думаю, они бы задержались здесь и подольше, так как собрались устроить собачий бой для какого-то богача, а полиция штата про то пронюхала.

— Собачий бой?!

— Люди любят делать ставки, друг, а эти бродяги готовы мгновенно организовать любую азартную штуку: собаки, петухи со шпорами-бритвами. Бывает, что и два мужика берут в зубы концы шарфа и начинают ножами пыряться, пока кто-то из них шарф не отпустит, — проиграл, значит. Цыгане называют это «честный бой».

Эндерс смотрел в зеркало за стойкой бара на себя и сквозь себя.

— Да, все было, как в прежние деньги, — сказал он мечтательно. — Я носом чуял запах их мяса с перцем, оливкового масла. Откроешь банку — оно так пахнет, а поджаришь — иначе. Слышал их старинный говор и удары: туд! туд! туд! — кто-то, значит, нож в доску кидает. А кто-то и хлеб пек по старинке — на раскаленных камнях. Все вроде бы, как в старые времена, да не так. Что-то мне вдруг страшно стало, понимаешь. Вообще-то цыгане меня и раньше пугали как-то, но тогда я все равно мог к ним прийти. Какого черта — как никак я белый человек, верно? В прежние времена мог подойти к их костру как хозяин, купить у них выпить чего-нибудь — не потому, что выпить хотелось, а просто, чтобы поглязеть. Но время сделало из меня старого человека, друг. А когда старику страшновато, он куда угодно без оглядки не попрется. Не те времена, когда он еще учился бриться... В общем, стоял я там вечером и смотрел.

По одну руку Солт-Шек, по другую — их машины, трейлеры. Они бродили туда-сюда у своих костров, а я слушал их разговоры, смех, запах их еды ощущал. И тут открывается один фургон, на котором нарисована женщина и белый конь с рогом, как он там называется...

— Единорог, — подсказал Билли. Ему показалось, что голос его прозвучал от кого-то другого. Он хорошо запомнил этот фургон, впервые увидев его в тот день, когда цыгане появились в парке Фэйрвью...

— Из него кто-то вышел, — продолжал Эндерс. — Вижу только тень да огонек сигаретки. Но я узнал его. — Он постучал бледным пальцем по снимку. — Он это, приятель твой.

— Вы уверены?

— Он еще так крепко затянулся сигареткой, а я вижу... у него такая штука. — Эндерс указал пальцем на то, что осталось от носа Тадзуза Лемке, но прикасаться к глянцевой фотографии не стал, словно боялся заразиться.

— Вы с ним поговорили?

— Нет, — сказал Эндерс. — Это он со мной поговорил. Я стоял в темноте и Господом готов поклясться, что в мою сторону он даже не глянул. И вдруг говорит: «Что, Флэш, по жене соскучился? Ничего, скоро будешь с ней».

Потом стрельнул окурком и пошел к костру. Я еще увидел, как у него блеснуло кольцо в ухе.

Он утер ладонью воду с подбородка и посмотрел на Билли.

— Флэш — такая кличка у меня была, когда я грошовым носильщиком работал на причале еще в пятидесятых. Но никто меня с тех пор так не называл, друг. Я, понимаешь, стоял-то совсем в темноте, а он вроде бы увидел и назвал по старой кличке, либо, как цыгане говорят, секретным именем. Представляешь, что у них там за пазухой, коли даже секретное имя человека знают?

— Неужели так много знают? — спросил Билли, обращая вопрос отчасти к себе.

Бармен Тимми снова приблизился к ним. На этот раз он заговорил с Билли почти ласково и так, будто Лона Эндерса рядом и не было:

— Он свою десятку заработал, верно? Ну и оставь его в покое. Ему худо, а от этих разговоров лучше не станет.

— Нормально, Тимми, — сказал Эндерс.

Тимми даже не взглянул в его сторону. Он смотрел на Билли Халлека.

— Мне хочется, чтобы ты шел своей дорогой, — сказал он Билли урезонивающим, даже добрым тоном. — Ты мне не нравишься, понимаешь? Выглядишь, как несчастье, — только место ищешь, чтобы натворить чего. За пиво можешь не платить, уходи.

Билли посмотрел на бармена, испытывая страх и смущение.

— Ладно, ухожу, — сказал он. — Только один маленький вопрос. — Он повернулся к Эндерсу. — Куда они отправились?

— Не знаю, — ответил старик. — Цыгане адресов не оставляют, друг.

Плечи Билли опустились.

— Но я уже не спал, когда они утром тронулись в путь. Мало сплю нынче, а о глушителях они не заботятся. Видел, что выехали на шоссе номер 27 и повернули на север, на шоссе номер один. Думаю, в Роклэнд двинули. — Старик тяжело, с дрожью, вздохнул, и Билли наклонился к нему, чтобы лучше слышать. — Роклэнд или, может, Бутбэй-Харбор. Да. Вот и все, пожалуй, друг. Скажу только, когда он меня назвал моим секретным именем — Флэшем, я малость штаны намочил. — И вдруг Лон Эндерс заплакал.

— Мистер, вы уходите? — спросил Тимми официальным голосом.

— Ухожу, — сказал Билли. Прежде чем направиться к выходу, он мимолетно пожал хилос плечо старика.

Снаружи солнце ударило зноем, как молотом. Время перевалило за полдень, солнце клонилось к западу. Посмотрев влево, он увидел собственную тень — хрупкую тень высокого подростка на белом песке.

Он набрал код 203.

Да, у них за пазухой до черта всякого, если знают старую кличку первого попавшегося человека.

Набрал код 555.

Мне хочется, чтобы ты шел своей дорогой. Ты мне не нравишься.

Набрал 9231 и прислушался к звонкам своего дома в городе Жирных Котов.

Выглядишь, как несчастье...

— Алло? — Голос запыхавшийся и полный надежды, но не Хэйди, а Линды. Лежа на постели в номере гостиницы, Билли зажмурил глаза от внезапно нахлынувших слез. Увидел ее такой, какой она была, когда он шел с ней по Лантерн-драйв и говорил о несчастном случае, — ее старенькие шорты и длинные неуклюжие ноги.

* * *

Что ты ей скажешь, Билли-бой? Что пропотел весь день на пляже, что пообедал двумя кружками пива и что, несмотря на два больших бифштекса на ужин, ты потерял три фунта вместо обычных двух?

— Алло?

Что ты приносишь несчастье тем местам, где появляешься? Что тебе жаль, что ты врал, но ведь все родители так делают?

— Алло! Кто это? Бобби, ты, что ли?

Не открывая глаз, он ответил:

— Это папа, Линда.

— Папа?

— Миленькая, я не могу сейчас говорить, — сказал он. *Потому что, кажется, плачу.* — Я все теряю вес, ты знаешь. Но я напал на след Лемке. Скажи маме об этом. Запомнишь? Я напал на след Лемке.

— Папочка, дорогой, ну пожалуйста, возвращайся домой! — Она заплакала. Билли сжал трубку в руке. — Я по тебе соскучилась и больше не соглашусь, чтобы она меня куда-нибудь отсыпала.

Слабо послышался голос Хейди:

— Лин! Это папа?!

— Я люблю тебя, моя душечка, — сказал он. — И маму твою люблю.

— Ну папа!..

Сумятица тихих звуков. Потом Хейди взяла трубку.

— Билли? Билли, пожалуйста, прекрати это все и возвращайся домой, к нам.

Билли осторожно положил трубку, перевернулся в постели и уткнулся лицом в скрещенные руки.

Он покинул «Шератон», Южный Портленд, на следующее утро и поехал по шоссе №1 на север вдоль побережья. Шоссе начиналось в Форт-Кенте, Мэн, и заканчивалось в Ки-Уэст, Флорида. Старик в «Семи морях» сказал: Рокленд или Бутбэй-Харбор, но Билли на случай не мог надеяться. Останавливался на каждой второй или третьей заправочной станции на той стороне шоссе, которая вела к северу. Заходил в придорожные универмаги, где на передних лужайках в шезлонгах сидели старики, задумчиво жуя спички. Показывал свои снимки всем, кто готов был посмотреть. Поменял два стодолларовых трэвеллер-чека на мелкие долларовые бумажки и раздавал их направо-налево, словно рекламируя продукцию сомнительного сорта. Чаще всего показывал четыре снимка: девушки Джинны с оливкового цвета кожей в черных

завлекательных очках, «кадиллака»-купе, «фольксвагена»-микроавтобуса с намалеванными на борту женщиной и единорогом, Тадуза Лемке.

Как и Лон Эндерс, люди почему-то не желали дотрагиваться до его фотографии.

Но — помогали. У Халлека не возникло проблем с выяснением маршрута цыган вдоль побережья. И дело было не только в номерных знаках иных штатов — к этому люди в штате Мэн летом быстро привыкали. Дело было в том, как двигались фургоны и «универсалы» — почти бампер в бампер, пестрые росписи по бокам, да и в самих цыганах. Большинство из тех, с кем Билли говорил, заявляли, что их женщины и дети крали вещи, но никто толком не сказал, что именно было украдено, и никто почему-то не обратился в полицию по поводу этих краж.

В основном вспоминали старого цыгана с провалившимся носом, если видели его.

Когда Билли сидел в баре «Семь морей» с Лоном Эндерсоном, он отставал от цыган на три недели. Владелец автозаправочной станции «Скоростной сервис Боба» не смог вспомнить, в какой день он накачивал их машины горючим одну за другой. Помнил только, что от них воняло, «как от индейцев». Билли подумал, что и сам Боб весьма смердел, но решил не говорить об этом — выглядело бы невежливо. Зато парнишка из колледжа, работавший в кафетерии напротив, через дорогу, сумел точно вспомнить дату — 2 июня. И как не вспомнить? Пришлось в собственный день рождения вкалывать. Билли поговорил с ним 20 июня, то есть с отставанием на 18 дней. Цыгане искали место для табора немного севернее, в районе Брунсвика. 4 июня они расположились на Бутбэй-Харбор, не на берегу, разумеется: нашли фермера, который согласился выделить им часть поля в районе холма Кеннистон за двадцать долларов за ночь.

Цыгане пробыли там три дня. Летний сезон только набирал силу, и прибыли табора были пока еще незначительны. Фермера звали Уошбурн. Когда Билли показал ему фотографию Тадуза Лемке, фермер кивнул головой и торопливо перекрестился (Халлек был уверен, что жест этот был совершенно неосознанный).

— В жизни не видывал такого проворного деда. Такие охапки дров таскал, что моим сыновьям вряд ли под силу. — Уошбурн слегка замялся и добавил: — Не понравился он мне. Тут даже не в носе дело. У меня у самого дедушка помер от рака кожи. Так до того, как мы его похоронили, этот рак проел у него дыру

в щеке, с пепельницу размером. Бывало, посмотришь и видишь сквозь дыру, как он жует. Ясное дело, нам такое зрелище не нравилось, но дедушку-то мы любили. А этот тип... ох, и не понравился он мне. Такой жуткий.

Билли хотел было спросить, что он подразумевает под этим «жуткий» конкретно, но все понял по глазам Уошбурна.

— Он и есть жуткий человек, — подтвердил Билли.

— Я решил их попросить уехать, — сказал Уошбурн. — Конечно, двадцать долларов неплохая цена за очистку мусора после них, но жена моя уж больно их боялась, да и я, признаться, тоже. Утром пошел сказать обо всем этому Лемке, пока еще нервы мои выдерживали, а они уже сворачивали манатки. Я вздохнул с облегчением.

— Поехали дальше на север?

— Да, прямо в том направлении. Я как раз стоял на вершине холма и видел, как они свернули на шоссе номер один. Проследил, покуда они совсем не скрылись из виду, и рад был, что они смотрелись.

— Да уж, представляю.

Уошбурн бросил на него критический и несколько обеспокоенный взгляд.

— Не зайдете ко мне выпить стакан холодного молока, мистер. Вид у вас сильно изможденный.

— Спасибо, но я хочу до заката обогнуть весь район Оулс-Хед, если успею.

— Его разыскиваете?

— Да.

— Ну что ж, если найдете его, надеюсь, он вас не сожрет, мистер. Мне он показался таким голодным.

Билли беседовал с Уошбурном двадцать первого июня, в первый день официального открытия летнего сезона. Дороги были перегружены туристами, и ему пришлось ехать до самого Шипскота, прежде чем удалось найти свободный номер в мотеле. А цыгане покинули Бутбэй-Харбор восьмого июня, утром.

Разница составляла тринадцать дней.

Наступила пора невезучих дней, когда показалось, что цыгане вообще покинули этот мир. Их не видели ни в Оулс-Хеде, ни в Рокленде, хотя оба городка были излюбленным местом летнего нашествия туристов. Служащие заправочных станций и официантки смотрели на снимки и качали головами.

Мрачно подавляя желание выбросить через борт бесценные калории, Билли, который плохо переносил качку,

проплыл на пароме от Оулс-Хеда до Вайнэлхевен. Там цыган тоже не видели.

Вечером двадцать третьего позвонил Кирку Пеншли, надеясь получить свежую информацию. Когда Кирк поднял трубку, послышался странный двойной щелчок в телефоне в тот момент, когда Кирк спросил: «Как дела, Билли-бой? Ты где находишься?»

Билли торопливо бросил трубку. Ему удалось ухватить последний свободный номер в мотеле «Харборвью», Рокленд. Другого ночлега могло теперь не подвернуться аж до самого Бангора, но он решил немедленно отправляться в путь, даже если придется ночевать в машине где-нибудь на проселке. Этот двойной щелчок. Ему всегда было наплевать на такие двойные щелчки в трубке. Такой звук слышишь иногда, когда твой телефонный разговор прослушивается. Или же когда используется система определения номера, откуда звонят.

Хейди подписала бумаги на тебя, Билли.

В жизни подобной глупости не мог себе представить.

Она подписала их, а Хустон заверил своей подписью.

Да оставьте вы меня хотя бы на время в покое, черт бы вас подрал.

Немедленно мотай отсюда, Билли.

Он покинул мотель. Хейди, Хустон, не считая определятеля телефона номера, промахнулись. То, что он немедленно уехал, оказалось самым верным ходом. В два часа ночи, когда Билли регистрировался уже в бангорском отеле «Рамада Инн» и показал служащему гостиницы снимки (теперь это стало привычкой), тот немедленно кивнул.

— Да, я дочку свою к ним сводил, и они ей там судьбу предсказывали, — сказал служащий. Он взял снимок Джини Лемке и слегка закатил глаза. — Как она здорово попадает в цель из своей рогатки, я вам скажу. И знаете, могла бы и по другому назначению ее использовать, если понимаете, что я имею в виду. — Он помахал ладонью, словно стряхивая с нее воду. — Моя дочурка как только заметила, какими глазами я на нее уставился, тут же потащила меня поскорей прочь. — Клерк засмеялся.

Только что Билли чувствовал себя таким усталым, что едва хватало сил добраться до постели. Теперь он полностью взбодрился, взыграл адреналин.

— Где? Где они были? Или, может, они еще...

— Не-а. Больше их тут нет. Были здесь, у Парсонса, но уехали. Я там был как раз.

— Это что — ферма чья-то?

— Да нет. Там просто раньше был такой торговый сарай Парсонса. Сгорел дотла в прошлом году. — Клерк вдруг бросил беспокойный взгляд на несоразмерную одежду Билли, на выпирающие скулы и черепообразное лицо, на котором глаза лихорадочно блестели, словно зажженные свечи. — Хм... Желаете снять номер?

Билли разыскал торговый склад Парсонса на следующее утро. Он представлял собой выгоревшую раковину, торчащую посреди примерно десятка акров площади, которую можно было бы назвать пустой автомобильной стоянкой. Медленно прошелся, наступая на хрустящие обломки и головни. Повсюду были разбросаны пустые жестянки из-под соды и пива. Валялся кусок сыра, облепленный насекомыми. Блеснул шарик из шарикоподшипника (Хой! Джина! — призрачный возглас прозвучал в памяти). Лопнувшие воздушные шарики, среди них пара презервативов.

Да, они побывали здесь.

— Чую тебя, старик, — прошептал Билли в пустоту обгоревшего сарая. Глазницы окон в сумраке смотрели на него неодобрительно: пугало огородное пожаловало. Место привидений, которое страха у Билли не вызывало. Только злость, которая стала его незримой одеждой. Злость на Хейди, злость на Тадуза Лемке и на таких так называемых друзей вроде Кирка Пенши, которые вроде бы были на его стороне, а на деле предали его. Или предадут.

Какая разница? Он и так сам по себе, и несмотря на свои сто тридцать фунтов веса, имел еще достаточно сил, чтобы добраться до старого цыгана.

А что будет дальше?

Тогда они сами увидят, что будет.

— Чую тебя, старик, — снова сказал Билли и прошелся вдоль постройки снаружи. На металлической дощечке увидел адрес и телефон агентства по продаже недвижимости, остановился и переписал все в записную книжку.

Агента по продаже недвижимости звали Френком Куигли, но он настоял на том, чтобы Билли называл его «Бифф». На стенах висели в рамках фотографии Биффа Куигли — старшеклассника. На большинстве из них он носил на голове футбольный шлем. На письменном столе — увековеченное в бронзе собачье дермо с подписью на подставке: ВОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА ФРАНЦУЗА.

Да, подтвердил Бифф, он сдал в аренду площадь старому цыгану с разрешения мистера Парсонса.

— Он решил, что площадка хуже выглядеть не станет, чем она есть сейчас, — сказал Бифф Куигли, — и я с ним согласен.

Он откинулся на спинку своего кресла «свивел», на роликах и вращающемся, и беспардонно осмотрел лицо Билли, отмерил взглядом длину его шеи, оценил размер рубашки, которая висела на нем, как флаг в безветренный день. Потом сплел пальцы на затылке, покачался в своем шарнирном кресле, а затем взгромоздил на стол обе ноги возле статуэтки собачьего дермана из бронзы.

— Не скажу, что место для продажи не оценено. Там отличная площадь для индивидуальной стройки. Уверяю вас, рано или поздно кто-нибудь достаточно дальновидный получит выгоднейший участок там. Чертовски выгодный, сэр...

— Скажите, Бифф, когда уехали цыгане?

Бифф Куигли убрал руки с затылка и уселился нормально. Его кресло издало звук механической свинки: «Скуйнк!»

— Если не возражаете, зачем вам это нужно знать?

Губы Билли Хайлска стали настолько тощими и настолько усохли, что с трудом закрывались над зубами. Страшная улыбка теперь давалась ему легко.

— Возражаю, Бифф.

Бифф едва заметно отшатнулся от этой улыбки, но тут же кивнул и снова откинулся в кресле. Опять мокасины фирмы «Куодди» возникли на поверхности стола, одна нога перекинулась через другую и задумчиво постучала по бронзовому памятнику.

— Хорошо, Билл. Каждый делает свой бизнес... У каждого — свои резоны.

— Вот и отлично, — сказал Билли. В нем поднималась ярость, которую нужно было удержать в узде во что бы то ни стало. Злость на этого мерзкого хлюста с его мокасинами «Куодди», с его изысканной прической «джей-сиз» и небрежным хамским говором делу помочь не могла. — Раз мы на том согласились...

— Но это вам все равно обойдется в две сотни баксов.

— Что? — Билли невольно раскрыл рот. В какой-то момент гнев был готов выплеснуться, и он просто оцепенел. Возможно, к счастью для Биффа Куигли, потому что если бы Билли пошевелился, то скорее всего чтобы наброситься на него. Его самоконтроль за последние пару месяцев тоже потерял в весе.

— Плата не за информацию, которую я даю вам, — сказал Бифф. — Это — бесплатно. Двести баксов — за информацию, которую я не сообщу им. Ясно?

— Не... что? Им?.. Кому «им»? — с трудом проговорил Билли.

— Вашей супруге, — сказал Бифф. — И вашему доктору, и человеку, который работает на одну контору, называемую «Бартон Детектив Сервис».

Все стало ясно. Дело обстояло вовсе не так, как вообразил его параноидальный рассудок. Все оказалось гораздо хуже. Хейди и Майк Хустон пошли к Кирку Пенсли и убедили его, что Билли Халлек сошел с ума. Пенсли все еще не снимал заказа с агентства Бартона найти цыган. Но только теперь все они уподобились астрономам, ищащим в небе Сатурн ради того, чтобы увидеть Титан. И отправить его для начала в клинику Глассмана.

Он отчетливо представил себе оперативного агента Бартона, который всего несколько дней тому назад сидел в этом же кресле. Говорил Биффу Куингли о том, что совершенно тощий мужик по имени Билл Халлек тут вскоре возникнет. Когда это случится, он должен позвонить по одному телефону.

Последовал еще более отчетливый образ: он прыгает через письменный стол Биффа Куигли, хватает бронзовую кучу собачьего дерма и бьет его по башке. Яркий образ: разорванная кожа, брызги крови (некоторые попали на фото в рамках), проблеск белой кости, разламывающейся, чтобы обнажить подлый мозг этого типа. Потом решительный жест — собачье говно в бронзе — на место.

Возможно, Куигли что-то приметил, пусть малую толику эмоций на костлявой физиономии Билли. В глазах его появилась тревога. Он торопливо убрал ноги со стола. Кресло издало привычный свинячий визг.

— Мы можем обговорить... — начал он, и Билли заметил, как наманикюренный палец потянулся к кнопке интеркома.

Гнев внезапно выдохся, оставив легкую дрожь и холод. Просто достаточно было представить себе, как мозг разбрызгивается из его черепа. Причем не в туманных образах, а в «Текниколор» и со звуком системы «Долби». Добрый старый Бифф это сообразил.

Господи, да что же происходит с благочестивым Билли Халлеком, который всегда жертвовал в фонд США и в рождественскую копилку?

Рассудок вернулся: *Да-а, то был Билли Халлек, который жил в городе Пресытившихся. Теперь он улизнул в неизвестном направлении.*

— Ладно, оставим это все. — Билли кивнул на интерком.

Палец отдернулся прочь. Потом зашарил по столу, пока

— Не желаете ли закурить, мистер Халлек? Ха-ха!

Билли взял сигарету, осмотрел ее, наклонился, чтобы прикуриТЬ.

Одна затяжка — и в голове вдруг стало легко.

— Благодарю вас.

— Насчет двух сотен я, может быть, и загнул, конечно...

— Нет, почему же, вы были правы, — сказал Билли. Он заранее подготовил чеки на сумму триста долларов, полагая, что придется кое-где подмазать. Но ни разу ему не пришло в голову то, что это придется делать по такой причине. Билли вытащил бумажник, извлек четыре полусотенных и положил их рядом с говяжьей стаутэткой Биффа. — Будете держать язык за зубами, когда Пеншли позвонит?

— О да, сэр! — Бифф сгреб деньги и сунул их в ящик стола с сигаретами. — Вы сами знаете!

— Надеюсь, — ответил Билли. — А теперь расскажите мне о цыганах. — Теперь говорить было легко: куда труднее давались подходы к теме.

Цыгане прибыли в Бангфор 10 июня. В контору Биффа пришли Сэмюэл Лемкес и Ричард Кросскилл после звонка мистеру Парсонсу и шефу полиции Бангфора. Речь шла о кратковременной аренде площади с возможным продлением. Кросскилл подписал договор как доверенное лицо «Корпорации Тадуз». В это время молодой Лемкес стоял возле двери, скрестив на груди свои мускулистые руки.

— Ну и как они позолотили вашу ручку? — спросил Билли.

— Извините, не понял? — Бифф вопросительно поднял брови.

— Ну как же? От меня пару сотен, возможно, от моей супруги и друзей — еще сотенку через агента Бартона, который побывал здесь. Да дело не в этом. Я просто хотел спросить, сколько цыгане дали вам на лапу. Так уж начистоту, Бифф, — ни с того ни с сего хорошо руки погрел, верно, Бифф?

Некоторое время Бифф молчал. Потом, не отвечая на вопрос, закончил свою историю.

Кросскилл явился снова, чтобы закрыть договор. Он прибыл тринадцатого, а тут как раз позвонили из полиции и от Парсонса. Пошли жалобы от местных жителей. Шеф полиции решил, что пора цыганам убираться подальше. Парсонс хотел того же, но не прочь был позволить задержаться на денек-другой, если бы они повысили плату, скажем, долларов до пятидесяти за ночлег.

Кросскилл выслушал все это, покачал головой и ушел, не сказав ни слова. Бифф в полдень вдруг решил заглянуть

на площадку у сгоревшего сарайя. Подъехал как раз в тот момент, когда цыганский караван отправился в путь.

— Знаю только, что они направились к мосту Чемберлена. Вот и все. Почему бы и вам не отправиться в путь, Билл? Честно говоря, вы выглядите, как реклама отпуска в Биафре. У меня прямо мурашки по спине бегут, когда смотрю на вас.

Билли еще держал сигарету в пальцах, ограничившись всего одной затяжкой. Теперь он наклонился и загасил ее о бронзовое дермо. Тлеющие крошки посыпались на стол.

— Честно говоря, — сказал он Биффу, — я то же самое чувствую в отношении вас.

Ярость овладела им, и он торопливо покинул контору Биффа Куигли, чтобы не натворить чего-нибудь необдуманного. Вместо него могли заговорить его руки.

Было двадцать четвертое июня. Цыгане покинули Бангор по мосту Чемберлена тринацатого числа. Он отставал на одиннадцать дней. Все ближе... ближе, но еще далеско.

Он обнаружил, что шоссе номер 15, начинающееся с моста, называлось также Бар-Харбор-роуд. Не исключено, что предстояло отправляться в Бар-Харбор. По пути он решил больше не общаться с агентами по продаже недвижимости и не останавливаться в отелях первого класса. Если люди Бартона его опережали, Кирк мог нанять еще больше сыщиков на его розыски.

Цыгане тринацатого числа проехали сорок четыре мили до Эл-лсуорта. Там им разрешили расположиться у выставочной территории. Потом они пересекли реку Пенобскот и направились в Бакспорт, где пробыли еще три дня, прежде чем продолжить путь вдоль побережья.

Все это Билли узнал двадцать пятого июня. Цыгане покинули Бакспорт во второй половине дня 19 июня.

Теперь он отставал от них всего на неделю.

Обстановка в Бар-Харбore была действительно сумасшедшей, как и говорила ему официантка. Она сказала, что главное зрелище в городе — уличный карнавал. Все прибрежные города примерно одинаковы, но Бар-Харбор их возглавляет. Вспомнил, как официантка говорила ему, что, бывало, проводила там время в июле—августе, но теперь старовата стала для таких прогулок.

Я тоже староват стал для таких городов, подумал Билли. Он сидел на скамейке в парке. На нем были хлопчатобумажные штаны, рубашка с короткими рукавами и с надписью: **УБАН-**

ГОРА ЕСТЬ ДУША и спортивный плащ, вешалкой которому служили его костлявые плечи. Он ел мороженое, привлекая немало любопытных взглядов.

Билли устал. Его тревожило то, что теперь он всегда чувствовал себя усталым, если только не испытывал ярости. Утром, когда припарковал машину, вышел и начал показывать фотографии, испытал вдруг опять кошмарное чувство *дежа-вю*, обнаружив, что штаны снова сползают с бедер. *Извините, подумал он, — с отсутствующих бедер.* То были вельветовые брюки, купленные им в магазине военно-морской одежды в Роклэнде. В пояснице брюки имели размер двадцать восемь дюймов. Продавец нервожно заметил ему, что брюки все же великоваты для него, поскольку размер его талии скорее как у мальчика. Однако длина брюк сохранилась все той же — тридцать два дюйма. Для мальчиков таких длинных брюк не шьют.

Теперь он ел фисташковое мороженое, надеясь, что оно прибавит ему сил.

Билли пытался понять, почему этот маленький очаровательный городок, где так трудно припарковать машину и так тесно на тротуарах, вызывал в нем гнетущее чувство. Олд-Оркард был вульгарен, но его вульгарность была прямолинейна и открыта. Там ты знал, что призы в тирах — надувательство, сувениры разваливаются в руках, едва отойдешь на несколько шагов. Придется возвращаться к торговцу и спорить с ним, пока не вернет деньги. В Олд-Оркарде многие женщины были староваты и почти все — толстые. Некоторые из них носили до неприличия маленькие бикини; но большинство — купальные костюмы 50-х годов. Когда они проплывали мимо тебя, раскачивая своими телесами, на ум приходили образы подводных лодок, плывущих под громадным давлением на большой глубине. Лопнет обшивка такой мадам, и весь жир попрет наружу.

В воздухе витали ароматы пиццы, мороженого, жареного лука. Время от времени видишь блюзящего мальчишку, который слишком долго находился на карусели. Большинство медленно двигавшихся машин в Олд-Оркарде были старыми, подернутыми снизу ржавчиной, и слишком большими. У многих подтекало масло.

Олд-Оркард был вульгарен, но при этом было что-то невинное в его откровенности. Вот этого и не хватало Бар-Харбору.

Многое здесь было прямой противоположностью Олд-Оркарду, словно проходишь сквозь зеркало. Мало видно старых женщин и совсем не видно толстых. Мало кто из женщин гуляет

в купальных костюмах. Похоже, что униформой Бар-Харбора были теннисные костюмчики, белые туфли, поблекшие джинсы, рубашки-регби или матроски. Билли увидел совсем немного старых автомобилей и еще меньше машин американских марок. Большинство — «саабы», «вольво», «датсуны», «БМВ», «хонды». И на всех — непременно наклейки с дурацкими надписями. Были здесь и велосипедисты, лавировавшие среди толпы прохожих и машин на дорогих десятискоростных велосипедах. Как правило, они носили поляризованные темные очки и козырьки от солнца. В ушах маленькие наушники: с отсутствующими улыбками эти создания слушали кассеты на плейере «Сони». В гавани виднелся лес мачт, правда, не очень густой, окрашенный не в тусклые тона рыбакских лодок, а сверкающий белизной яхт, которые после празднования Дня труда отправлялись в сухие доки.

Публика, слоняющаяся по Бар-Харбору, была в основном молодая, сообразительная, модно либеральная и богатая. Ночи напролет они проводили на гулянках и вечеринках. Билли кое-как доехал до мотеля «Френчмен-Бэй» и до рассвета пролежал, слушая разного-лосицу рока, доносившуюся из шести, а может быть, и восьми баров. В местной газете сводки об автомобильных авариях и нарушениях правил были впечатляющими и немного удручающими.

Билли подумал: Хочешь знать, почему это место и эти люди производят на тебя удручающее впечатление? Я скажу тебе. Они учатся жить в таких городках, как Фэйрвью, вот почему. Закончат учебу, женятся на девушках, которые завершают их любовные приключения, и осядут в подобном городке. Там они будут надевать красные брюки, чтобы поиграть в гольф, и каждый канун Нового года станет для них возможностью полапать чужих жен.

— Да, это удручет, — пробормотал он, и проходившая мимо пара с удивлением обернулась на него.

Они все еще здесь.

Да, они еще находились где-то тут. Мысль оказалась столь естественной, что он не удивился и особенно не возбудился. Он отставал от них на неделю. Теперь они могли находиться в Маритаймсе или двигаться дальше вдоль побережья. Их прежний распорядок предполагал, что к данному моменту они уже уехали. Бар-Харбор, разумеется, был неподходящим местом для пестрой толпы цыган, поскольку здесь даже сувенирные лавки выглядели дорогими.

Все верно. Кроме одного: они все еще находились здесь, **322** и он это знал.

— Чую тебя, старик, — прошептал он.

Конечно же, чуешь. Ты теперь должен их чуять.

Мысль на миг встревожила его. Он встал, выбросил остаток своего мороженого в мусорную корзину и отправился обратно к продавцу мороженого. Тот не слишком обрадовался, увидев, что Билли направляется к нему.

— Не могли бы вы мне помочь? — сказал Билли.

— Нет,уважаемый. Не думаю, — ответил торговец, и Билли заметил отвращение в его взгляде.

— Вас это может удивить. — Билли ощущал полное спокойствие и предрешенность. Не лежа-вю, а именно предрешенность. Продавец мороженого хотел отвернуться, но Билли удержал его взглядом. Он обнаружил в себе такую способность, словно сам начал обретать сверхъестественные способности. Он извлек фотографии, которые уже успели помяться и запачкаться, и разложил их, как карты, на прилавке будки мороженщика.

Продавец посмотрел на них, и Билли не удивился, что тот их сразу узнал. Удовольствия от этого не было — только смутный страх, который испытываешь, когда местный наркоз начинает проходить. В воздухе отчетливо пахло морской солью, и чайки кричали над гаванью.

— Вот этот тип, — сказал продавец мороженого, зачарованно уставившись на снимок Тадзуа Лемке. — Этот... ну и кошмар.

— Они еще здесь?

— Здесь, — ответил продавец. — Думаю, что тут еще. Копы вытолкали их из города на второй же день, но им удалось арендовать место у фермера в Текноре. Это недалеко отсюда. Полицейские к ним прицепились из-за какой-то ерунды: разбитые задние фары и прочее. Они намек, видать, поняли.

— Благодарю вас. — Билли собрал фотографии.

— Еще мороженого хотите?

— Нет, спасибо. — Теперь страх стал вполне осознанным, но он был смешан с гневом, став обычным его настроением.

— Ну, тогда, может, пойдете своей дорогой, мистер? Вы бизнесу не способствуете.

— Да, полагаю, что не способствую.

Билли направился к своей машине. Усталость покинула его.

В тот вечер, в четверть десятого, Билли припарковал машину на обочине шоссе 37-а, которое уходило к северо-западу от Бар-Харбора. Он оказался на вершине холма. Морской бриз шевелил его волосы, одежда разевалась и хлопала на ветру. 323

Откуда-то сзади, издалека, доносились слабые звуки рока, открывавшие очередную вечеринку в Бар-Харбore.

Внизу справа он увидел большой костер, окруженный автомашинами, фургонами, трейлерами. На фоне костра мелькали силуэты фигур, слышались звуки разговоров, смех.

Он их догнал.

Старик там ждет тебя, Билли. Он знает, что ты здесь.

Да. Да, конечно. Старик смог бы всю эту компанию отправить на край света, если бы пожелал. Но в этом для него было мало удовольствия. Он заманил Билли именно сюда. Именно этого он захотел.

Страх. Он, как струи дыма, блуждал по пустотам его тела, и таких пустот, казалось ему, становилось в нем все больше. Но и ярость жила там тоже.

Я этого хотел и, возможно, стану для него сюрпризом. Он ожидает от меня страха — наверняка. Злость — вот что может стать сюрпризом.

Билли на мгновение обернулся и посмотрел на свой автомобиль, покачал головой. Потом начал спускаться вниз по травянистому склону к табору.

Глава девятнадцатая: В ЦЫГАНСКОМ ТАБОРЕ

Он остановился за фургоном с изображением женщины и единорога — одна из множества теней, трепещущих от отблеска костра. Прислушался к их негромкому разговору, к взрывам смеха, к потрескиванию дров в костре.

Туда я выйти не могу, настаивал его рассудок. В этой настойчивости был страх, смешанный со стыдом. Нет, он больше не желал входить в концентрические круги их костра, вторгаться в их разговоры и личные дела. Ведь в конце концов он был виновником. Он...

И вдруг представил себе лицо Линды, услышал ее голос, умоляющий вернуться домой, ее плач по телефону.

Он был виновником, верно. Но не он один.

Вновь пробудилась ярость. Билли попытался прогнать это чувство, заглушить его, превратить во что-то более конструктивное — достаточно элементарной суровости, подумал он. Он вышел в промежуток между фургоном и универсалом, его туфли зашуршили по сухой траве, и направился прямо к ним.

Там действительно были концентрические круги: сначала машины, потом круг людей, сидящих вокруг костра, который горел в обложенном кругом камней углублении. Неподалеку в землю была воткнута срубленная ветка, на ней прикреплен желтый лист бумаги. Билли предположил, что это разрешение разводить костер.

Те, что помоложе, сидели на траве или на надувных матрасиках. Люди постарше сидели на алюминиевых раскладных стульях, оплетенных пластиком. Билли увидел старую женщину в шезлонге, обложенную подушками и прикрытую одеялом. Она курила са-мокрутку.

Три собаки, находившиеся по ту сторону костра, принялись лаять без особого энтузиазма. Один из молодых цыган резко оглянулся и распахнул жилетку, обнажив никелированную рукоятку револьвера в кобуре под мышкой.

— Энкельт! — резко сказал мужчина постарше, положив ладонь на руку молодого цыгана.

— Болде хар?

— Жуст дет — хан оч Тадуз!

Молодой парень посмотрел в сторону Билли Халлека, который теперь стоял среди них, совершенно неуместный в своем мешковатом спортивном плаще и городских туфлях. На лице цыгана отобразился не страх, но удивление и — Билли готов был поклясться в этом — сочувствие. Парень поднялся и быстро удалился, лягнув по пути пса и прикрикнув: «Энкельт!» Пес вякнул, и все три собаки разом умолкли.

Пошел за стариком, подумал Билли.

Он окинул взглядом всю компанию. Разговоры прекратились, все смотрели на него черными цыганскими глазами. *Вот так себя чувствуешь, когда на суде с тебя спадают штаны*, подумал он, но на самом деле все было совсем не так. Теперь, когда он оказался перед ними, сложные эмоции исчезли. Остались лишь страх и гнев, но и то и другое лишено остроты — спрятавшейся в глубине разума.

И вот еще что: их вовсе не удивляет видеть тебя здесь... они со всем не поражаются твоему виду.

Значит, все было правдой. Никакая там не психологическая анорексия, никакая не экзотическая форма рака. Билли подумал, что даже Майкла Хустона убедили бы эти темные глаза. Они знали, что с ним случилось. Знали, почему это произошло. И знали, чем это закончится.

Они смотрели друг на друга — цыгане и тощий человек из Фэйрвью, Коннектикут. И вдруг без всякой причины Билли начал улыбаться.

Старуха, обложенная подушками, охнула и сделала в его сторону жест, отгоняющий нечистую силу.

Послышались приближающиеся шаги, голос молодой женщины заговорил торопливо и сердито:

— Вад са хан! Оч плошлгт браст хан дыббук. Папа! Алсклинг грат инте! Сналла дыббук! Та миг мамма!

Тадуз Лемке, в ночной рубашке, спускавшейся до костлявых колен, босой, вышел в свет костра. Рядом с ним, в хлопчатобумажной ночной рубашке, обволакивающей соблазнительные бедра, была Джина.

— Та миг мамма! Та миг... — Она выхватила взглядом Билли, стоявшего в середине круга в мешковатом плаще и несоразмерных штанах. Вскинула руку в его направлении и вновь обратилась к старику, словно собираясь напасть на него. Остальные в бесстрастном молчании наблюдали за происходящим. В костре громко треснуло полено, рассыпав золотой фонтан искр.

— Та миг мамма! Ва дыббук! Та миг инте тилль мормор! Ордо! Ву дерлак!

— Са хон лагт, Джина, — ответил старик. Его голос и выражение лица были безмятежными. Одна корявая рука потянулась и погладила роскошные волны ее черных волос, ниспадавших до талии. Пока что он ни разу не взглянул на Билли. — Ви ска станна.

На миг она сникла, и, несмотря на ее соблазнительную фигуру, Билли показалось, что перед ним совсем юная девочка. Затем она обернулась снова к нему с пылающим взглядом, словно подлили горючего в затухавший костер.

— Вы не понимаете нашего линго, мистер?! — крикнула она ему. — Я говорю моему старому папе, что убили мою старую маму! Я говорю, что вы демон и нам следует убить вас!

Старик положил ладонь на ее руку. Она стряхнула ее и бросилась к Билли, едва не ступив босой ногой в костер. Волосы развернулись позади нес.

— Джина, ферклиген глад! — крикнул кто-то встревоженно, но никто больше не издал ни звука. Ничуть не изменилось безмятежное выражение лица старика: он смотрел, как Джина приближается к Билли, словно родитель, наблюдающий за резвым ре-

Она плюнула ему в лицо громадным плевком — видно, ее рот был полон слюны. Билли ощущал ее слюну даже у себя во рту. На вкус напоминало слезы. Она посмотрела на него в упор своими огромными глазами, и, несмотря на все произшедшее, на все, что он утратил, Билли осознал, как хочет ее. И она это поняла — в черноте ее глаз горела ненависть.

— Если это может вернуть ее, плюй на меня, пока я не утону в плевках, — сказал он. Голос его на удивление прозвучал ясно и мужественно. — Но я не дыббук, не демон, не чудовище. То, что вы видите... — он поднял руки, и костер на миг просветил его одежду насквозь, сделав похожим на иссохшую белую летучую мышь... — это то, что я и есть.

На мгновение лицо ее отразило нерешительность, почти страх. Хотя слюна все еще стекала по его лицу, выражение ненависти покинуло ее глаза, и Билли мысленно поблагодарил за это.

— Джина! — Это Сэмюэл Лемке, жонглер. Он появился возле старика, застегивая пояс своих брюк. На нем была рубашка с короткими рукавами и портретом Брюса Спрингстина. — Энкельт мен тил-лаклигт!

— Ты ублюдочный убийца, — сказала она Билли и пошла обратно. Брат попытался обнять ее, но она оттолкнула его руку и исчезла во мраке. Старик обернулся ей вслед и только тогда наконец посмотрел на Билли Халлека.

Некоторое время Билли не мог отвести взгляда от отвратной дыры посредине лица Лемке, затем его взгляд остановился на глазах старика. Глаза древности? Кажется, так он их оценил? Они оказались чем-то большим, нежели древность, и... чего-то в них не хватало. Билли увидел в них пустоту. Пустота была их сущностью. Не поверхностный отблеск мысли, подобно отражению луны на темной водной глади. Пустота, столь же глубокая и полная, как пространства между галактиками.

Лемке указал кривым пальцем на Билли, и тот, как в полусне, медленно направился, огибая костер, к старику в темно-серой ночной рубашке.

— Ты знаешь ромалэ? — спросил Лемке, когда Билли остановился прямо перед ним. Голос его звучал интимно и тихо, но слышен был всему молчаливому табору. Тишину нарушило лишь потрескивание костра.

Билли покачал головой.

— Ромалэ — это ром. На роме таких, как ты, мы называем скуммаде игеном, что означает «белый человек из города».

Он улыбнулся, обнажив гнилые, потемневшие от табака зубы. Темная дыра, где прежде был нос, растянулась.

— Еще это означает «глупый подонок». — Теперь его глаза освободили Билли. Лемке, похоже, потерял к нему интерес. — А теперь уходи, белый человек из города. Тебе нечего делать у нас, и нам с тобой нечего тут делать. Если и было дело, то оно закончено. Возвращайся в свой город.

Старик отвернулся от него.

Какое-то время Билли стоял разинув рот, смутно понимая, что старик загипнотизировал его, сделав это так же легко, как фермер, усыпляющий курицу, сунув ее голову под крыло.

И это ВСЕ?? — внезапно завопила часть его сознания. Вся эта гонка, хождения, расспросы, кошмарные сны, все эти дни и ночи — и это все? Ты будешь стоять так, не говоря ни слова? Позволишь ему назвать тебя глупым подонком и уйти спать?

— Нет, это не все! — громко и грубо сказал Билли.

Кто-то удивленно и шумно вздохнул. Сэмюэл Лемке, который повел старика под руку к одному из фургонов, вздрогнув, обернулся. Спустя момент и старый Лемке повернулся к нему. На лице его было усталое любопытство. И на миг при свете костра Билли показалось, что Тадуз Лемке по-настоящему изумлен.

Молодой цыган с револьвером сунул руку за пазуху.

— Она очень красивая, — сказал Билли. — Джина.

— Заткнись, белый человек из города, — сказал Сэмюэл Лемке. — Я не желаю слышать имя моей сестры из твоих уст.

Билли проигнорировал его. Он смотрел на Лемке.

— Она твоя внучка? Правнучка?

Старик посмотрел на него изучающим взглядом, будто решая, есть тут что-то или же просто ветер прошумел над пустынным местом. Потом снова отвернулся.

— А может, задержишься на минуту, пока я напишу адрес моей дочки?! — Билли повысил голос. Не было нужды повышать его сильно, чтобы придать ему сурово-повелительный тон, отработанный на многих судебных процессах. — Она не так прекрасна, как твоя Джина, но мы считаем, что она прелестна. Может быть, они начнут переписываться на тему несправедливостей. Что скажешь на это, Лемке?! Смогут они потолковать на такую тему после того, как я буду так же мертв, как твоя дочь? Кто сможет разобраться, в чем на самом деле кроется несправедливость? Дети? Внуки? Минуточку! Я напишу адрес. Одну секунду. Я напишу его на обрат-

ной стороне твоей фотографии, которая у меня имеется. Если они не смогут разобраться, может, встретятся когда-нибудь и пристрелят друг друга, а потом уж их детишки попробуют во всем разобраться. Что думаешь на этот счет, старик? Видишь в этом больше смысла, чем в нынешнем деръме?

Сэмюэл положил руку на плечо Лемке. Тот стряхнул ее коротким жестом и медленно направился к Билли. Теперь глаза старика были наполнены слезами ярости. Узловатые пальцы сжимались и разжимались. Все прочие наблюдали в гробовом молчании и страхе.

— Ты пересекал мою дочь на дороге, белый человек, — сказал он. — Задавил мою дочь и... набрался такой... такой боржале рулла явиться сюда и говорить свои слова в мои уши. Эй, я знаю, кто и что это сделал. Об этом я позаботился. Мы обычно поворачиваем и уезжаем из города. Да, обычно так и получается. Но иногда мы добываемся правосудия. — Старик поднял корявую ладонь к глазам Билли и резко стиснул ее в кулак. Спустя мгновение из кулака засочилась кровь. Толпа вдруг забормотала, загудела — не от страха или удивления, а в знак одобрения. — Правосудие рома, скуммаде игеном. О двух других я уже позабылся. Судья — он выбросился из окна две ночи назад. Он... — Тадуз Лемке щелкнул пальцами и дунул на верхний сустав большого пальца, как на одуванчик.

— Что, мистер Лемке, это вернет назад твою дочь? Она вернулась, когда Кэри Россингтон упал из окна в Миннесоте?

Губы Лемкса искривились.

— Она мне назад не нужна. Правосудие мертвых не оживляет, белый человек. Правосудие есть правосудие. Тебе лучше убраться отсюда, пока я еще что-нибудь с тобой не сделал. Думаешь, я не знаю, чем ты и твоя жена занимались? Думаешь, я не вижу? Я вижу. Спроси любого из них. Сто лет я уже вижу все.

Послышался возрастающий шум в толпе табора.

— А мне наплевать, сколько времени ты видишь все, — сказал Билли. Он протянул руку и взял старика за плечо продуманным жестом. Послышалось гневное мычание толпы. Сэмюэл Лемке торопливо пошел к нему. Тадуз Лемке повернул голову и коротко сказал что-то на роме. Молодой цыган остановился в нерешительности. На лицах многих отразилось то же выражение нерешительности, но Билли этого не увидел. Он видел только Лемке. Он наклонялся к нему ближе и ближе, пока его собственный нос едва не коснулся кошмарной сморщенной, губкообразной впадины на лице старика.

— Подавись ты своим сраным правосудием, — сказал он. — Ты в нем понимаешь столько же, сколько я в реактивных двигателях. Сними с меня это.

Глаза Лемке уставились в глаза Билли — этой ужасающей пустотой.

— Убери руку, а то я сделаю еще хуже, — спокойно произнес он. — Настолько хуже, что ты сочтешь за благословение то, что я с тобой делал до сих пор.

На лице Билли вдруг появилась улыбка — жуткая улыбка скелета, полумесяц, положенный на спину.

— Ну, давай действуй, — сказал он. — Попытайся. Но ты сам понимаешь: я знаю, что не сможешь.

Старик безмолвно смотрел на него.

— Потому что я сам себе помог, — сказал Билли. — Они были правы. Это — партнерство, разве не так? Партнерство проклявшего и проклятого. Мы с тобой вместе замешаны во всем. Хопли, Россингтон; ты и я. Но я признаюсь, дед. Моя жена мне сдрочивала в моем богатом автомобиле. Все так. Но твоя дочь вылезла между двух машин посреди квартала, как будто ворон считала. И это тоже правда. Если бы она шла по положительному переходу, была бы жива. Ошибка с обеих сторон. Но она умерла, и я не могу вернуть назад время. Так что одно другое уравновешивает. Не лучшим образом, но как-то уравновешивает. В Лас-Вегасе, старик, это называют «толчок судьбы». Вот тут и случился толчок. И давай на этом прекратим.

Страх возник в глазах Лемке, когда Билли начал улыбаться, но теперь он вновь сменился злой, непоколебимой мощной злой.

— Никогда не сниму этого, белый человек из города, — сказал Тадуз Лемке. — Умру с этим проклятием на губах.

Билли медленно наклонился еще, коснулся лбом лба Лемке, ощутил запах старика: запах чердачной паутины, табака и отдаленно — мочи.

— Ну, так и сделай все хуже. Валяй! Делай, как сделал со мной в первый раз, — благослови.

Лемке некоторое время смотрел на него, и вдруг Билли почувствовал, что теперь старик находится в ловушке. Внезапно Лемке обернулся к Сэмюэлу.

— Энкельт ав лакан оч канске алскале! Жуст дет!

Сэмюэл Лемке и парень с пистолетом под мышкой схватили Билли за плечи и отбросили прочь от старика. Грудь Таду-

за Лемке быстро вздымалась и спадала, жиденькие волосы выглядели растрепанными.

Он не привык, чтобы с ним говорили в гневе. Он не привык, чтобы его хватали, касались.

— Это и есть толчок, — сказал Билли, когда они оттаскивали его прочь. — Ты меня слышишь?

Физиономия Лемке страшно исказилась. Внезапно он стал выглядеть на все триста лет, кошмарный отщепенец прошлых веков.

— Нет толчка! — заорал он вдруг, потрясая кулаком в сторону Билли. — Нет никакого толчка! Ничего нет! Ты сдохнешь тощим, городской человек! Сдохнешь таким! — Он сложил вместе оба кулака, и Билли ощущил резкую боль в боках, словно эти кулаки ударили его. Некоторое время ему трудно было дышать, будто все его внутренности оказались стиснутыми. — Сдохнешь тощим!

— Это толчок, — упрямо проговорил Билли, пытаясь отдохнуться.

— Нет толчка! — заорал старик на грани визга. Ярость отпечаталась узкими полосками крови на его щеках, похожими на паутину. — Уберите его отсюда!

Его потащили прочь из круга, а Тадуз Лемке остановился и наблюдал. Он подбоченился, и лицо его приняло выражение каменной маски.

— Прежде чем меня утащат, старик, — заорал Билли, — знай, что мое проклятие падет на твою семью! — Несмотря на боль в боках, голос его звучал мощно и в то же время спокойно, с достоинством. — Проклятие белого человека из города!

Ему показалось, что глаза старика стали шире. Заметил, как страх среди подушек снова отогнала нечистую силу.

Двое парней, тащивших Билли, приостановились. Сэмюэл Лемке коротко захохотал. Видимо, насмешила идея того, что преуспевающий юрист из Фэйрвью, Коннектикут, проклял человека, который был, возможно, самым старым цыганом Америки. Билли над тем же посмеялся бы пару месяцев назад.

Однако Тадуз Лемке не смеялся.

— Думаешь, такие люди, как я, не имеют силы наложить проклятие?! — спросил Билли. Он прижал обе ладони к лицу и медленно разстопырил костлявые пальцы. Выглядел как артист, закончивший странное представление и ждущий аплодисментов. — У нас есть сила. Мы умеем проклинать, когда начинаем этим заниматься, старик. Не заставляй меня начинать.

Позади старого цыгана что-то задвигалось: мелькнула ночной рубашка, черные волосы.

— Джина! — крикнул Сэмюэл.

Билли увидел, как она вышла в круг света. Увидел, как она подняла рогатку, натянула резину и изящным жестом отпустила ее. Мельком заметил жидкий блеск в ночном воздухе, когда стальной шарик пролетел к нему.

Резкая боль обожгла левую руку, но тут же прошла. Услышал, как звякнул шарик, отскочив от железного фургона. Билли поднес ладонь к глазам и вдруг обнаружил, что видит разъяренное лицо девушки не между пальцев, а через ладонь, сквозь аккуратную ровную дыру в ней.

Она прострелила меня из рогатки, подумал Билли. Господи Иисусе, из рогатки! Из дырки хлынула кровь, черная, как вар, при свете костра. Она залила рукав его спортивного плаща.

— Энкельт! — пронзительно крикнула она. — Убирайся отсюда, эйелак! Убирайся, убийца проклятый!

Она отбросила рогатку. Та упала возле костра — белая, как раздвоенная грудная кость некой фантастической птицы, между рогульками — черная нашлепка для одноглазого. Потом с криками Джина убежала прочь.

Возле костра никто не шелохнулся. Неподвижно стояли два молодых парня, старик и сам Билли. Хлопнула дверь, и крики Джины утихли.

А боли все не было.

Внезапно Билли, сам того не осознавая, протянул окровавленную руку к Лемке. Старик отшатнулся, сделав знак против нечистой силы. Билли сжал пальцы, как это сделал Лемке, и кровь закапала из кулака, как перед тем у старика.

— Проклятие белого человека на тебе, мистер Лемке. О нем не пишут в книгах, но я говорю тебе — оно действует. Ты поверишь этому. Обязательно поверишь.

Старик закричал на роме, разразился целым потоком непонятных слов. Билли рванули назад так, что шея слегка хрустнула, а ноги потеряли опору.

Они бросят меня в костер. Боже, они меня изжарят живьем...

Вместо этого его понесли туда, откуда он появился, через круг. Люди шарахались от него, падали со стульев и отползали прочь. Его пронесли между двумя пикапами, мимо фургона, из которого доносился звук телевизора с записью дружного смеха статистов.

Человек в жилетке что-то буркнул, Билли раскачали, как мешок зерна (с большим недовесом), и бросили. Он проле-

тел и со стуком упал на траву позади круга автомашин. Это оказалось куда больнее раны в ладони. Кости внутри него, как ему показалось, затрещали. Попытался тут же подняться и не смог. В глазах мелькали белые вспышки. Билли застонал.

Сэмюэл Лемке направился к нему. Красивое лицо парня было совершенно лишено какого-либо выражения. Он вынул из кармана джинсов какой-то предмет. Билли показалось — что-то вроде палки. Но предмет оказался гораздо меньше: когда Лемке раскрыл его, оказалось, что это бритва.

Он протянул к молодому цыгану окровавленную ладонь, и Лемке остановился в нерешительности. На его бесстрастном лице появилось выражение, которое Билли тотчас распознал. Знакомое ему выражение по собственной физиономии, когда в ванной смотрелся в зеркало. Страх.

Напарник что-то пробормотал ему.

Лемке несколько мгновений колебался, глядя вниз на Билли, затем сложил бритву. Он плунул в сторону Билли. Оба повернулись и зашагали прочь.

Некоторое время Билли Халлек лежал на траве, пытаясь сообразить, что же произошло, упорядочить сумятицу в голове... Бесполезно в такой ситуации. Рука словно заговорила о том, что случилось: пошли пульсирующие удары боли. Он понял, что это только начало, боль станет скоро невыносимой. Если только они не вернутся и не прикончат его. Тогда всякая боль прекратится навсегда.

Мысль заставила его двигаться. Он перевалился набок, поджал колени к впадине живота. Несколько мгновений лежал, прижавшись щекой к утоптанной жесткой траве, пытаясь унять возникшее головокружение и тошноту. Когда чуть полегчало, поднялся на ноги и побрел вверх по холму, туда, где стоял его автомобиль. Пару раз Билли упал. Во второй раз решил, что ему не подняться. Однако каким-то образом снова встал: подстегнула мысль о Линде, безмятежно спящей в своей постели. Боль в ладони пульсировала сильнее, будто некая черная инфекция пожирала края раны, увеличивая ее, пробираясь дальше по руке к локтю.

Спустя вечность он добрался до арендованного «форда» и начал искать ключи. Они оказались в левом кармане, и пришлось добывать их правой рукой.

Когда машина завелась, некоторое время Билли приходил в себя. Левая рука лежала у него на колене, как подстреленная птица. Посмотрел на круг машин у костра, и вдруг в голове воз-

никли слова некогда популярной песни о том, как цыганка танцевала у костра, как она была прекрасна и очаровывала.

Он поднес ладонь к глазам и сквозь дыру в ней увидел зеленый огонек на приборном щитке.

Была прекрасна и очаровала меня, подумал Билли и тронул с места автомобиль. Почти абстрактно подумал — сможет ли добраться до мотеля «Френчмен-Бэй»?

Каким-то образом добрался.

Глава двадцатая:

118

— Уильям? Что случилось?

Голос Джинелли, невнятный спросонок, готовый к раздраженной реплике, теперь зазвучал резко и встревоженно. Билли разыскал его домашний телефон в своей записной книжке под записью «Три брата». Набрал номер без особой надежды, даже уверенный в том, что за прошедшие годы он поменялся.

Левая ладонь, обернутая в платок, лежала на колене и напоминала ему нечто вроде радиостанции, передающей пятьдесят тысяч ватт боли. При малейшем движении агонизировала вся рука. Лоб Билли покрылся потом, перед глазами мелькали образы распятия.

— Прости, что звоню тебе домой, Ричард, — сказал он. — Да еще в такое позднее время.

— Хрен с ним. Что случилось?

— Ну... прежде всего мне прострелили ладонь... этим... — Он заворочался, и тотчас в руку стрельнула ошеломляющая боль. Билли стиснул зубы. — ...Шариком от подшипника.

Молчание в трубке.

— Понимаю, как это звучит, но все правда. Женщина использовала рогатку.

— О Боже! Что... — В трубке слабо послышался женский голос. Джинелли коротко ответил ей по-итальянски и снова заговорил в трубку: — Это не шутка, Уильям? Какая-то сука прострелила тебе ладонь из рогатки?

— Я бы не стал звонить людям в... — он посмотрел на часы, снова испытав волну боли в руке... — в три часа, чтобы по-
334 шутить. Я сидел здесь уже часа три, пытаясь дождаться более

цивилизованного часа, но уж очень больно... — Он коротко хотнул: болезненный и беспомощный звук. — Очень больно.

— Это имеет отношение к тому разговору, когда ты звонил?

— Да.

— Цыгане?

— Да, Ричард.

— Ах вот оно что! Ладно. Обещаю тебе одну вещь. Больше они к тебе цепляться не будут.

— Ричард, я не могу пойти к доктору с этим, а боль... боль невыносимая. — *Не то слово*, подумал Халлек. — Не мог бы прислать мне что-нибудь? Может, «Федеральным экспрессом»? Что-нибудь болеутоляющее.

— Где ты находишься?

Билли некоторое время колебался. Все, кому он доверял, решили, что он сошел с ума. Не исключено, что его жена и босс успели застечь его и в этих краях и предпримут быстрые меры, чтобы вернуть Билли в штат Коннектикут. Выбор оказался простой и полный иронии: либо довериться этому бандиту, промышлявшему наркотиками, которого не видел целых шесть лет, либо полностью сдаться. Закрыв глаза, он сказал:

— Я в Бар-Харбore, штат Мэн. Мотель «Френчмен-Бэй», тридцать седьмой номер.

— Секундочку.

Джинелли снова отдинул трубку. Билли услышал, как он заговорил по-итальянски. Глаз не открывал. Джинелли заговорил снова.

— Моя жена тут сейчас кое с кем связывается для меня, — сказал он. — Сейчас разбудим кое-каких ребят в Норуоке. Надеюсь, будешь доволен.

— Ты настоящий джентльмен, Ричард, — сказал Билли. Слова дались ему с трудом, пришлось прокашляться. Ему стало холодно, а губы пересохли. Попытался их облизнуть, но во рту тоже было сухо.

— Ты лежи спокойно, мой друг, не суетись, — сказал Джинелли. В голосе снова была тревога, озабоченность. — Ты меня слышишь? Очень спокойно лежи. Можешь завернуться в одеяло. В тебя стреляли. Ты в шоке.

— Да брось ты, — сказал Билли и снова усмехнулся. — Я уже два месяца в шоке.

— Ты о чем это?

— Не важно.

— Ну хорошо. Но нам надо потолковать, Уильям.

— Да.

— Я... А ну подожди минутку. — Снова разговор на итальянском. Халлек закрыл глаза и прислушался к толчкам боли. — К тебе придет человек с болеутоляющими средствами, — сказал Джинсли. — Он...

— Ну зачем же, Ричард? Я только...

— Не указывай мне, что я должен делать, Уильям. Только слушай. Его зовут Фандер. Он не врач, вернее — больше не врач. Но он осмотрит тебя и решит, нужны ли тебе антибиотики помимо болеутоляющего. До рассвета он появится, я думаю.

— Ричард, я просто не знаю, как тебя благодарить, — сказал Билли. По щекам его потекли слезы, и он рассеянно утер их правой ладонью.

— Понятно, что не знаешь, — сказал Джинсли. — Помни: не суетиться, лежать спокойно.

Фандер прибыл еще до шести утра. Это был маленький человек с ранней сединой, в руке сумка сельского врача. Он посмотрел на костлявое, истощенное лицо Билли внимательным взглядом. Не сказав ни слова, развернул платок на ране, и Билли пришлось зажать рот правой ладонью, чтобы не вскрикнуть от боли.

— Поднимите ее, — сказал Фандер. Билли поднял руку. Она заметно опухла, кожа натянулась и блестела. Некоторое время Фандер и Билли смотрели друг на друга сквозь дыру в ладони, окаймленную черной запекшейся кровью. Фандер извлек из саквояжа одескоп и просветил рану со всех сторон, потом выключил лампочку.

— Чисто и аккуратно, — сказал он. — От шарика из подшипника меньше шансов на инфекцию, чем от свинцового заряда. — Он сделал паузу, размышляя. — Если только эта девица не подержала шарик в какой-нибудь, м-м... гадости.

— Утешительная идея, — пробормотал Билли.

— Мне платят не за утешения, — холодно сказал Фандер. — Особенно когда поднимают среди ночи с постели. Пришлось переодеться уже в самолете на высоте одиннадцать тысяч футов. Так, говорите, был стальной шарик?

— Да.

— Тогда, видимо, ничего страшного. Шарик в растворе держать толку мало. Сталь яд не удержит. Это не то что индейцы дживаро, которые вымачивают наконечники своих стрел в яде кураре. К тому же если это была неожиданная встреча, вспышка эмоций, как

336 вы говорите, женщина и не успела бы покрыть шарик ядом.

Рана заживет без осложнений. — Он приготовил эластичный бандаж и дезинфектант. — Я вам обработаю рану, забинтую и наложу бандаж. Будет очень больно, но поверте, еще больнее станет, если я оставлю рану такой, как она есть.

Он еще раз оценивающе посмотрел на Билли. Это не был взгляд сострадающего врача, а скорее холодный взгляд врача, делающего аборты, подумал Билли.

— Эта рука будет вашей самой мелкой проблемой, если вы не начнете хорошо питаться.

Билли промолчал.

Фандер еще некоторое время изучал его взглядом, затем приступил к обработке раны. Теперь говорить стало просто невозможно: уровень боли в его фантазии возрос с пятидесяти тысяч ватт до двухсот пятидесяти тысяч одним скачком. Зажмурив глаза и стиснув зубы, он ждал, когда кончится эта мука.

Наконец все было кончено. Он сидел, положив забинтованную руку на колено, и наблюдал, как Фандер укладывает свой саквояж.

— Помимо всего прочего, — сказал он, — ваше истощение со-здаст дополнительные проблемы. Вам больнее, чем человеку нормального веса. Давать вам дарсон или дарвоцет не могу, поскольку они могут погрузить вас в коматозное состояние или вызвать сердечную аритмию. Сколько вы весите, мистер Халлек? Сто двадцать пять?

— Что-то вроде того, — пробормотал Билли. В ванной номера были весы, и он на них встал, прежде чем отправиться в цыганский табор. Стрелка остановилась на 118. Вся эта беготня под палящим зноем ускорила похудание.

Фандер неодобрительно кивнул.

— Я дам вам сильнодействующий эмпицин. Примете только одну таблетку. Если за полчаса не уснете и боль будет очень беспокоить, примете еще одну. И так — дня три-четыре. — Он покачал головой. — Пролетел шестьсот миль, чтобы выдать человеку флакон эмпицина. Просто невероятно. Жизнь полна сюрпризов. Но учитывая ваш вес, даже эмпицин может оказаться опасен. Вам бы детский аспирин принимать.

Фандер извлек из сумки еще один маленький флакон без надписи.

— Ореомицин, — сказал он. — Будете принимать каждые шесть часов. Но учтите, мистер Халлек, если начнется расстройство желудка, немедленно прекратите прием антибиотиков. В вашем состоянии расстройство желудка убийственнее любой инфекции.

Он защелкнул свой саквояж и поднялся.

— И еще один маленький совет, который, правда, не имеет никакого отношения к вашим приключениям в сельской местности Мэна. Добудьте как можно скорее таблетки калия и принимайте их по две штуки в день — одну утром, другую — перед сном. Они проходятся в аптеках вместе с витаминами.

— Зачем?

— Если потеря веса продолжится, у вас вскоре начнется сердечная аритмия. Эта аритмия происходит от радикального уменьшения содержания калия в организме. Возможно, это и убило Карена Картинера. Всего хорошего, мистер Халлек.

Фандер собрался. Некоторое время он стоял на пороге, глядя в ту сторону, откуда в утренней тишине доносился шум океана.

— Вам следует немедленно отменить голодовку, мистер Халлек, — сказал он, не оборачиваясь. — Мир в общем-то куча дерьяма. Но он может быть и очень красивым.

Фандер направился к голубому «шевроле» и уселся на заднее сиденье. Билли провожал его взглядом, стоя в дверях.

— Я пытаюсь избавиться от этой напасти, — сказал он вслед удаляющемуся автомобилю. — Делаю все возможное.

Он закрыл дверь и медленно подошел к столику. Посмотрел на пузырьки с лекарствами и подумал: как же их открыть одной рукой?

Глава двадцать первая: ДЖИНЕЛЛИ

Билли заказал в номер приличный обед. Есть совершенно не хотелось, но он постарался съесть все без остатка. Покончив с едой, рискнул принять сразу три таблетки эмпирина. Подумал: как-нибудь, а таблетки ложатся на жаркое, сандвич с индейкой и на порядочный ломоть яблочного пирога, который, правда, скорее напоминал по вкусу асфальт.

Таблетки подействовали. Сначала передатчик боли в руке понизил свою мощность до пяти тысяч ватт, затем последовала серия кошмарных снов. Через весь сон шла, пританцовывая, обнаженная Джина, на ней были надеты только золотые серьги в виде больших колец. В следующем сне он полз по длинной дренажной трубе к круглому пятну дневного света, который непонятным образом оставался все на том же далеком расстоянии. Что-то кралось следом за ним, преследовало пугающее ощущение,

что его настигает крыса. Но крыса необыкновенно большая. И вдруг он выбрался из трубы. Однако ошибся, подумав, что наконец спасен, потому что вылез он в вымирающий от голода Фэйрвью. Повсюду валялись трупы, кое-где целые груды. Ярд Стивенс лежал, расставшись, посреди городского сада, и парикмахерские ножницы глубоко вонзились в то, что осталось от шеи. Дочь Билли стояла, прислонившись к фонарному столбу, и представляла собой что-то вроде остова с соединенными суставами, одетого в праздничный красно-белый костюмчик мажоретки. Невозможно было определить — мертва она, как остальные, или пребывает в коматозном состоянии. Стервятник, замахав крыльями, опустился на ее плечо. Когти сжались, голова вытянулась вперед. Гниющим клювом птица вырвала клок волос из ее головы. Окровавленный ошметок скальпа прилип к корням волос, как земля к корню вырванного растения. Она не была мертвой — Билли услышал ее стон, увидел, как пошевелились руки Линды. Он обнаружил, что в его руках рогатка, но заряжена она была не стальным шариком, а стеклянным грузом для бумаг, который обычно лежал на столе в холле их дома в Фэйрвью. Внутри груза виден был какой-то изъян, похожий на черно-синюю молнию. Линда в детстве часто зачарованно разглядывала эту безделушку. Билли выстрелил стеклянным грузом в птицу. Промахнулся, а птица обернулась Тадузом Лемке. Послышались какие-то глухие удары, и Билли подумал, что, возможно, началась фатальная аритмия его сердца. *Я никогда не сниму с тебя его, белый человек из города*, сказал Лемке, и вдруг Билли очутился совсем в другом месте, а глухой стук продолжался.

Он с глупым видом осмотрелся в номере мотеля, решив, что это всего лишь очередное место действия его сна.

— Уильям! — позвал его кто-то с другой стороны двери. — Ты здесь? Открывай, а то я вышибу дверь! Уильям! Уильям!

О'кей, попытался сказать он, но ему не удалось из себя выдать ни звука. Рот пересох, губы прилипли к деснам. Тем не менее он испытал чувство огромного облегчения. Это был Джинелли.

— Уильям! Уиль... ах ты, мать твою так! — последние слова он пробормотал для себя и ударил плечом в дверь.

Билли встал, его повело, он не смог даже сфокусировать взгляд. С легким треском разжались губы.

— Все в порядке, — удалось наконец вымолвить. — Порядок, Ричард. Я здесь. Я проснулся.

Он пересек комнату и открыл дверь.

— Господи, Уильям, я подумал, что ты...

Джинелли прервался на полуслове и уставился на него. Его карие глаза становились все шире и шире. Билли подумал: *Сейчас он убежит. Когда так смотришь на кого-то или что-то, непременно убежишь, едва оправившись от шока.*

Джинелли поцеловал большой палец правой руки и перекрестился.

— Ну, ты меня впустишь, Уильям?

Джинелли принес лекарство получше, чем Фандер, — виски «Чивас». Он извлек бутылку из кожаного портфеля и немедленно налил в два бокала. Поднял свой и коснулся краешком бокала Билли (не бокалы, а обычные для мотелей пластмассовые стаканы).

— За более счастливые днечки, — сказал он. — Как насчет выпить?

— Отлично, — сказал Билли и опрокинул стакан в рот, проглотив все одним махом. После обжигающего взрыва в желудке пламя быстро перешло в мягкое мерцание. Он извинился и вышел в туалет. Нужды идти в туалет не было, просто не хотел, чтобы Джинелли увидел, как он плачет.

— Что он тебе сделал? — спросил Джинелли. — Отравил еду?

Билли расхохотался. Впервые за долгое время смеялся так от души. Сел в кресло и хохотал, пока слезы снова не потекли из глаз.

— Как я люблю тебя, Ричард, — сказал он, когда смех постепенно сошел на нет, перейдя на отдельные хихиканья и хмыканья. — Все, включая мою жену, думают, что я сошел с ума. Последний раз, когда мы с тобой виделись, у меня было сорок фунтов лишнего веса. И вот посмотри теперь. Репетирую, понимаешь, роль огородного пугала для новой постановки «Волшебника Изумрудного Города». И первое, что слышу от тебя: отравил ли он мне еду?

Джинелли нетерпеливо отмахнулся от полуистеричного смеха, равно как и от комплимента. Билли подумал: *Лемке и Джинелли мыслят одинаково. Когда речь идет о мести и ответной мести, они теряют чувство юмора.*

— И что — отравил?

— Думаю, что-то вроде этого.

— Сколько ты веса потерял?

Глаза Билли обратились к зеркалу во всю стену. Кажется, у Джона Д. Макдональда он читал, что в современных американских мотелях каждая комната напичкана зеркалами, хотя большин-

ство постояльцев — толстые бизнесмены, которые не про-

являют интереса к лицезрению самих себя в голом виде. Он, правда, был в диаметрально противоположном состоянии, но вполне мог понять антизеркальные настроения. Подумал: все дело в его лице... нет, не только. Размер черепа остался тем же, только венчал он столь хилую структуру, что напоминал перезревший большой подсолнух.

Я никогда не сниму с тебя его, белый человек из города, вспомнил он слова старика.

— Так какой вес, Уильям? — переспросил Джинелли. Голос его был спокойным, даже мягким, но глаза странно и загадочно блестели. Билли никогда раньше не замечал такого блеска в глазах других, и это вызвало некоторую нервозность.

— Когда это началось — когда я вышел из здания суда и старик коснулся меня, я весил двести пятьдесят фунтов. Нынче утром взвесился до обеда — было сто шестьдесят. Ну, то есть... сто тридцать четыре фунта.

— Иисус и Дева Мария, и Иосиф-плотник с Бруклинских Высот, — прошептал Джинелли и снова перекрестился. — Он коснулся тебя?

Вот теперь он и уйдет. На этом месте все уходят, подумал Билли. Мелькнула дикая мысль сорвать или сымпровизировать сумасшедшую историю о систематическом отравлении пищи. Но если когда-либо и было время для вранья, то теперь его не имелось. Ушло такое время. Если Джинелли сейчас выйдет, он выйдет с ним и проводит его хотя бы до автомобиля. Откроет ему дверцу и от души поблагодарит за посещение. Он отблагодарит его за то, что Джинелли выслушал его среди ночи и отправил к нему немедленно того странного доктора, а затем и сам прилетел. Но главным образом горячая благодарность была вызвана тем, что Джинелли не убежал после того, как посмотрел на него на пороге широко раскрытыми глазами.

Ладно уж, выкладывай ему всю правду. Он говорит, что верит только в пистолеты и деньги, и, видимо, так оно и есть. Но правду ты ему скажи, потому что это единственный способ отблагодарить такого человека.

Он коснулся тебя? спросил Джинелли, и хотя вопрос прозвучал только что, время в испуганном, смятенному мозгу Билли растянулось. Теперь он произнес самое трудное:

— Он не только коснулся меня, Ричард. Он наложил на меня проклятие.

Подождал — не исчезнет ли сумасшедшая искорка в глазах Джинелли. Ждал, когда Джинелли посмотрит на свои часы

и подцепит рукой чемоданчик. Время летит, дорогой, верно? Я бы не прочь задержаться и потолковать с тобой насчет этого проклятия, Уильям. Но, понимаешь, телятина «марсала» стынет в «Трех братьях», и...

Искорка не угасла, а Джинелли не поднялся. Он положил ногу на ногу, поправил складочку на брюках, вытащил пачку «Кэмела» и закурил сигарету.

— А теперь выкладывай все, — сказал он.

Билли Халлек рассказал Джинелли абсолютно все. Когда он закончил, в пепельнице лежали четыре окурка «Кэмела». Джинелли, как загипнотизированный, смотрел в глаза Билли. Наступила долгая пауза. Неловкая пауза. Билли хотелось ее нарушить, но он не знал как. Кажется, все слова исчерпал.

— Вот это он с тобой и сделал. — Джинелли слегка махнул ладонью в сторону Билли.

— Да. Честно говоря, не ожидал, что ты мне поверишь. Но так оно и есть.

— А я верю, — сказал Джинелли слегка рассеянно.

— Неужто? Что случилось с парнем, который всрил только в пи- столеты и деньги?

Джинелли сначала улыбнулся, потом расхохотался.

— Это я сказал тебе, когда ты мне позвонил последний раз?

— Да.

Улыбка быстро сошла с лица.

— Есть еще одна вещь, в которую я верю, Уильям. Я верю в то, что вижу. Вот почему я относительно богатый человек. И вот почему я еще жив... Большинство людей не верят в то, что видят своими глазами.

— Не верят?

— Нет, представь себе. Не верят, пока увиденное не совпадет с тем, во что они верят. Вот, кстати, знаешь, что я увидел в аптеке, куда хожу? Буквально на прошлой неделе увидел.

— Что?

— Они там поставили аппарат для измерения давления крови. Иногда они их продают, а тут — для бесплатного пользования. Засунул руку в петлю, нажал кнопку, петля затягивается. Ты сидишь там, размышляя безмятежно, а потом — пожалте: вспыхивают красные цифры. Смотришь на указатель: «пониженное», «повышенное», «нормальное». Усек?

— О'кей. Вот стою я там и жду, когда мне принесут бутылку лекарства, которое моя матушка принимает от язвы. И тут заходит мужик, ну, так, на двести пятьдесят весом. Жопа — словно две собаки взятся под одеялом. На носу — карта всех кабаков, где он надирался, то же самое на остальной роже. Из кармана торчит пачка «Мальборо». Взял пакетики попкорна, а потом заметил эту машинку. Сел к ней, ну и машинка ему все выдала: двести двадцать на сто тридцать. Я, знаешь, нешибко силен в медицине, Уильям, но знаю, что двести двадцать на сто тридцать — это еще то давление. Все равно что ходить с дулом пистолета в ухе. Верно я говорю?

— Точно.

— Так что же этот хмырь делает? Смотрит на меня и говорит: «Все эти цифровые хроновины без конца ломаются». Заплатил за свою кукурузу и потопал. А знаешь, какая мораль у этой истории, Уильям? Некоторые... да что некоторые? — большинство не верит в то, что видит, особенно если это мешает им жрать, пить, думать или верить, понял? Я вот, к примеру, в Бога не верю. Но если увижу его, поверю как пить дать. И не буду ходить и говорить, что, дескать, Иисус — это особые эффекты. Определение полного мудака, я считаю, это когда кто-то не верит в то, что видит. Можешь теперь меня цитировать.

Билли некоторое время смотрел на него в раздумье, потом рассмеялся. Спустя мгновение Джинелли присоединился.

— В общем, когда ты ржешь, я узнаю прежнего Уильяма, — сказал он. — Но вопрос теперь в том, что нам делать с этим старым засранцем?

— Не знаю. — Билли снова коротко рассмеялся. — Но я думаю, мне что-то предпринять нужно. Ведь я-то его тоже проклял, понимаешь.

— Да, ты сказал. Проклятие белого хмыря из города. Если учесть, что все эти белые хмыри из всех городов натворили за последние пару сотен лет, серьезная штука... — Джинелли сделал паузу, закуривая очередную сигарету. Пустив облачко дыма, он вдруг сказал: — А я могу его крепко скрутить.

— Да нет, это... — начал Билли и тут же закрыл рот. Представил себе Джинелли, подошедшего к старику и бьющего ему в глаз. Тут же сообразил, что Джинелли имел в виду нечто куда более серьезное. — Нет, тебе не удастся, — заключил он.

Джинелли то ли его не понял, то ли сделал вид.

— Еще как могу. И пожалуй, никто, кроме меня. Тут я бы никому не доверил дело. Но могу сделать не хуже, чем когда

мне было всего двадцать лет. Для меня это совсем не бизнес. Это — удовольствие, понимаешь? Развлечение.

— Ну нет, я не хочу, чтобы ты там кого-то убивал — хоть его, хоть кого-то другого, — сказал Билли. — Я серьезно...

— А почему бы и нет? — спросил Джинелли спокойно. Но в его глазах Билли видел все те же сумасшедшие искорки. — Ты опасаешься стать соучастником убийства? Но убийства не будет — всего лишь самозашита. Потому что он убивает тебя, Билли. Еще неделя, дорогой мой, и люди сквозь тебя начнут читать объявления, не прося посторониться. Ты понял?! Пара недель, и ты побоишься выйти на улицу, чтоб тебя ветром не унесло!

— Твой этот медик говорил, что я могу помереть от сердечной аритмии еще до того, как меня ветром унесет. Видно, сердце-то у меня тоже теряет в весе, как и все остальное. — Халлек слотнул. — А знаешь, мне до сих пор такое и в голову не приходило. Хм... убить? Защищаясь?

— Вот именно. Он тебя убивает... ладно, хрн с ним. Ты не хочешь, чтобы я его пришил. Я его не трону. Идея в общем-то вшивая. Она не решит...

Билли кивнул. Ему пришла в голову та же мысль. *Сними с меня это*, сказал он Лемке. Даже белые люди из города понимали, о чем идет речь, что нужно предпринять. Если Лемке умрет, проклятие просто-напросто исчезнет.

— Проблема в том, что назад удара не вернешь, — сказал Джинелли в раздумье.

— Не вернешь, — согласился Билли.

Джинелли загасил окурок и поднялся.

— Мне надо крепко подумать, Уильям. Очень крепко... И мне нужен хороший отдых для мозгов. Знаешь, когда в башке такая путаница и расстройство, ни до чего дельного не докумекаешь. А когда я смотрю на тебя, мне охота немедленно взять большую пробку и заткнуть дыру в носу тому засранцу.

Билли тоже встал, но чуть не свалился при этом, Джинелли вовремя поддержал его. Тот ухватился за него здоровой рукой. Не помнил, когда еще в жизни так хватался за мужчину.

— Спасибо тебе, дорогой, за то, что посетил меня, — сказал Билли. — И за то, что поверил.

— Ты славный парень, — сказал Джинелли, отпуская его. — Попал, конечно, в скверную ситуацию, но, может, нам удастся тебя вытянуть. В любом случае эту старую гадину мы обло-

жим. Я сейчас выйду и прогуляюсь пару часиков, Билли. Надо мозги прочистить и продумать кое-какие идеи. Кроме того, мне нужно кое-куда позвонить в город.

— Насчет чего?

— Потом скажу. Прежде всего мне надо подумать. Не пропадешь тут?

— Все в порядке.

— Ты ложись-ка. А то лицо совсем белое стало.

— Хорошо. — Его тут же начало клонить в сон. Хотелось спать и отдохнуть, потому что чувствовал себя смертельно усталым.

— Кстати, девка, которая в тебя стрельнула, — ничего так?

— Потрясающая.

— Даже так? — В глазах Джинелли с новой силой вспыхнул странный огонек. Это вызвало у Билли тревогу.

— Хороша...

— Ложись, Билли. Поспи. Я приду попозже. Ничего, если я ключ возьму?

— О чем речь...

Джинелли вышел. Билли лег в постель и аккуратно положил рядом перевязанную руку, понимая, что, если повернется во сне и наведет на нее, проснется от боли.

Может быть, это его хахма, подумал Билли. Может быть, он сейчас звонит Хейди. А когда я проснусь, у постели будут сидеть люди с большими сетчатыми ловушками. Они, наверное...

Он быстро заснул и ни разу не потревожил больную руку.

На сей раз не было страшных снов.

Когда проснулся, людей с сетчатыми ловушками в комнате не было. Напротив него в кресле сидел Джинелли и читал книжку «Это дикое похищение», попивая пиво из жестянки. За окном была темень.

На телевизоре стояли еще четыре банки. Билли облизнул губы.

— Мне бы тоже баночку, — проскрипел он.

Джинелли посмотрел на него.

— Ага! Рип ван Винкль вернулся к жизни. О чем речь! Сейчас открою тебе одну.

Он поднес Билли банку пива, и тот выпил ее всю единственным махом. Хорошее, прохладное пиво. Потом ссыпал в пепельницу содержимое флакона эмпирина (подумал: пепельница в мотелях куда меньше, чем зеркал, но все же хватает). Выудил одну таблетку и запил ее пивом.

— Как рука? — спросил Джинелли.

— Получше. — Отчасти это было ложью. Рука сильно болела. Но, с другой стороны, это было и правдой. Потому что Джинелли все еще был здесь и не бросил его. Его присутствие действовало лучше всяких эмпиринов и дозы «Чивас». Больнее всего бывало в одиночестве, только и всего. Отсюда мысли перешли к Хейди, потому что ей бы следовало быть здесь, с ним, а не этому гангстеру. Увы, Хейди жила себе в Фэйрвью, упрямо отвергая истину, потому что кощание в деталях привело бы ее к осознанию собственной вины. Хейди этого не желала. Обида запульсировала в нем с ударами сердца. Что там сказал Джинелли? *Мудак — это тот, кто не верит тому, что видит?* Попытался отбросить, заглушить обиду: все-таки жена ведь. Его жена. Делала то, что считала полезным для него... Так ведь? Обида ушла, но не очень далеко.

— А что это у тебя в сумке? — спросил Билли. Сумка стояла на полу.

— Товары, — ответил Джинелли. Он бросил последний взгляд в книжку и швырнул ее в мусорную корзинку. — Не смог найти Луиса Лямура.

— Что там за товары?

— Да это так — на потом. Когда пойду с визитом к твоим цыганским друзьям.

— Слушай, не будь идиотом, — встревоженно сказал Билли. — Ты что — хочешь закончить, как я?

— Спокойно, спокойно, — сказал Джинелли. Говорил несколько удивленно, но успокоительно. Зато безумный огонек по-прежнему играл в его глазах. *Нет, это не мимолетная вспышка*, подумал Билли, *кажется, я всерьез проклял Тадуза Лемке*. Его проклятие расплагалось напротив него в дешевом кресле мотеля, обтянутом искусственной кожей, и потягивало пиво «Миллер Лайт». С удивлением и страхом осознал еще одну вещь: возможно, Лемке знал, как снять свое проклятие, но у Билли не было ни малейшей идеи относительно того, как снимать проклятия белого человека из города. Джинелли нашел себе тут развлечение. Возможно, самое классное развлече-
ние за последние годы. Что-то вроде магната на благотворительной ярмарке в городе своего детства. Джинелли оказался другом, пусть нешибко интеллектуальным, не слишком близким, поскольку называл его Уильямом, а не Биллом или Билли. Он оказался громад-
ным и исключительно эффективным охотничьим псом, ос-
вободившимся от поводка.

— Кончай с этими успокоительными хреновинами, — сказал Билли. — Лучше скажи, что ты намерен предпринять.

— Никто не пострадает, — ответил Джинелли. — Держи это в голове, понял? Я знаю, как это важно для тебя, Уильям. Ты ведь цепляешься за какие-то там принципы, которые для тебя нынче, увы, недоступны. А я займусь своим делом, поскольку для меня ты — обиженная сторона. Главное — никто не пострадает. Это тебя устраивает? О'кей?

— О'кей, — сказал Билли, испытав некоторое облегчение. — Но только не очень...

— Ну, как сказать... Если ты не изменишь своих намерений, — сказал Джинелли.

— Не изменю.

— Как сказать...

— Что там в пакете?

— Бифштексы, — сказал Джинелли и вытащил один, запакованный в герметический пакет фирмы «Сэмпсон». — Неплохо выглядит, м-м? Взял четыре штуки.

— А зачем?

— Давай-ка все по порядку, — сказал Джинелли. — Я отсюда пошел в центр города. Жуть, я тебе скажу. По тротуару пройти невозможно. На каждой роже обязательно очки «Феррари», у каждой бабы на сиськах какие-то алигаторы. Публика — шваль, я тебе скажу. Дешевка.

— Я знаю.

— Представь себе, Уильям. Идет девка с парнем. Так этот парень засунул руку в карман ее шортов. Я говорю — при всей публике, представляешь? Щупает ее жопу! Ты понял? Будь это моя дочь, она бы никогда на свою задницу не села бы! Я б ей врезал! Извини, дорогой, но я здесь не мог бы спокойно жить. Подобная обстановка? Да пошла она на хер! Я тут позвонил кое-куда. Да! Кстати, чуть не забыл! Я звонил из будки напротив аптеки, зашел туда и взял для тебя вот это. — Он вытащил пузырек с таблетками и бросил Билли. Тот поймал здоровой рукой. Капсулы калия.

— Спасибо тебе, Ричард, — дрогнувшим голосом сказал Билли.

— Не за что. Прими одну. Не хватало тебе еще инфаркта в довершение ко всему. Я тут попросил кое-кого выяснить для меня некоторые вещи. Прогулялся в гавань, полюбовался яхтами. Знаешь, Уильям, там есть такие, что потянут на двадцать... даже на сорок миллионов долларов. Фрегаты прямо! В кораблях

я не разбираюсь, но смотреть на них мне нравится. Они... — Джинелли вдруг замолчал и в раздумье уставился на Билли. — Слушай, а там эти парни в темных очках, случайно, не промышляют наркотиками?

— Хм... вообще-то я читал как-то в «Таймс» прошлой зимой, что один ловец лобстеров обнаружил тут возле островков двадцать мешков товара — они плавали на воде. Оказалось — марихуана.

— Ага! Ага! Я так и думал. Тут прямо пахнет этим делом. Но какие идиоты. На уровне любителей. Их дело доставить товар морем и предоставить остальное людям, которые знают, что надо делать. Из-за таких дураков легавые все узнают. А бывает, что вместо пакетов с товаром из воды вылавливают трупы. Вот такая дрянь получается.

Билли сделал большой глоток пива и закашлялся.

— Но это я так — к слову. А вообще-то прогулялся, посмотрел на все эти яхты. Проветрил мозги, а потом обдумал, что надо делать. В общих чертах мне теперь ясно, как поступить и с чего начать. Детали придут потом. Еще прогулялся по главной улице, позвонил кое-куда. Ордера на твой арест, Уильям, нет. Но твоя жена и этот твой доктор подписали бумаги на тебя. Я даже записал. — Он вытащил из кармана бумажку. — В невменяемом состоянии. Верно?

Билли разинул рот и издал стон. На смену потрясению пришла ярость. Да, он предполагал, что такое возможно, предполагал, что Хустон мог предложить такой вариант, а Хейди могла бы согласиться. Но одно дело предполагать, а другое — услышать факт, что твоя супруга пошла в суд и засвидетельствовала, что ты сумасшедший и невменяемый.

— Предала, сука, — пробормотал он. Он в ярости стиснул кулаки и застонал от боли. Посмотрел на забинтованную руку. На ней обозначились кровавые цветы.

Не верю, что ты мог подумать такое о Хейди, сказал внутренний голос.

Просто мой разум воспален, мысленно ответил он. На некоторое время мир заволокло серой пеленой.

Это не было обмороком, и он быстро оправился. Джинелли снял бинты, бандаж и заново перебинтовал ему руку. Действовал хоть и несколько неуклюже, но вполне профессионально. Заканчивая перевязку, сказал:

— Мой человек говорит, что это ничего не значит, пока ты сам не вернешься в Коннектикут, Уильям.

— Это все так, но ты представляешь себе? Моя жена...

— Не обращай внимания, Уильям. Это не имеет значения. Если мы разберемся как следует со старым цыганом, ты снова начнешь набирать вес, а их суста вокруг тебя полетит в помойку. Если так дело и пойдет, у тебя будет сколько угодно времени, чтобы разобраться с женой. Может, ей полезно, скажем, надавать по морде. Или ты ее просто бросишь. Все будешь решать сам, если мы утрясем дело с цыганом. Если не утрясем, значит, помрешь. В любом случае проблема, как видишь, уладится. Так что чего уж тут расстраиваться из-за какой-то бумажки.

Билли слегка улыбнулся побелевшими губами.

— А из тебя получился бы классный юрист, Ричард. Ты так здорово умеешь раскладывать дела в перспективе.

— Что, правда? Ты так считаешь?

— Да, так считаю.

— Ну что ж, спасибо. А потом я позвонил Кирку Пеншли.

— Ты говорил с Пеншли?!

— Да.

— Господи, Ричард!

— А ты что, считаешь, что он не станет разговаривать с такой шпаной, как я? — Джинелли ухитрился сказать это одновременно с изумлением и с обидой. — Поверь мне, он со мной разговаривал. Разумеется, говорил я по своей кредитной карточке. Моего имени на его телефонном счету не будет. Но я ведь много дел имел с твоей фирмой, Уильям, за эти годы.

— Это для меня новость, — сказал Билли. — Я думал, только тот единственный раз.

— В том деле были открыты любые возможности, и ты был для них самой подходящей фигурой, — сказал Джинелли. — Пеншли и его маститые юристы никогда не поручили бы тебе выигрышного дела. Ты был для них пришлый. С другой стороны, я думаю, они знали, что рано или поздно тебе предстоит встреча со мной, если поработаешь какое-то время на фирму. Это дело должно было стать для тебя хорошим дебютом. А если бы все пошло не так, они могли тобой и пожертвовать. Им бы этого не хотелось, но уж коли жертвовать, так лучше пришлым, чем мастеритым юристом. Все эти ребята одинаковы, и предсказать их действия проще простого.

— И какие же еще дела ты вел с моей фирмой? — спросил Билли с откровенным удивлением. Все это напоминало чем-то ситуацию, когда много времени спустя после развода узнаешь, что твоя жена тебе изменяла.

— Самые разные были дела, и даже не совсем с твоей фирмой. Скажем так, она выполняла роль брокера в юридических делах — моих и некоторых моих друзей. На этом давай и остановимся. Короче, я достаточно хорошо знаю Кирка Пеншили, чтобы попросить его о небольшом одолжении. Он согласился оказать мне такую услугу.

— Какую?

— Я попросил его связаться с ребятами Бартона и сказать им, чтобы они недельку отдохнули. Чтобы оставили в покое и тебя, и цыган. Меня, если хочешь знать, больше цыгане интересуют. Мы сможем все провернуть, Уильям. Просто будет легче, если не придется гоняться за ними то туда, то сюда.

— Ты позвонил Кирку Пеншили и сказал, чтобы он отцепился? — удивленно переспросил Билл.

— Нет, я позвонил Кирку Пеншили и попросил его сказать агентству Бартона отцепиться, — поправил Джинелли. — И не в таких выражениях, разумеется. Я тоже умею быть политиком, когда нужно, Уильям. Так что тебе следует меня оценить.

— Дорогой мой, да я ценю тебя превыше всех и с каждой минутой все больше и больше.

— Ну что ж, спасибо, Уильям. Спасибо. Мне это по душе. — Он зажег сигарету. — В любом случае твоя жена и этот ее доктор будут получать отчеты по-прежнему, но только отчеты будут немножко неточными. Ну, знаешь, вроде этакой версии правды, какую публикуют «Нэшнл инкайрер» или «Ридерз дайджест». Понял, что я имею в виду?

Билли рассмеялся.

— Понял.

— Так что у нас с тобой неделя, я полагаю. Я собираюсь напугать их. Напугать его. Причем так напугать, что ему для стимулятора сердца понадобится тракторный аккумулятор. Я буду нагнетать страх до такой степени, что в итоге получится что-то из двух: либо он заплачет и снимет с тебя эту пакость, либо нам придется заплакать. Если случится последний вариант, я приду к тебе и спрошу — не передумаешь ли ты насчет ненасильственного варианта. Но надеюсь, дело до этого и не дойдет.

— Как ты намерен напугать его?

Джинелли ткнул сумку с продуктами кончиком туфли и сказал ему, с чего намерен начать. Билли был ошарашен, начал спорить, как и предвидел Джинелли. Хотя Джинелли не повышал голоса, в глазах его по-прежнему мелькал странный сумасшед-

ший огонек. Билли понял, что увещевать его столь же бесполезно, как разговаривать с человеком, находящимся на Луне.

Когда боль в руке затихла, превратившись в пульсирующие толчки, его начало клонить в сон.

— И когда ты отправляешься? — спросил он, наконец сдавшись.

Джинелли посмотрел на часы.

— Сейчас десять часов десять минут. Дам им еще четыре или пять часов. Я слышал, что они будут делать небольшой бизнес в городе, много-много гадать. А их собаки — питбультерьеры. Боже милостивый. Те собаки, что ты видел, — не питбультерьеры?

— Я, кажется, в жизни не видел такой породы, — сонно ответил Билли. — Там у них, по-моему, дворняги.

— Питбуль выглядит как смесь терьера и бульдога. Очень дорогостоящая порода. Если хочешь посмотреть на схватку питбулей, должен оплатить стоимость погибшего пса, прежде чем они начнут делать ставки. Гнусный бизнес. Вообще, я смотрю, в этом городе все высокого класса, верно? Очкі «Феррари», яхты с наркотиками, собачьи бои. Да еще и гадание.

— Будь осторожен, — сказал Билли.

— Буду, — отрубил Джинелли. — Не беспокойся.

Вскоре Билли заснул. Проснулся, когда часы показывали без десяти четыре. Джинелли в комнате не было. Им вдруг овладела уверенность, что Джинелли мертв. Однако тот появился без четверти шесть, и притом настолько живой, что показался слишком большим для этой комнаты. Его лицо, руки, одежда были испачканы грязью, пахнущей морем. Он улыбался, а в глазах прыгали все те же сумасшедшие огоньки.

— Уильям, мы сейчас соберем твои вещички и уедем из Бар-Харбора. Знаешь, как государственный свидетель, которому надо скрыться в безопасное место.

— Что ты сделал? — встревоженно спросил Билли.

— Спокойно, спокойно! То, что и собирался сделать, — ни больше ни меньше. Но знаешь, когда палкой разломаешь осиное гнездо, самое правильное дело — драпануть подальше, Уильям, верно?

— Да, но...

— Времени нет. Я могу разговаривать, только упаковывая твои вещи.

— Куда?! — почти завопил Билли.

— Недалеко. По пути скажу. Давай уходить. Кстати, неплохо бы тебе сменить рубашку. Ты хороший парень, Уильям, но начинаешь малость попахивать.

Билли направился было в контору, чтобы сдать ключ от номера, но Джинелли слегка коснулся его плеча и взял ключ из его руки.

— Я лучше положу его на ночной столик в твоей комнате. У тебя все уплачено по кредитной карточке?

— Да, но...

— Нутогда позволим себе неформальное прощание. Никому от этого не плохо, и поменьше внимания к нам, верно?

Женщина, бежавшая трусцой по дороге, бросила на них взгляд, потом посмотрела широко раскрытыми глазами. Джинелли перехватил ее взгляд. Билли, к счастью, ничего не заметил.

— Я даже десять долларов оставил горничной, — сказал Джинелли. — Поедем на твоей машине. Я поведу.

— А твоя где? — Он знал, что Джинелли тоже взял в аренду машину. И только теперь до него дошло, что он не услышал звука мотора, перед тем как появился Джинелли. Для утомленного разума Билли все происходило слишком стремительно, чтобы успеть как следует разобраться в происходящем.

— С ней все в порядке. Я оставил ее на боковой дороге милях в трех отсюда и дошел пешком. Снял, правда, крышку с распределителя и оставил записку, что машина поломалась, а я вернусь через несколько часов. Это на тот случай, если кто-то проявит излишнее любопытство. Хотя не думаю, что такие найдутся. Там на самом проселке трава растет посередине.

Мимо проехал автомобиль. Водитель посмотрел на Билли Халлека и замедлил ход. Джинелли увидел, как он вытянул шею и оглянулся на них.

— Пошли, Билли. Люди на тебя заглядываются. Следующие любопытные могут оказаться не теми людьми.

Спустя час Билли сидел перед телевизором в комнате другого мотеля. Комната была частью довольно задрипанных апартаментов мотеля с названием «Голубая луна автомобильного двора». Находился он всего в пятнадцати минутах езды от Бар-Харбора, но Джинелли был явно доволен. По телевизору Вуди Вудпеккер, дятел-пройдоха, продавал страховку говорящему медведю.

— О'кей, — сказал Джинелли. — Ты тут отыхай, Уильям, а я смываюсь на весь день.

— Вернешься снова туда?

— Вернуться в гнездо шершней, когда они там вовсю летают?

Нет уж, мой друг, только не я. Не сегодня по крайней мере.

352 С сегодня с автомобилями поиграю. Сегодня ночью будет доста-

точно времени для второго этапа действий. Может, выкрою время заглянуть к тебе, но особенно на это не рассчитывай.

Билли не увидел Ричарда Джинелли до девяти утра следующего дня, когда тот подкатил на синем «шевроле-нова», явно не компании «Херц» или «Авис». Краска была тусклой, в пятнах. Ветровое стекло рядом с водительским местом пересекала тонкая трещина, на багажнике — крупная вмятина.

На этот раз Билли еще часов шесть назад снова решил, что Джинелли мертв. Теперь он радостно приветствовал его, пытаясь скрыть слезы облегчения. Казалось, вместе с весом он терял способность контроля над своими эмоциями. В это утро, когда взошло солнце, он впервые ощутил ускоренное и неровное сердцебиение. Ловил ртом воздух и стучал себя по груди здоровой рукой. Постепенно сердце унялось, но факт оставался фактом: первые признаки аритмии.

— Я думал, что ты погиб, — сказал он Джинелли, когда тот вошел.

— Ты все повторяешь это, а я все снова возникаю. Ты бы лучше успокоился насчет меня, Уильям. Если думаешь, что я недооценил этого старого хреня, ошибаешься. Он умен и опасен.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Потом скажу.

— Сейчас скажи!

— Нет.

— Почему?

— По двум причинам, — терпеливо ответил Джинелли. — Во-первых, ты можешь попросить отступить. Во-вторых, потому что я за последние двенадцать лет так дико не уставал. Сейчас пойду в спальню и просплю восемь часов. Потом встану, съем фунта три любой жратвы, какая подвернется, потом уйду обратно и подстреляю луну в небе.

Джинелли в самом деле выглядел крайне утомленным, даже осунулся. *Кроме глаз*, подумал Билли. У него в глазах бесы играют.

— А если, допустим, я бы попросил тебя отступить? — тихо спросил Билли. — Ты отступил бы, Ричард?

Ричард некоторое время пристально смотрел на него, а затем ответил так, как и ожидал того Билли, увидев у него в глазах этот сумшедший огонек.

— Теперь уже нет, — спокойно ответил Джинелли. — Ты болен, Уильям. Насквозь болен. Нельзя доверять твоим суждениям о том, в чем состоят твои интересы.

Иными словами, ты тоже как бы подписал на меня бумаги. Билли раскрыл рот, чтобы высказать эту мысль вслух, но

тут же закрыл его. Потому что Джинелли вовсе не имел в виду того, что сказал: просто звучало более-менее разумно.

— И еще потому, что это уже стало твоим личным делом, верно? — спросил Билли.

— Да, — ответил Джинелли. — Для меня это теперь личное дело. — Он ушел в спальню, снял брюки и рубашку. Пять минут спустя он уже спал, лежа на покрывалях.

Билли налил воды, проглотил таблетку эмпирина и затем допил стакан воды, стоя возле двери. Его взгляд переместился с Джинелли к его штанам, брошенным на кресло. Он прибыл в идеально оттуюженных брюках, но где-то за последние пару дней приобрел и стал носить голубые джинсы. В их карманах наверняка находились и ключи от «новы», припаркованной возле гостиницы. Билли мог их взять и уехать прочь. Но, разумеется, так он ни за что не поступит. Даже тот факт, что подобный шаг означал для него скорую смерть, имел второстепенное значение. Самым важным было: как и где все это закончится.

В полдень, пока Джинелли спал глубоким сном, Билли снова ощутил аритмию. Потом и сам задремал. Ему приснился сон, правда, совсем короткий, но наполнил его ощущением страха и дьявольского удовольствия одновременно. Во сне он завтракал у себя дома вместе с Хейди. Между ними лежал пирог. Она отрезала большой кусок и протянула Билли. То был яблочный пирог. «Он тебе жирку прибавит», — сказала она. «Я не хочу быть толстым, — ответил он. — Решил остаться худым. Ты ешь его». Он протянул ей кусок рукой не толще кисти. Она приняла его. Потом сидел и наблюдал, как она ест, и с каждым ее укусом ощущение страха и одновременно радости возрастало. Грязной радости.

Еще один приступ аритмии пробудил Халлека. Он некоторое время сидел, разинув рот и ожидая, когда сердцебиение придет в норму. В итоге сердце успокоилось. У него возникло странное чувство уверенности в том, что это был не просто сон, а некое пророчество. Но такое чувство нередко сопровождает яркие сны. Сон постепенно меркнет, забывается, исчезает и это чувство. Такое у него случалось уже не раз, и свое короткое сновидение он вскоре забыл.

Джинелли проснулся в шесть часов вечера, принял душ, надел джинсы и черную водолазку.

— О'кей, — сказал он. — Увидимся завтра утром, Билли.

Билли снова спросил, что он имеет в виду и вообще что произошло за это время, и вновь Джинелли отказался отвечать.

— Завтра, — ответил он. — А пока передам ей твою любовь.

— Кому мою любовь?

Джинелли улыбнулся.

— Прекрасной Джине. Той самой суке, которая прострелила тебе ладонь.

— Оставь ее в покое, — сказал Билли. Когда он подумал о ее темных глазах, ничего иного сказать не смог, несмотря на то, что она с ним сделала.

— Никто не пострадает, — снова сказал Джинелли и быстро вышел.

Билли прислушался к звукам заводимой машины, мотор сильно шумел, и шум этот, видимо, исчезал только на скорости минимум миль шестьдесят пять в час. Он проследил в окно, как отъехал Джинелли, и подумал, что фраза «никто не пострадает» вовсе не означала, что он оставит девушку в покое. Совсем нет.

На сей раз Джинелли вернулся в полдень. На лбу его был глубокий порез и другой на правой руке. Один рукав водолазки был разорван вдоль на две полосы.

— Ты еще больше потерял в весе, — сказал он Билли. — Ты хоть поел?

— Попытался, — ответил Билли. — Но, знаешь, тревога отбивает аппетит. А ты, я вижу, потерял кровь.

— Немножко. Со мной все в порядке.

— Ну теперь-то ты мне расскажешь, что ты делал?

— Да. Я расскажу тебе все, как только приму душ и сделаю себе перевязку. А сегодня вечером, Билли, тебе предстоит встреча с ним. Это очень важно, и ты психологически подготовься.

Страх и волнение сильно сжали желудок.

— С ним? С Лемке?

— С ним, — ответил Джинелли. — А пока дай-ка я приму душ, Уильям. Я, оказывается, не такой молодой, каким себя считал. Устал дико. — Обернулся из двери ванной и попросил: — Закажи кофе. Скажи, пусть оставят его у двери снаружи, а чек подпиши и сунь под дверь.

Билли разинув рот смотрел, как он скрылся в ванной. Когда послышался шум душа, он закрыл рот и пошел к телефону, чтобы заказать кофе.

Глава двадцать вторая: РАССКАЗ ДЖИНЕЛЛИ

Сначала он говорил отрывистыми фразами, делая паузы и обдумывая, что сказать дальше. Джинелли явно по-настоящему устал с тех пор, как появился в Бар-Харборе в понедельник днем. Раны его оказались несерьезными — просто глубокими царапинами, но Билли видел, что его друг основательно потрясен.

Однако тот сумасшедший огонек в глазах начал мало-помалу возвращаться: так мигает неоновая трубка, прежде чем ровно засветит. Джинелли извлек плоский флакон из кармана пиджака и налил одну пробку виски в свой кофе. Предложил флакон Билли, но тот отклонил: неизвестно, как виски подействует на его сердце. После кофе Джинелли выпрямился в кресле, откинулся на спинку и начал наконец рассказывать более подробно.

В три часа ночи, во вторник, Джинелли припарковал машину на лесной дороге, ответвлявшейся от шоссе 37-а, неподалеку от цыганского табора. Некоторое время возился с бифштексами, потом взял сумку с продуктами и пошел обратно по шоссе. Высокие облака закрывали ущербную луну, как шторы. Подождал, пока облака уплыли, и тогда увидел круг автомашин. Он пересек шоссе и направился в сторону табора по травянистому склону.

— Я хоть и городской парень, но ориентируюсь на местности неплохо, — сказал он. — Идти туда, как пошел ты, я не хотел, Уильям.

Он прошел через пару полей, через редколесья, миновал в темноте какое-то смердящее место, словно там находилось великое скопище дермы. В одном месте порвал сзади штаны, зацепившись за какую-то старую колючую проволоку, которую во мраке было не разглядеть.

— Такова сельская жизнь, Уильям. Она — для деревенщины, а не для меня, — сказал он.

От собак табора он неприятностей не ждал. Пример Билли был для него показателен. Собаки не издали ни звука, хотя, видимо, запах его почуяли. Он даже наступил в круг потухшего костра.

— Я ожидал, что у цыган сторожевые псы будут получше, чем эти, — прокомментировал Билли. — По крайней мере я так считал.

— Нет, — сказал Джинелли. — Цыган ничего не стоит застать врасплох.

356 — То же самое, когда собаки брешут всю ночь.

— Точно. Тот же эффект. А ты умнеешь, Уильям. Скоро люди станут думать, что ты итальянец.

И все же Джинелли решил не рисковать без нужды. Он осторожно прошел позади круга автомашин, обходя стороной фургоны, где могли спать люди. Заглядывал только в легковые машины. Через пару-тройку машин нашел то, что искал. На заднем сиденье «понтиака» валялось старое пальто.

— Машина не была закрыта, — сказал он. — Пальто в общем-то было неплохим, но от него воняло так, словно в карманах лежали дохлые хорьки. На полу в машине была также пара поношенных туфель. Оказались малость тесноваты, но я их все же надел. Еще через две машины нашел шляпу, похожую на гриб, и надел ее на голову.

Джинелли объяснил, что хотел пахнуть шыганом, но не для тех дворняг, что дремали у потухшего костра, а для совсем других собак. Ценных собак — питбультерьеров. Пройдя три четверти круга, он увидел трейлер, у которого задняя фара была покрыта проволочной сеткой вместо стекла. Заглянул внутрь — фургон оказался пустым.

— Но от него несло собачьим духом, Уильям, — сказал Джинелли. — Посмотрел по сторонам, рискнул даже зажечь на мгновение свой фонарик. Смотрю — трава кругом затоптана и этакой затоптанной полосой, как тропа, уходит куда-то за пределы табора. Тут не надо было быть знаменитым сыщиком Дэниелом Буном, чтобы все разглядеть. Они этих своих бесценных собак упрятали подальше на случай, если кто-то проболтается и друзья животных подымет шум. Но только, дураки, оставили такой след, что и городскому мужику все стало ясно с одного взгляда. В тот самый момент я поверил, что мы сможем их скрутить. Дураки они потому что.

Джинелли прошел по тропе. Там был небольшой холм, а за ним снова лесок.

— Тропинку я потерял, — сказал он. — Стоял там с минуту, раздумывая, куда двинуть дальше. И тут услышал, Уильям, четко и ясно. Все же Господь помогает.

— Что ты услышал?

— Один пес там перднул, — ответил Джинелли. — Хорошо так, громко. Вроде как кто-то сыграл под сурдинку.

Буквально шагах в двадцати, в лесочке, оказался на полянке огороженный загон. Загородка простая — колья да ветки, вбитые в землю и оплетенные колючей проволокой. А внутри семь питбультерьеров. Пятеро крепко спали, двое других сонно смотрели на Джинелли.

А сонно смотрели потому, что им подсыпали кое-что в еду специально.

— Я думал, они будут полностью под кайфом, хотя на это расчитывать опасно. Когда таких псов научат драться, они — как гвоздь в заднице, сплошное беспокойство. Друг друга пожрут насмерть, и весь бизнес — коту под хвост. Тут их либо сажают в отдельные клетки, либо дают наркотики. Последние — дешевле, и прятать их проще. Если бы псы не были под кайфом, им никакая загородка с проволокой не была бы преградой. Когда какого-то из них начинают жрать, он даст деру сквозь любые колючки, хоть полшкуры на них оставит. Им дают очухаться, только когда появляются приличные ставки на собачий бой и риск оправдан. Сперва сражение, потом снова под кайф. — Джинелли рассмеялся. — Ты понял? Эти питбули вроде наших звезд рока. И всегда новых можно приобрести.

Джинелли раскрыл там магазинную сумку и вытащил бифштекс. Еще припарковавшись на лесной дороге, он их освободил от оберточного вогна в каждый шприцем то, что он называл «Питбуль-коктейль Джинелли»: смесь мексиканского коричневого героина со стрихнином. Теперь он размахивал в воздухе своим угощением и наблюдал, как спящие псы медленно приходили в себя. Один из них глухо тявкнул — прозвучало, как храп человека с сильным насморком.

— Заткнуться, а то ужина не будет, — спокойно скомандовал Джинелли. Тот пес, что гавкнул, сел, но тут же его снова повело ко сну, вот-вот завалится набок.

Джинелли бросил один бифштекс за загородку. Секунда, две, три — и все они заворочались. Кто-то слегка гавкал, но так невнятно, что можно было этим пренебречь. Кроме того, если бы кто-то появился из табора, то шел бы с фонарем, — достаточно времени, чтобы укрыться в лесу. Но никто не появился.

Билли зачарованно слушал, пока Джинелли спокойно вел свой рассказ. Он присел в сторонке, закурил «Кэмел» и наблюдал, как умирают собаки. Большинство из них умерло очень тихо, говорил он. (Нет ли хоть намека на сожаление в его голосе? — подумал Билли с беспокойством.) У пары из них были конвульсии, но не сильные. Только и всего. Джинелли подумал, что не так уж и плохо для псов: цыгане для них готовили участь куда страшнее. В общем, в пределах часа все было сделано.

Когда итальянец убедился, что сдохли все собаки, вынул из кармана доллар, взял ручку и написал на нем:

В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ ЭТО МОГУТ БЫТЬ ТВОИ ВНУКИ, СТАРИК. УИЛЬЯМ ХАЛЛЕК ГОВОРИТ, ЧТОБЫ ТЫ СНЯЛ С НЕГО САМ ЗНАЕМЬ ЧТО.

Он сбросил вонючее пальто, повесил его на жердь ограды, сверху надел на него шляпу, снял цыганскую обувь и переоделся в свои кеды, которые держал в сумке. После чего удалился.

На обратном пути малость заблудился. Удалось сориентироваться по смердящему месту, мимо которого уже проходил. А там увидел огонек фермы и нашел проселок. Сел в машину и вернулся в Бар-Харбор.

На полпути, по его словам, с машиной что-то случилось. В чем дело — он не понял, но просто она ему не понравилась. И раньше такое бывало: начинаешь вдруг не доверять машине, хотя, как правило, это ничего особенного не значит. Разве что пару раз было...

— Я решил бросить ее, — сказал Джинелли. — Не хотел ничего оставлять на волю случая. Мало ли? Может, у кого-то из этих цыган была бесконница, прошелся, увидел машину. Может, меня увидел в ней. А тогда запросто нашли бы меня потом. Видишь? Я очень серьезно к ним отнесся. Смотрю на тебя и думаю: надо очень и очень серьезно к ним отнестись. Припарковал машину на другом проселке, снял крышку распределителя и прошел пешком три мили до города. К тому времени рассвело.

Оставив Билли в другом мотеле, Джинелли поймал такси и отправился обратно в Бар-Харбор, попросив водителя ехать помедленнее, поскольку хотел кое-что найти.

— А что именно? — спросил шофер. — Может, я помогу?

— Ничего, — ответил Джинелли. — Когда увижу, сразу узнаю.

И нашел. Примерно в двух милях по пути к городу увидел возле небольшой фермы «шевроле-нова» с табличкой «Продается». Заехали туда. Хозяин был дома, Джинелли расплатился с таксистом и уплатил наличными за «нову». За дополнительные двадцать долларов хозяин, молодой мужик, у которого в голове было больше вшей, чем очков коэффициента интеллекта Ай-Кью, согласился оставить номерной знак штата Мэн, удовлетворившись обещанием Джинелли прислать ему знак через неделю.

— Я, может, даже так и сделаю, — сказал Джинелли. — Если мы выживем.

Билли бросил на него быстрый взгляд, но Джинелли уже продолжал свой рассказ.

Он поехал дальше в сторону Бар-Харбора, объезжая город с той стороны, направился по шоссе 37-а туда, где находился цыганский табор. По пути задержался и позвонил человеку, которого для Билли назвал «коллегой по бизнесу». Попросил «коллегу» находиться в определенной телефонной будке в Нью-Йорке точно в двенадцать тридцать. Этой телефонной будкой Джинелли часто пользовался и благодаря своим связям позаботился, чтобы телефон там всегда был исправен. Просхав мимо табора, заметил признаки активности, развернулся на шоссе в миле от того места и поехал обратно. Из табора вела проселочная дорога, и Джинелли увидел, что по ней из лагеря цыган к шоссе 37-а едет автомобиль.

— «Порше-турбо», — сказал Джинелли. — Игрушка для богачей с наклейкой университета Брауна. На переднем сиденье было двое парней, на заднем — еще трое. Я подождал их и спросил того, что за рулем, есть ли там цыганский табор, как говорят? Они ответили, что есть, но если я хочу погадать, мне не повезло. Эти ребята сами хотели того же, но их попросили вон. Цыгане сматывали удочки. После истории с псами меня это и не удивило.

Поехал обратно к Бар-Харбору, подкатил к заправочной станции — эта «нова» жрет горючее, ты не поверишь как, Уильям. Выпил бутылку коки и слегка перекусил.

Джинелли позвонил «коллеге по бизнесу» и договорился о встрече с ним в аэропорту Бар-Харбора в пять часов вечера. Потом оставил машину на платной стоянке и прогулялся в поисках человека.

— Какого человека? — спросил Билли.

— Человека, — терпеливо пояснил Джинелли, словно говоря с идиотом. — Таких мужиков, Уильям, всегда разглядишь, если присмотришься. Он вроде бы такой же, как все прочие летние бездельники. Кажется, может покатать тебя на яхте своего папаши или, скажем, подбросить десяток граммов хорошего кокаина. В любой момент может рвануть в другой город на своем самолете. Но он не такой, как эти. Есть два способа узнать такого человека. По обуви. У таких мужиков туфли паршивые, не первый класс, хотя и начищены до блеска. А во-вторых, взгляни им в глаза. Солнечных очков «Феррари» они не носят, их глаза всегда разглядываешь. Это у них такая скромная, ненавязчивая самореклама. Их глаза говорят тебе: «Откуда следующая жратва придет? Кто угостит травкой? Где тот парень, которого я мечтал встретить, когда приехал сюда?» Ты понял, кого я имею в виду?

— Чаще всего глаза говорят: «На чем бы подзаработать?» Как там в Олд-Оркарде дед называл этих артистов?

— Бродячие бизнесмены? Бродячие торговцы.

— Во! Именно! — Глаза Джинелли загорелись. — Бродячий бизнес. Отлично! Я искал человека, готового на такой бизнес. Эти ребята в курортных городах фланируют, как проститутки в поисках клиента. Больших дел у них почти не бывает, они все время на ходу и, в общем, толковые... Только обувь у них не та, понимаешь. Рубашечки — не плохие, плащики от Пола Стюарта, джинсы в порядке, а посмотришь на корочки, и они тебе словно говорят: «К вашим услугам. Могу выполнить дело». Проституток выдают обычно блузки. Им приходится растолковывать, что лучше такие не носить.

В итоге увидел человека. Разговорился с ним. Сидели с ним на скамейке возле публичной библиотеки — симпатичное место — и все обговорили. Пришлое повысить оплату, поскольку, сам понимаешь, время поджимает, некогда с ним деликатничать. Но парень был такой голодный, что я решил ему довериться. Тем более на короткое время. А для таких ребят долгие задания не существуют. Для них это все равно что учить в школе историю и алгебру.

— Сколько ты ему заплатил?

Джинелли помахал ладонью.

— Я тебе дорого обхожусь, — сказал Билли. Он невольно стал говорить тем же тоном, что и Джинелли.

— Ты мой друг, — сказал Ричард с неожиданной теплотой в голосе. — Потом рассчитаемся как-нибудь, если ты сам захочешь. Я просто развлекаюсь. Приключение, понимаешь. Потом можно написать сочинение «Как я провел летние каникулы». Но у меня уже во рту пересохло, а впереди еще долгая история, а потом делом займемся.

— Продолжай.

Парень, которого Джинелли подцепил, назывался Фрэнком Спартоном. Сказал, что учится в Университете Колорадо, а пока что проводит каникулы. Однако Джинелли прикинул, что ему лет двадцать пять — староват для студента. Впрочем, это не имело значения. Джинелли хотел, чтобы Фрэнк отправился на проселок, где он оставил арендованный «форд», а затем установил наблюдение за цыганами, когда те уедут. Спартон должен был позвонить ему в мотель и сообщить, где они устроят ночлег. Джинелли не думал, что они уедут слишком далеко. Когда тот будет звонить в мотель Бар-Харбора, пусть позовет Джона Три. Спартон все записал и

получил шестьдесят процентов наличными от договоренной суммы. Заодно забрал ключи от машины и крышку распределителя. Когда Джинелли спросил его, сможет ли он приладить крышку распределителя, Спартон с улыбкой автомобильного вора ответил, что как-нибудь справится.

— Ты его подвез туда к машине? — спросил Билли.

— На то, что я плачу ему, и на попутке доберется, Уильям.

Джинелли поехал в мотель в Бар-Харборе и снял номер под именем Джона Три. Хотя было два часа пополудни, он успел взять последний свободный номер на ночь. Клерк вручил ему ключ с таким видом, словно оказал гигантскую услугу. Летний сезон набирал силу. Джинелли вошел в комнату, поставил будильник на шестнадцать тридцать и вздрогнул, пока он не зазвонил. Затем отправился в аэропорт.

В десять минут шестого там приземлился маленький частный самолет, возможно, тот же самый, что доставил Фандера из Коннектикута. Из него вышел «коллега по бизнесу» и выгрузил один большой пакет и три поменьше. Джинелли вместе с ним водрузил больший груз на заднее сиденье «новы», а те, что поменьше, — в багажник. Человек улетел. Джинелли не стал ждать, пока самолет взлетит, а отправился в мотель, где проспал до восьми часов, когда его разбудил телефон.

Это был Фрэнк Спартон, звонил он с заправочной станции «Тексако» в городе Банкертон — сорок миль к северо-западу от Бар-Харборо. В районе семи часов, сообщил Спартон, цыгане свернули на поле за пределами городской черты. Похоже, что они с ночлегом заранее все уладили.

— Видимо, Старберд постарался, — заметил Билли. — Он у них что-то вроде администратора.

Голос Спартона звучал несколько неуверенно и встревоженно.

— Ему показалось, что его засекли, — сказал Джинелли. — Он ехал за ними, а это было ошибкой. Кто-то там повернул обратно под-заправиться, а он не заметил. Ехал себе со скоростью сорок миль, и вдруг пара «универсалов» и фургон — громыхают навстречу. Получилось так, что он оказался не в хвосте их каравана, а где-то посередине. Глянул в боковое окно, а там из фургона смотрит старик без носа и машет ему пальцем, вернее, не столько машет, сколько какое-то заклинание делает. Говорю буквально со слов этого парня, Уильям. Так и сказал: «Какое-то заклинание пальцем делает».

— О Боже! — пробормотал Билли.

362 — Тебе в кофе подлить?

— Нет... впрочем, налей.

Джинелли подлил ему порцию «Чиваса» в чашку и продолжил свою историю. Он спросил Спартона, не была ли там на фургоне нарисована женщина с единорогом. Да, была. Женщина и единорог.

— Боже мой, — снова сказал Билли. — Ты уверен, что они его машину засекли? После того как погибли собаки, они могли обыскать все вокруг и найти «форд». Теперь его узнали.

— Так оно и было, — мрачно сказал Джинелли. — Он дал мне название дороги, на которой цыгане находились — Финсон-роуд, и номер шоссе, с которого они туда свернули. Попросил остатки денег положить в конверт на его имя в мотеле. «Извини, смываюсь», — сказал он, и я его не осуждаю.

Джинелли покинул мотель в машине «нова» в восемь пятнадцать. Пересек черту, разделяющую Бакспорт и Банкертон в девять тридцать. Спустя десять минут миновал заправочную станцию «Тексако», которая на ночь закрылась. Возле нее стояло порядочно автомашин для ремонта и для продажи. В дальнем конце ряда увидел арендованный им «форд», проехал дальше, развернулся и направился обратно.

— Я так дважды покрутился, — сказал он. — Никогда прежде не было у меня подобного чувства. Короче, я проехал подальше и вернулся пешком.

— И что?

— Спартон находился в машине, — сказал Джинелли. — Сидел за рулем. Мертвый. Дырка во лбу как раз над правым глазом. Крови немного. Мог быть и сорок пятый калибр, но не думаю. Крови на сиденье рядом с ним не было вообще. То, что его убило, навылет не прошло. Сорок пятый калибр прошивает насквозь, оставляя позади дыру с консервной банкой размером. Я думаю, он был убит из рогатки шариком от подшипника. Тем самым, чем их девка стреляет. Может, она это и сделала.

Джинелли замолчал, некоторое время размышляя.

— У него на коленях лежала мертвая курица, взрезанная ножом. Кровью на лбу у Спартона было написано одно слово. Возможно, кровью этой курицы, но, сам понимаешь, лабораторный анализ я сделать не мог.

— Что за слово? — спросил Билли, хотя уже догадался.

— «НИКОГДА».

— Господи Иисусе, — прошептал Билли и схватил свою чашку кофе с виски. Однако тут же и отставил ее: показалось,

что его стошнит, если выпьет. Нельзя, чтобы вырвало. Мысленно представил себе Спартона за рулем: голова откинута назад, черная дырка над глазом, груда белых окровавленных перьев на коленях. Образ был столь ярким, что он увидел даже приоткрытый желтый клюв мертвотиши и черные глаза-бусинки...

Мир заволокло серой пеленой... послышался звук шлепка по его щеке. Халлек раскрыл глаза и увидел, как Джинелли усаживается обратно в свое кресло.

— Извини, Уильям, но, как в рекламе лосьона говорят, — тебе это необходимо. Я думаю, ты валишь на себя вину за этого парня Спартона. Хочу, чтобы ты выбросил такие мысли, понял? Ты меня слышишь? — Тон Джинелли был спокойным, но в глазах — гнев. — У тебя искаженный взгляд на вещи. Знаешь, вроде этих судей, у которых сердце кровью обливается. Они обвиняют всех кого угодно, включая президента США, за то, что какой-то прохвост пырнул ножом бабусю, чтобы забрать ее чек социальной страховки. А сам этот фраер стоит перед ними, ожидая условного наказания, чтобы потом пойти и продолжить свое дело.

— Что ты мне чушьгородишь? — запротестовал Билли, но Джинелли его перебил:

— Не ты убил Спартона, Уильям. Это сделал какой-то цыган. И кто бы он ни был, за всем этим стоит тот дед, и мы с тобой все прекрасно понимаем. Никто Спартону руки не выкручивал. Делал работу за плату, вот и все. Простую работу, кстати. Ошибку совершил, и они его взяли в ловушку. А теперь скажи мне прямо, Уильям, ты хочешь, чтобы проклятие с тебя сняли, или нет?

Билли тяжело вздохнул. Щека его слегка горела от шлепка Джинелли.

— Да, — ответил он. — Я хочу, чтобы с меня его сняли.

— Ну и все. Тогда оставим это.

— О'кей. — Халлек позволил Джинелли досказать свою историю, больше не перебивая. Фактически его так ошарашил этот рассказ, что Билли не в состоянии был вымолвить и слова.

Джинелли прошел за заправочную станцию и сел на старые шины. Ему, как он сказал, снова нужно было добиться безмятежного состояния разума. Минут двадцать сидел он там неподвижно, поглядывая на ночное небо. На западе исчезли последние краски заката. Мысли его успокаивались. Когда почувствовал себя в порядке, вернулся обратно к своей машине, задним ходом подкатил к заправочной станции, не включая фар. Там он перетащил тело Спартона из «форда» и уложил его в багажник «новы».

— Возможно, они хотели таким манером оставить мне послание. Но, возможно, хотели навесить на меня дело, оставив убитого в моей машине. В мои — судя по документам в бардачке возле водителя. И опять сглутили, Уильям. Потому что если парня убили из рогатки шариком, легавые только чуть-чуть со мной пообщаются и тут же возьмутся за них. Ведь это же их девка устраивает спектакли с рогаткой.

При других обстоятельствах я люблю наблюдать, как люди сами себя загоняют в угол, вроде этого случая. Но тут, видишь, забавная ситуация: приходится работать самим, в одиночку. Кроме того, я ожидал, что полиция на следующий день нагрянет к цыганам, правда, совсем по другому делу, если бы все пошло так, как я наметил. Спартон тут только осложнит дело. Потому я и забрал его тело. Хорошо, что хоть машина стояла на отшибе, на проселке возле шоссе.

С телом Спартона в багажнике и с тремя небольшими коробками, которые доставил «коллега по бизнесу» накануне днем, Джинелли поехал дальше. Он нашел Финсон-роуд буквально в полу-миле от станции. Вдоль шоссе 37-а на ответвляющейся дороге цыгане могли продолжать хороший бизнес. Но Финсон-роуд оказалась паршивой проселочной дорогой с выбоинами и даже кое-где поросшей травой.

— Это немного осложнило дело, как и на автозаправочной станции. Но, с другой стороны, мне это и понравилось, Уильям. Я хотел напугать их, а они как раз и повели себя, как жутко напуганные люди. Если человек испуган, его еще проще устрашить.

Джинелли выключил фары и с четверть мили потихоньку ехал по Финсон-роуд. Приметил боковую дорожку к галечному карьеру. «Лучшего варианта не придумаешь», — решил он. Открыл багажник, вытащил тело Спартона и засыпал его гравием. Похоронив так убитого, вернулся к машине, принял пару стимулирующих таблеток, а затем распаковал большой груз на заднем сиденье. **ВСЕМИРНАЯ КНИЖНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ** — было написано на ящике. Внутри находился автомат Калашникова АК-74, запасной комплект на четыреста патронов, пружинный кинжал, рулончик клейкой ленты, сосуд с ламповой сажей и прочее.

Джинелли вымазал руки и лицо сажей, прикрепил с помощью клейкой ленты кинжал к ноге, взял автомат, сунул в карман рулон клейкой ленты и пошел.

— Саперную лопатку брать не стал, — сказал он. — Уж и так выглядел суперменом из комикса.

Спартон сказал, что цыгане устроили табор в паре миль от шоссе по той дороге. Джинелли углубился в лес, не отклоняясь от дороги, чтобы не заблудиться.

— Пришлось идти медленно, — рассказывал итальянец. — И все равно ветки под ногами хрустели. Да еще опасался задеть где-нибудь ядовитый сумах — он на меня скверно действует.

После двух часов пути вдоль восточной кромки Финсон-роуд Джинелли приметил темный объект на обочине впереди. Сперва подумал — какой-то дорожный столб. Оказалось — человек.

— Он стоял так спокойно, как мясник на складе туш, но я почувствовал, что он меня засек, Уильям. Хоть и пытался передвигаться бесшумно, но все же я парень из Нью-Йорка, а не Гайавата, понимаешь. Я подумал, что этот деятель притворяется, будто меня не слышит, чтобы вовремя нанести удар или изрубить меня в куски. Я мог, конечно, расстрелять его там же, но тогда разбудил бы всех в округе полутора миль, а к тому же обещал тебе обойтись без убийств.

И вот я стою на своем месте, а он — на своем. Пятнадцать минут стою и думаю: сделаю шаг — ветка треснет под ногой, и начнется большой тарарам. И вдруг смотрю — он отходит к кустам на обочине и начинает мочиться. А я глазам своим не верю. Уж не знаю, где учили этого парня стоять на стреме, но уж точно не в Форт-Брагте. Ружье у него самой старой модели, какую я видел за последние двадцать лет. На Корсике его называют «луп». Но самое главное — у него в ушах пара наушников от плейера! Я мог подойти сзади, и он бы ни хрена не услышал. — Джинелли засмеялся. — Ей-богу, тот дед понятия не имел, что его охранник слушает рок-н-ролл в то время, когда должен был следить за мной.

Страж снова занял свое место, а Джинелли просто подошел к нему с той стороны, откуда его не было видно, не особенно заботясь о том, чтобы двигаться бесшумно. На ходу снял с себя пояс. В последний момент парень успел что-то засечь, видно, краем глаза приметил движение, но отреагировать не успел — слишком поздно.

Джинелли набросил ремень на горло парня и затянул. Последовала короткая борьба. Молодой цыган бросил винтовку и вцепился в ремень, наушники вывалились из ушей, и Джинелли услышал «Роллинг стоунс», поющих «Под моим большим пальцем».

Парень начал хрипеть, сопротивление его ослабло и вскоре прекратилось. Джинелли давил еще секунд двадцать, потом отпустил

(«Я же его не собирался приканчивать», — пояснил он Били) и оттащил в кусты. Парень был красив, хорошо физически

развит, на вид — года двадцать два, в джинсах и сапогах «динго». По описаниям Билли, Джинелли решил, что это Сэмюэл Лемке, Билли с ним согласился. Джинелли нашел дерево приличных размеров и использовал липкую ленту, чтобы привязать цыгана к нему.

— Звучит глупо, что ты кого-то привязал скотчем к дереву. Но это — пока кто-нибудь с тобой такого не проделает. От него не освободишься. Скотч — очень прочный материал. Так и проторчишь привязанным, если никто не освободит. Его не разорвешь и не размотаешь сам.

Джинелли отрезал нижнюю часть рубашки Лемке, затолкал ему в рот и заклеил скотчем.

— Потом я перевернул кассету в плейере, включил и засунул ему наушники обратно в уши. Не хотел, чтобы он скучал, когда очухается.

После этого Джинелли пошел дальше вдоль дороги. Он был такого же роста, что и Лемке, а потому решил рискнуть и подойти к следующему часовому до того, как тот обнаружит неладное. Время было позднее, а итальянец за последние двое суток поспал урывками всего пару раз. Надо было поторопливаться, пока в сон не начали клонить.

— Когда недоспишь, можешь все напрочь испортить, — заметил он. — Одно дело в «Монополию» играть, а другое — иметь дело с людьми, которые убивают и пишут у тебя на лбу куриной кровью слова. Тут и самому можно ненароком концы отдать. Вот я такую промашку и сделал. Просто повезло, что мне с рук сошло. Бог иногда прощает.

Ошибка состояла в том, что Джинелли не увидел второго охранника, пока не прошел почти мимо него. Второй оказался в тени, а не на дороге, как Лемке. Причем укрылся не ради конспирации, а ради удобства.

— Этот второй не только не слушал плейер, — сказал Джинелли, — он просто крепко спал. Вшивые сторожа, но чего другого и ожидать от гражданских? К тому же они, видно, решили, что я серьезной угрозы для них не представляю. Когда веришь, что угроза серьезная, зевать не станешь, даже если давно не спал.

Джинелли подошел к спящему часовому, выбрал у него на голове подходящее место и треснул его как следует прикладом автомата. Удар был — как ладонью по столу. Парень, который сидел, прислонившись к дереву, завалился набок. Джинелли наклонился и пощупал пульс. Цыган был жив.

Пять минут спустя итальянец поднялся на невысокий холм. Слева, на склоне, открылось большое поле. Метрах в двухстах Джинелли увидел круг автомашин. Костра в ту ночь не жгли. Кое-где в окнах фургонов светился слабый огонек — только и всего.

Джинелли предпочел ползти с холма по-пластунски, держа автомат впереди себя. Нашел груду камней, которые годились как укрытие и огневая позиция. Весь лагерь хорошо просматривался, и прицеливаться было удобно.

— Луна как раз начала появляться, но ждать ее я не собирался. К тому же я хорошо все видел, до них было метров семьдесят. Большой аккуратности мне не требовалось, да и «калашников» не для такой работы. Все равно что топором удалять аппендицит. Автомат хорошо путать, ну я их и напугал как надо. Спорить готов, они наделали лимонаду в постели. Но только не старик. Этот — третий калач, Уильям.

Твердо уложив автомат, Джинелли набрал воздуху, прицелился по передним колесам фургона с единорогом. Слышны были цикады, бульканье какого-то ручейка поблизости, где-то за темным полем крикнул козодой. И прежде чем он начал второй куплет своейочной песни, Джинелли открыл огонь.

Грохот разорвал ночь. Пули тридцатого калибра помчались к цели, на конце дула затрепетало сияние. Колеса фургона с единорогом не просто лопнули, они взорвались. Джинелли прочесал дугой весь табор, целясь низко.

— Ни одного тела не задел, — сказал он. — Старался не попасть и в бензобаки машин, брал пониже. Видел когда-нибудь в натуре, как машина взрывается, если угодишь в бензобак? Это, я тебе скажу, такой фейерверк! Жуть. Я как-то наблюдал на шоссе в Нью-Джерси.

Взорвались и задние колеса фургона. Джинелли вставил в автомат запасной рожок. Между тем началась суматоха. Послышалась перекличка голосов — рассерженных, но больше перепуганных, завизжала женщина.

Люди выскакивали в нижнем белье из фургонов, беспорядочно метались, в страхе озираясь по сторонам. Впервые Джинелли увидел и Тадзуа Лемке. Старик выглядел довольно комично в разевавшейся ночной рубашке, из-под ночного колпака в разные стороны торчали пряди волос. Он бросил взгляд на разорванные шины фургона и посмотрел прямо в ту сторону, где залег итальянец. «Вот в его разъяненном взгляде уже не было ничего комичного», — сказал Джинелли Халлеку.

— Я знал, что видеть он меня не мог. Луна еще не взошла. Морда и руки у меня были в саже. Но мне показалось, что он меня все равно увидел, Уильям, и у меня аж холодок по сердцу пробежал.

Старик обернулся к своим людям, которые начали пробираться к нему, крича и размахивая руками. Заорал им что-то и указал рукой на машины. Джинелли языка не понимал, но жест был вполне красноречивым: прячьтесь, идиоты!

— Слишком поздно, Уильям, — сказал Джинелли.

Он выдал очередь поверх их голов. Теперь уж орали все — и мужчины, и женщины. Некоторые попадали на землю и поползли, другие бросились бежать в разные стороны, только не в его сторону, разумеется.

А Лемке стоял и покрикивал на них. Его ночной колпак свалился с головы. Кто полз, кто бежал, и хотя Лемке правил ими железной рукой, а панике поддались все.

«Понтиак-универсал», из которого он брал пальто и туфли, стоял рядом с фургоном. Джинелли вставил третий рожок в автомат и снова открыл огонь.

— В этой машине в ту ночь вообще никого не было, и я ее разгромил. Буквально уничтожил. АК-74 — страшная штука, Уильям. Когда смотришь на нее в кино, думаешь, что она оставляет серию аккуратных дырок. На самом деле это не так. Автомат громит все, и притом быстро. Стекла полетели вдребезги, капот раскрылся, и пули его начисто сорвали. Разнесло фары, взорвало шины, потом полетел радиатор, из него хлынула вода. Темно, но я услышал, как она полилась. Короче, когда я закончил, машина выглядела так, словно на хорошей скорости врезалась в стену. Но пока ошметки машины летали вокруг, дед даже не щелкнулся. Смотрел на вспышки моего автомата и, видно, собирался скомандовать атаку. Только я решил этого не дожидаться.

Джинелли побежал к дороге, пригнувшись пониже, как солдат под огнем противника. Достигнув дороги, выпрямился и побежал во всю прыть. Пробежал мимо часовного, которого стукнул прикладом, едва глянув в его сторону. А возле того места, где оставил плейер, остановился, переводя дыхание.

— Найти его ничего не стоило в полной темноте, — сказал Джинелли, потому что я услышал, как он слозит ногами по траве. Когда подошел, он начал сквозь скотч на губах бормотать: «Унф, уф, гадумп».

Лемке доерзлся до того, что его еще круче прижало к дереву. Наушники болтались возле шеи. А когда увидел приближающегося Джинелли, замер и смолк. Просто смотрел на него.

— По глазам его увидел: он решил, что я его убью, и при этом жутко перепугался, — продолжал Джинелли. — Мне этого и надо было. Старый гад не побоялся, но, скажу тебе, Уильям, тот парень очень жалел, что дед так с тобою поступил. К сожалению, мне не удалось заставить его попотеть малость — времени не было.

Джинелли поднял АК-74 к его носу, и глаза Лемке сказали: он очень хорошо понял, что его ожидает.

— Вот что, тварь, времени у меня маловато, поэтому слушай внимательно, — сказал Джинелли. — Передай деду, что в следующий раз стрелять по пустым машинам я больше не буду. Скажи ему, что Уильям Халлек хочет, чтобы старик снял свое проклятие. Понял меня?

Лемке кивнул, насколько позволяли путы. Джинелли сорвал с его рта ленту и вырвал тряпку изо рта.

— Тут будет много суеты, — сказал Джинелли. — Поорешь — они тебя найдут. И запомни послание деду.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Вы не понимаете, — хрюкло сказал Лемке. — Он никогда его не снимет. Он последний из великих мадьярских вождей. Его сердце — кирпич. Я запомню, конечно, мистер, но он никогда не снимет проклятие.

По дороге прогромыхал пикап в сторону цыганского табора. Джинелли бросил на него мимолетный взгляд и снова обратился к Лемке.

— Кирпич можно разрушить, — сказал он. — Так и передай ему.

Джинелли снова вышел на дорогу и побежал трусцой назад, к карьеру. Еще один пикап проехал мимо, за ним подряд три легковых автомобиля. Людям было любопытно, что за стрельба из автомата происходила возле их городка среди ночи. Джинелли особенно на их счет не беспокоился. Видимый издалека свет автомобильных фар давал возможность скрыться заранее в придорожной растительности.

Когда послышалась полицейская сирена, он успел добраться до карьера, где была припаркована его «нова».

С потущенными фарами он подвел машину ближе к дороге, подождал, пока «шевроле» с мигалкой на крыше проехал мимо.

— Когда полицейская машина проехала, я убрал грязь с лица и рук и поехал следом за ней.

— Следом?! — перебил его Билли.

— Так безопаснее. Если где-то стрельба, наши невинные

люди готовы ноги себе переломать — лишь бы увидеть кровь,

прежде чем полиция смоет ее из шлангов с тротуара. Люди, которые едут в противоположном направлении, вызывают подозрение. Обычно это те, кто смыывается с места действия.

К тому времени как он подъехал к полю, там уже выстроились у обочины штук шесть машин, лучи их фар перекрещивались. Люди суетились и оживленно обсуждали случившееся. Полицейская машина припарковалась возле того места, где Джинелли вывел из строя второго парня. Вращающийся световой сигнал отбрасывал синие блики на деревья. Джинелли опустил стекло.

— Что случилось, офицер?

— Ничего такого, что вас могло бы обеспокоить. Поезжайте своим путем. — И на тот случай, если парень в «нове» говорит по-английски, а понимает только русский, полицейский нетерпеливо указал ему лучом фонарика дорогу вдоль Финсон-роуд.

Джинелли медленно проехал среди других машин. Вдалеке возле разгромленной им машины собирались две группы людей. Одна группа состояла из цыган в нижнем белье — они что-то обсуждали между собой, усиленно жестикулируя. Другая группа была из местной публики. Те стояли, засунув руки в карманы, и молча разглядывали разбитый автомобиль. Обе группы игнорировали друг друга.

Финсон-роуд протянулась еще миль на шесть. Пару раз Джинелли чуть не скатился в кювет, поскольку навстречу на большой скорости неслись другие машины, а дорога была достаточно ухабистой.

— Просто среди ночи ребята надеялись увидеть кровь, Уильям, пока полиция не смыла ее с тротуара или — в данном случае — с травы.

Удалось найти другую дорогу, которая довела его до Бакспорта, где он повернул на север. В два часа ночи Джон Три прибыл в свой номер в мотеле, поставил будильник на семь тридцать и заснул.

Билли уставился на него.

— То есть, пока я места себе не находил, думая, что тебя убили, ты спал в том самом мотеле, который мы покинули?

— Ну, в общем, так. — Джинелли и сам устыдился на мгновение. Но тут же с улыбкой пожал плечами. — Спиши это на неопытность, Уильям. Не привык совсем, что кто-то за меня волнуется. Ну, только мама еще, но это — другое дело.

— Ты проспал, что ли? Сюда-то приехал часов в девять.

— Нет. Сразу встал, когда зазвенел будильник. Позвонил кое-куда и отправился в центр города. Там арендовал другой автомобиль, на этот раз у «Авис». С «Херцем» мне не так повезло.

— У тебя будут неприятности из-за машины «Херца»? — спросил Билли.

— Нет. Все в порядке. Дело могло осложниться, но я и позвонил как раз в связи с машиной «Херца». И «коллега по бизнесу» по моей просьбе прилетел из Нью-Йорка. В Эллсворте есть небольшой аэропорт. Пилот потом полетел в Бангор ждать его. А мой коллега на попутках прибыл в Банкертон. Он...

— Слушай, дело приобретает масштабы, — сказал Билли. — Ты понимаешь? Прямо во Вьетнам превращается.

— Да ты что? Не будь дураком, Уильям.

— Скажешь, всго лишь твоя экономка прилетела из Нью-Йорка. Вернее — эконом.

— Пусть так. Я никого в Мэне не знаю, а единственный, с кем успел познакомиться, отдал концы. Да не было никаких проблем. У меня — полный отчет есть. Мой коллега вчера спокойно в полночь добрался до Банкертона. Там на заправочной был всего один парень, да и тот успел прилично набраться. Бензин он, правда, напечатывал — все чин-чином, а остальное время где-то слонялся или возился с машиной. Пока его не было в очередной раз, мой коллега законтачил проводки «форда» и спокойно уехал. Проспал мимо станции, так тот парень даже не глянул в его сторону. Коллега доехал до международного аэропорта Бангора и поставил машину в один из загонов «Херца». Я его попросил проверить насчет пятен крови. Потом, когда говорил с ним по телефону, он сказал, что на переднем сиденье немного крови было, наверняка куриной. Мой коллега ее смывал, потом заполнил бланк возврата, опустил в ящик «Экспресс-возврата» и улетел обратно в Нью-Йорк.

— А как же с ключами? Ты говоришь, он зажигание на проводах законтачил.

— С ключами действительно проблема возникла. Еще одна моя ошибка. Думаю, от недосыпа стал рассеянным, а может, старею. Они остались в кармане Спартона, а я забыл их вытащить, когда его захоронил там. Но теперь... — Джинелли вытащил пару ключей на блестящем брелоке «Херца» и позвенел ими. — Динь-динь!

— Так ты ездил назад, — сказал Билли хрипло. — Господи! Поехал и откопал, чтобы достать ключи!

— Рано или поздно зверье его бы обнаружило, — резонно пояснил Джинелли. — Те же охотники на птиц с собаками. Короче, это мелочь для «Херца», когда приходит конверт экспресса без ключей. Люди то и дело забывают вернуть ключи от арендованных машин, от номеров отеля. Иногда присыпают их, иногда — забывают. Менеджер сервиса звонит по телефону восемь-ноль-ноль,

сообщает заводские данные машины, а на другом конце парень из «Форда», «Дженерал Моторс» или «Крайслера» называет модель ключа. Престо! Новые ключи. Но если найдут в карьере парня с дыркой в голове и с ключами в кармане, нетрудно и меня отыскать. Скверно. Паршивые новости. Ты понял?

— Да.

— Кроме того, мне все равно надо было туда вернуться, — мрачно сказал Джинелли. — А в «нове» сделать этого было нельзя.

— Ну почему? Они же ее не видели.

— Мне надо рассказать тебе по порядку, тогда поймешь. Еще подлить?

— Пожалуй.

— Сейчас речь идет о «бьюике-универсале». Парень в «Ависе» хотел мне дать «ариес-К», сказал, это все, что у него есть в данный момент, так что мне еще повезло. Но для меня эта машина не годилась. Мне нужен «универсал», а эта — хоть и здоровенная, а совершенно бестолковая машина. За двадцать баксов он переменил мнение, и я получил ту машину, которую хотел. Поехал обратно в мотель в Бар-Харбор, припарковался, сделал пару телефонных звонков, чтобы удостовериться, что все идет по намеченному плану. Потом приехал сюда на «нове». Знаешь, Билли, она мне даже понравилась. Вроде неказистая и внутри коровьим навозом отдает, но у нее, понимаешь, крепкая косточка, что ли... Вот так. Приехал сюда, успокоил тебя. К тому времени я уж готов был к новому удару, но так устал: думаю — тащиться опять в Бар-Харбор. Короче, у тебя в постели и проспал день.

— Да позвонил бы мне и не тащился лишний раз, — тихо сказал Билли.

Джинелли улыбнулся ему.

— Ну конечно, мог бы и позвонить. Только пошел он подальше, этот телефон. Он мне не покажет, как дела с тобой, Уильям. Не один ты беспокоишься о своем здоровье.

Билли опустил голову, с трудом проглотил ком в горле. Слезы в последнее время приходилось сдерживать довольно часто.

— Итак! Джинелли пробуждается, встает как огурчик, без похмелья, принимает душ, прыгает в свою «нову», которая еще больше смердит коровьим навозом, простояв на солнцепеке, и едет обратно в Бар-Харбор. Там он забирает пакеты поменьше из багажника «новы» и раскрывает их у себя в номере. В одном из них — кольт «Вудсмен» и внутренняя кобура под мышку к нему.

Содержимое двух других пакетов размещается в карманах спортивного плаща. Затем он покидает комнату и меняет «нову» и «бьюик». Едет в весьма «сценичный» Банкертон, где, как он надеется, побывает в последний раз. По пути разок останавливается у супермаркета, заходит туда и покупает две вещи: шарообразный сосуд и большую бутылку пепси. В Банкертон прибывает на закате, едет к карьеру щебенки и сразу идет туда, поскольку осторожность тут больше не имеет значения. Если тело нашли, значит, он попался.

Но там никого нет, и он откапывает Спартона, нашупывает ключи — и все в порядке.

Голос Джинелли был совершенно бесстрастным, но Билли показалось, что перед ним разворачивается сюжет, как в кинофильме, правда, не очень приятном. Джинелли, сидящий на корточках и разбрасывающий щебенку в стороны руками. Вот появляется рубашка Спартона, его пояс... его карман. Пальцы проникают в карман, ищут среди мелочи, которой не суждено быть истраченной... холодная застывшая плоть. Ключи найдены, труп снова быстро закапывают.

— Брррр, — сказал Билли и поежился.

— Все дело в перспективе, Уильям, — спокойно заметил Джинелли. — Поверь, это так.

Кажется, это меня и пугает, подумал Билли. А потом с растущим изумлением слушал дальше конец истории необычных приключений Джинелли.

С ключами «Херца» в кармане Джинелли вернулся к своему «бьюику» конторы «Авис». Первым делом откупорил бутылку пепси-колы, вылил ее содержимое в сосуд и как следует накрыл крышкой. После этого поехал к цыганскому табору.

— Я знал, что они все еще будут там, — сказал он. — Не потому, что им так хочется, а потому, что полиция штата велела не рыпаться, пока не проведет расследование. Представь себе: поселяется какое-то кочевое племя, чужаки в таком цивилизованном обществе, как город Банкертон, является еще какой-то чужак или шайка таких среди ночи и обстреливает их стойбище. Легавым всегда интересны подобные истории.

Им в самом деле было интересно. Там уже находились патрульная машина полиции штата Мэн и еще два неприметных «плимута» у края поля. Джинелли влез между двумя «плимутами», вышел из машины и направился к табору. Разгромленный «универсал» успели увезти — возможно, на обследование криминалистам.

На полпути Джинелли встретился с полицейским в униформе «Медведей штата», как их официально называли.

«Для вас, сэр, здесь никакого дела нет, — сказал «Медведь». — Вам придется пройти обратно».

— Но я убедил его, что у меня кое-какое дело там все же есть, — сказал Джинелли, улыбаясь Билли.

— Это как же тебе удалось?

— Вот — предъявил ему.

Джинелли вытащил из заднего кармана кожаные «корочки» и сунул Билли. Тот открыл и тотчас узнал документ — он видел такие в ходе своей карьеры юриста пару раз. Встречался бы чаще, если бы специализировался на уголовщине. Это было удостоверение ФБР с фотографией Джинелли лет на пять моложе: волосы коротко подстрижены, почти под ежик. На карточке он фигурировал как агент Эллис Стонер.

В голове Билли вдруг все сложилось одно к одному. Он посмотрел на удостоверение еще раз.

— Ты хотел «бьюик», потому что он выглядит...

— Более официально. Государственная служба. Их типичный транспорт. Не в консервной же банке мне появляться, что пытался всучить «Авис»? И уж конечно, не в навозной тачке фермера Джона.

— Это тебе твой «коллега по бизнесу» доставил во второй визит?

— Да.

Билли вернул ему документ.

— Выглядит как настоящий.

Улыбка исчезла с лица Джинелли.

— Все, кроме фотографии, — тихо сказал он. — Она — настоящая.

Немного помолчали. Билли пытался отогнать прочь мысли об агенте Стонере, была ли у него семья, дети... Потом напомнил:

— Значит, ты припарковался между двумя полицейскими машинами и показал удостоверение ФБР через пять минут после того, как откопал ключи на трупе?

— Нет, — сказал Джинелли. — Скорее минут через десять после того.

Направляясь в лагерь цыган, он приметил двух мужчин в штатском, но явно полицейских, которые сидели на карточках возле фургона с единорогом и совками копались в земле. Третий стоял и светил им мощным фонарем.

— Постой, постой, вот еще одна, — сказал копавший своему коллеге, извлекая пулю из совка и бросая ее в ведерко — блонк! Два цыганенка, явно братья, стояли поблизости и наблюдали за процессом.

Присутствие полицейских для Джинелли было как нельзя кстати. Никто не знал, как он выглядит, а Сэмюэл Лемке помнил только черное пятно сажи. К тому же появление агента ФБР можно было считать удачей, так как стрельба велась из русского автомата. Но Джинелли проникся глубокимуважением к Тадзу Лемке. Дело было не в той надписи кровью на лбу, а в том, как он твердо стоял один на один перед шквалом пуль 30-го калибра в полной темноте. Ну и, конечно, то, что происходило с Уильямом. Было опасение, что дед его все равно мог распознать. Увидеть по глазам или как-то по запаху учゅять.

Поэтому ни при каких обстоятельствах Джинелли не намерен был допустить, чтобы старик коснулся его.

Ему нужна была девушка.

Он прошел внутренний круг и постучался в первый попавшийся фургон. Пришлось постучаться еще раз, прежде чем женщина средних лет открыла дверь с испуганным и недоверчивым выражением лица.

— Нет у нас ничего для вас, — сказала она. — У нас тут беда. Извините, мы закрыты.

Джинелли раскрыл удостоверение.

— Специальный агент ФБР, мадам, — Стонер.

Глаза женщины широко открылись, она быстро перекрестилась и сказала что-то на ромалэ. Потом:

— О Господи! Что еще? Все пошло кувырком. С тех пор как Сюзанна погибла, нас словно прокляли. Или...

Ее решительно оттолкнул супруг, приказав заткнуться.

— Специальный агент Стонер, — вновь повторил Джинелли.

— Слышал, слышал. — Он выбрался наружу. Джинелли определил его возраст в районе сорока пяти лет, хотя выглядел мужик старше. То был очень высокий человек, хромавший настолько сильно, что казался уродом. На рубашке с короткими рукавами была скромная диснеевская реклама.

Вместо штанов — шорты. От него несло таким перегаром, что в любой момент можно было ожидать, что его еще и вырвет. Похоже, с этим цыганом подобное случалось регулярно. Джинелли показалось, что он узнал его: кажется, именно он бежал прочь с грацией слепого эпилептика, у которого случился сердечный приступ.

— Чего вам надо? У нас и так тут полиция весь день висит на заднице. И всегда так... Просто смешно! — Говорил он хриплым гру

бым голосом, а его жена принялась торопливо увещевать его

Он повернулся к ней.

— Дет кригиска жал-халлер, — сказал он, припечатав для пущей ясности: — Заткнись, сука. — Женщина отступила. Мужчина в дис-неевской рубашке вновь обратился к Джинелли: — Так чего вам надо? Чего не пойдете к своим корешам и не поговорите с ними? — Он кивнул в сторону криминалистов.

— Позвольте записать ваше имя, — сказал Джинелли с бесстрастной вежливостью.

— А чего у них не спросите? — Он скрестил руки на груди, которая под рубашкой казалась ненамного меньше женской. — Мы им свои имена сказали, сделали наши заявления. Все, что мы знаем, — кто-то стрелял по табору среди ночи. Нам только нужно, чтобы нас отпустили. Хотим уехать из штата Мэн, из Новой Англии и вообще с восточного побережья. — Уже потише добавил: — И больше никогда сюда не возвращаться. — Указательный палец и мизинец его левой руки сделали жест, знакомый Джинелли с детства от его матери, — жест, отгоняющий дурной глаз. Ему показалось, что цыган сделал этот жест совершенно машинально.

— В таком случае проблему можно решить двумя путями, — сказал Джинелли, сохраняя исключительно вежливый тон агента ФБР. — Либо вы даете мне кое-какую информацию, сэр, либо вопрос будет решаться в месте лишения свободы в том плане — задержать вас или нет за обструкцию органов правосудия. Если факт обструкции будет доказан, вам придется провести пять лет в заключении с уплатой штрафа в размере пяти тысяч долларов.

Из фургона послышался торопливый поток речи на роме на грани истерики.

— Энкельт! — хрюпlo заорал мужчина, но когда обернулся к Джинелли, лицо его заметно побледнело. — Вы совсем спятили!

— Нет, сэр, — ответил Джинелли. — По табору не просто кто-то стрелял. Речь идет о трех автоматных очередях. В Соединенных Штатах запрещено частное владение автоматами и другим скорострельным оружием. К делу подключено ФБР, и, выражаясь более понятным вам языком, скажу, что вы по уши в дерьме, погружаешься в него все глубже и при этом совсем не умеете плавать.

Цыган некоторое время недовольно смотрел на него и наконец сказал:

— Меня зовут Хейлиг. Трей Хейлиг. Можете у них спросить. — Он кивнул в сторону полицейских.

— У них своя работа, у меня — своя. Так вы намерены отвечать на мои вопросы или нет?

Мужчина отрешенно кивнул.

Джинелли заставил Трея Хейлига дать полный отчет о том, что произошло в прошлую ночь. Пока тот говорил, один из детективов штата подошел, чтобы выяснить — кто беседует с цыганом. Когда Джинелли предъявил ему удостоверение, он быстро удалился. Документ явно произвел на него впечатление и несколько обеспокоил.

Хейлиг заявил, что выскочил из фургона, как только услышал первые выстрелы, и побежал влево вверх по холму, надеясь обойти стрелявшего с фланга. Но в темноте споткнулся обо что-то, упал головой на камень и потерял сознание. Если бы не такое обстоятельство, он бы наверняка добрался до ублюдка. В подтверждение своей истории показал на заживающую ссадину по крайней мере трехдневной давности, полученную, видимо, по пьянке, на левом виске. «Ага, — подумал Джинелли и перевернул страницу в блокноте. — Хватитходить вокруг да около, пора перейти к делу».

— Очень вам признателен, мистер Хейлиг, вы весьма помогли. Этот разговор внушил некоторую робость цыгану.

— Да ладно... что вы? Извините, что я так с вами... Но побывли б на нашем месте... — Он пожал плечами.

— Полиция, — сказала жена за его спиной. Она выглядывала из двери фургона, словно старый и усталый барсук из норы, чтобы посмотреть, как много собак вокруг и насколько они злые. — Всегда полицейские — куда бы мы ни пошли. Обычное дело. А сейчас — хуже. Люди запуганы.

— Энкельт, мамма, — сказал Хейлиг, но уже не так сердито.

— Мне надо поговорить еще с парой людей, если подскажете, где их найти, — сказал Джинелли и посмотрел на пустую страницу блокнота. — Мистер Тадуз Лемке и миссис Анжелика Лемке.

— Тадуз вон там спит, — сказал Хейлиг и указал на фургон с единорогом. Джинелли счел это прекрасной новостью, если дело обстояло так. — Он очень старый, и его все это очень сильно утомило. А Джина, по-моему, вон в том фургоне. Только она не миссис, а мисс.

Он указал грязным пальцем на зеленую «тойоту», оборудованную деревянным фургоном на шасси.

— Большое вам спасибо. — Итальянец закрыл блокнот и засунул его в задний карман.

Хейлиг удалился в свое помещение (и, видимо, прямо к своей бутылке) с очевидным облегчением. Джинелли в сгущавшихся сумерках пересек внутренний круг и подошел к «тойоте». В тот момент его сердце билось очень сильно. Глубоко вздохнув, он постучал в дверцу.

Ответ последовал не сразу. Он поднял было руку, чтобы постучать снова, когда дверь раскрылась. Уильям говорил, что она красива, но Джинелли не был подготовлен к столь покоряющей красоте. Темные глаза смотрели смело, белки их были чистыми до голубизны, оливковая кожа таила розовый оттенок. Какое-то мгновение он разглядывал ее, посмотрел на руки, увидел, что они были сильными, никакого лака на ногтях — чистых и подстриженных, как у крестьянки. В одной руке Джина держала книгу «Статистическая социология».

— Да?

— Специальный агент Эллис Стонер, мисс Лемке, — сказал Джинелли, и тотчас ясность покинула ее глаза, словно задернулась занавеска. — ФБР.

— Да? — повторила она. В голосе не больше жизни, чем в автомобитечнике.

— Мы расследуем происшествие со стрельбой здесь прошлой ночью.

— Вы и еще полсвета, — сказала она. — Ну и расследуйте. А у меня времени нет. Я заочно учусь, и если завтра не отправлю почетной свое задание, меня могут отчислить. Так что извините...

— У нас есть данные, что за случившимся стоит некий Уильям Халлек, — сказал Джинелли. — Вам это имя ни о чем не говорит? — Конечно, говорит: на миг ее глаза раскрылись шире и словно вспыхнули. Джинелли нашел ее прекрасной. Но одновременно поверил в то, что именно она могла убить Фрэнка Спартона.

— Эта свинья! — Она плюнула. — Хан сатте сиг па эн ав столарна! Хан снегладе па нытт мот хиллорна и вильд! Вильд!

— У меня в машине есть несколько фотографий Халлека, — спокойно сказал Джинелли. — Они были сделаны в Бар-Харборе нашим агентом с помощью телевика...

— Конечно, это Халлек! — сказала она. — Эта свинья убила мою тантенъяд — мою бабушку! Но он нас недолго будет преследовать. Он... — Она прикусила нижнюю губу и замолчала. Если бы Джинелли был тем, за кого себя выдавал, ей было бы не избежать основательного допроса.

Джинелли предпочел ничего не заметить.

— На одном из снимков один человек передает другому деньги. Если кто-то из них Халлек, другой, не исключено, — стрелок, посетивший вас минувшей ночью. Я бы хотел, чтобы вы и ваш дедушка опознали Халлека, если это возможно.

— Он мой прадедушка, — ответила Джина рассеянно. — По-моему, он спит. С ним мой брат. Не хочу будить его. — Она

сделала паузу. — Вообще не хочу его расстраивать этими делами. Последние дни ему очень тяжело пришлось.

— Хорошо. Может быть, так сделаем: вы посмотрите фотографии, и, если точно опознаете Халлека, нам не придется будить старшего мистера Лемке.

— Да, так будет лучше. Если вы поймаете эту свинью Халлека, вы его арестуете?

— О да. При мне есть федеральный ордер Джона Доу.

Это убедило ее. Она вышла из фургона, зашуршав юбкой и мельком обнажив ногу, покрытую ровным загаром. При этом сказала нечто такое, от чего холодок сжал сердце Джинелли.

— Там особенно и нечего будет арестовывать, я так думаю.

Они прошли мимо полицейских, все еще копавшихся в земле, несмотря на наступившую темноту. Миновали нескольких цыган, включая двух мальчиков-братьев, одетых в одинаковые пижамы. Джина кивком приветствовала некоторых из них, те ответили и поспешили ретироваться. Высокий мужчина, похожий на итальянца, который шел с Джиной, являлся агентом ФБР, и от него следовало держаться подальше.

Они покинули круг табора и направились вверх по холму к машине Джинелли. Вечерний мрак поглотил обоих.

— Все шло как по маслу. Почему бы и нет? Кругом полно полицейских. Мог ли тот парень, который в них стрелял, снова явиться и еще что-то затеять, пока полицейские находились там? Они так не думали. Но они же дураки, Уильям. Я ожидал от всех них глупости, но не от деда. Всю жизнь он учился ненавидеть легавых, не доверять им, а тут вдруг решил, что они его оберегают от того, кто их за задницу кусает. Но старик спал. Выдохся. Ну и отлично... Мы и его, кстати, можем захватить, Уильям. Запросто, я думаю.

Они подошли к «бьюику». Джинелли открыл дверцу водителя, пока девушка стояла там. Когда он наклонился, чтобы вытащить из-за пазухи колт 38-го калибра одной рукой, а другой освободить крышку шарообразного сосуда, почувствовал, как экзальтация девушки сменилась настороженностью. Все чувства Джинелли были обострены, как и интуиция. Да, он ощутил ее тревогу в окружающей темноте: слишком легко она отделилась от своих с человеком, которого прежде никогда не видела. И это в то время, как должна была быть особенно начеку. Впервые подумала: а почему этот агент ФБР не захватил бумаги с собой в табор, если ему нужно было так срочно задержать Халлека. Но было поздно. Он сыграл на ее

— Вот и все, — сказал Джинелли и повернулся к ней с кольтом в одной руке и сосудом в другой.

Глаза ее вновь широко раскрылись, грудь поднялась, когда она раскрыла рот и судорожно вдохнула.

— Можешь закричать, — сказал Джинелли, — но я тебе гарантировую — это будет последний звук в твоей жизни, Джина.

Какой-то миг ему казалось, что она все равно закричит... но она только выдохнула воздух.

— Это ты работаешь на свинью, — сказала она. — Ханс сатте сиг па...

— Говори по-английски, стерва, — сказал он небрежно.

Она вздрогнула, как от пощечины.

— Не смей называть меня стервой, — прошептала она. — Никто не смеет меня обзвывать. — Ее руки поднялись, сильные пальцы согнулись, как когти.

— Ты называешь моего друга Уильяма свиньей. Я называю тебя блядью. А твою мамашу — проституткой, а твоего папашу — псом, который в сортирах облизывает жопы, — сказал Джинелли. Увидел, как раздвинулись ее губы в оскале ярости, и улыбнулся. Что-то в его улыбке заставило ее поколебаться. Позднее Джинелли сказал Били, что она испуганной не выглядела, но по какой-то причине сквозь дикую ярость пробилось осознание того, с кем и с чем она имеет дело.

— Думаешь, это игра? — спросил он ее. — Вы налагаете проклятие на человека, у которого жена и ребенок, и думаете, что это — игра? Ты думаешь, он нарочно сбил ту женщину, твою бабушку? Думаешь, у него на нее был контракт? Что мафия заключила на нее контракт? Дерьмо.

Девушка теперь плакала слезами ярости и ненависти.

— Ему жена дрошила, и он ее задавил на улице! А потом они... они хан тог ин пойкен... отмазали его. Но мы его хорошо пригвоздили. И ты будешь следующим, друг свиньи. Не важно, что...

Он снял крышку с широкого горлышка сосуда движением большого пальца. Ее глаза впервые уставились на жидкость в сосуде. Именно этого он и хотел.

— Кислота, блядь, — сказал Джинелли и плеснул ей в лицо. — Посмотрим, сколько еще людей ты подстрелишь из своей рогатки, когда ослепнешь.

Она пронзительно вскрикнула и накрыла ладонями глаза. Слишком поздно. Упала на землю. Джинелли наступил ей на шею.

— Если пикнешь, убью. Тебя и первых трех твоих дружков, которые появятся тут. — Он убрал ногу. — Это была пепси-кола.

Джина поднялась на колени, глядя на него сквозь пальцы. Обостренным, почти телепатическим чутьем Джинелли понял: не было нужды говорить ей, что то была не кислота. Она это поняла сразу, хотя в первое мгновение ее как будто бы обожгло. Мгновение спустя, чуть было не запоздало, он сообразил, что она бросается рукой на его половые органы.

Когда она кошкой кинулась к нему, он мгновенно шагнул в сторону и ударил ее ногой в бок. Затылок Джинны с громким звуком ударился о хромированную раму раскрытой дверцы водителя. Она рухнула на землю, и кровь залила ее щеку.

Джинелли наклонился над ней, уверенный, что она потеряла сознание. И в тот же миг она с шипением атаковала его. Одной рукой расцарапала лоб, другой — разорвала рукав его водолазки и содрала кожу вдоль руки.

Джинелли зарычал и отшвырнул ее на землю. Потом прижал дуло пистолета к ее носу.

— Что, сука, моих яиц захотела? Хочешь? Ну давай, блядь! Да-вай! Ты мне морду попортила. А теперь попытайся, доберись!

Она лежала неподвижно и смотрела на него глазами черными, как смерть.

— Что, передумала? Попробовала бы, да дед твой не перенесет такой утраты.

Она молчала, но в глазах ее мелькнул мимолетный огонек.

— Думаешь — что с ним будет, если я в самом деле плесну тебе кислотой в морду? Ну что ж, подумай, подумай. Каково ему будет, когда вместо тебя я решу умыть кислотой тех двух братишек в пижамах? Я все могу, блядь. Сделаю, и вернусь домой, и хорошо пожинаю. Посмотри мне в лицо и поймешь, что я все могу.

Теперь наконец он приметил что-то в ее лице, нечто похожее на страх — но не за себя.

— Он проклял вас, — сказал Джинелли. — Я — его проклятие.

— Насрать на проклятие этой свиньи, — прошептала она и вытерла рукой кровь с лица.

— Он просит меня, чтобы никто не пострадал, не погиб, — продолжал Джинелли. — Я все так и делал. Но нынче ночью наш мирный договор заканчивается. Не знаю, сколько раз твой дед выходил сухим из воды с такими штуками. Но сейчас номер не пройдет.

Скажи ему, чтобы снял проклятие. Скажешь, последний раз

я просил. На, возьми вот это.

Он сунул ей в руку листок бумаги. На нем был записан номер телефона-автомата в Нью-Йорке.

— Сегодня ровно в полночь ты позвонишь по этому номеру и передашь мне, что сказал дед. Если понадобится мой ответ, позвонишь спустя ровно два часа. Если от меня будет послание, передашь ему... если будет... Вот и все. Так или иначе дверь закроется. Никто никогда по этому номеру не поймет, о чем ты толкуешь после двух часов ночи.

— Дед никогда не снимет проклятия.

— Может, и так, — кивнул Джинелли. — То же самое мне твой братец сказал вчера ночью. Но это уж не твое дело. Делай как положено, и пусть он сам решит, что предпринять. Объясни ему, что, если скажет «нет», тогда начнутся настоящие бути-вуты. Первой будешь ты, потом двое пацанов, а дальше — кого сами выберем. Так ему все и скажи. А теперь — в машину.

— Нет.

Джинелли закатил глаза.

— Вы когда-нибудь поумнеете? Я просто хочу быть уверенным, что у меня достаточно времени, чтобы смыться в неизвестном направлении без хвоста из двенадцати легавых. Если бы я захотел тебя шлепнуть, то не стал бы передавать эти послания.

Девушка поднялась. Ее немного шатало, однако она влезла в машину и передвинулась на пассажирское сиденье.

— Это недалеко, — сказал Джинелли. Он вытер ладонью кровь с ольба и показал ей. — После этого я очень хочу увидеть тебя размазанной по стенке.

Джина прижалась к дверце машины подальше от него.

— Вот так хорошо, — сказал Джинелли, садясь за руль. — Так и сиди.

Он выбрался на Финсон-роуд задним ходом, не включая фар. Колеса «бьюика» слегка забуксовали. Переключил передачу с кольтом в руке. Когда Джина зашевелилась, он нацелил на нее дуло.

— Ошибка, — сказал Джинелли. — Двигаться нельзя совсем. Ты поняла?

— Поняла.

— Хорошо.

Он проехал тем же путем обратно, держа ее под прицелом.

— Всегда вот так, — с горечью произнесла она. — Даже за крохотное правосудие с нас требуют такую дорогую цену. Он твой друг, эта свинья Халлек?

— Я уже сказал, не называй его так. Он не свинья.

— Он проклял нас, — сказала девушка, и в голосе ее, помимо злости, послышалось недоумение. — Передай ему — Бог проклял нас прежде любого своего племени.

— Эти сопли рассказывай социальным работникам, бэби.

Она умолкла.

За четверть мили от того места, где в карьере был засыпан гравием Фрэнк Спартон, Джинелли остановил машину.

— О'кей. Достаточно далеко. Вылезай.

— Конечно. — Она посмотрела на него бездонными глазами. — Но одну вещь запомни, мистер. Наши дорожки еще сойдутся. Когда это случится, я убью тебя.

— Нет, — ответил он. — Не убьешь. Потому что за сегодняшнюю ночь ты мне обязана жизнью. Если тебе этого мало, неблагодарная сука, добавь жизнь своего братишки прошлой ночью. Ты все болтаешь, но так и не поняла порядка вещей в этом мире. Не поняла, почему вы бездомные. И всегда будете такими, пока небросите ваши делишки. У меня друга как воздушного змея можно запускать — только шарики подвяжи. Ну и что ты имеешь? Я скажу тебе что. Безносого деда, который проклял моего друга и смылся в夜里, как гиена.

Теперь цыганка плакала. Даже рыдала. Слезы ручейками стекали по щекам.

— Говоришь, Бог на вашей стороне? — невнятно сквозь слезы проговорила она. — Ты так сказал, да? Так будешь гореть в аду за такое кощунство. Мы, значит, гиены? Если мы такие, то это люди вроде твоего дружка сделали нас такими. Мой прадедушка говорит, что проклятий нет, есть только зеркала, которые держишь перед душами мужчин и женщин.

— Вылезай, — сказал он. — Мы не можем разговаривать. Мы даже не слышим друг друга.

— Вот уж верно.

Джина открыла дверцу и вышла. Когда Джинелли отъезжал, она закричала пронзительно:

— Твой друг — свинья и подохнет тощим!

— Но я так не считаю, — сказал Джинелли.

— Что имеешь в виду?

Джинелли посмотрел на часы. Время перевалило за три часа.

— В машине расскажу, — сказал он. — Тебе предстоит свидание в семь часов.

Билли физически ощущал страх, словно колнуло внутри.

— С ним?

— Так точно. Поехали.

Когда Билли поднялся, начался приступ аритмии — самый долгий. Он закрыл глаза и ухватился за грудь, за то, что осталось от груди. Джинелли обнял его.

— Уильям, тебе плохо?

Он посмотрел в зеркало и увидел в нем свое отражение, держащее в объятиях гротескное существо в каких-то балахонах вместо одежды. Приступ прошел, сменившись куда более знакомым чувством белой ярости, направленной против старика... и Хейди.

— Все в порядке, — сказал он. — Куда мы едем?

— В Бангор, — ответил Джинелли.

Глава двадцать третья: РАСШИФРОВКА

Они взяли «нову». Обе оценки, которые высказал о ней Джинелли, оказались справедливыми: в машине пахло коровыми лепешками, и бензин она жрала огромными порциями. Джинелли сделал остановку примерно в четыре часа и купил приличную корзину моллюсков. Припарковались на придорожной стоянке, разделались с ними и с шестью банками пива. Пара-тройка семейных групп, устроившихся на стоянке пикник за столиками, посмотрели на Билли Халлека и переместились подальше от них.

Пока ели, Джинелли закончил историю. Много времени это уже не заняло.

— Примерно в одиннадцать вечера я уже был в комнате Джона Три. Я бы и раньше туда вернулся, но сделал несколько петель и восьмерок по пути, чтобы убедиться в отсутствии хвоста. Из комнаты позвонил в Нью-Йорк и послал одного парня к телефонной будке с тем номером, что я дал девице. Попросил его подклепить микрофон и записать разговор на магнитофон. Это такая игрушка, которую используют репортеры, чтобы записывать телефонные интервью. На пересказы не хочу полагаться, Уильям. Попросил его позвонить мне с записью разговора, как только она повесит трубку.

Пока ждал звонка, продезинфицировал царапины, которые она мне сделала. Не хочу сказать, что у нее гидрофобия или что-то в этом роде, Уильям, но в ней было столько ненависти, знаешь...

— Знаю, — подтвердил Билли и мрачно подумал: еще бы не знать.
Звонок раздался в двенадцать пятнадцать. Закрыв глаза и приложив пальцы ко лбу, Джинелли воспроизвел Билли почти точный текст беседы в записи на магнитофон.

Человек Джинелли: Хелло.

Джина Лемке: Ты работаешь на человека, которого я сегодня вечером встретила?

Человек Джинелли: Можете так считать.

Джина: Передай ему — мой прадедушка говорит...

Человек Джинелли: Уменя есть «стено-контакт» на телефон. То есть вас будут записывать на магнитофон. Я прокручу запись человеку, о котором вы говорите.

Джина: Вы можете так сделать?

Человек Джинелли: Да. Так что сейчас в некотором роде вы говорите с ним напрямую.

Джина: Ну ладно. Мой прадедушка говорит, что снимет его. Я ему сказала, что он с ума сошел. Хуже того — он совершает ошибку, но он твердо стоит на своем. Говорит — хватит терзать его людей, хватит этого страха среди них. Он снимет то, что ты имеешь в виду. Но ему нужно встретиться с Халлеком. Он не может этого снять, пока не встретится. Завтра в семь часов вечера мой прадедушка будет в Бангоре. Там есть парк между двумя улицами — Юнион и Хаммонд. Он там будет сидеть на скамейке, один. Так что ты выиграл, большой человек, ты выиграл, ми хела по клокан. Пусть твой друг, эта свинья, будет в Фэйрмонт-парке, в Бангоре в семь вечера.

Человек Джинелли: Это все?

Джина: Да, за исключением того, что я желаю ему, чтобы его хер покчернел и отвалился.

Человек Джинелли: Ты это ему сама говоришь, сестричка. Но ты бы такого не сказала, если бы знала, с кем разговариваешь.

Джина: И ты? Чтоб ты сдох, сволочь!

Человек Джинелли: Ты должна позвонить сюда же в два, чтобы узнать, есть ли ответ.

Джина: Позвоню.

— Она повесила трубку, — сказал Джинелли. Он отнес пустые раковины в урну, вернулся и добавил без тени сочувствия:

— Мой парень сказал, что она говорила сквозь слезы.

386 — Господи Иисусе, — пробормотал Билли.

— Так или иначе я попросил своего человека подключить «стено» еще раз и записал послание для нее, когда позвонит в два часа. Сказал ей так: «Привет, Джина. Это специальный агент Стонер. Твое послание получил. Похоже, то, что нужно. Мой друг Уильям придет в парк в семь вечера. Он будет один, но я буду вести наблюдение. Думаю, ваши люди тоже будут наблюдать. Нормально. Пусть обе стороны следят и не мешают тому, что будет происходить между ними двумя. Если что-то случится с моим другом, вы заплатите дорогой ценой».

— На том и договорились?

— Да. Договорились.

— Значит, старик сдался.

— Я полагаю, что он сдался. Но тут возможна и ловушка. — Джинелли посмотрел на Халлека без эмоций. — Они знают, что я наблюдаю. Могут решить убить тебя на моих глазах в качестве мести мне, а потом уж решать, что делать дальше, — по обстоятельствам.

— Они так и так меня убивают, — сказал Билли.

— Или эта девица решит самостоятельно действовать. Она сумшедшая, Уильям. А безумные люди не всегда делают то, что им говорят.

Билли в раздумье посмотрел на него.

— Ну да — ты прав. Но в любом случае у меня нет выбора, верно?

— Верно. Ты готов?

Билли посмотрел на людей, глазевших на него, и кивнул. Он уже давно был готов.

Направляясь к машине, спросил:

— Неужели все это ты делаешь ради меня, Ричард?

Джинелли остановился, посмотрел ему в глаза и слегка улыбнулся. Улыбка была туманной, но в глазах отчетливо виден странный огонек. Настолько отчетливо, что Билли невольно отвел взгляд.

— Это имеет значение, Уильям?

Глава двадцать четвертая: ПУРПУРФАРГАДЕ АНСИКТЕТ

Они прибыли в Бангор во второй половине дня. Джинелли свернул к автозаправочной станции и заправился горючим до отказа. Заодно спросил, как проехать к месту встречи. Билли

ли обессиленно сидел в машине. Джинелли с явной тревогой посмотрел на него, садясь за руль.

— Уильям, как ты себя чувствуешь?

— Сам не знаю, — ответил он. Потом передумал: — Нет. Плохо.

— Сердце барахлит?

— Да. — Он подумал о полуночном докторе Джинелли, который говорил что-то про калий, электролиты... что-то насчет причины смерти Карена Карпентера. — Мне нужно что-то с калием. Ананасовый сок, бананы или апельсины. — Сердце вдруг пустилось в беспорядочный галоп. Билли откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза: ждал — наступит ли смерть. Наконец буря утихла. — Целый пакет апельсинов, — добавил он.

Впереди как раз находился магазин. Джинелли припарковал машину.

— Я сейчас, Уильям. Держись.

— Порядок, — пробормотал Билли и задремал, как только Джинелли вышел из машины. Тотчас увидел сон. Во сне перед ним был его дом в Фэйрвью. Стервятник с гниющим клювом опустился на подоконник и заглянул в окно. Изнутри послышался чей-то крик.

Потом его встряхнули за плечо, и он проснулся, вздрогнув.

— А!

Джинелли откинулся на спинку сиденья и шумно выдохнул.

— Боже мой, Уильям, ты меня так не пугай!

— О чем ты?

— Я подумал, что ты умер. На, держи. — Он положил пакет апельсинов на колени Билли. Тот начал раскрывать пакет костлявыми пальцами, напоминавшими паучьи лапки, но ничего не получилось. Джинелли карманным ножом вспорол пакет, потом разрезал апельсин на дольки. Билли сначала ел медленно, словно выполняя долг, потом увлекся. За последнюю неделю или чуть раньше у него опять появился аппетит. Сердце, похоже, успокоилось окончательно, восстановился нормальный ритм. Но, возможно, ему просто казалось так.

Съев первый апельсин, он взял у Джинелли нож и разрезал второй.

— Получше? — спросил Джинелли.

— Да. Гораздо. Когда мы отправимся в парк?

Джинелли подрулил к бровке тротуара, и Билли увидел по указателям, что они были почти на углу Юнион-стрит и Уэст-Бродвей.

Шелестели листья на деревьях под легким ветерком, двигались тени на мостовой.

— Приехали, — просто сказал Джинелли, и Билли почувствовал, как холодок пробежал по спине. — Ближе подъехать невозможно. Я тебя мог высадить в центре, но ты бы привлек внимание.

— Да, — сказал Билли. — Дети — в обмороке, у беременных — выкидыши.

— Да и пойти трудно тебе было бы, — мягко сказал Джинелли. — Ладно, все это не имеет значения. Парк прямо у подножия этого холма, четверть мили отсюда. Выбери там скамеечку в тени и жди.

— А ты где будешь?

— Неподалеку, — ответил Джинелли и улыбнулся. — Буду следить за тобой и на тот случай, если появится девица. Если она примет меня раньше, чем я ее, Уильям, мне больше никогда не придется менять сорочку. Ты понял?

— Да.

— В общем, буду держать тебя под наблюдением.

— Благодарю тебя, — сказал Билли, хотя сам не знал, что именно имел в виду. Конечно, он испытывал признательность Джинелли, но чувство было странным, трудным, вроде той ненависти, которую временами испытывал к Хустону и жене.

— Пор нада, — ответил Джинелли и пожал плечами. Он наклонился, обнял Билли и крепко поцеловал его в обе щеки. — Будь же стким и решительным со старым улюдком, Уильям.

— Буду, — пообещал Билли с улыбкой и выбрался из машины. Потрепанная «нова» укатила прочь. Билли смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом в конце квартала. После этого направился к холму, раскачивая пакет апельсинов в руке.

Он едва заметил маленького мальчишку, который внезапно перелез через забор и бросился бежать по двору дома. В ту ночь этот мальчик проснеться от кошмара с криком. В его сне огородное пугало с развеивающимися волосами на черепе будет гнаться за ним. Бросившись на него крик мать услышит слова мальчика: *Оно хочет заставить меня есть апельсины, пока я не помру! Есть их, пока не помру!*

Парк был широким, прохладным и тенистым. Сбоку группа детишек карабкалась на гимнастические лесенки, скатывалась с горок. Подальше мальчики командой играли в мяч против девочек. А вокруг прогуливались люди, запускали воздушных змеев, жевали конфетки, пили кока-колу. Типичная картинка американского лета последней половины двадцатого века. На мгновение Билли ощущил теплоту к ним и ко всей этой картине.

Не хватает только цыган, подсказал внутренний голос, и снова холодок пробежал по спине, посеяв мурашки на коже.

Билли скрестил руки на костлявой груди. Нужны цыгане, разве не так? Легковые машины-универсалы с наклейками на ржавых бамперах, трейлеры, фургоны с намалеванными картинами, потом Сэмюэл с булавами из кегельбана и Джина с рогаткой. И тут же все собираются поглазеть, увидеть жонглера, попробовать стрельнуть из рогатки, погадать, добыть микстуру или мазь, договориться с цыганкой насчет постели — или, на худой конец, помечтать об этом, понаблюдать, как собаки рвут друг друга на части. Потому все и собираются — уж очень странное зрелище. Конечно же, нам цыгане нужны. И всегда были нужны.

Что же, скоро они появятся, верно?

— Верно, — сказал он и сел на скамейку, которая почти полностью спряталась в тени. Ноги его внезапно задрожали и утратили силу. Вынув из пакета апельсин, он кос-как сумел его разломить. Но аппетит снова пропал, и съел он совсем немного.

Скамейка находилась в стороне, и Билли не привлекал к себе внимания, по крайней мере с дальнего расстояния. Вроде бы сидел какой-то тощий старик и дышал чистым вечерним воздухом.

Он сидел, а тень медленно перемещалась по земле. Им овладело почти фантастическое чувство отчаяния и безысходности, куда более темное, чем эти невинные летние тени. Слишком далеко все зашло. Ничего уже нельзя было исправить. Даже Джинелли с его невероятной энергией не способен изменить того, что произошло. Он только ухудшал ситуацию.

«Мне совсем не следовало...» — подумал Билли, но что именно не следовало делать, угасло как плохой радиосигнал. Он снова дремал и находился в Фэйрвью — городе живых трупов. Они лежали повсюду. Что-то резко клюнуло его в плечо.

Нет.

Снова клюнуло.

Нет!

Удары клюва последовали вновь и вновь. Конечно же, стервятник с гниющим клювом. Он боялся повернуть голову из опасения, что тот выклюнет ему глаза остатками своего черного клюва. Но (Тюк!) стервятник настаивал, и он

(Тюк! Тюк!)

медленно повернул голову, выплывая из сна и видя... без особого удивления, что возле него на скамейке сидел Тадуз Лемке.

— Проснись, белый человек из города, — сказал он и стукнул корявым, пропитанным никотином пальцем по его пле-

чу. (Тюк!) — Твои сны плохие. Они смердят. Я ощущаю их запах с твоим дыханием.

— Я не сплю, — невнятно ответил Билли.

— Точно? — с интересом спросил Лемке.

— Точно.

Старик был в сером двубортном костюме и черных полусапожках. Жиденькие волосы, зачесанные назад, открывали лоб, изображеный морщинами. Золотой тонкий обруч висел на мочке уха.

Билли увидел, что гниение прогрессировало на его лице и черные линии расходились от зияющей дыры носа по левой щеке.

— Рак, — сказал Лемке. Его яркие черные глаза — глаза птицы — не отрывались от лица Билли. — Ты рад, что у меня рак? Счастлив?

— Нет, — ответил Билли. Он все еще пытался отогнать кошмарные видения сна, зацепиться за реальность. — Конечно, нет.

— Не ври, — сказал Лемке. — Не надо. Ты рад. Конечно же, рад.

— Ничему я не рад, — ответил он. — Мне тошно от всего, поверь.

— Я никогда не верю тому, что мне говорят белые люди из города, — сказал Лемке. Говорил он с какой-то зловещей искренностью. — Но ты болен, да. Ты так думаешь. Ты настан фарск — умирающий от похудания. Вот я и принес тебе кое-что. Оно поможет тебе прибавить в весе. Тебе станет лучше. — Губы старика раздвинулись в гадкой улыбке, обнажив коричневые пеньки зубов. — Но только когда кто-нибудь другой поест этого.

Билли посмотрел на то, что Лемке держал у себя на коленях, и увидел (с ощущением дежа-вю — уже виденного некогда), что это был пирог на стандартной тарелке из алюминиевой фольги. Вспомнил собственные слова, произнесенные во сне своей жене: «Я не хочу поправляться. Я решил, что мне нравится быть худым. Ты ешь его».

— Вижу, ты испугался, — сказал Лемке. — Поздно путаться, белый человек из города.

Он вытащил из пиджака карманный складной нож и раскрыл его со старческой медлительностью и продуманностью движений. Лезвие было покороче, чем у складного ножа Джинелли, но выглядело остree.

Старичок проткнул ножом корочку и прорезал щель дюйма три длиной. Убрал лезвие, и с него упали красные пятна, оставив на поверхности пирога темные подтеки. Старик вытер лезвие о рукав своего пиджака, оставил и на нем темные пятна. Затем сложил нож и положил в карман. Корявыми большими пальцами он ухватил пирог за края и раздвинул щель посередине, обнажив тягучую

жидкость внутри, в которой плавали темные комки, возможно, земляника. Расслабил пальцы, и щель закрылась. Потом вновь нажал и раскрыл ее. Снова закрыл. Опять открыл и закрыл, при этом продолжая говорить. Билли не в силах был оторвать взгляда от пирога.

— Значит, ты убедил себя, что это... Как ты назвал его? Толчок. Толчок судьбы. Что случившееся с моей Сюзанной — не более твоя ошибка, чем моя, ее или Господа Бога. Ты говоришь о себе, что с тебя нельзя требовать расплаты за содеянное, мол, не за что тебя обвинять. Как с гуся вода. Не за что винить, говоришь? И все убеждаешь себя и убеждаешь. Но никакого такого толчка нету, белый человек из города. Каждый расплачивается даже за то, чего не совершал. Нету толчка судьбы.

Лемке на некоторое время задумался. Его большие пальцы двигались рассеянно, щель в пироге открывалась и закрывалась.

— Раз вы вины на себя не принимаете — ни ты, ни твои друзья, я заставил тебя принять ее. Я наложил ее на тебя — как знак. Сделал это за мою дорогую погибшую дочь, которую ты убил, за ее мать, за ее детей. А потом является твой друг. Он отправляет собак, стреляет ночью, позволяет себе рукоприкладство с женщиной, грозится облить детей кислотой. Сними проклятие, говорит он. Сними, говорит, да сними. Я наконец говорю — о'кей, если ты подол энкельт — уберешься отсюда! Не от того, что он натворил, а от того, что собирался совершить. Он сумасшедший, этот твой друг, и он никогда не остановится. Даже моя Джелина говорит, что по глазам его видит — он никогда не остановится. «Ну и мы никогда не остановимся», — говорит она. А я говорю — нет, остановимся. Мы остановимся. Потому что иначе мы такие же сумасшедшие, как другой человека из города. Если мы не остановимся, значит, мы считаем правильным, когда белый человек говорит: Бог отплачивает за все, это — такой толчок.

Сжатие и разжатие. Сжатие и разжатие. Открыто и закрыто.

— Сними, говорит, его. Не говорит: «Сделай так, чтобы оно исчезло, сделай, чтобы его больше не было». А ведь проклятие — вроде младенца.

Корявые старческие пальцы потянули, и щель раскрылась широко.

— Никто этих вещей не понимает. Даже я. Но немножко знаю. «Проклятие» — это ваше слово, но на роме оно получше. Слушай: Пурпурфаргаде ансиктет. Слыхал такое?

Билли медленно покачал головой, подумав, что звучит

— Означает примерно — «Дитя ночных цветов». Вроде ребенка, который варсель, — дитя, подкинутое эльфами. Цыгане говорят, варсель всегда находят под лилией или пасленом, который распускается ночью. Так говорить лучше, потому что проклятие — это вещь. То, что у тебя, — не вещь. То, что ты имеешь, оно — живое.

— Да, — сказал Билли. — Оно внутри, верно? Оно поедает меня изнутри.

— Внутри? Снаружи? — Лемке пожал плечами. — Везде. Пурпурфаргаде ансиктет — ты произносишь его в мир, как младенца. Только оно растет быстрее младенца, и ты не можешь убить его, потому что не можешь увидеть его и то, что оно делает.

Пальцы расслабились. Щель закрылась. Тонкая алая струйка потекла по корке пирога.

— Это проклятие... ты декент фельт о гард да борг. Будь с ним как отец. Ты все еще хочешь от него избавиться?

Билли кивнул.

— Все еще веришь в свой этот «толчок»?

— Да, — сдавленно произнес он.

Старый цыган с гниющим носом улыбнулся. Черные трещины под левой щекой углубились, сморщились. Между тем парк почти опустел. Солнце приближалось к горизонту, и тени полностью накрыли их. Неожиданно раскрытый нож снова оказался в руке Лемке.

Он сейчас ударит меня, тупо подумал Билли. Ударит в сердце и скроется со своим пирогом под мышкой.

— Развяжи руку, — сказал Лемке.

Билли посмотрел на перебинтованную руку.

— Да, где она тебя прострелила.

Билли развязал бинт и начал медленно разматывать. Ладонь выглядела слишком белой, словно некая рыба. По контрасту, края раны были почти черными, цвета печени. Такого же цвета, как то, что внутри пирога, подумал Билли. Клубника. Или еще что-то. Рана утратила округлость формы, поскольку края ее опухли и сблизились. Она напоминала теперь...

Щель, подумал Билли, переводя взгляд на пирог.

Лемке протянул ему нож.

Откуда я знаю — не покрыл ли ты его ядом кураре, или цианидом, или еще чем-нибудь подобным? Хотел было спросить и передумал. Причиной тому был Джинелли. Джинелли и Проклятие Белого Человека из Города.

Костяная ручка удобно легла в ладонь.

— Если хочешь избавиться от пурпурфаргаде ансиктет, сперва отдай его пирогу... а потом отдай пирог с младенцем-проклятием внутри — кому-нибудь другому. Но сделать это надо скоро, иначе вернется к тебе вдвойне. Ты понял?

— Да, — ответил Билли.

— Ну, тогда делай, если хочешь, — сказал Лемке. Его пальцы вновь раздвинули корку пирога.

Билли поколебался, но лишь одно мгновение — лицо дочери возникло перед мысленным взором. Образ был ярким, как на цветном снимке: она с улыбкой обернулась к нему через плечо, держа жезлы с красно-белыми шарами.

Ошибаешься насчет толчка, стариk, подумал он. Хейди за Линду. Мою жену и за дочь. Вот он, толчок судьбы.

Он ткнул нож Лемке в щель на своей ладони. Заживающая рана немедленно раскрылась. Кровь потекла в щель пирога. Смутно осознал, что Лемке что-то торопливо говорит на роме. Его черные глаза неотрывно смотрели на белое истощенное лицо Билли.

Повернул нож в ране, наблюдая, как опухшие края приняли вновь круглую форму. Кровь потекла быстрее. Боли не чувствовал.

— Энкельт! Хватит.

Лемке забрал у него нож. Билли внезапно почувствовал, что силы полностью покинули его. Обмяк, прислонившись к спинке скамейки, ощущая одновременно тошноту и опустошенность. Подумал: наверное, так чувствует себя женщина, разрешившаяся от бремени. Потом посмотрел на руку и обнаружил, что кровотечение прекратилось.

Нет! Такое невозможно!

Посмотрел на пирог, лежавший на коленях Лемке, и увидел нечто еще более невероятное. Только это невероятное произошло на его глазах. Стариk отодвинул пальцы, щель снова закрылась... и вдруг просто исчезла. Корка была совершенно целой. В центре — две дырочки, какие обычно протыкают в пирогах хозяйки. На месте щели была зигзагообразная морщинка, и все.

Он перевел взгляд на руку и не увидел ни крови, ни раны, ни разорванной плоти. Рана полностью исчезла, оставив лишь короткий белый рубец. Он тоже был зигзагообразным и пересекал линии судьбы и сердца, подобно молнии.

— Это твое, белый человек из города, — сказал Лемке и переложил пирог на колени Билли. Его первым импульсом было желание сбросить прочь подарок цыгана, избавиться как от под-

брошенного ему огромного паука. Пирог был теплым, и казалось, что внутри у него пульсировало что-то живое.

Лемке встал, посмотрел на него сверху вниз.

— Теперь ты чувствуешь себя лучше? — спросил он.

Билли осознал, что помимо странного чувства в отношении предмета, лежавшего у него на коленях, ему и в самом деле стало лучше. Слабость прошла. Сердце билось в нормальном ритме.

— Немного, — осторожно сказал он.

Лемке кивнул.

— Теперь будешь набирать вес. Но через неделю, может быть, через две начнешь снова терять вес. Только на этот раз до конца и без задержек. Если только не найдешь того, кто съест пирог.

— Да.

Взгляд Лемке был неподвижен.

— Ты уверен?

— Да! Да! — воскликнул Билли.

— Мне тебя немножко жалко, — сказал Лемке. — Не очень, но немножко. Когда-то ты мог быть покол — сильным. Теперь твои плечи сломаны. Не твоя ошибка... есть другие причины... у тебя есть друзья. — Он холодно улыбнулся. — Почему бы тебе не съесть твой собственный пирог, белый человек из города? Ты умрешь, но умрешь сильным.

— Уходи, — сказал Билли. — Я совершенно не понимаю, о чем ты говоришь. Наши дела завершены — вот и все, что я знаю.

— Да, наше дело завершено. — Взгляд старика коротко переместился на пирог, потом снова на лицо Билли. — Будь осторожен. Смотри, кто съест еду, предназначенную для тебя, — сказал он и пошел прочь.

На аллее обернулся. То был последний раз, когда Билли увидел невероятно древнее, невероятно утомленное лицо старика.

— Нету толчков, белый человек из города, — сказал Тадуз Лемке. — Никогда. — Он повернулся и пошел дальше.

Билли сидел на скамейке и наблюдал, пока старики совсем не скрылся.

Когда Лемке исчез в вечернем сумраке, Билли поднялся и пошел обратно. Сделав шагов двадцать, вспомнил, что забыл кое-что. Вернулся к скамейке и забрал пирог. Он был еще теплым и словно слабо пульсировал. Только теперь это не вызывало особого отвращения. Подумал: ко всему можно привыкнуть.

После этого он пошел в направлении Юнион-стрит.

На полпути к тому месту, где Джинелли высадил его, увидел голубую «нову», припаркованную у тротуара. И тогда он впервые осознал, что проклятие и в самом деле покинуло его.

Он был еще ужасно слаб, и сердце время от времени давало сбои («Будто идешь и поскользываешься на чем-то маслянистом», — подумал он), но оно исчезло. И теперь он точно понял, что имел в виду Лемке, когда говорил, что проклятие — живое существо, нечто вроде слепого младенца, который находился внутри него, питаясь им же. Пурпурфаргаде ансиктет. Оно ушло.

Теперь он явно ощущал, что пирог медленно пульсирует. Когда он посмотрел на пирог, то отчетливо увидел, что корка едва заметно ритмично шевелится, а стандартная тарелочка из толстой фольги продолжала сохранять тепло. Оно спит, подумал Билли, и его пробрала дрожь. Почувствовал, что словно бы несет спящего дьявола.

«Нова» стояла задними колесами на тротуаре, наклонившись передней частью к мостовой. Подфарники светились.

— Все закончено, — сказал Билли, открывая дверь для пассажира рядом с водителем. — Все по...

Он чуть не сел, но застыл на месте. В вечерних сумерках Билли едва не усился на оторванную кисть руки своего друга. Она была ската в кулак, из разорванной плоти сочилась кровь на обивку сиденья. Сжатая в кулак кисть была наполнена шариками от подшипника.

Глава двадцать пятая: 122

— Ты где? — Голос Хейди был раздраженным, испуганным, усталым. Билли не особенно удивился тому, что никаких чувств в нем этот голос не вызвал. Даже любопытства.

— Не имеет значения, — сказал он. — Я еду домой.

— Он узрел свет! Благодарение Богу! Наконец он увидел свет! На какой аэродром приземлился? Ла-Гуардиа? Кеннеди? Я заеду за тобой.

— Я за рулем, — ответил Билли. Сделал паузу. — Я хочу, чтобы ты позвонила Майку Хустону, Хейди, и сказала ему, что ты передумала насчет вашего с ним договора.

— Насчет чего? Билли, что?.. — По изменению ее интонации он понял: она точно знала, о чем идет речь, — испу-

ганный тон ребенка, попавшегося на краже конфеток. И вдруг его терпение иссякло.

— Невменяемое состояние, — сказал он. — Сошел с ума и опасен, короче говоря. Я уладил свою проблему и счастлив буду отправиться туда, куда вы решили меня поместить, — в клинику Глассмана, в санаторий для душевнобольных, в дурдом, на акупунктуру. Но если меня легавые сцапают, когда я въеду в штат Коннектикут, и упрячут меня в дурдом Норуока, ты, Хейди, об этом очень сильно пожалеешь.

Она заплакала.

— Мы только делали то, что считали наилучшим для тебя, Билли. Когда-нибудь поймешь.

В голове зазвучал голос Лемке. *Не твоя ошибка... есть другие причины... у тебя есть друзья.* Отбросил прочь воспоминание, но мураски успели поползти по спине, рукам, даже по шее к лицу.

— Ты только...

Он замер, услышав теперь голос Джинелли. *Ты только сними его. Сними. Уильям Халлек сказал, чтобы ты снял с него проклятие.*

Рука. Кисть руки на сиденье. Широкий золотой перстень с алым камнем — рубином, наверное. Темные тонкие волоски на нижних суставах. Рука Джинелли.

Билли с трудом проглотил, в горле щелкнуло.

— Ты только объяви эту бумагу аннулированной, теряющей силу, — сказал он.

— Хорошо, хорошо, — торопливо согласилась она и снова попыталась оправдаться: — Мы ведь... я только сделала все ради... Билли, ты становился таким худым и говорил такие безумные вещи...

— О'кей.

— Ты говоришь таким тоном, словно ненавидишь меня, — сказала она и снова расплакалась.

— Не будь глупой, — сказал он, в общем-то не отрицая. Голос его стал спокойнее. — Где Линда? Она дома?

— Нет, она опять уехала на несколько дней к Роде. Она... понимаешь, она расстроена очень всем этим.

Еще бы, подумал он. Она побывала прежде у Роды и вернулась домой. Знал, потому что сам говорил с ней по телефону. И вот снова туда уехала. Что-то в словах Хейди навело на мысль о том, что на сей раз дочь поехала по собственной воле. Не узнала ли она, что ты и твой старый Майк Хустон работали сообща над тем, чтобы ее отца признали сумасшедшими? Не так ли все произошло, Хейди? Впрочем, это не имело значения. Линда уехала — вот что было важно.

Взгляд его упал на пирог, который он положил на телевизор в номере мотеля в Норт-Ист-Харборо. Корка медленно едва заметно пульсировала вверх и вниз, словно билось некое кошмарное сердце. Важно было, чтобы дочь не подходила близко к этой вещи. Это было опасно.

— Лучше пусть она там побудет, пока мы не утрясем наши проблемы, — сказал он.

На другом конце провода Хейди громко всхлипывала. Билли спросил ее, в чем дело.

— В тебе все дело. Ты говоришь так холодно.

— Ничего, разогреюсь, — ответил он. — Не беспокойся.

Какой-то момент она проглатывала свои всхлипывания, пытаясь овладеть собой. Он ждал, когда она успокоится, не испытывая нетерпения — лишь полное равнодушие. Ужас, который он испытал, обнаружив, что предмет, лежащий на сиденье, рука Джинелли, был последней сильной эмоцией нынче вечером. За исключением припадка безудержного смеха — несколько позднее, разумеется.

— Как ты выглядишь? — спросила она наконец.

— Пошло некоторое увеличение веса. Достигло ста двадцати двух.

Она ахнула.

— На шесть фунтов меньше, чем в день твоего отъезда!

— На шесть фунтов больше, чем мой вчерашний вес, — спокойно заметил он.

— Билли... я хочу, чтобы ты знал — мы все-все можем уладить, сможем понять друг друга, поверь. Самое главное, чтобы ты поправился, а потом уж все выясним. Если нужно, поговорим с кем ты захочешь, чтобы все было начистоту. Я на все согласна. Ну просто мы... мы...

О Боже, сейчас опять завоет, подумал он. Но был удивлен ее словами, сказанными вслед за тем. Они даже тронули его, и на какой-то миг она стала прежней Хейди, а он — прежним Биллом Халлем. Даже мимолетно подивился своей черствости.

— Я брошу курить, если хочешь, — сказала она.

Билли посмотрел на пирог на телевизоре. Корка медленно колыхалась вверх и вниз, вверх и вниз. Вспомнил, как темно было, когда старый цыган надрезал ее ножом. Что за красные комки лежали внутри него? Клубника? Нечто живое? Подумал о собственной крови, которая стекала в пирог из раны. Подумал о Джинелли. Волна человеческой теплоты пропала.

— Лучше не бросай, — сказал он. — Когда бросаешь курить, становишься жирным.

Позднее он лежал на застеленной кровати, заложив ладони за голову и глядя в темноту. Было без четверти час ночи, но спать абсолютно не хотелось. Только теперь, во мраке, разрозненные воспоминания о том промежутке времени, который прошел между обнаружением оторванной руки Джинелли и его разговором по телефону с женой, улеглись в последовательности.

Какой-то слабый звук слышался в его комнате.

Нет.

Звук был. Похожий на дыхание.

Нет, это не было игрой воображения. Такие слова — для его жены, но не для Билла Халлека. Ему-то лучше было ведомо, что некоторые странные вещи вовсе не были игрой воображения. Раньше в это поверил бы, но не теперь. Корка шевелилась, как кожа над живой плотью. Он знал, что даже теперь, спустя шесть часов с тех пор, как Лемке вручил ему пирог, алюминиевая фольга под ним по-прежнему теплая.

Пурпурфаргаде ансиктет, пробормотал он в темноте, и прозвучало это как заклинание.

Когда он посмотрел на руку, то просто увидел ее. Но когда спустя секунду осознал, что видит, с криком отпрянул прочь, толкнув машину. От движения рука качнулась туда-сюда, словно во французском жесте «так себе». Два шарика выкатились из нее и застряли между сиденьем и спинкой.

Билли снова вскрикнул и вцепился пальцами в нижнюю губу, глаза его широко раскрылись, сердце дало сбои.

Он смутно осознал, что пирог вываливается из его руки и вот-вот упадет на пол, разваливаясь.

Билли вовремя подхватил его. Аритмия ослабела, вернулось дыхание. И холод, который услышала потом в его голосе Хейди, постепенно начал охватывать его. Джинелли, возможно, был мертв. Нет, «возможно» — выброси. Что он сказал? *Если она приметит меня раньше, чем я ее, Уильям, мне никогда больше не поменять своей сорочки.*

Ну, так и скажи это вслух.

Нет, такого делать не хотелось. Не хотелось больше смотреть на эту кисть руки. Однако делал и то и другое.

— Джинелли погиб, — сказал он. После паузы добавил: — Джинелли мертв, и я ничего с этим не могу поделать. Только убраться отсюда, прежде чем полиция...

Он посмотрел на руль, увидел, что ключи торчат в зажигании, на них брелок с портретом Оливии Ньютон Джон.

Подумал, что Джина вернула ключи на место, когда принесла руку. Она занялась Джинелли, но не стала нарушать обещания, которое дал ее прадедушка другу Джинелли, знаменитому белому человеку из города. Ключ предназначался ему. Вспомнил, что Джинелли вытащил эти ключи из кармана мертвого человека. Теперь девушка на-верняка сделала то же самое. Но ужаса эта мысль не вызвала.

Теперь его рассудок холодел, и он был этим доволен.

Халлек вышел из «новы», положил пирог на сиденье, обошел машину и сел на водительское место. Когда уселся, оторванная кисть закачалась в том же жесте. Билли открыл ящичек и извлек потрепанную карту штата Мэн. Развернул и накрыл сю руку. После этого завел автомобиль и поехал по Юнион-стрит.

Спустя минут пять он обнаружил, что едет в противоположном направлении, на запад, а не на восток. Но к этому моменту увидел впереди золотую арку «Макдоналдса». Живот охватило мимолетной спазмой. Билли подкатил к прилавку. Из репродуктора послышался голос:

— Добро пожаловать к «Макдоналдсу». Что пожелаете?

— Три биг-мака, пожалуйста, две большие порции жареной картошки и кофе с молоком.

Как в прежние времена, подумал он и улыбнулся. Лопал все на ходу, не вылезая из машины, избавлялся от оберток и крошек, и ни губу Хейди, когда приходил домой.

— Желаете к этому десерт?

— Обязательно. Вишневый пирожок. — Он кинул взгляд на карту, лежавшую подле него. Уверен был, что возвышенность западнее Огюсты была рукой Джинелли. В голове слегка помутилось. — И еще то же самое — в пакет для моего друга, — сказал он и засмеялся.

Голос повторил его заказ и заключил:

— Ваш заказ стоит шесть девяносто, сэр. Проезжайте дальше.

— Конечно, — ответил Билли, смеясь. — Только и всего. Проехал, заказал, получил, и туд-бай. — Он снова засмеялся и тут же почувствовал желание избавиться от странного воодушевления.

Девушка подала ему в окно два теплых пакета. Билли уплатил, получил сдачу и поехал дальше. Подъезжая к концу здания, он притормозил, сгреб карту с рукой внутри и положил все в мусорный ящик, на котором был изображен танцующий Рональд Макдоналдс, с надписью внизу: **КЛАДИТЕ МУСОР НА МЕСТО.**

— Только и всего, — повторил Билли. Он потер ладонью колено и снова засмеялся. — Просто положил мусор на место.

400 Пусть там лежит.

Поскольку кто-нибудь мог заметить его в «нове», а там и проверить, как он «массажировал ее пальчиками», как говаривали его коллеги-юристы, он проехал миль сорок от Бангора и там решил протереть машину. Нельзя оставлять никаких следов. Выйдя из автомобиля, он снял свой спортивный плащ, сложил его наизнанку и тщательно протер все места, которых мог коснуться хотя бы невольно.

Затем аккуратно подкатил к ближнему мотелю, припарковался на единственном свободном месте, извлек платок и еще раз стер все следы с руля, рычага, дверной ручки, забрал пирог и покинул машину. Огляделся по сторонам. Усталая мать прогуливавлась с не менее усталым малышом. Два старика стояли возле конторы, о чем-то толкая. Больше никого не было и никто не глянул в его сторону. Из номеров мотеля доносились звуки телевизоров. Со стороны Бар-Харбора слышались глухие удары рока. Там начинался обычный летний праздничный вечер.

Билли пошел пешком к центру города, ориентируясь на звук самого громкого рока. Он доносился из бара под названием «Солнечный Пес». Как и надеялся Билли, возле него стояли три свободных такси, поджидавших какого-нибудь пьяницу. За пятнадцать долларов один из них согласился довезти его до Норт-Ист-Харбора.

— Я смотрю, свой ужин носите с собой, — заметил водитель, когда Билли сел в машину.

— Или чай-нибудь, — ответил Билли со смешком. — Все дело в этом. Главное, чтобы кое-кто поел.

Таксист с сомнением посмотрел на него в зеркальце заднего обзора, пожал плечами.

— Как скажете, дорогой. Лишь бы платили.

Спустя полчаса он уже говорил по телефону с Хейди.

Теперь он лежал в своем номере и прислушивался к звукам дыхания в темноте. Внешне выглядело, как пирог, но на самом деле представляло собой лягушку, которое он и старый цыган создали вместе.

Джина, подумал он рассеянно. Где она сейчас? Не трогай ее — вот что я сказал Джинелли. Но, думаю, если бы я добрался до нее, я бы лично с ней разделялся за то, что она сотворила с Ричардом. Руку ей оторвать? О нет. Я бы послал деду ее банку... Напихал бы ей полный рот шариков и подбросил бы ему. Это к лучшему, что я не знаю, где она. Никто, похоже, не знает, как такие вещи начинаются. Бывает — сначала люди спорят, а потом обе стороны утрачивают истину, если она им мешает. Один убивает другого. В ответ — тоже одно убийство. Потом они убивают двоих, а мы в ответ — 401

троих. Они взрывают аэропорт, а мы в ответ — школу. Кровь стекает в придорожные кюветы. Вот так оно и случается. Кровь в кюветах. Кровь...

Билли спал, не зная сам, что спит. Просто его мысли перешли в серию кошмарных видений. В одном из них он убивал, в другом — его убивали. Но на фоне всех снов что-то дышало и пульсировало. Увидеть этого он не мог, потому что оно жило внутри него.

Глава двадцать шестая: 127

ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ МОГЛА БЫТЬ РАЗБОРКОЙ МЕЖДУ ГАНГСТЕРАМИ

Застреленный насмерть человек был найден прошлым вечером в подвале многоквартирного здания на Юнион-стрит и опознан как крупный гангстер Нью-Йорка. Ричард Джинелли, известный в криминальных кругах под кличкой Ричард Молоток, представлял перед судом трижды: за рэкет, распространение наркотиков и за убийство. Совместное расследование дела Джинелли со стороны государственных органов и ФБР было прекращено в 1981 году после насильтвенной смерти нескольких свидетелей.

Источник, близкий к генеральному прокурору штата Мэн, сообщил прошлой ночью, что версия гангстерской разборки возникла еще до того, как труп был опознан в связи со странными обстоятельствами убийства. Согласно этому источнику, кисть одной руки была у Джинелли оторвана, а на лбу было написано слово «свинья».

Джинелли, судя по всему, был застрелен тремя выстрелами из крупнокалиберного оружия. Однако специалисты по баллистике до сих пор не сообщили своего мнения на этот счет, сказав только, что и здесь все «выглядит необычно».

Сообщение было напечатано на первой полосе бангорской «Дэйли ньюс», которую Билли Халлек купил утром. Он вновь просмотрел сообщение, поглядел на снимок здания, в подвале которого был обнаружен его друг, затем сложил газету и сунул в мусорный ящик, на котором под гербом штата Коннектикут было написано:
402 КЛАДИТЕ МУСОР НА МЕСТО.

— Вот такие дела, — сказал он.

— Что вы сказали, мистер? — Это была девочка лет шести с бантом на голове и пятнами шоколада на подбородке. Она прогуливалася собачку.

— Ничего, — ответил Билли и улыбнулся ей.

— Марси! — закричала издали мать девочки. — Иди сюда!

— До свидания, — сказала Марси.

— До свидания, миленькая. — Билли понаблюдал, как она идет к матери. Белый пудель семенил рядышком. Мать принялась ее за что-то отчитывать, а Билли стало жаль девочку, которая напомнила ему о Линде, когда той было тоже шесть лет.

Но вместе с тем он ощущал внутренний подъем. Одно дело, когда весы сообщают тебе, что ты вернул одиннадцать фунтов веса, но куда лучше, когда к тебе обращаются, как к нормальному человеку. Пусть даже это шестилетняя малышка с собачкой. Возможно, она верила в то, что на свете много людей, похожих на огородное пугало.

Вчерашний день Билли провел в Норт-Ист-Харборе не столько ради отдыха, сколько ради восстановления здравого рассудка. Казалось, все в порядке, все нормализуется, но достаточно было взглянуть на пирог, лежащий на телевизоре, и вновь становилось не по себе.

Ближе к вечеру он положил его в багажник машины. Стало немного легче.

Когда стемнело и чувство одиночества усилилось, он достал свою потрепанную записную книжку и позвонил Роде Симпсон. Спустя минуту он уже говорил с Линдой, которая была в восторге, услышав его голос. Она в самом деле узнала о заговоре матери. Истина дошла до нее вполне предсказуемым путем. Майкл Хустон рассказал все своей жене. Жена рассказала старшей дочери, возможно, в пьяном состоянии. Линда с этой девочкой поссорилась из-за мальчика прошлой зимой, поэтому Саманта Хустон помчалась со всех ног к Линде, чтобы сообщить ей, что ее дорогая мамочка изо всех сил пытается упрятать ее долгого папочку в дурдом, чтобы он научился плести корзинки.

— И что ты ей сказала? — спросил Билли.

— Я ей сказала, чтобы она себе в задницу засунула зонтик, — ответила Линда, и Билли рассмеялся, хотя слезы текли из его глаз. Но отчасти испытывал грусть. Он отсутствовал меньше трех недель, а голос его дочки звучал так, словно она стала на три года старше.

Линда сразу же направилась домой, чтобы выяснить у матери — правду ли сказала Саманта Хустон.

— Ну и что дальше? — спросил Билли.

— Мы здорово поругались, а потом я заявила, что хочу снова поехать к тете Роде. Она ответила, что это неплохая идея.

Билли немного помолчал, потом сказал ей:

— Не знаю, Лин, нужно мне тебе это говорить, но я вовсе не сумасшедший.

— Ой, пап! Ну я же знаю и так! — ответила она чуть ли не презрительно.

— К тому же я пошел на поправку и начал прибавлять в весе.

Она радостно взвизгнула — пришлось отодвинуть трубку от уха.

— Правда? Ой! Это точно?!

— Точно.

— Папочка! Как здорово! Но ты правду говоришь? Не обманываешь?

— Честное слово бойскаута, — ответил он, улыбаясь.

— А когда ты домой придешь?

И Билли, который на следующий день, буквально завтра, собирался войти в дверь собственного дома не позднее десяти вечера, ответил:

— Примерно через неделю, дорогая моя. Хочу еще немного поправиться для начала. Пока что еще выгляжу довольно скверно.

— А-а-а... — протянула Линда разочарованно. — Ну ладно...

— Но когда соберусь вернуться, я тебе непременно позвоню, по крайней мере часов за шесть до своего прибытия, — сказал он. — Приготовиши нам свое фирменное блюдо. Вроде того, что ты сделала, когда мы вернулись из Мохонка, помнишь?

— Да я такую хреновину... Оп! Извини, папуля.

— Прощаю, — сказал он. — А пока оставайся там, с котятами Роды. И чтоб больше никаких перебранок с мамой.

— Все равно не хочу туда возвращаться, пока ты не приедешь, — сказала она. В голосе ее явно прозвучала упрямая решительность. Заметила ли Хейди этот новый тон Линды? Видимо, да. Отсюда, наверное, и ее тон отчаяния, когда говорила с ним вчера по телефону.

Он сказал Линде, как любит ее, и положил трубку. Сон пришел легче во вторую ночь, но сновидения по-прежнему были кошмарными. В одном из них он слышал вопли Джинелли из багажника машины — тот требовал его освободить. Но когда Билли открыл багажник, то обнаружил там не Джинелли, а окровавленного младенца со старческими мудрыми глазами Тадзу Лемке. В ухе младенца была золотая серьга в виде обруча. Голый младенец протянул ручки к Билли и улыбнулся. Его зубы оказались серебряными иглами.

Пурпурфургаде ансиктет, сказала дитя нечеловеческим голосом, и Билли проснулся, дрожа в холодном рассвете атлантического побережья.

Двадцать минут спустя он выписался из мотеля и снова поехал к югу... В четверть восьмого сделал остановку, чтобы как следует по-завтракать. Но кусок застрял в горле, когда развернул в ресторане купленную газету.

Однако пообедать мне это не помешало, подумал он, возвращаясь к арендованному автомобилю. Потому что вернуть свой вес — это самое главное.

Пирог лежал на соседнем сиденье по-прежнему теплый и пульсирующий. Он бросил на него взгляд, завел машину, выехал задним ходом со стоянки и отправился в путь. Рассчитал, что будет дома через час, и им овладело странное и неприятное чувство. После двадцати миль езды он определил это чувство как волнение.

Глава двадцать седьмая: ЦЫГАНСКИЙ ПИРОГ

Халик припарковал арендованную машину позади собственного «бьюика», подхватил свой скучный багаж и направился к двери через лужайку. Белый дом с ярко-зелеными ставнями на окнах, этот неизменный символ семейного комфорта и добра, теперь выглядел странным, почти чужим.

Белый человек из города жил здесь, подумал он, но я не уверен, что он в конце концов вернулся домой. Этот парень, который пересекает сейчас лужайку, чувствует себя больше как цыган. Очень худой цыган.

Дверь с двумя элегантными фонарями по бокам раскрылась, и Хейди вышла на крыльце. На ней были красная юбка и белая безрукавка. Билли не помнил, чтобы когда-нибудь видел ее на ней прежде. Волосы ее оказались очень коротко подстрижены. В какой-то миг он подумал, что это вовсе не Хейди, а незнакомка, немного похожая на нее. Она посмотрела на него, лицо — слишком бледное, глаза — слишком темные, губы дрожали.

— Билли?

— Это я, — сказал он и остался на месте.

Оба стояли и смотрели друг на друга: Хейди с выражением рухнувших надежд, Билли — не испытывая вообще никаких

ких чувств. Но, видимо, что-то было в его взгляде, поскольку она воскликнула:

— Ради Бога, Билли, не смотри на меня так! Я этого не вынесу!

Он почувствовал, как внутри него рождается улыбка, словно утопленник, всплывающий на поверхность спокойного озера. Кажется, выглядела она нормально, потому что Хейди ответила робкой улыбкой. По щекам ее потекли слезы.

Тебе, Хейди, всегда ничего не стоило заплакать, подумал он.

Она стала спускаться по ступенькам. Билли бросил свою сумку и направился к ней.

— Что там можно поесть? — спросил он. — Я проголодался.

Она подала ему большой ужин: бифштекс, салат, печеная картошка, бобы и черника в сливках на десерт. Билли съел все без остатка. Хотя она ни слова не сказала, каждый ее жест, каждое движение, любой взгляд говорили об одном: *Дай мне еще один шанс, Билли. Умоляю. Всего лишь второй шанс*. В чем-то это показалось ему весьма забавным. Забавным — с точки зрения старого цыгана. Она перешла от отрицания какой-либо вины к принятию на себя вины за все.

Мало-помалу, по мере приближения к полуночи, он почувствовал в ее жестах и движениях кое-что еще: облегчение. Она ощущала себя прощеной. Билли это вполне устраивало, потому что Хейди, решившая, что она прощена, — было как раз то, что нужно.

Она сидела напротив него, наблюдая, как он ест, иногда касаясь пальцами его истощенного лица и закуривая одну сигарету за другой. А он рассказывал ей, как гонялся за цыганами на побережье. О том, что получил фотографии от Кирка Пенсли. И о том, как настиг их в Бар-Харборе.

В этом месте правда и Билли Халлек разошлись в разные стороны. Он сказал Хейди, что драматическое противостояние, на которое он надеялся и которого так опасался, состоялось. Для начала старый цыган посмеялся над ним. Они все смеялись. «Если бы я проклял тебя, ты был бы сейчас глубоко под землей», — сказал ему старый цыган. — Ты думаешь, что мы — колдуны. Все белые люди из города считают нас колдунами. Но если бы мы были ими, разве разъезжали бы в старых драндупетах, не находя себе места? Если бы мы были магами, спали бы мы на полях? Нет, белый человек из города, это не маги, это всего лишь бродячая труппа. Мы имеем дело с толстосумами, у которых денег некуда девать, а потом едем себе дальше. А теперь убирайся отсюда, пока я не приказал тебе вытолкнуть этим молодым ребятам. Они знают проклятие, которое называется «проклятием бронзового кастета».

— Они так тебя и называли — белым человеком из города?
Он улыбнулся ей.

— Да. Именно так и называли.

Он рассказал Хейди, что вернулся в свой номер в отеле и просто оставался там последующие два дня, пребывая в столь глубокой депрессии, что едва прикасался к еде. На третий день, как раз три дня тому назад, он встал на весы в ванной и обнаружил, что прибавил в весе на три фунта. И это несмотря на то, что очень мало сл в последнее время.

— Потом я все обдумал и понял, что такое явление не менее странно, чем, скажем, обжорство, сопровождаемое потерей веса, — продолжал он. — Когда эта идея овладела мной, я вдруг начал выкарабкиваться из той психической щели, куда сам себя загнал. Провел еще день в мотеле, наверное, в самых напряженных раздумьях о моей жизни. До меня начало доходить, что в итоге в клинике Глассмана врачи были правы. Даже Майкл Хустон, при всей моей антипатии к этому прохвосту, в чем-то оказался прав.

— Билли. — Она потрогала его руку.

— Ничего, ладно. Я не собираюсь бить его по морде, когда встречу. — *Скорее всего даже угощу пирогом*, подумал Билли и засмеялся.

— Поделишься шуткой? — спросила она с недоумевающей улыбкой.

— Да так, ерунда, — сказал он. — Короче, проблема состояла в том, что Хустон, те врачи из клиники Глассмана и даже ты, Хейди, пытались затолкать мне эту идею в глотку, насищенно напичкать меня правдой. А я должен был сам до этого дойти, своим умом, понимаешь. Тут срабатывали и комплекс вины, я думаю, и сочетание параноидальных иллюзий, и самообман. Но в итоге, Хейди, я тоже оказался в чем-то прав. Пусть мои доводы были ошибочны, но в чем-то я был прав. Я говорил, что должен был снова повидаться с ним. Именно это и сработало. Хотя, по правде, и не так, как я ожидал. Он оказался поменьше ростом, чем я его помнил, носил дешевенькие часы «Таймекс», говорил с бруклинским акцентом. Такие мелочи, знаешь, более всего подействовали на разрушение заблуждений и фантазий. Все равно что услышать, как Тони Кертис говорит в том фильме об арабской империи: «А тутечки дварец мово папеньки». В итоге я позвонил и...

Часы на туалетном столике начали музикально отбивать время.

— Ладно. Уже полночь, — сказал он. — Пошли спать. Я помогу тебе убрать посуду.

— Нет, нет, я сама, — сказала она и вдруг обняла его. — Я так рада, что ты вернулся, Билли. Отправляйся наверх. Ты, должно быть, так утомился.

— Я в порядке, — ответил он. — Просто...

Он вдруг щелкнул пальцами с видом человека, вспомнившего кое-что.

— Чуть не позабыл! Я там в машине оставил одну штуку.

— Что именно? До утра подождет?

— Да, нолучше принесу сюда. — Он улыбнулся ей. — Это для тебя.

Билли вышел с тяжело бьющимся сердцем. Уронил ключи, а когда нагнулся, чтобы их подобрать, ударился головой о корпус машины. Руки так сильно дрожали, что он никак не мог сразу попасть в замочную скважину багажника.

Что, если он все так же пульсирует вверх и вниз? — вопрошал его рассудок. *Боже всемогущий, да она же убежит с криком, когда увидит такое!*

Он раскрыл багажник и чуть сам не вскрикнул, увидев внутри лишь домкрат и запаску. Потом вспомнил, что оставил пирог на пассажирском сиденье. Захлопнул багажник и торопливо пошел к дверце. Пирог оказался на месте, а корка его была совершенно неподвижной. Как и должно быть.

Руки перестали трястись.

Хейди стояла на пороге, наблюдая за ним. Он вернулся от машины и вручил ей пирог, все еще улыбаясь. *Передаю товар*, подумал Билли. Передача товара — вот что было важным среди всего прочего. Улыбка его стала шире.

— Voila, — сказал Билли.

— О! — воскликнула она и, наклонившись, понюхала пирог. — Клубничный! Мой любимый.

— Я знаю, — подтвердил Билли с улыбкой.

— Да еще теплый! Спасибо тебе.

— Это я возле турникета в Стратфорде остановился подзаправиться и купил там, — сказал он. — В общем, решил вот такой знак мира преподнести.

— О, Билли!.. — У нее опять на глазах навернулись слезы. Ми-молетно обняла его одной рукой, балансируя на другой пирогом, как официант балансирует подносом с яствами. Когда Хейди поцеловала его, пирог качнулся, и сердце Билли на мгновение замерло.

— Осторожно! — выдохнул он и подхватил пирог, когда 408 тот начал сползать с ее ладони.

— Ой! Я такая неуклюжая, — сказала она, смеясь и утирая слезы уголком фартука, который успела надеть. — Ты принес мой любимый пирог, а я, растяпа, чуть не уронила его тебе на туф... — Она капитулировала перед волной собственных эмоций и припала к нему, всхлипывая. Он погладил рукой ее новую короткую стрижку, держа другую руку подальше от ее тела, на случай если она сделает резкое движение.

— Билли, как я рада, что ты дома, — всхлипывала она. — Обещаешь меня простить за то, что я сделала? У тебя нет ко мне ненависти?

— Обещаю, — ответил он мягко, поглаживая ее волосы. *Она права. Он все еще теплый.* — Ладно, пошли внутрь.

На кухне она положила пирог на стол и занялась мытьем посуды.

— Хочешь съесть кусочек? — предложил Билли.

— Может быть, когда закончу мытье, — ответила она. — Ты пока сам поешь.

— Ого! После такого ужина? — Билли засмеялся.

— Тебе понадобятся все калории, какие сможешь проглотить.

— В моей гостинице уже нет места, — ответил он. — Давай вытру посуду.

— Я хочу, чтобы ты шел наверх и ложился баиньки, — сказала Хейди. — Я сейчас приду.

— Ну хорошо.

Он ушел не оглядываясь, думая, что она скорее всего отрежет себе кусок, когда его там не будет. А может, и нет. Не в такой поздний час. Сегодня она захочет лечь с ним в постель. Захочет, возможно, заниматься любовью. Но он знал, как отбить у нее охоту, — ляжет в постель совершенно голым. Когда она увидит его...

— Фидл-ди-ди... Я съем пирог свой завтра, ведь завтра — новый день, — запел он, стоя под душем. Голос звучал так скверно, что Билли невольно рассмеялся. Потом он встал на весы. Посмотрелся в зеркало и увидел в нем глаза Джинелли.

Весы показали 131. Но радости от этого он не испытывал. Не испытывал вообще никаких чувств, кроме усталости. Он был ужасно переутомлен. На пути в спальню огляделся вокруг: все показалось вдруг таким чужим и незнакомым. В темноте спальни наткнулся на что-то и чуть не упал. Она переставила мебель. А также поменяла прическу, купила новую блузку, приобрела новые предметы мебели — пусть по мелочи. И это только начало странных перемен, произошедших в его отсутствие. Здесь тоже происходил какой-то процесс, словно и на Хейди легло некое проклятие,

только в гораздо более деликатной форме. Глупая идея? Билли так не думал. Линда почувствовала странные перемены и сбежала.

Он медленно начал раздеваться.

Потом лежал в постели, ожидая ее прихода. Прислушивался к слабым звукам, доносившимся снизу. Они были настолько знакомы, что красноречиво говорили о происходящем. Скрипнула дверца левого шкафчика, где лежали десертные блюдца. Загремел выдвижной ящичек, зазвенели приборы, когда она выбирала нож.

Билли смотрел во мрак, сердце тяжко стучало в груди.

Ее шаги, пересекающие кухню. Она направлялась к столу, на котором лежал пирог. По пути скрипнула половица посередине, как всегда на протяжении нескольких лет.

Что он с ней делает? Сделает ее тощей? Кэри превратился в некое животное, из шкуры которого можно делать портфели или туфли после его смерти. Превратил Хопли в живую пиццу. А с ней что сделает?

Снова скрипнула средняя половица, когда Хейди пересекала кухню в обратном направлении. Он видел мысленно, как она несет тарелку в правой руке, сигареты и спички — в левой. Видел кусок пирога, клубнику в темном красном соусе.

Ожидал услышать скрип двери в гостиную, но его не последовало. Это его не удивило. Она стояла у окна, смотрела в ночь и ела пирог.

Кажется, даже слышал, как царапает вилка по тарелочке. Халлек смутно осознал, что его куда-то уносит.

Засыпает? Нет, это невозможно. Невозможно засыпать, когда совершаешь убийство.

Тем не менее он засыпал. Одновременно еще слышал, как снова скрипнула половица, когда она направилась к раковине. Полилась вода из крана. Потом — звуки ее хождения по дому: гасит свет, устанавливает температуру на термостате, проверяет запоры и сигнализацию от грабителей — обычный ритуал белых людей этого города.

Он лежал в постели, слушая скрип половиц, а потом оказался за своим письменным столом в городке штата Аризона, где практиковал юридические дела последние шесть лет. Все оказалось просто. Он жил там со своей дочкой и зарабатывал достаточно, чтобы прокормиться. Жили без роскоши и излишеств.

Ушли давно те времена, когда он владел виллой с двумя гаражами, платил налоги на недвижимость в размере двадцати пяти тысяч в год, имел три выходных в неделю. Все стало воспо-

минаниями, и он, кажется, не тосковал по прежним дням. Лин тоже не тосковала по ним. Он был юристом в своем городке, а иногда обслуживал города Юма и Финикс, хотя и редко. Линда на будущий год пойдет учиться в колледж, а потом, возможно, вернется. Но Билли говорил ей, что не стоит возвращаться. С одиночеством он как-нибудь сумеет справиться.

Жили они хорошо, душа в душу. Самое главное — устроить свою жизнь хорошо.

В дверь его кабинета постучали. Он отодвинулся от письменного стола, обернулся и увидел Линду. Только у нее не стало носа. Нет, нос был, но она держала его в правой руке. Из темной дыры на ее лице лилась кровь, заливая ей рот.

Я не понимаю, папа, сказала она гнусаво. Он просто взял и отвалился.

Билли проснулся, сильно вздрогнув, замахал руками, отгоняя страшное видение. Возле него Хейди заворчала во сне, повернулась на другой бок и натянула покрывало на голову.

Понемногу реальность вернулась. Он был снова в Фэйрвью. Яркое утреннее солнце светило в окна. Посмотрел через комнату на часы, стоявшие на тумбочке, — 6.25. Рядом с часами в вазе — алые розы.

Халлик встал с постели, снял халат с крючка и отправился в ванную. Включил душ, повесил халат на крюк, заметив, что Хейди приобрела себе новый голубой халат, встал на весы. Еще один фунт прибавил в весе. Потом — под душ, долго, тщательно мылся, отмывая как следует каждую частицу своего тела. *Буду теперь следить за своим весом, пообещал себе. После того как ее не станет, буду поддерживать себя в форме. Жиреть больше никогда не буду.*

Вытерся полотенцем, надел свой халат и остановился перед дверью, разглядывая новый голубой халат Хейди. Пощупал его мягкий искусственный материал. Халат был новым, но выглядел почему-то знакомо.

Наверное, она купила себе такой же, какой у нее когда-то был, подумал он. Людская изобретательность имеет пределы. В конце концов начинаем повторяться. А потом зацикливаемся на старине.

Хустон заговорил в его сознании: *Это те, кто ничего не боится, умирают молодыми.*

Хейди: *Ради Бога, Билли, не смотри на меня так! Я этого не вынесу!*

Леда: *Он выглядит теперь как аллигатор... как нечто вылезшее из болота в человеческом одеянии.*

Хопли: Ты бродишь тут, думая, что, может быть, на этот раз хотя бы победит правосудие... один миг правосудия за всю жизнь, полную несправедливостей.

Билли пощупал еще раз голубой нейлон, и вдруг в голове возникла страшная мысль. Вспомнил сразу свой сон. Линда в дверях кабинета. Кровоточащая дырка на лице. Этот халат... Он не потому выглядел знакомо, что Хейди когда-то имела такой. Он узнал его, потому что Линда появилась именно в таком.

Билли повернулся и выдвинул ящик тумбочки справа от умывальника. Там лежала гребенка с надписью **ЛИНДА** на ручке. Черные волосы запутались в зубцах.

Словно во сне он побрел к ее комнате.

Бродячий бизнес всегда готов уладить такие дела, мой друг... для этого он и существует.

Мудак, Уильям, это человек, который не верит тому, что видит.

Билли Халлек открыл дверь в конце коридора и увидел свою дочь. Линда спала в своей постели, закрыв лицо одной рукой. В другой держала любимую игрушку — медвежонка Амоса.

Нет. О нет. Нет, нет!

Он вцепился в дверную раму, раскачиваясь, словно в полуслучае. Нет, он был кем угодно, только не мудаком, потому что увидел все: ее одежду на спинке кресла, распахнутый настежь чемодан, из которого вывалились ее вещички — джинсы, шорты, блузки, белье. На ручке чемодана этикетка автобусов «Грейхаунд». Увидел и понял еще кое-что. Когда он входил в спальню, роз не было. Линда привезла их матери в знак примирения. Она прибыла пораньше, чтобы помириться с матерью до его приезда.

Старый цыган с гниющим носом: Тебя не за что винить, говоришь. Ты себе это повторяешь, но толчка не бывает, белый человек из города. Все расплачиваются, даже за те вещи, которых не совершили. Нет толчка судьбы.

Билл повернулся и побежал к лестнице. Ужас делал ноги непослушными, его шатало из стороны в сторону.

Нет, не Линда! — вопил его разум. Не Линда! Господи, пожалуйста, — только не она!

Каждый расплачивается, белый человек из города, — даже за то, чего не совершал. Потому что в этом все дело.

То, что осталось от пирога, стояло на столе, накрытое салфеткой.

Четверть пирога отсутствовала. На столе он увидел сумочку Линды, украшенную пуговицами с изображением звезд рока.

Он подошел к раковине.

Две тарелочки.

Две вилки.

Они сидели здесь, ели пирог и помирились, подумал он. Когда? Сразу, как только я заснул? Должно быть, так.

Халлек услышал смех старого цыгана, и колени его подкосились. Ухватился за стол, чтобы не свалиться.

Когда силы вернулись к нему, он повернулся и пересек кухню. Скрипнула средняя половица.

Пирог снова пульсировал — вверх и вниз, вверх и вниз. От его мерзкой теплоты запотела прозрачная салфетка. Он расслышал слабый хлюпающий звук.

Билли открыл шкафчик, вытащил десертную тарелку, взял нож и вилку.

— Почему бы и нет? — прошептал он и снял полиэтиленовую салфетку с пирога. Теперь пирог стал неподвижен: просто аппетитный пирог с клубникой.

Как сказала Хейди, ему нужны все калории, какие он сможет проглотить.

— Наедайся как следует, — прошептал Билли Халлек и отрезал себе большой кусок цыганского пирога.

Содержание

Бегущий человек	5
Худеющий	189

**Изключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

16+

**Кинг Стивен
(Бахман Ричард)**

**Бегущий человек
Худеющий**

**Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор О.В. Панкрашина**

**Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

**Подписано в печать 13.09.17. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 4000 экз. Заказ № 6559.**

**ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru**

E-mail: neoclassic@ast.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО

**129085, г. Мәскеу, Жүлдөздөй гүлзар, д. 21, 1 күрүлым, 39 белмек
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru**

**Казахстан Республикасында дистрибутор
және еним бойынша арыз-талаптарды кабылдаушының
екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-я, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmt.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.**

**Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылған**

**Отпечатано в ОАО «Макайской полиграфический комбинат».
143200, г. Макай, ул. Мира, 93.
www.oaoompk.ru, www.oaoompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685**

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем. Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

...Хотите заработать?! Отлично! Тогда примите участие в игре «Бегущий человек» — в шоу современных гладиаторов, где слабые просто не доживаю до финала...

...Довольный жизнью адвокат из маленького городка сбил машиной старуху из цыганского табора — и не понес наказания за содеянное. Тогда «цыганский барон» покарал его сам — и покарал так, что смерть в сравнении с этим проклятием была бы милостью...

Романы, вошедшие в этот том, объединяет то, что все они — части колоссальной литературной мистификации Кинга, приписавшего их творческому наследию якобы «непризнанного при жизни» и «случайно открытого им» гениального писателя Ричарда Бахмана...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-080450-4

9 785170 804504